B-57

Библіотека Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО
Шкафъ XI полка 2 № 31

В-57

ГОСУДАРСТВО
И
НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ

ВЪ РОССІИ XVIII-го ВѢКА.

1402

СОЧИНЕНІЕ
М. Владимірскаго—Буданова.

ЧАСТЬ I-я.

система профессіональнаго образованія
(отъ Петра I до Екатерины II).

Лен. Гос. Ун-т
НАУЧНАЯ БИБЛІОТЕКА
им. Горького

БИБЛІОТЕКА
О-ва для достав. средствъ
В. Ж. КУРСАМЪ.

230-1/8.и

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типографія Г. В. Фалькъ.
1874.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
23-го января 1874 г.

Директоръ *М. Капустинъ*.

Настоящій трудъ есть одна изъ частей *исторіи права образованія въ Россіи*. Предметъ такой исторіи составляютъ слѣдующіе вопросы: какіе органы государства въ разныя времена вѣдали народное образованіе, какія цѣли имѣло государство въ своихъ мѣрахъ по народному образованію, наконецъ какими способами государство думало распространить образованіе въ народѣ. Исторія каждой эпохи каждаго государства даетъ различные отвѣты на каждый изъ этихъ трехъ вопросовъ,—отвѣты, весьма характерные для самаго понятія о государствѣ въ ту или другую эпоху. Мы думаемъ, что на избранномъ нами частномъ вопросѣ довольно ясно обрисовываются существенныя черты русскаго государства въ XVIII вѣкѣ, т. е. какъ организаціи его, такъ и отправленій.

Русская до-петровская эпоха представляетъ въ исторіи права образованія *господство элементарной системы образованія*. Въ этомъ ея достоинства и недостатки. Образованіе вѣдаетъ низшій органъ государства—*приходская община*, которая отнюдь не есть учрежденіе только церковное. Образованіе, распространяемое въ приходахъ, есть простая грамотность. Для цѣлаго государства такое образованіе было весьма недостаточно; однако признать его ничтожнымъ нельзя. Грамотность не есть цѣль элементарнаго образованія, а средство его; поэтому нельзя признать, что грамотность сама по себѣ не имѣетъ никакой цѣны и достоинства, какъ думаетъ Штейнъ. При изученіи грамотности и вмѣстѣ съ ней начинается тотъ процессъ умственнаго и нравственнаго возвышенія, цѣль котораго, поставленная въ старыхъ приходскихъ школахъ, есть «людскость». Понятіе «людскость» (Humanität) заключаетъ въ себѣ цѣль всякаго общаго человѣческаго образованія, въ противоположность профессіональному ремесленному. Поэтому въ приходскихъ школахъ какъ учебники грамотности и книги для чтенія, такъ и школьная дисциплина направляемы были къ этой цѣли. Школа не считала воспитанія чуждымъ для себя и не предоставляла его исключительно семьѣ; такимъ образомъ содержаніе элементарнаго образованія составляютъ (по выраженію одного школьнаго устава XVII в.) «науки и добродѣтели». Эта черта элементарнаго

образованія свойственна не ему одному; она раздѣляется всѣми формами общаго образованія (среднею и высшею); достоинство собственно до-петровской системы элементарнаго образованія заключается въ его всеобщности: школа была столь же неизбѣжною принадлежностью прихода, какъ церковь; образованіе и религіозное просвѣщеніе признаны равносильными задачами государственной и церковной жизни, и это не только въ южной Россіи (Малороссіи), но и въ Московскомъ государствѣ. Вмѣстѣ съ этимъ, образованіе было равнымъ для лицъ всѣхъ состояній,—черта важная для характеристики соціальнаго строя въ до-петровской Руси. Общины не могли сдѣлать образованія обязательнымъ; онѣ давали родителямъ только средства и условія для образованія дѣтей. Общее образованіе никогда не можетъ обратиться въ государственную повинность, тогда какъ, напротивъ, профессіональное образованіе всегда склонно къ этому. Средства, доставляемыя общинами для распространенія образованія состоятъ въ пріисканіи и содержаніи учителей. Здѣсь темная сторона системы исключительно элементарнаго, приходскаго образованія. Учителя приготовляются въ тѣхъ же самыхъ приходскихъ школахъ. Сумма знаній, обращающихся въ обществѣ, не возвышается въ теченіи вѣковъ: поколѣнія смѣняются, не возвышаясь одно надъ другимъ; равенство, столь важное въ соціальномъ отношеніи, становится оковами для духовной природы человѣка. Слабымъ средствомъ противъ этого было «странствованіе учителей» по разнымъ школамъ; немного новыхъ свѣдѣній могли найти «странствующіе» («мандрованные»), когда повсюду въ восточной и западной Россіи образованіе стояло на одинаковомъ уровнѣ. Это средство годилось только для предотвращенія застоя образованія въ одной общинѣ [1]).

Для уничтоженія такого капитальнаго зла требовалось, чтобы за дѣло народнаго образованія взялся какой-либо другой органъ государства, высшій приходскихъ общинъ. Для возвышенія образованія требуется нарушить его равенство.

[1]) См. разъясненіе и доказательства представленныхъ здѣсь положеній о приходскомъ образованіи въ нашей статьѣ: «Государство и народное образованіе въ Россіи въ XVII в.» (Журн. Мин. Нар. Просв. 1873 г. окт. и ноябрь).

III.

Такимъ высшимъ органомъ являются *корпораціи* (братства); органы растутъ въ государствѣ по мѣрѣ возникновенія потребностей; корпораціи обязаны своимъ существованіемъ сознанной потребности возвысить уровень народнаго образованія. Возникая среди самыхъ приходовъ («приходскія братства»), онѣ обнимаютъ потомъ нѣсколько приходовъ, далѣе становятся общегородскими, наконецъ земскими. Онѣ замѣняютъ такимъ образомъ собою земства, еще не призванныя къ жизни. По роковому началу противоположности между распространенностью образованія и его уровнемъ, братства открываютъ борьбу съ приходскими общинами за право образованія, желая сосредоточить его въ своихъ школахъ. Впрочемъ образованіе, распространяемое корпораціями, отнюдь не есть какое-либо новое, противоположное элементарному; оно есть то-же общее образованіе, только во второй, болѣе высокой формѣ его,—*образованіе среднее*. Оно естественно и съ незамѣтною постепенностью, возникаетъ изъ элементарнаго. Существеннымъ отличіемъ его отъ этого послѣдняго служатъ его общечеловѣческія основы, которыя во внѣшней формѣ обнаруживаются введеніемъ иностранныхъ, преимущественно классическихъ, языковъ въ обученіе. И это совершенно необходимо; потому что только черезъ языкъ усвояются понятія и знанія другой высшей цивилизаціи. Только чрезъ это общеніе съ другими народами можетъ возвыситься, притти въ движеніе застоявшійся уровень національнаго образованія. Но цѣль образованія при этомъ нимало не измѣняется; это—та же «людскость», для всѣхъ равно значительная и необходимая; отъ этого братское образованіе есть всесословное и свободное. Средства, употребляемыя братствами для распространенія его, состоятъ въ одномъ учрежденіи школъ; система этихъ школъ представляетъ лѣстницу, постепенно возвышающагося образованія отъ элементарной его формы до границъ высшаго; къ послѣднему приближаются училища: кіевское, львовское и виленское. Возвышая образованіе, при пособіи старѣйшихъ націй, братства должны были или заимствовать учителей у этихъ послѣднихъ, или посылать къ нимъ своихъ для образованія; первый способъ практиковался лишь относительно Греціи, второй—относительно Германіи и Италіи. Неумѣренность въ употребленіи послѣдняго способа, при-

вела въ XVII в. къ искаженію національнаго образованія, что́ въ кіевской школѣ совершено дѣятельностію Петра Могилы, когда русскія училища копируютъ уставы и принимаютъ характеръ іезуитскихъ коллегіумовъ. Во всякомъ случаѣ поворотный пунктъ въ исторіи русскаго образованія (къ общечеловѣческой его формѣ) должно отнести не къ реформѣ Петра В., а къ концу XVI в., къ дѣятельности братствъ; отсюда почерпала реформаторская дѣятельность Петра В. всѣ средства и условія успѣха.

Дѣятельность корпорацій относится преимущественно къ Литовско-русскому государству (которое, однако, есть русское и не можетъ быть устраняемо изъ исторіи права образованія въ Россіи); но и въ Московскомъ государствѣ есть довольно ясные слѣды корпорацій съ цѣлями народнаго образованія (въ Андреевскомъ братствѣ Ртищева, въ дѣятельности Іоанна-Богословскаго прихода въ Москвѣ); однако здѣсь *правительство* тотчасъ овладѣваетъ задачами корпорацій и беретъ (въ концѣ XVII в.) дѣло образованія въ свои руки. Здѣсь подъ правительствомъ разумѣется двойственная власть церковно-государственная; эта власть совершенно ясно сознала, что народное образованіе есть одна изъ существенныхъ задачъ ея дѣятельности и выразила это въ привилегіи Московской академіи. Какъ же понимала она эту задачу? Образованіе, какъ цѣль правительственныхъ заботъ, есть «мудрость», т. е. *высшее общее образованіе*, которое, по схемѣ Крыжанича и привилегіи Московской академіи, состоитъ въ полномъ развитіи человѣческихъ силъ и способностей, въ томъ, что составляетъ «едино на потребу», къ которому все приложится. Зная, что источникъ благосостоянія церковнаго и государственнаго есть мудрость, «ни о чесомъ же, говоритъ правительство, тако тщаніе сотворяемъ, якоже о изобрѣтеніи премудрости, съ неюже вся благая отъ Бога людемъ дарствуются». Ни къ какой другой сторонней цѣли государство не направляетъ этой мудрости; она сама себѣ составляетъ цѣль и высочайшую, чистѣйшую задачу государства. Средствами для достиженія этой мудрости правительство признаетъ слѣдующую систему наукъ: «благоволимъ храмы чиномъ академіи устроити и во оныхъ хощемъ сѣмена мудрости, т. е. науки гражданскія и духовныя, наченше отъ грам-

матики, піитики, риторики, діалектики и философіи разумительной, естественной и правной, даже до богословіи, учащей вещей божественныхъ и совѣсти очищенія постановити». Крыжаничъ уясняетъ эту систему; по его схемѣ знаніе (scientia) раздѣляется на духовное и мірское; первое есть богословіе; второе состоитъ изъ трехъ составныхъ частей: наукъ прикладныхъ («механики»), математики и философіи. Послѣдняя (согласно съ привилегіею московской академіи) опредѣляется какъ логика, физика и этика. Первая заключаетъ въ себѣ всю филологическую часть человѣческаго вѣдѣнія (грамматику, риторику съ піитикою и діалектику). Вторая («философія естественная») заключаетъ всѣ науки естественныя. Третья («философія правная») заключаетъ въ себѣ юридическія, экономическія и соціальныя науки, вѣнецъ которыхъ составляетъ политика—«царственная мудрость». Такимъ образомъ въ понятіи о единой философіи заключается зародышъ факультетскаго раздѣленія образованія, которое, однако, не лишается чрезъ то значенія общаго образованія; оно существенно едино, какъ тройственное проявленіе единой мудрости.

И такъ и на этой высшей ступени цѣль образованія остается тою же; мудрость есть высшая форма людскости. Образованіе также открыто для всѣхъ сословій и свободно.

Изъ этого видно, что хотя до-петровская система образованія въ главномъ была только элементарною, но въ рукахъ корпораціи возвышалась уже до средняго, а въ рукахъ правительства до высшаго образованія. На всѣхъ ступеняхъ оно оставалось *общимъ*.

Не таковъ былъ ходъ развитія образованія и органовъ, вѣдающихъ его, въ Западной Европѣ. Въ рукахъ родовъ (дворянскихъ домовъ) и *сословій* (рыцарскаго и бюргерскаго) оно получило *сословно-профессіональный* характеръ: его цѣль не въ немъ самомъ, а въ потребностяхъ сословія; оно дѣлается обязательнымъ для членовъ сословія и недоступнымъ для лицъ другихъ сословій. Съ XVI в. государство начинаетъ бороться съ этимъ опаснымъ для него и для общества направленіемъ образованія. Оно основываетъ свои школы всесословныя и съ свободнымъ доступомъ въ нихъ; государство регулируетъ богатый матеріалъ, приготовленный

ему сословіями. Благодаря дѣятельности богатыхъ сословій образованіе на вершинахъ общества достигаетъ блестящаго разцвѣта, предъ которымъ блѣднѣютъ слабые начатки русскаго образованія.

Петру 1-му предстояло или итти далѣе по пути, начатому до него въ Россіи, или, для практическихъ нуждъ государства, усвоить профессіонально-сословный типъ образованія (уже признанный вреднымъ въ западной Европѣ, но еще не существовавшій у насъ). Онъ пошелъ по второму пути. Система образованія, господствующая отъ Петра до Екатерины, профессіональная. Органы, вѣдающіе его, по обязанности суть сословія, которыя и организуются подъ вліяніемъ законовъ объ образованіи; образованіе теряетъ свое единство, такъ какъ и цѣлію государственной дѣятельности признается не образованіе человѣчное, а государственная служба; оно дѣлается для населенія государственною повинностью. Школа уже не есть единственный способъ распространенія образованія: оно распространяется посредствомъ служебной практики. Общее образованіе, даже элементарное, изчезаетъ. Однако попытки распространять элементарное образованіе были, какъ для господствующаго населенія, такъ и для инородцевъ; послѣдніе были даже счастливѣе господствующей націи. Такъ какъ общее, хотя бы и элементарное, образованіе не мирится съ профессіональною системою, то мы, въ видѣ отступленія отъ главной системы, въ двухъ первыхъ главахъ нашего изслѣдованія излагаемъ судьбу правительственныхъ мѣръ по развитію элементарнаго образованія; затѣмъ остальныя главы посвящены господствующей системѣ. Начала общаго образованія, проявляющіяся въ учрежденіи академическаго (петербургскаго) и московскаго университетовъ войдутъ во 2-ю часть нашего труда, посвященную системѣ общаго образованія (средняго) въ эпоху Екатерины В.

Мы далеки отъ мысли представить полную картину профессіональной системы; нашею задачею было уяснить основныя ея начала, отражающіяся столь многими послѣдствіями на образованіи нынѣ живущихъ поколѣній русскаго общества.

ЭЛЕМЕНТАРНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ.

Глава I. Отношеніе государства XVIII в. къ старой системѣ элементарнаго образованія и новая система. Причины невниманія къ успѣхамъ элементарнаго народнаго образованія. Упадокъ приходскихъ школъ. Проэкты реформъ приходскаго образованія. Математическое элементарное образованіе. Его обязательность. Классы, обязанные пріобрѣтать его. Округъ ариѳметической школы, число школъ и учениковъ. Содержаніе школъ. Учителя. Управленіе цыфирнымъ образованіемъ.

Государство до XVIII в. заботилось (въ своихъ писпихъ органахъ) преимущественно объ элементариомъ образованіи [1]); государство въ первой половинѣ XVIII в. выпускаетъ изъ своего вниманія именно элементарное народное образованіе. Исторія убѣждаетъ насъ, что распространеніе средняго и высшаго образованія долго находится въ обратно-пропорціональномъ отношеніи къ распространенію элементарнаго народнаго образованія. Нескоро человѣческія общества приходятъ къ тому состоянію, при которомъ высшее образованіе одного лица, находящагося въ исключительно благопріятныхъ условіяхъ, не мѣшаетъ общему, хотя и писшему образованію остальныхъ; въ предшествующіе вѣка трудъ многихъ лицъ, трудъ, не оставляющій имъ никакого досуга и почти никакихъ средствъ для пріобрѣтенія самаго писшаго образованія, нуженъ былъ для того, чтобы какое-либо одно счастливое лицо пріобрѣло досугъ и средства для усвоенія себѣ

[1]) См. о старой системѣ приходскаго образованія наше изслѣдованіе въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1873 г., окт. и нояб.

высшаго образованія. Несомнѣнно, что роскошный цвѣтъ образованія классическихъ народовъ есть результатъ соціальнаго строя ихъ, основаннаго на рабскомъ трудѣ, что блестящіе хотя и безплодные лепестки средневѣковаго образованія, при крайнемъ невѣжествѣ массъ, Запада Европы есть одинъ изъ результатовъ феодальной власти владѣльцевъ надъ сельскимъ населеніемъ и промышленной торговой монополіи городскихъ общинъ; чѣмъ выше неравенство экономическихъ условій, тѣмъ выше неравенство образованія на обоихъ крайнихъ предѣлахъ общества т. е. тѣмъ оно болѣе блестяще вверху, тѣмъ оно ничтожнѣе внизу. Мало по малу этотъ печальный фактъ стремится перейти въ юридическую норму: владѣющіе классы стремятся утвердить мысль, что низшіе слои населенія *не должны* пріобрѣтать образованія, что оно въ рукахъ человѣка непмущаго есть огонь въ рукахъ дитяти.

Эта зависимость распредѣленія образованія въ обществѣ отъ экономическихъ условій и отъ соціальнаго строя, еще не миновавшая и теперь, и сильно озабочивающая какъ государственныхъ людей такъ и науку о государствѣ, проявлялась несомнѣнно въ наименьшей мѣрѣ въ старомъ русскомъ обществѣ. Но и тогда въ тѣхъ частяхъ Руси, которыя были соединены съ Польшею, съ утвержденіемъ на прочныхъ правахъ богатыхъ частныхъ владѣній и промышленной монополіи городскихъ общинъ, тотчасъ возникаютъ начатки средняго и потомъ высшаго образованія. Чтобы пріобрѣсти для этого средства, городскія общины (братства) идутъ противъ приходскихъ общинъ въ предмѣстьяхъ и закрываютъ приходскія школы.

Но едва ли эта борьба средняго образованія съ элементарнымъ достигла бы столь рѣшительнаго напряженія и такихъ результатовъ, какіе мы находимъ въ XVIII в., если бы она (борьба) основывалась на одной естественной конкуренціи. Общеобразовательный характеръ среднихъ школъ, всесословный доступъ къ нимъ способны были дать этой борьбѣ другой болѣе благопріятный исходъ: она не убила бы элементарныхъ школъ, а по мѣстамъ подняла бы даже уровень элементарнаго образованія; извѣстно, что приходскія школы начали получать учителей изъ среднихъ училищъ съ знаніями несравненно высшими тѣхъ, какими об-

ладали учителя, сами образовавшіеся въ приходскихъ школахъ. Здѣсь конкурировали между собою лишь общины и корпораціи болѣе значительныя съ менѣе значительными; здѣсь вопросъ шелъ о степеняхъ лишь одного и того же образованія.

Но дѣло получаетъ совершенно иной оборотъ, когда соперничество этихъ общественныхъ группъ переходитъ въ соперничество сословій, а конкуренція элементарнаго образованія съ среднимъ въ конкуренцію общаго образованія съ профессіональнымъ. Тогда естественно и въ русскомъ обществѣ наступаетъ принципъ существенно средневѣковой: человѣкъ, не принадлежащій къ извѣстному сословію, не можетъ пользоваться образованіемъ свойственнымъ этому сословію и наоборотъ человѣкъ, не получившій образованія, свойственнаго сословію, не можетъ принадлежать къ нему. Такъ какъ элементарное образованіе не ведетъ ни къ какой профессіи и такъ какъ низшіе классы народа не несутъ никакой спеціальной службы, то *элементарное образованіе становится неумѣстнымъ въ этой системѣ*; всѣ болѣе состоятельные члены общинъ обязательно изъемлются изъ круга дѣйствія элементарнаго образованія; всѣмъ несостоятельнымъ членамъ общинъ предоставляется голая возможность получать его; оно лишь терпимо.

Но такъ какъ сословное направленіе государственнаго строя дѣйствуетъ разрушительно на общинный строй, и общины естественно падаютъ, то и этою голою возможностію невоспрещеннаго образованія воспользоваться не кому. Элементарное образованіе изъ общиннаго переходитъ постепенно въ частное и теряетъ свое внутреннее достоинство. Такъ объясняется его упадокъ.

Когда потомъ во 2-й половинѣ XVIII в. правительство снимаетъ съ образованія сословно служебный характеръ и стремится пропагандировать общее образованіе, то слѣдуетъ ожидать, что оно отнесется иначе и къ элементарному образованію, что оно будетъ покровительствовать ему; дѣйствительно такъ и было; но правительство пропагандировало уже образованіе, основанное на другихъ началахъ; оно съ негодованіемъ отвернулось отъ искаженныхъ остатковъ приходскаго образованія. Это послѣднее воспрещается уже положительно,

не пользуется терпимостію въ государствѣ. Такъ объясняется его паденіе.

Так. обр. въ 1-ю пол. XVIII в. принимаются косвенныя мѣры противъ него: въ 2-ю прямыя; мы можемъ здѣсь коснуться этихъ мѣръ лишь вскользь, такъ какъ для подробнаго разсмотрѣнія ихъ предстоитъ мѣсто въ остальныхъ частяхъ нашего изложенія.

Косвенныя мѣры первой первой эпохи состояли собственно въ измѣненіи состава народныхъ учителей. Сюда относятся прежде всего узаконенія о томъ, что мѣста священно-церковно-служителей замѣщаются людьми, получившими спеціальное образованіе. Община теряетъ мало по малу право избирать лицъ своего причта; право это переходитъ къ церковнымъ административнымъ властямъ, Повидимому это должно бы содѣйствовать возвышенію элементарнаго образованія, а не упадку его. Приходская община перестаетъ существовать, потерявши послѣднюю свою функцію. Органъ, лишенный отправленій, сохнетъ. Въ силу этого и образованіе перестаетъ быть общиннымъ; обученіемъ занимаются тѣже дьячки, но уже какъ частныя лица.

Но что же изъ этого? Развѣ не все равно—будетъ ли учитель-дьякъ избранный и получающій содержаніе отъ общины, или онъ же будетъ учить, какъ частное лицо, будетъ ли онъ «громадьскый наймитъ» (наемный рабочій общины), или «латынникъ», какъ ругали другъ друга эти противоположные типы приходскаго духовенства? Въ послѣднемъ случаѣ священникъ, или дьячекъ образованный будетъ вести дѣло образованія лучше-и только. Но не такъ вышло на самомъ дѣлѣ. Общины потеряли довѣріе къ лицамъ не ими избраннымъ. «Какъ бы ни были не состоятельны учителя, говоритъ г. Сухомлиновъ, они выбирались самимъ народомъ и дурно ли, хорошо ли вели свое дѣло—были въ ладу съ средою, въ которой жили и учили, и пользовались ея довѣріемъ. Извѣстно что въ Малороссіи (и не въ одной Малороссіи) прихожане сами избирали себѣ священниковъ и церковниковъ, и упорно отстаивали права свои въ этомъ отношеніи передъ епархіальнымъ начальствомъ» (1). Одною этою ревностію къ поддержа

(1) Училища и народное образованіе въ Черниг. губ. (Ж. М. Н. Пр. январь 1864 г.) Сухомлинова.

нію своихъ правъ трудно объяснить еще недовѣріе къ новому духовенству. Окончательный разрывъ сдѣланъ тѣмъ характеромъ образованія, которое получало духовенство въ спеціальныхъ школахъ. «Какъ ни рѣдки были эти мужи учительные, какъ они не гордились своею ученостію, имъ весьма трудно было конкурировать съ псалтырниками. Не одни простые люди не уважали ихъ учености, —объ нихъ съ желчью и сарказмомъ отзывался напр. такой знаменитый поборникъ науки, какъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, называя ихъ «школярниками, латиною губы помазавшими», и ученіе ихъ «привидѣннымъ и мечтательнымъ, отъ котораго вкусивши человѣцы глупѣйшіи бываютъ неученыхъ, ибо весьма темны суще, мнятъ себѣ быти совершенны...» А между тѣмъ отъ гордости и чванства ихъ не было никому житья.... Прихожане иногда формально просили архіерея, чтобы онъ далъ имъ въ священники человѣка простаго, а не латынника, потому что латынники не спокойно живутъ. Трудно было еще доказать, кто былъ больше подготовленъ къ священно-служительству, псалтырникъ ли знавшій обыкновенно хорошо и чтеніе и пѣніе и церковный уставъ, —или латынникъ, зазубрившій только латинскія флексіи и нѣсколько вокабулъ и большею частію во все не знакомый съ дьячковскою мудростью» (1)—Повторяемъ, что съ состояніемъ спеціально-духовнаго образованія намъ еще придется познакомится ближе.

Но каково бы ни было достоинство этого образованія, все же остается вѣрнымъ, что степень сочувствія массъ къ извѣстнымъ явленіямъ соціальнаго характера должна быть необходимо принимаема мѣркою для оцѣнки пригодности административныхъ мѣръ. Здѣсь самъ собою возбуждается вопросъ: почему же прихожанамъ нужно было обращаться непремѣнно къ латынникамъ въ дѣлѣ образованія? Развѣ они не могли, помимо лжеклассическаго причта своего найти учителей сторонніхъ лицъ? Отвѣтъ на это даетъ намъ другой рядъ узаконеній, косвеннымъ образомъ дѣйствовавшихъ на упадокъ приходскаго образованія—узаконеній направленныхъ къ профессіональному сословному образованію, а именно: обязанность

(1) Знаменскій: Приходское духовен. въ Россіи со вр. реф. Петра. Казань 1873, стр. 55—56.

представлять всѣхъ дѣтей духовенства и другихъ высшихъ сословій (кромѣ купечества), годныхъ въ школы, а негодныхъ въ службу. Мѣры эти проводимы были иногда съ такою строгостью, что даже для занятія штатныхъ церковныхъ мѣстъ не было людей (какъ о томъ неоднократно заявляли епархіальные архіереи). Прежній учебный персоналъ, изъ котораго выходили учителя и который давалъ первоначально лучшій контингентъ учениковъ элементарныхъ школъ, весь отвлеченъ былъ къ среднимъ школамъ, или къ службѣ. «Школа», состоявшая прежде изъ многихъ церковниковъ разныхъ возрастовъ, среди которыхъ можно было найти всѣ оттѣнки перехода отъ учениковъ къ учителямъ, опустѣла.

Прихожане дѣйствительно стали искать учителей на сторонѣ; тогда мы встрѣчаемъ весьма пестрый, неразборчивый составъ народныхъ учителей [1]); но здѣсь ожидала ихъ опасность подвергнуться всевозможному риску и встрѣтиться не съ учителями, а лжеучителями всякаго рода. Мрачная среда противниковъ реформы окружала сельскія и даже городскія общины непроницаемою тучею. Подъ покровомъ ста-

---

[1]) Смотритель нѣжинской городской школы доноситъ: «дьячковскія школы я всѣ осмотрѣлъ; въ оныхъ обучаютъ, по старинному методу, славенскому букварю, часослову, псалтырю и писать. У соборнаго дьячка 30-ть учениковъ; у пономаря сей же церкви 7, учениць 5; у преображенскаго дьячка 8, у мѣщанина 16; у дьячихи 5, учениць 6; у богоявленскаго дьячка 22, у воздвиженскаго дьячка 11; у старовѣрскаго майстра 6, учениць 5». Всего 121 (вдвое болѣе, нежели учащихся въ офиціальномъ городскомъ училищѣ); да сверхъ того, по показанію смотрителя, «обучаютъ еще монахи, монахини и различнаго состоянія люди». Въ Ромнѣ въ офиціальной школѣ считалось 72 учащихся, а у частныхъ наставниковъ 80 изъ всѣхъ сословій: дворянъ, купцовъ, казаковъ и пр. Сверхъ того были школы при церквахъ. Обученьемъ дѣтей занимались: два дьякона, одинъ корнетъ, одинъ казакъ въ званіи поддьячка, одна вдова казачка и другіе.» Все это дѣятели старой системы элементарнаго образованія:—«всѣ оные содержатели учатъ старинным, несходным съ нашимъ методомъ, по книгамъ, называемымъ: граматки (букварь церковной печати съ частію сокращеннаго катихизиса), часословы псалтири и писать, безъ всякаго порядка въ ученіи, раздѣленія учениковъ на сорты по знаніямъ, и безъ малѣйшаго изъясненія уроковъ, отъ чего нѣкоторые изъ учениковъ ихъ, оканчивая псалтирь и продолжая писать, не разумѣютъ даже и тройныхъ складовъ, да и самые ихъ учители также искусны въ складахъ» (Училища и народное образованіе въ Черниговской губерніи. Ж. М. Н. Пр. Январь 1864).

рой традиціи въ ней скрывалась полная утрата ея. Элементарное образованіе въ рукахъ дѣятелей этой среды становилось великимъ зломъ. Въ лучшихъ случаяхъ зло это ограничивалось развитіемъ крайняго аскетизма и вражды къ семейной жизни или совершенно безполезною утратою времени за процѣссомъ овладѣванія мертвыми орудіями угасшаго образованія.

Съ такимъ зломъ трудно было бороться непопулярнымъ «латынникамъ», мы говоримъ о борьбѣ тѣмъ же оружіемъ т. е. вліяніемъ образованія. Но весьма замѣчательно, что даже попытокъ обнаруженія такого вліянія мы не видимъ въ XVIII в. и долго спустя. Духовенство, безспорно образованное уже гораздо лучше, выпустило, однако, дѣло народнаго образованія изъ своихъ рукъ.

Не въ рукахъ этого образованнаго духовенства, а въ рукахъ или неучившихся въ школахъ церковниковъ (которые все еще оставались по мѣстамъ до начала текущаго ст.), или въ рукахъ дьячковъ, выкинувшихъ вонъ изъ головы школьную мудрость, мы замѣчаемъ живучіе остатки приходскаго образованія. И такова неискоренимая сила этой живучести, что, повсюду въ XVIII в. сохранялись, хотя въ весьма жалкомъ видѣ, дьячковскія школы и потомъ въ концѣ ст. вызвали противъ себя грозныя правительственныя мѣры, уже прямо на нихъ направленныя.

Мѣра, произведшая эту грозу, относится уже ко временамъ Екатерининской Коммиссіи объ Училищахъ. Подобно тому какъ прежнія мѣры, приведшія приходское образованіе къ упадку, вызваны были соображеніями весьма раціональными, и мѣра, о которой мы теперь говоримъ, повидимому не можетъ подлежать никакому упреку; она состоитъ въ томъ, что правительство, одобривъ методъ и объемъ ученія, представленный Яковичемъ де Мирієво, хотѣло сдѣлать его обязательнымъ для всѣхъ элементарныхъ школъ. Частнымъ лицамъ воспрещается производить обученіе, если они напередъ не изучали новаго метода въ главномъ народномъ учичищѣ и не получили установленнаго свидѣтельства о дозволеніи открыть школу изъ приказа общественнаго призрѣнія, которому были подчинены всѣ народныя школы губерніи. Понятно, какъ нелегко было этимъ инвалидамъ разру-

шающихся приходскихъ школъ усвоять себѣ новые методы: изъ 19 школьныхъ приходскихъ учителей г. Тулы нашлось только двое, рискнувшихъ подчиниться этому требованію. Исполненіе его становилось сомнительнымъ: ни мѣры высшей провинціальной администраціи (губернаторовъ), ни мѣры училищнаго начальства сначала не дѣйствовали; противодѣйствіе приходскихъ школъ заставляло даже подумать о компромиссѣ съ ними, о соединеніи старой системы съ новою. Вотъ любопытное свидѣтельство объ этомъ, найденное г. Сухомлиновымъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ по открытіи нѣжинскаго училища смотритель его и городничій получили слѣдующій ордеръ:

«Высочайшая воля есть, чтобы юношество обучаемо было по вновь изданнымъ книгамъ, и на тотъ конецъ заведены народныя училища съ немалымъ изъ казны содержаніемъ. Хотя взяты были дѣти отъ дьячковъ и приведены въ училище, но пробыли тамъ одинъ день, а потомъ болѣе мѣсяца никто не являлся. Причиною тому дьячки, кои обучаютъ дѣтей по старому методу; родители же почитаютъ въ томъ только науку, что дѣти ихъ въ церквахъ читать могутъ псалтирь. Внушить, что въ праздничный день должны водимы быть учителемъ въ церкву, гдѣ обученые могутъ пѣть и читать по церковнымъ книгамъ, чѣмъ и совершится ихъ удовольствіе. По полученіи сего, собравъ сорокъ пять дѣтей, сочинить имъ при себѣ именной списокъ и прибить его въ классѣ на стѣнѣ, чтобъ учитель могъ знать кого пѣтъ и *настаивать о посѣщеніи* у родителей и опекуновъ *при содѣйствіи полиціи*.... Для ученья въ *училищѣ, понедѣльникъ, вторникъ и среда до обѣда, а среда послѣ обѣда, четвергъ, пятницу и субботу учиться у дьячковъ по церковнымъ книгамъ и пѣнію по прмологію*. Расположить время для учениковъ такъ, чтобъ они съ продолженіемъ ученія въ народныхъ училищахъ не лишались, по волѣ своихъ отцовъ, и удовольствія въ изученіи чтенія и пѣнія по церковнымъ книгамъ отъ дьячковъ».

О сильномъ противодѣйствіи приходскихъ школъ новымъ свидѣтельствуетъ и другой документъ, относящійся къ новгородъ-сѣверской школѣ:

«Нельзя оставить безъ примѣчанія, что и сіе полезнѣйшее заведеніе (народное училище), какъ и всякое другое, имѣетъ упрямаго себѣ соперника закоренѣлый обычай: *многимъ и по сіе время ка-*

жется еще, что прежнее трудное и для нѣжныхъ первовъ тягостное буквъ названіе удобнѣе теперешняго, и *что съ стараго букваря и часовника обучать дѣтей легче, нежели изъ книгъ, изданныхъ для народныхъ училищъ*».

Но табъ какъ преслѣдовать гораздо легче, чѣмъ созидать, и народныя школы открыты далеко не повсемѣстно (а открытыя превратились въ среднія учебныя заведенія, или городскія Bürgerschule), то успѣхъ этой мѣры былъ лишь односторонній: приходскія школы наконецъ пали окончательно и вмѣсто нихъ появились уже въ XIX вѣкѣ уставы элементарныхъ школъ, но не самыя школы.

Такъ приходская община со всѣми ея функціями распалась. Если теперь и земства и правительство ищутъ твердой точки опоры для элементарнаго образованія въ селахъ, то они находятъ тамъ или административныя волости съ ихъ случайнымъ составомъ или разбросанныя населенныя мѣста, но такой общественной единицы, которая бы съ прочностью пріютила у себя развивающееся вновь элементарное образованіе не находятъ. Конечно есть приходы, эти скелеты, нѣкогда вмѣщавшіе въ себя теперь уже отлетѣвшій духъ; но «оживутъ ли кости сія?»

Переходя къ новой системѣ элементарнаго образованія, замѣтимъ, что не такое отношеніе къ приходскимъ школамъ рекомендовали правительству лучшіе люди самаго начала XVIII вѣка.

Недостатки приходскаго элементарнаго образованія, вынудившіе правительство XVIII в. къ суровымъ мѣрамъ противъ него, а литературу того вѣка къ глумленію надъ нимъ, были дѣйствительно столь существенны, что участіе въ этомъ дѣлѣ правительства становилось неизбѣжнымъ. Но правительству предлежало въ этомъ случаѣ два пути: или итти на помощь готовымъ народнымъ школамъ, снабжая ихъ болѣе приготовленными учителями и регулируя обязанности общинъ по содержанію школъ и учителей,—или, признавъ ихъ совершенно негодными, создавать новую систему народныхъ школъ на основаніи новаго понятія объ элементарномъ образованіи.

Вмѣшательство его въ дѣло народнаго элементарнаго образованія вызывалось всѣми передовыми людьми начала XVIII

в. Посошковъ указываетъ, что въ нѣкоторыхъ деревняхъ вовсе нѣтъ грамотныхъ крестьянъ, что въ слѣдствіе этого злоупотребленія со стороны чиновниковъ въ деревняхъ весьма легки. Отсюда онъ выводитъ право государства установить обязательное обученіе въ приходскихъ—дьячковскихъ школахъ. Тѣже мотивы съ присоединеніемъ миссіонерскихъ интересовъ побуждаютъ его особенно настаивать на необходимости установить обязательное обученіе у инородцевъ (Мордвы) [1]). Кромѣ интересовъ писшаго класса народа Посошковъ

---

[1]) «Немалая пакость крестьянамъ чинится и отъ того, что грамотныхъ людей у нихъ нѣтъ. Аще въ какой деревнѣ дворовъ 20 и 30, а грамотного человѣка нединаго у нихъ нѣтъ, и какой къ нимъ не пріѣдетъ съ какимъ указомъ, или безъ указу, да скажетъ, что указъ у него есть, потому и вѣрятъ, и отъ того пріемлютъ себѣ излишніе убытки; потому что всѣ они слѣпые, ничего не видятъ, ни разумѣютъ. И того ради многіе и безъ указу пріѣхавъ пакости имъ чинятъ великія, а они оспорить не могутъ; а и въ поборѣхъ много съ нихъ излишнихъ денегъ емлютъ и отъ того даровой (напрасный) пріемлютъ себѣ убытокъ.—И ради охраненія отъ таковыхъ напрасныхъ убытковъ, видится не худо бы крестьянъ и поневолить, чтобъ они дѣтей своихъ, кои десяти лѣтъ и ниже, отдавали дьячкамъ въ наученіе грамоты, и науча грамоты и учили бы ихъ писать. Я чаю не худобы было такъ учинить, чтобы не было и въ малой деревни безъ грамотнаго человѣка, и положить имъ крѣпкое опредѣленіе, чтобы безотложно дѣтей своихъ отдавали учить грамотѣ, и положить имъ срокъ годы на два или на четыре. А буде въ 4 года дѣтей своихъ не научать, такожде кои ребята и впредъ подростутъ. а учить ихъ не будутъ, то какое ни есть положить на нихъ и страхованіе. И егда грамотѣ и писать научатся, то они удобнѣе будутъ не только помѣщиковъ своихъ дѣла править. но и государевымъ дѣламъ угодны будутъ, наипаче въ сотскіе и пятидесятскіе вельми будутъ пригодны, и никто уже ихъ не изобидитъ, и ничего съ нихъ напрасно не возьметъ.—А чаю не худо указъ послать и въ низовые городы, чтобъ и у Мордвы дѣтей брать и грамотѣ учить отдавать, хотя бы и насильно. А егда научатся, то и самимъ имъ слюбится; потому что къ нимъ наче русскихъ деревень, пріѣзжая солдаты и приставы и подъячіи, овогда съ указомъ, овогда жъ и безъ указу, и чинятъ что хотятъ; потому что они люди безграмотные и беззаступные. И того ради всякой ихъ изобижаетъ, и чего никогда въ указахъ не бывало, того на нихъ спрашиваютъ и правежемъ правятъ.—А егда дѣти ихъ научатся грамотѣ, то грамотные будутъ владѣтельми (правителями) и по прежнему въ обиду ихъ уже не дадутъ и будутъ свою братью отъ всякихъ напрасныхъ нападокъ оберегать.—А иные, выучась грамотѣ, познаютъ св. христіанскую вѣру, возжелаютъ креститися, то тіи грамотники мало по малу иныхъ свою братію къ христіанской вѣрѣ приводить будутъ». Сочиненія Ивана Посошкова, изд. Мих. Погодинымъ. М. стр. 175—176.

уже предвидитъ въ народныхъ школахъ интересъ общегосударственный. Другой болѣе значительной цѣли элементарнаго образованія, т. е. общечеловѣческой, преимущественно нравственно—религіознаго развитія, практическій Посошковъ не указываетъ.

Указаніе этой цѣли мы находимъ въ проэктѣ другаго современника Петра В., Аврамова. Проэктъ этого послѣдняго [*]) представляетъ собою отчасти продуктъ реформаціонной горячки того времени. Вызывая, какъ и Посошковъ, участіе правительства къ дѣлу народнаго образованія, онъ рекомендуетъ такъ же сдѣлать его обязательнымъ. Но средства, изобрѣтенныя имъ для распространенія народнаго образованія, уже совсѣмъ не тѣ простыя средства, которыя знаетъ Посошковъ. Аврамовъ вмѣсто готовой приходской общины создаетъ новую единицу для полицейской дѣятельности вообще и въ частности для управленія народнымъ образованіемъ и призрѣніемъ; эта искуственная единица есть *тысяча дворовъ*. Такая «тысяча» заключаетъ *въ себѣ всѣ сословія;* она пользуется самоуправленіемъ: избираетъ ежегодно изъ среды себя нѣсколько лицъ, изъ которыхъ по жребію опредѣляются директоры, а прочіе обращаются въ помощниковъ директора. Образованіе въ этой искуственной общинѣ состоитъ изъ начатковъ закона Божія (именно: молитвъ, символа вѣры, заповѣдей господнихъ и церковныхъ). Этому принудительному образованію подлежатъ не только дѣти, но всѣ жители «тысячи»; оно можетъ распространяться и вовсе безъ школъ, посредствомъ учебниковъ (тетрадочекъ); «тетрадочки» изучаются чрезъ ежедневное чтеніе въ каждомъ домѣ, так. обр. каждый домъ образуетъ отдѣльную школу. Кромѣ обращенія семействъ въ школы, проэктъ предполагалъ оживить приходскія школы новыми учителями, приготовленными государствомъ, именно предлагалъ, чтобы при содѣйствіи власти, организованъ былъ особый классъ народныхъ учителей изъ духовныхъ лицъ, отдѣльный отъ приходскаго духовенства; правительство должно разослать этихъ новыхъ учителей по всѣмъ приходамъ учить народъ съ

---

*) См. выдержки изъ него въ «Петербургской старинѣ»: Современ. 1860г. № X, стр. 620 и сл. и въ «Наука и Литер. при Петрѣ I» Т I ст. 498 и слѣд. Самый проэктъ напечатанъ во 2-й части сочин. Посошкова, 273—314. Москва 1863.

благословенія архіерейскаго и при содѣйствіи мѣстныхъ священниковъ. Тѣмъ не менѣе въ проэктѣ Аврамова главную роль играла старинная система приходскихъ школъ; это видно между прочимъ изъ того, что Аврамовъ предлагалъ всѣ доходы съ собственнаго литейнаго завода на то, чтобы «довольствовать св. церкви и содержать при оныхъ учебныя школы, странноприимницы и госпитали». Такое образованіе, находится подъ двоякимъ руководительствомъ: представителей общиннаго самоуправленія и духовенства. Помощники директоровъ *ежедневно* репортуютъ объ успѣхахъ изученія тетрадей директору; а директоръ представляетъ *ежегодно* всѣхъ жителей «тысячи» архіерею или мѣстному приходскому священнику для экзамена, при чемъ духовныя персоны и поучаютъ міранъ этой тысячи учиться страху Божію и раздаютъ тетрадки (вѣроятно еще не имѣющимъ ихъ) [1]. Цѣль народнаго образованія, по мысли Аврамова, есть «умноженіе плода правды и искорененіе злобы» [2].

---

[1]) «Мнится быти добро повелѣть во всемъ государствѣ всякаго чина жителемъ избирать между собою мужей смысленныхъ ежегодно и изъ нихъ опредѣлять жребіемъ директоровъ и прочихъ имъ помощниковъ въ каждой дворовъ тысячи, которымъ въ своихъ дворѣхъ всякаго чину и полу людемъ имѣть переписныя книги, и по тѣмъ книгамъ о положенныхъ сборахъ и о всякомъ человѣческомъ нравоученіи и о бѣдныхъ людехъ правильномъ призрѣніи имѣть попеченіе. Противъ той переписи напечатать толикое число въ малыхъ тетрадочкахъ славословіе Божіе, Царю небесный, псаломъ пятидесятый, символъ, заповѣди Господни и церковныя кратко, и тѣ тетрадочки разослать по архіереомъ по епархіямъ, а имъ раздать и разослать всѣхъ церквей къ священникамъ. Начальникамъ же всѣхъ персонъ своей тысячи ежегодно представлять предъ архіереовъ въ епархіяхъ, а гдѣ не обрѣтается онаго, то своего прихода предъ священниковъ. Имъ же каждую персону отпустить съ сущимъ благословеніемъ, отдавъ тетрадочку всякому научая страха Божія обучатися и тое раздачу отмѣчать въ переписныхъ книгахъ. По которымъ тетрадочкамъ въ предгрядущій годъ передъ ними каждому отвѣтствовать; а тѣ тетрадочки всегда про себѣ имѣть всякому и тщиться читать или слушать по вся дни со вниманіемъ. За подкомандными смотрѣть накрѣпко, чтобъ были въ своихъ опредѣленныхъ дворѣхъ по вся дни съ предложеніемъ, дабы въ каждомъ домѣ, при собраніи всѣхъ домовыхъ, прочтены были вышерѣченныя тетрадочки, о чемъ по вся дни репортовать своихъ директоровъ письменно.

[2]) Пекарскій совершенно напрасно считаетъ Аврамова поборникомъ старины; онъ, какъ видитъ читатель, гораздо сильнѣйшій новаторъ, чѣмъ Посошковъ.

Итакъ оба писателя, не смотря на большую разницу въ ихъ воззрѣніяхъ, сходятся въ томъ, что признаютъ совершенно необходимымъ участіе правительства въ развитіи элементарнаго народнаго образованія, указываютъ и способъ участія его, именно установленіе обязательнаго обученія; но оба считаютъ эту мѣру возможною лишь въ томъ случаѣ, если правительство воспользуется готовыми средствами, именно приходскими школами; причемъ одинъ учителями оставляетъ прежнихъ т. е. дьячковъ, другой создаетъ новый учительскій институтъ, но тоже изъ духовенства.

Правительство, въ началѣ реформаціонной дѣятельности Петра В., повидимому, рѣшилось слѣдовать тому же пути, т. е. основать новую систему на реформѣ и улучшеніи старой. Это можно заключить изъ темныхъ извѣстій, заимствованныхъ изъ одного письма м. Іова къ Я. И. Корсакову (окт. 16, 1710 г.) «Перепищики священниковъ безсрочно неволятъ на всякомъ погостѣ строити школы и велятъ учити разнымъ наукамъ, а чѣмъ школы строити и кому быть учителями и какимъ наукамъ учениковъ учити и по какимъ книгамъ учитися, и откуда пищу имѣти, и всякую школьную потребу пріискати, того они перепищики опредѣлити не имѣютъ, точію говорятъ: впредь указъ будетъ. А у насъ и своихъ издавна много обрѣтается школьниковъ и пищи указныя требуютъ» [1]).

Почему взяли на себя такую миссію чиновники, производившіе перепись? Какія разныя науки предполагалось преподавать въ школахъ по погостамъ? Чѣмъ должны были эти приходскія школы отличаться отъ старыхъ, которыя «издавна выпускали многихъ школьниковъ, требующихъ указной пищи»? Извѣстно, что такого указа, какой обѣщали переписчики, т. е. устава народныхъ школъ мы не имѣемъ отъ царств. Петра В. Всѣ эти крайне любопытные вопросы остаются нерѣшенными. Слѣдуетъ напомнить, что м. Іовъ, скорбѣвшій объ этой мѣрѣ, былъ старѣйшій ревнитель просвѣщенія въ царств. Петра и открылъ въ В. Новгородѣ первую послѣ московской среднюю школу.

Извѣстно, что реформаторская дѣятельность Петра по

---

[1]) Странникъ 1861, № 2, стр. 88.

всѣмъ сферамъ государственной жизни первоначально направлялась на улучшеніе существовавшихъ до него учрежденій. Ясный переворотъ къ новаторству замѣчается лишь со втораго десятилѣтія XVIII в. Разница двухъ этихъ эпохъ въ законодательной и правительственной дѣятельности Петра еще не оцѣнена по достоинству. Тѣмъ болѣе жаль, что мѣры Петра по народному образованію, о которыхъ упоминаетъ митрополитъ Іовъ, совершенно не могутъ быть уяснены по недостатку историческихъ свѣденій.

Со втораго десятилѣтія правительство совершенно отказалось отъ старой системы приходскихъ школъ и между прочимъ отъ своихъ собственныхъ дѣйствій, направленныхъ къ развитію ихъ. Оно рѣшилось создать новую систему народныхъ школъ для распространенія совершенно новаго элементарнаго образованія; это школы цыфирныя, а образованіе— математическое.

Правительство составило себѣ совершенно особенное понятіе объ элементарномъ образованіи, не имѣющее ни какой связи съ господствовавшими прежде понятіями о немъ. И дѣйствительно ученіе въ цыфирныхъ школахъ (судя по рязанской, составъ ученія которой, благодаря отчету синода въ верховный тайный совѣтъ 1727 г., намъ извѣстенъ) состояло въ слѣд.: учили нумераціи, субстракціи, мультипликаціи, дивизіи, тройному, десятичнымъ дробямъ, изъ геометріи-циркульнымъ пріемамъ, тригонометріи плоской, тангенсамъ.

Въ первомъ пунктѣ интересной инструкціи, данной 9 дек. 1721 учителю Павлову, отправленному въ Переславль Рязанскій, стоптъ слѣд.:

«Ѣхать тебѣ въ Переславль рязанской и, по указу Его Императорскаго Величества 714 и 716 годовъ, учить тебѣ дьячихъ, подъяческихъ, поповыхъ и прочаго церковнаго чину, архіерейскаго дому и монастырскихъ слугъ дѣтей ихъ, по высылкѣ отъ воеводы, отъ 10 лѣтъ до 15, а посадскихъ и прочихъ чиновъ дѣтей же, которыя сами похотятъ, кромѣ дворянскихъ дѣтей, а дворянскихъ дѣтей отнюдь не принимать, ариѳметики, а именно нумераціи, аддиціи, субстракціи, мультопликаціи, дивизіи, тройныхъ правилъ и тройныхъ детрательныхъ какъ безъ долей, такъ и съ долями и десятичнаго счету и дѣленія, радіусу квадрата и радіуса куба; а которой ученикъ вышеозначенную науку обучитъ, тѣхъ учить геометріи, а именно: прежде ис-

толкованію геометріи и цыркульныхъ пріемовъ, потомъ тригонометріи плоской, плегометріи и штирометріи» [1]).

Судя по этой оригинальной спеціальности образованія, повидимому, никакъ нельзя считать его элементарнымъ, которое по существу своему не должно быть спеціальнымъ. Къ этому предположенію можетъ привести и слѣд. соображеніе: если въ цыфирныхъ школахъ начинали прямо съ математики, то слѣдуетъ предположить, что въ нихъ поступали уже грамотные, слѣд. образованіе цыфирныхъ школъ шло за элементарнымъ, а не само было элементарнымъ. Но другія свойства этого образованія, особенно его общеобязательность, рѣшительно не позволяютъ причислить его къ разряду профессіональныхъ знаній. Далѣе такъ какъ въ ариѳметическія школы должны были поступать всѣ дѣти 10—14 лѣтняго возраста, то никакъ нельзя предположить, что въ нихъ поступали всѣ грамотные; въ классахъ, называемыхъ по имени частей ариѳметики, рядомъ съ ариѳметикою, преподавалась и грамотность, т. е. чтеніе и письмо. Въ монастырскихъ школахъ для нищихъ, Петръ предписалъ въ 1724 г. [2]) «обучать, сверхъ вѣры и заповѣдей Божіихъ цифири и геометріи». «Во всѣ вновь учреждаемыя школы учителей брали изъ навигацкой школы и они вездѣ, *кромѣ чтенія и письма*, учили ариѳметикѣ и геометріи» [3]). Въ цыфирной и русскихъ школахъ при самой Сухаревой Башнѣ учили читать, писать и считать [4]). И такъ мы должны признать это образованіе элементарнымъ.

Какимъ же образомъ законодатель могъ притти къ странной мысли создать народное образованіе на изученіи цыфири и нѣкоторой части геометріи? Почему онъ полагалъ, что весь народъ долженъ учиться тангесамъ и употребленію циркуля и именно только этимъ предметамъ? Цыфирныя школы иначе называются навигацкими, не потому только, что состояли въ завѣдованіи адмиралтействъ—коллегіи. Самое это подчиненіе

---

[1]) См. Истор.-статис. описаніе рязанской духовной семинаріи, архим. Макарія. Новгородъ 1864, стр. 3.

[2]) П. С. З. № 4450.

[3]) Веселаго: Оч. Ист. Мор. Кад. Корп. стр. 34.

[4]) ibid. стр. 11.

ихъ морскому вѣдомству можетъ быть изъяснено не иначе, какъ тѣмъ, что законодатель и элементарному образованію придавалъ туже цѣль, какую преслѣдовала морская академія. Если самъ законодатель, при его страсти къ мореходству, считалъ знанія, необходимыя для навигаторовъ, знаніями, имѣющими самый высокій интересъ, то и весь народъ, во всемъ его культурно—историческомъ значеніи не могъ имѣть другой болѣе возвышенной цѣли; всѣ должны быть мореплавателями или покрайней мѣрѣ готовыми къ тому.

Это стремленіе основать все народное образованіе на такой узкой спеціальности можетъ показаться весьма дикимъ, а потому и наше предположеніе маловѣроятнымъ. Не вѣрнѣе ли предположить, что законодатель признавалъ математику наиболѣе общеобразовательнымъ предметомъ? Но другія подобныя же мѣры царствованія Петра В. повидимому оправдываютъ первое предположеніе. Въ началѣ XVIII в. (1701-1715 г.) т. е. до времени открытія цыфирныхъ школъ, открывались во многихъ городахъ адмиралтейскія (навигаціонныя въ полномъ смыслѣ) школы. Изъ записокъ Неплюева и Мордвинова видно, что такія школы были до 1715 г. въ Нарвѣ, Ревелѣ, въ В. Новгородѣ. Въ Нарвѣ учителемъ былъ навигаторъ Митрофанъ Мих. сынъ Кашинцовъ. Въ Новгородѣ обучали начальнымъ основаніямъ математики [1]). Подобная же школа была основана Петромъ въ Воронежѣ въ 1703 года, когда Петръ посѣтилъ этотъ городъ. «На первый разъ набрано было 90 человѣкъ молодыхъ драгунъ, которымъ преподавалась грамота и сверхъ того ариѳметика. Въ приходо-расходныхъ книгахъ 1710 года, хранящихся въ воронежкомъ архивѣ, есть указаніе на то, кто былъ первымъ воронежскимъ педагогомъ, «словескаго ученія мастеромъ», и сколько онъ получалъ жалованья. Таковымъ былъ нѣкто Семенъ Мининъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и переплетчикомъ книгъ для адмиралтейскаго приказа; между его учениками упоминается нѣкто Ѳедоръ Ѳедоровъ и двое его товарищей,

---

[1]) См. Зап. Мордвинова Спб. 1868. Жизнь Ив. И. Неплюева. Р. Арх. 1871 стр. 4-5. Г. Веселаго (Оч. Ист. Морск. Кадет. Корп. стр. 34) пишетъ: «Въ эти годы (1701-1715) довольно часто основывались разныя училища, въ городахъ заведены небольшія адмир. школы».

которые всѣ получали въ годъ кормоваго жалованья 14 р.» [1]).

Окончательное утвержденіе математическо—навигаціонной системы образованія, какъ общеобязательной для всѣхъ, относится какъ извѣстно къ 1714—1716 годамъ.

Образованіе въ указанномъ составѣ и размѣрахъ объявлено обязательнымъ. Карательныя мѣры, придуманныя какъ законодателемъ, такъ и практикою того времени, для огражденія обязательности образованія, направлены были прежде всего на дѣтей, а не на родителей. Этотъ весьма нераціональный способъ дѣйствія ясно показываетъ, что правительство имѣло въ виду не свою обязанность надзирать за исполненіемъ родителями ихъ долга въ отношеніи къ дѣтямъ, а только свою государственную потребность въ людяхъ, знающихъ начатки геометріи.

Мѣра, придуманная первымъ узаконеніемъ о цыфирныхъ школахъ (1714 г.), повидимому придумана весьма остроумно: кто не усвоитъ вполнѣ элементарнаго образованія въ объемѣ, назначенномъ правительствомъ, тотъ не получаетъ свидѣтельства отъ учителя, а безъ такого свидѣтельства не позволяется жениться. [1]) Личный интересъ, который раздражаетъ здѣсь законодатель, повидимому самый общій и самый чувствительный. Но мѣра эта поражена двумя существенными пороками: а) исполненіе угрозы ведетъ къ нарушенію другаго государственнаго интереса, который въ государствахъ XVIII в. считался весьма существеннымъ, именно умноженія народонаселенія. Очевидно, что государство само должно было не настаивать строго на исполненіи этого неразумнаго постановленія и тѣмъ парализовать обязательность обученія. Если въ первые 10 л. существованія цыфирныхъ школъ во всѣхъ ихъ перебывало 1389 чел., а выучено 93 чел., то можно ли думать, что остальная масса населенія можетъ быть лишена брака? И что дѣйствительно было бы въ такомъ случаѣ съ

---

[1]) «Воронежъ въ историческомъ и современно-статистическомъ отношеніяхъ», Г. М. Веселовскаго, стр. 73.

[2]) «Какъ ту науку тѣ ихъ ученики выучатъ совершенно и въ то время давать имъ свидѣтельствованныя письма за своею рукою...., а безъ такихъ свидѣтельствованныхъ писемъ жениться имъ не допускать и вѣнечныхъ памятей не давать.» П. С. З. № 2778.

Ген. Пос. Ун. т
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Горького

государствомъ? Очевидно, что всѣ, а не одни 92 счастливца, преблагополучно получили право жениться, вопреки узаконенію 1714 г.—б) Это узаконеніе считаетъ исполненіемъ школьной обязанности не посѣщеніе школы, а дѣйствительное усвоеніе требуемыхъ знаній: «ту науку выучатъ совершенно.» Государство никогда не можетъ потребовать этого вопреки педагогикѣ и психологіи.

Что угроза недопущенія до брака мало дѣйствовала, это доказываютъ жалобы учителей на отсутствіе учениковъ, жалобы, начавшіяся вскорѣ по прибытіи учителей на мѣста. Поэтому указъ 1719 г. присоединяетъ къ прежнимъ карательнымъ мѣрамъ—административныя,—рекомендуетъ губернаторамъ (указъ данъ боярину Салтыкову) въ тѣ школы опредѣлять (дѣтей) не упуская времени, «велѣть высылать ихъ безъ мотчанія» [1]). Какъ ревностно исполняла это тогдашняя администрація, показываютъ прошенія посадскихъ людей 1720 г.: «держатъ изъ нихъ многихъ въ тюрьмахъ и за карауломъ» [2]). Тамъ, гдѣ дѣти не были скрыты или не успѣли бѣжать, административныя власти схватывали и везли ихъ въ городъ, «таскали». Способъ набора, практиковавшійся тогда во всѣхъ случаяхъ, слѣд.: родители представляли своихъ дѣтей подлежащей власти для разбора; власть распредѣляла ихъ смотря по ихъ возрасту и собственному усмотрѣнію. Разборъ для опредѣленія въ цыфирныя школы производили воеводы, каждый въ своей провинціи [3]).

---

[1]) П. С. З. № 3447.

[2]) П. С. З. № 3575.

[3]) Опис. Арх. Св. Синода № $\frac{602}{292}$ $\frac{16\ \text{Окт.}}{5\ \text{Марта}}$ 1722. Всѣ принудительныя мѣры излагались въ инструкціяхъ учителямъ так. обр.:

«Учить тебѣ тѣхъ учениковъ въ школахъ тѣхъ, которыя тебѣ показаны будутъ отъ воеводы, а во время ученія денегъ съ учениковъ никакихъ тебѣ не брать и о томъ ученіи чинить тебѣ прилежаніе, и ученикамъ въ приниманіи, и во ученіи ихъ продолженія, и обидъ и налоговъ никакихъ никому по прихотямъ своимъ отнюдь тебѣ не чинить, а довольствоваться тебѣ Его Императорскаго Величества жалованьемъ, которое опредѣлено изъ статсъ-конторъ коллегіи; а которые ученики учиться не похотятъ, и тѣхъ жениться не допускать; о чемъ въ Переславль Рязанской къ воеводѣ изъ сената Его Величества указъ посланъ.

Которые ученики станутъ отъ школъ отбывать, тѣхъ наказывать тебѣ

Принудительность образованія была одною изъ причинъ неуспѣха цыфирныхъ школъ; и дѣйствительно: «случалось, что дѣти силою забранныя въ эти школы, разбѣгались изъ нихъ, какъ это случилось въ Воронежѣ» [1]).

Мы сказали, что характеръ элементарныхъ школъ въ цыфирныхъ можно замѣчать по тому, что они предназначены для всѣхъ гражданъ. И дѣйствительно въ первыхъ узаконеніяхъ о нихъ правительство не дѣлаетъ исключеній ни для кого относительно обязанности посѣщать ихъ, кромѣ однодворцевъ: по узаконенію 28 февр. 1714 [2]), ей подлежали дѣти дворянскіе и приказнаго чина дьяческіе и подъяческіе отъ 10 до 15 лѣтъ «опричь однодворцевъ». По узаконенію 28 дек. 1715 г. [3]) «молодые робятки изо *всякихъ чиновъ людей*». Почему сдѣлано исключеніе въ пользу однодворцевъ? Потому, конечно, что однодворцы были лица, составлявшія народное поголовное ополченіе. Если ихъ держать въ школахъ до 15 лѣтъ, то некогда имъ готовиться къ своей постоянной профессіи и отцамъ ихъ не кѣмъ замѣнить себя въ случаѣ общаго движенія ополченія. Что это такъ, доказывается параллельною мѣрою 1736 г.: въ Петербургъ къ герольдмейстеру для записи въ школы должны являться «всѣхъ служилыхъ людей дѣти отъ 7 лѣтъ и выше, кромѣ однодворческихъ, которые ландмилицію содержатъ» [4]).

школьными наказаніями, а которые явятся въ побѣгѣ и изысканы будутъ, также и на воровствахъ, тѣхъ отсылать къ наказанію къ воеводѣ.

Въ домы отпускать учениковъ для самыхъ нуждъ не на великое время, а именно: на мѣсяцъ и на два съ вѣдома воеводскаго, а пашпорты имъ давать за рукою воеводскою, на которыхъ и тебѣ подписывать своею рукою.

Будучи въ Переславлѣ Рязанскомъ, репортовать тебѣ въ санктпетербургскую академію по третямъ года, сколько у тебя учениковъ учится и кто именно и сколькихъ лѣтъ и какихъ чиновъ и въ какихъ наукахъ и сколько въ которомъ году обучились и даны отпуски, также и о прочемъ о всемъ, о чемъ надлежитъ.

Будучи въ Переславлѣ Рязанскомъ у ученія, учить учениковъ съ прилежаніемъ и во всемъ поступать такъ, какъ надлежитъ доброму и честному человѣку, опасаясь за неисправленіе надлежащаго штрафу и наказанія. «Истор. стат. описаніе рязанской дух. семинаріи». Архим. Макарія. Новгородъ, 1864 стр. 4—5.

[1]) Опис. Арх. Св. Синода № 668/640 16 Ноября/6 Марта 1728.

[2]) П. С. З. № 2778. (3) Ib. № 2971. (4) Ib. № 6949.

Но такъ какъ въ подобныхъ же условіяхъ находилось и дворянство, то законодатель счелъ необходимымъ вскорѣ исключить и его изъ общей обязанности посѣщать элементарныя школы. Указъ 18 янв. 1716 г. [1]), повторяя распоряженіе двухъ первыхъ указовъ, уже прибавляетъ: «окромѣ дворянскихъ дѣтей» [2]); и это было весьма резонно, потому что въ тоже время дѣйствовала строгая спеціальная система обязательнаго обученія дворянъ въ спеціальныхъ школахъ, съ которою намъ предстоитъ познакомиться въ своемъ мѣстѣ. Въ приведенномъ выше 1-мъ пунктѣ инструкціи учителю Павлову сказано: «а дворянскихъ дѣтей отнюдь не принимать».

Такимъ образомъ подлежащими обязанности посѣщать элементарныя школы уже съ 1716 г. остались одни писціе классы. Но такъ какъ эти классы въ первоначальныхъ узаконеніяхъ не были перечислены порознь, то отсюда возникало сомнѣніе, какіе именно изъ нихъ подлежатъ ей; лица завѣдовавшія школами, этимъ объяснялн неуспѣхъ ихъ. Въ 1719 г. полковникъ Скорняковъ-Писаревъ, доносилъ, что только въ одной ярославской есть ученики; въ тоже время навигаторы новгородской и ярославской школъ просили разъяснить-кто именно подлежитъ обязанности посѣщать школу:

«Въ вышеписанныхъ-де цар-го в-ва указахъ, къ помянутой наукѣ, опричь дьяческихъ и подъяческихъ дѣтей, другихъ всякаго чина людей о дѣтѣхъ порознь не означено. И дабы о высылкѣ ихъ въ провинціи въ подтвердительныхъ указахъ чины дьячьихъ, приказныхъ посадскихъ, церковниковъ, монастырскихъ и прочихъ чиновъ написать именно, чтобъ никто въ томъ не отговаривался».

Сенатъ 6 ноября 1719 именно такъ и приказалъ [2]).

Послѣ этого сдѣлалось несомнѣннымъ, что цыфирныя школы должны быть посѣщаемы, между прочимъ посадскими людьми. Администрація тотчасъ приняла рѣшительныя мѣры къ исполненію этого узаконенія; но вотъ въ 1720 г. явилось челобитье въ сенатѣ отъ посадскихъ людей, а именно отъ Каргопольцовъ, Устюжанъ, Вологжанъ, Калу-

---

[1]) П. С. З. № 3973.
[2]) П. С. З. VI. № 3575.

жанъ и другихъ городовъ, «что де въ помянутые школы принуждаютъ ихъ высылкою дѣтей ихъ изъ Каргополя въ Новгородъ, а съ Устюга на Вологду, а изъ Калуги къ Москвѣ и въ томъ держатъ изъ нихъ многихъ въ тюрьмахъ и за карауломъ».

Что въ общей жалобѣ 1720 г. участвовали не одни перечисленные здѣсь города, а и многіе другіе,-это доказывается подлиннымъ прошеніемъ посадскихъ гор. Шуи, отысканнымъ г. Борисовымъ въ архивѣ бывшей городской ратуши [1]). На основаніи этого прошенія и словъ именнаго указа 13 апр. 1720. мы можемъ съ несомнѣнностію опредѣлить

---

[1]) «Державнѣйшій Царь, Государь Всемилостивѣйшій. Въ прошломъ и въ нынѣшнемъ 1720 году, по присланнымъ твоимъ Великаго Государя указамъ изъ московской ратуши въ нижеписанные города къ земскимъ бурмистрамъ, написано: велѣно изъ московской губерніи дьяческихъ, подьяческихъ, посацкихъ и прочихъ чиновъ дѣтей отъ десяти до тринадцати лѣтъ учить цифири и нѣкоторую часть геометріи и принуждаютъ для того ученія высылкою къ Москвѣ и въ томъ держатъ людей въ городѣхъ за карауломъ, а въ городѣхъ оныхъ посацкихъ людей дѣти въ вышеписанныя лѣта обучаются издѣтства по купеческому состоянію къ торговымъ промысламъ, которые вступили къ такому торговому обыкновенію, что уже и въ рядахъ сидятъ за товарами, а иные многіе въ отъѣздѣ со отцами и съ товарищами для торговъ же въ городѣхъ, понеже указомъ твоимъ государевымъ и по выборамъ мірскихъ людей отцы какъ изъ первостатейныхъ, такъ и изъ среднихъ и изъ меншихъ бываютъ у зборовъ въ таможняхъ и на кабакахъ и въ иныхъ многихъ службахъ не токмо въ тѣхъ городѣхъ, но и въ новозавоеванныхъ; а купечеству торговые промыслы для усмотрѣнія на заводѣхъ отправу имѣютъ безъ нихъ дѣти ихъ; изъ тѣхъ торговыхъ промысловъ таможенные и десятую денгу и положенные съ той десятой розные сборы отправляютъ онижъ, дабы таможеннымъ зборамъ, за безторжицею недоборовъ не былобъ, такъ же и въ платежахъ съ нихъ купецкихъ людей десятой и прочихъ съ той десятой зборовъ также остановки и доимки не случилось; и ежели, государь, оныхъ купецкихъ дѣтей для науки въ школы новелѣно будетъ изъ городовъ взять, весьма отъ торговъ и промысловъ своихъ отстанутъ вовсе и обучатца имъ впредь торговому промыслу уже будетъ невозможно, понеже что возымѣютъ городы? а купеческимъ людямъ въ торгахъ своихъ будетъ многая безъ нихъ, за показанными службами, а паче за одинаечествомъ, остановка, попеже имѣютъ дѣтей не равно. *И вышеписанной науки обучаются и собою многіе.* Всемилостивѣйшій Государь, просимъ Вашего Величества для многолѣтняго Вашего Царскаго здравія, не вели, государь, для означенной науки, во учиненные въ Москвѣ школы з городовъ дѣтей нашихъ брать, и о томъ свой милостивой указъ учинить».

причины, возбудившія этотъ коллективный адресъ городовъ. Прежде всего изъ словъ самаго правительства ясно, что причина этого не заключалась въ мрачномъ отвращеніи отъ образованія, какъ иногда рѣшается этотъ вопросъ съ плеча въ нашей литературѣ; весьма основательныя причины заключаются а) въ томъ, что округи школъ были непомѣрно велики: дѣтей нужно вести изъ Устюга въ Вологду, изъ Калуги въ Москву и т. п. б) въ срокѣ ученія, по мнѣнію гражданъ слишкомъ длинномъ, хотя повидимому онъ былъ сокращенъ впослѣдствіи сравнительно съ срокомъ назначеннымъ въ 1714 г. (по крайней мѣрѣ прошеніе Шуянъ говоритъ о 13 лѣтнемъ возрастѣ, какъ предѣлѣ элементарнаго обученія). Но и этотъ срокъ посадскіе находятъ тяжелымъ, потому что въ эти лѣта дѣти ихъ сидятъ уже въ рядахъ за лавками, или находятся въ отъѣздѣ съ отцами; в.) разумѣется это не причина для того, чтобы спѣшить слишкомъ окончаніемъ элементарнаго образованія. Общій принципъ и педагогики и администраціи образованія требуетъ, чтобы начало профессіи не мѣшало окончанію образованія. Но дѣло въ томъ, что профессія эта въ нѣкоторомъ смыслѣ обязательная, государственно-служебная: отцы, по государевымъ указамъ, должны быть у сборовъ таможенныхъ, кабацкихъ и въ другихъ многихъ службахъ. Кто же, при отъѣздѣ отцовъ на эту службу, замѣнитъ ихъ дома въ торговлѣ? Будетъ одно изъ двухъ: остановится торговля, и слѣд. уменьшатся государственные доходы, или потерпитъ вредъ служба, т. е. опять казна понесетъ убытокъ. г.) Наконецъ самая основательная причина это та, что обязательной наукѣ (т. е. цыфири и нѣкоторой части геометріи) обучаются многіе сами собою безъ принужденія. Посадскіе люди не могли съ добросовѣстностью утверждать, что они *всѣ* обучаются требуемымъ знаніямъ, потому что ариѳметика преподавалась не во всѣхъ приходскихъ школахъ, а геометрія, разумѣется, нигдѣ; но другія элементарныя знанія (грамотность) жители посадовъ несомнѣнно пріобрѣтали по требованію своей профессіи. Свидѣтельства о грамотности челобитчиковъ Шуянъ въ XVII в., приводимыя г. Борисовымъ [1])

[1]) «Грамотность Шуянъ въ XVII и XVIII ст.» (Владим. Губернск. Вѣдом. 1854 г. № 40).

подтверждаютъ это.

Правительство признало основательными доводы коллективныхъ прошеній городовъ. Вслѣдствіе этихъ жалобъ, по указу царя, въ сенатѣ опредѣлено:

«Посадскихъ людей, хотя въ посланномъ указѣ ноября 6-го дня 1719 году объ нихъ и именовано, однакожъ къ той наукѣ высылкою ихъ въ неволю [1]) не понуждать и въ томъ отцамъ ихъ и свойственникамъ убытковъ и утѣсненія не чинить (какъ нынѣ челобитьемъ своимъ о томъ являютъ), потому, что дѣти ихъ въ такія лѣта приходятъ въ купеческое состояніе и чтобъ отъ того какъ въ торгахъ и въ промыслахъ ихъ, такъ и въ сборѣ съ нихъ таможенныхъ и всякихъ государевыхъ податей не было поврежденія, а принимать въ ученіе изъ посадскихъ дѣтей такихъ, которые сами собою къ той наукѣ охоту возымѣютъ, да и кромѣ ихъ противъ именнаго его в-го г-ря указу въ такомъ ученіи, которые возмутся у другихъ чиновъ людей, обрѣтатися учениковъ будетъ довольное число».

Разсчетъ правительства, высказанный въ послѣдней фразѣ приведеннаго сейчасъ указа, тотчасъ же оказался невѣрнымъ. Кто, за отчисленіемъ дворянъ, однодворцевъ и посадскихъ, остался подлежащимъ школьной повинности? Дѣти священниковъ, церковниковъ, монастырскихъ слугъ, дьяковъ и подъячихъ.

Когда въ началѣ слѣдующаго года былъ изданъ духовный регламентъ, то въ силу его предписаній духовное вѣдомство обязывалось имѣть свои школы, а дѣти священниковъ и причетниковъ обязывались учиться въ этихъ школахъ. И такъ главный контингентъ посѣтителей цыфирныхъ школъ отливалъ отъ нихъ. Изъ 1389 учениковъ, бывшихъ въ цыфирныхъ школахъ до 1722 г., 93 было выпущено за окончаніемъ курса, а *всѣ остальные*, дѣти людей, подлежащихъ вѣдомству синода, бѣжали. Такое повальное бѣгство объясняется между прочимъ тѣмъ, что отцы или просто почуяли временную свободу, когда по духовному регламенту дѣтямъ ихъ слѣдовало учиться въ архіерейскихъ школахъ, а такихъ еще не было, или дѣйствительно должны были вести дѣтей въ архіерейскія школы, гдѣ онѣ были уже открыты. Адмиралтейская коллегія не разъ въ 1721 г. требовала высылки

[1]) Въ П. С. З. напечатано: «въ недѣлю»; но это очевидная опечатка.

ихъ въ цыфирныя школы [1]); но синодъ указами іюня 22-го 1721 г. и авг. 17-го 1721 г. далъ знать, что «церковниковы и приказныхъ чиновъ людей дѣти потребны ко учреждаемой отъ пр. синода семинаріи и при архіерейскихъ домахъ школамъ.» Синодъ объявилъ даже, что въ архіерейскихъ домахъ и въ монастыряхъ школъ отводить не велѣно» [2]).

Но въ такомъ неопредѣленномъ положеніи дѣла оставаться не могли; въ 1721 г. ноября 19-го св. синодъ между прочимъ докладывалъ государю: «о поповскихъ и причетническихъ дѣтѣхъ, по прежнимъ указамъ въ ариѳметическія школы и къ прочимъ *свѣтскимъ* наукамъ спрашиваемыхъ требуется опредѣленіе, дабы имъ отъ оныхъ быть свободнымъ, понеже по духовному регламенту опредѣлено такихъ церковническихъ дѣтей учить въ архіерейскихъ школахъ.» Царь рѣшилъ: «быть такъ» [3]).

---

[1]) «Изъ доношеній академической канцеляріи, коллегія усмотрѣла, что «до объявленнаго ученія помянутыхъ чиновъ людей дѣтей во опредѣленныя въ губерніяхъ и въ провинціяхъ школы въ посылкѣ малое число, а изъ другихъ и не выслано». По этой причинѣ адмиралтействъ—коллегія обратилась, между прочимъ, и къ св. суноду съ требованіемъ немедленной высылки въ школы тѣхъ дѣтей, родители которыхъ находятся подъ его вѣдѣніемъ, чтобы назначенные въ школы учители «безъ дѣла не были и даромъ жалованье не брали». Въ отвѣтъ на это требованіе, св. сунодъ, по опредѣленію отъ 12-го іюня, объявилъ адмиралтействъ—коллегіи, что «которыя (дѣти) изъ помянутыхъ требуемыхъ въ ариѳметическую науку обрѣтаются не въ школахъ, святой церкви потребныхъ и которыя къ тѣмъ школамъ, паче уже учреждаемой по именному Его Царскаго Величества указу семинаріи (разумѣется С.-Петербургская) не востребуются, тѣ ко оному цифири и геометріи ученію отосланы будутъ, а помянутыхъ, которыя въ оныхъ школахъ (т. е. церковныхъ) содержатся и которыя къ семинаріи потребны, (тѣхъ) отсылать къ тому ариѳметическому и геометрическому ученію не надлежитъ,- понеже, по именному Его Царскаго Величества указу и по духовному регламенту, велѣно для полезныхъ святѣй церкви и государству наукъ учредить въ Санктъ-Петербургѣ семинарію, въ которой, между прочими науками, и помянутое ариѳметическое и геометрическое ученіе дѣйствоватися будетъ. Также и по епархіямъ школы, святѣй церкви потребныя, строить и ученіе размножать повелѣно, дѣти и подобные имъ, яко паче другихъ опредѣлены быть долженствуемые, и въ духовномъ регламентѣ къ тому ученію назначены». (Опис. документовъ и дѣлъ хранящихся въ архивѣ св. пр. синода. Т. I. № $\frac{300}{291}$ стр. 338).

[2]) П. С. 3. № 4975, окт. 31, 1726 г. [3]) ib. т. VI, № 3854, нояб. 19.

Въ силу этой резолюціи въ слѣд. 1722 году сенатъ приказалъ: дѣтей *дѣйствительно служащихъ* поповъ и церковныхъ причетниковъ, годныхъ въ школу, по духовному регламенту учить въ архіерейскихъ школахъ, а въ ариѳметическія школы и къ прочимъ свѣтскимъ наукамъ не спрашивать [1]). Это опредѣленіе сената не было однако простымъ исполненіемъ высочайшей воли, но истолковывало ее: дѣти не всѣхъ духовныхъ лицъ подлежатъ обязанности учиться въ архіерейскихъ, а не ариѳметическихъ школахъ, но только дѣйствительно служащихъ. Это было однимъ изъ результатовъ ряда переворотовъ совершенныхъ 1-ю ревизію и потомъ повторялось не разъ впослѣдствіи. Мы ознакомимся съ этимъ явленіемъ въ своемъ мѣстѣ.

Повтореніе высочайшаго повелѣнія 1721 г. почти черезъ годъ сенатомъ было вызвано тѣмъ, что администрація продолжала еще повсюду исполнять законодательныя повелѣнія 1714 и 1716 г. и мы увидимъ ниже, что для администраціи поистинѣ было трудно помирить эти узаконенія съ узаконеніями 1720 и 1721 г.. Св. синодъ 1722, 31 мая [2]) съ своей стороны счелъ нужнымъ подтвердить указанное выше распоряженіе сената:

«Хотя прежними въ 1714 и 1716 и 1720 годахъ состоявшимися Е. И. В. указы, до уставленія св. синода, въ ариѳметическія школы для ученія цыфири и геометріи были они (дѣти лицъ духовнаго званія) и опредѣлены; но потомъ духовнымъ регламентомъ въ архіерейскихъ школахъ учиться одолжены... апрѣля 4 числа нынѣшняго 1722 г. собственноручнымъ Е И. В. подписаніемъ утверждено такое сенатское мнѣніе, что служащихъ у церквей дѣйствительно протопоповъ, поповъ и діаконовъ изъ дѣтей, которыя отъ подушнаго оклада уволены, учить въ школахъ и производить на убылыя мѣста въ попы и во діаконы... Объявить коемуждо архіерею во всей своей епархіи церковникамъ указами, дабы они знали, что дѣти ихъ отъ вышеозначенныхъ ариѳметическихъ школъ и прочихъ свѣтскихъ наукъ свободны учинены».

Чтобы парализовать необходимость посѣщенія ариѳме-

---

[1]) ІЬ. № 4105 окт. 8.
[2]) П. С, 3. 4021. Т. VI.

тическихъ школъ синодъ за благо нашолъ ввести въ архіерейскихъ школахъ преподаваніе «какъ ариѳметики, такъ нужнѣйшей части геометріи, дабы они обѣихъ вышеозначенныхъ и церкви и гражданству потребныхъ наукъ были искусны и тѣмъ оба опредѣленія, т. е. и прежде состоявшіеся о ариѳметическомъ и геометрическомъ ученіи Е. И. В. указы и изложенное потомъ о свойственной наукѣ (т. е. професіональной духовной) синодальное установленіе, исполнили бъ».

Но такимъ образомъ далеко не примиряются противорѣчія требованій 10-хъ и 20-хъ годовъ: ариѳметическія школы существуютъ отдѣльно отъ архіерейскихъ и должны имѣть учениковъ; воеводы и губернаторы ревностно смотрятъ, чтобы учителя даромъ жалованья не брали. Но откуда же взять учениковъ?

И вотъ цыфирные учителя, или навигаторы, а равно и администрація продолжаютъ «таскать» въ свои школы дѣтей церковническихъ. Въ началѣ 1722 г. до синода дошло свѣдѣніе, что это насиліе совершаетъ костромской воевода Стрешневъ, который «велѣлъ духовнымъ и монастырскимъ служителямъ представить къ нему въ канцелярію своихъ дѣтей, отъ 10 до 15 лѣтъ, для смотра и разбора, не взирая и не отговариваясь св. пр. сѵнодомъ. Протекторъ школъ и типографій, архимандритъ Гавріилъ, представилъ въ сѵнодъ копію съ предписанія, даннаго Стрешневымъ. Св. сѵнодъ опредѣлилъ послать при вѣдѣніи въ сенатъ копію съ указа, объявленнаго во всенародное извѣстіе Стрешневымъ (въ которомъ онъ «вящшую достойную св. прав. сѵнода честь: *святѣйшество* не написалъ») и потребовать отъ сената посылки къ Стрешневу и другимъ воеводамъ указовъ, о томъ, чтобы они въ гражданскія школы дѣтей духовныхъ и не имали. Въ мартѣ 1722 г. архимандритъ Гавріилъ донесъ св. сѵноду, что сѵнодскій духовной приказъ въ Костромѣ получилъ 21-го февраля изъ костромской воеводской канцеляріи указъ о высылкѣ «безъ замедленія» священно и церковно-служительскихъ дѣтей въ науку къ прибывшему, въ Кострому учителю Семену, Прокшину, который учениковъ себѣ на канцеляріи воеводскаго правленія требуетъ неотступно. Гавріилъ представилъ св. сѵноду при доношеніи и копію съ указа воеводской канцеляріи, объясняя, что безъ повелѣнія сѵнода не смѣетъ сдѣлать распоря-

женія объ отсылкѣ требуемыхъ дѣтей къ Прокшину». [1]). Въ концѣ года повторилось тоже въ Переславлѣ за лѣсскомъ.»

«722 года октября 3 дня въ присланномъ указѣ Переяславля Залѣсскаго изъ канцеляріи воеводскаго правленія на синодальной десятильничь дворы (?), написано, чтобъ для обученія цыфири и нѣкоторой части геометріи дьячихъ и подъяческихъ и церковниковыхъ и монастырскихъ слугъ дѣтямъ учителю Якову Степанову отвесть, гдѣ надлежитъ, школу, также де Переяславской десятины всѣхъ церквей поповъ и дьяконовъ и всякаго церковнаго причта людей, въ поставкѣ дѣтей ихъ ради обученія во оную школу таскаютъ непрестанно...»

Это доношеніе заставило снова св. синодъ повторить:

Въ синодальной области и въ епархіяхъ принуждаемыхъ къ *навигатскимъ* наукамъ поповыхъ, дьяконовыхъ и причетническихъ дѣтей какъ губернаторамъ и воеводамъ, такъ и посланнымъ въ губерніи и провинціи навигатскихъ наукъ учителямъ силою не принуждать и синодальнымъ управителямъ не отдавать, также и оныхъ церковниковъ, въ поставкѣ тѣхъ своихъ дѣтей во оныя навигатскія школы къ свѣтскимъ командамъ, тѣмъ командирамъ отнюдь не имать, и духовнымъ управителямъ въ томъ ихъ оберегать... А что помянутой свѣтской команды учитель церковническихъ дѣтей къ цифирному ученію принуждаетъ и отъ того *священному чину не малую наноситъ обиду...*, требовать надлежащей сатисфакціи...

Потомъ не разъ повторяется таже борьба въ разныхъ провинціяхъ: «такъ Іоанникій, митрополитъ коломенскій и каширскій, на требованіе губернской канцеляріи о побужденіи подчиненныхъ ему духовныхъ къ высылкѣ своихъ дѣтей въ ариѳметическую московскую школу, отвѣтилъ, что «безъ послушнаго Великаго Государя указа изъ св. прав. духовнаго синода вышеписанныхъ поповыхъ и діаконовыхъ и церковничьихъ дѣтей въ помянутое школьное ученіе высылать онъ не хотѣлъ». Изъ Переяславля—Залѣсскаго также доносили синоду, что священно и церковно-служители этой епархіи, безъ послушныхъ указовъ изъ св. синода, также уклоняются отъ

[1]) См. Опис. докум. и дѣлъ хранящихся въ арх. св. пр. синода Т. I № 602 16 Октября / 292 5 Марта 1722 г. стр. 657.

исполненія царскихъ указовъ, о высылкѣ дѣтей въ ариѳметическія школы. Изъ Смоленска было получено подобное же доношеніе». [1])

Итакъ борьба между духовнымъ и свѣтскимъ начальствомъ за право образовывать духовное юношество дошла до «требованія надлежащей сатисфакціи». Были же для этого весьма основательныя причины, но прежде, чѣмъ мы дойдемъ до окончательнаго указанія этихъ причинъ, здѣсь отмѣтимъ слѣдующій небезъинтересный фактъ: синодъ, въ вышеприведенномъ указѣ, постоянно обходитъ то ограниченіе, которое было постановлено въ сенатскихъ указахъ апр. 4 и окт. 8 относительно лицъ освобождаемыхъ отъ посѣщенія цыфирныхъ школъ; онъ не упоминаетъ о дѣтяхъ такихъ церковниковъ, которые оставались по ревизіи заштатными и подлежали записи въ подушный окладъ. Не слѣдовало ли этимъ послѣднимъ подчиняться требованію навигаторовъ? Этотъ вопросъ вызоветъ впослѣдствіи новыя затрудненія и новыя узаконенія, рѣшающія ихъ.. Но общій отвѣтъ на него и вмѣстѣ причина того, что синодъ не упоминаетъ о дѣтяхъ заштатныхъ церковниковъ есть то, что всякій записанный въ подушный окладъ не обязанъ былъ посѣщать школы.

Далѣе административная борьба элементарнаго образованія съ профессіональнымъ питалась неполнотою узаконенія 19 ноября 1721 г. и сенат. ук. 8 ноября 1722 г. Эти узаконенія говорятъ объ освобожденіи отъ цыфирныхъ школъ дѣтей поповъ и причетниковъ. Между тѣмъ «синодская команда» состояла не изъ нихъ только, а вмѣстѣ изъ многочисленнаго класса свѣтскихъ лицъ, состоявшаго изъ дьяковъ и подъячихъ въ разныхъ церковныхъ приказахъ и изъ монастырскихъ слугъ. Послѣдніе были поименованы прямо въ сенат. указѣ 6 ноября 1719 г., какъ подлежащіе ученію въ цыфирныхъ школахъ, но узаконенія 1721 и 1722 г. объ нихъ не упомянули вовсе; что же касается до дьяковъ и подъячихъ синодской команды, то объ нихъ ни гдѣ не было упомянуто. Нужно было вновь возбудить и этотъ вопросъ въ законодательномъ порядкѣ. Когда однажды въ 1723 г. Петръ

---

[1]) ibid. Т. I № $\frac{668}{640}$ $\frac{16\text{ Ноября}}{6\text{ Марта}}$ 1728, стр. 714.

присутствовалъ въ адмиралтейской коллегіи, то эта послѣдняя представила ему на разсужденіе упомянутый вопросъ; Петръ велѣлъ рѣшить его въ сенатѣ. Рѣшеніе этого вопроса, въ связи съ другими о цыфирныхъ школахъ, повело было, наконецъ, къ совершенному измѣненію организаціи цыфирныхъ школъ, къ образованію изъ нихъ опять общихъ для всѣхъ сословій элементарныхъ школъ подъ вѣдомствомъ духовенства.

Именно въ 1723 г. мая 2-го адмиралтейская коллегія донесла сенату, что государь велѣлъ рѣшить въ сенатѣ между прочимъ: «дѣтей приказнаго чина и монастырскихъ для обученія цыфири и нѣкоторой части геометріи при тѣхъ школахъ имѣть, или въ семинаріи и въ архіерейскихъ школахъ обучать» [1]). Рѣшеніе этого вопроса стояло въ тѣснѣйшей связи съ отвѣтомъ на другой тогда же предложенный вопросъ: не соединить ли цыфирныя школы съ архіерейскими? Мы увидимъ въ свое время, что вопросъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ. При этомъ кругъ лицъ, подлежащихъ обученію въ архіерейско-цыфирныхъ школахъ, вновь расширялся, или точнѣе архіерейскія школы могли сдѣлаться опять общими элементарными училищами. Пока эта мѣра примѣнялась къ одной новгородской цыфирной школѣ; при этомъ сенатъ прибавилъ: «а въ ученіи ученикамъ въ той цыфирной школѣ быть изъ такихъ чиновъ, которымъ по прежнимъ Е. И. В. указамъ обучаться велѣно», т. е. въ этой школѣ соединяются дьяческія, подъяческія, церковническія дѣти и дѣти лицъ, подчиненныхъ церкви, но не носящихъ духовнаго званія—дѣти монастырскихъ слугъ и проч.. Кромѣ того въ тѣхъ же элементарныхъ школахъ предполагалось давать образованіе и такимъ классамъ, которые освобождены отъ обязательнаго опредѣленія дѣтей въ школы, съ обязанностью замѣнять его домашнимъ обученіемъ:

«А для словеснаго и письменнаго правильнаго обученія свѣтскихъ всякихъ чиновъ людямъ, которые такихъ учителей у себя не имѣютъ,

---

[1]) Это мѣсто въ текстѣ П. С. З. совершенно спутано; мы изложили его по очевидному требованію смысла и по извлеченію этого указа въ указѣ 1726 г. окт. 31 (№ 4975).

дѣтей своихъ обучать у тѣхъ архіерейскихъ учителей, чтобъ таковое правильное обученіе умножилось, токмо бъ въ обученіи отъ учителей для какой страсти продолженій не происходило, о томъ надлежитъ изъ прав. синода въ тѣ школы подвердить Е. И. В. указами».

Эта боязнь правительства, чтобъ дѣти слишкомъ долго не заучились въ школахъ объясняется весьма просто: служилые люди въ 15 или въ 20 лѣтъ должны служить; имъ некогда долго возиться съ образованіемъ; «особливо, хотя бъ они и сами желали, возраста ихъ болѣе какъ до 15 л. не держали, а выше тѣхъ лѣтъ отнюдь не принимали, дабы подъ имянемъ той науки отъ смотровъ и опредѣленія въ службу не укрывались». Лишь въ этомъ смыслѣ нужно разумѣть слова указа, «что обрѣтающихся въ Новгородской епархіи свѣтскихъ людей, а имянно; шляхетныхъ и приказныхъ и купечецкихъ и прочихъ чиновъ дѣтей ко ученію отдавать во оныя жъ (архіер.) школы.»

Ни профессіональное назначеніе архіерейскихъ школъ («въ надежду священства»), ни направленіе свѣтскаго образованія (для службы) не дозволяли выполнить предположенную и лишь отчасти осуществленную здѣсь реформу цыфирныхъ школъ. Мы увидимъ, что Петръ отказываетъ тѣмъ архіереямъ, которые просятъ о дозволеніи принимать въ архіерейскія школы дворянскихъ дѣтей.

И дѣйствительно всѣ школы, кромѣ одной новгородской, удержали свою отдѣльность. Однако ученики этихъ школъ набирались по прежнему (уже противозаконно) изъ дѣтей лицъ духовнаго вѣдомства: «какъ ученики, такъ и школы едва не всѣ духовнаго жъ правительства; токмо изъ оныхъ приказнаго чина гражданскаго правленія и оныхъ не довольное число... За непмѣніемъ приказнаго чина и за отбытіемъ изъ ариѳметическихъ школъ церковничьихъ дѣтей изъ многихъ провинцій по прежнему въ академію (морскую) учители прибыли, а нынѣ въ другихъ провинціяхъ въ тѣхъ школахъ учениковъ обрѣтается малое число, въ которыхъ и учителямъ быть не у чего». Такъ писала адмиралтейская коллегія въ 1726 г. [1]) о причинахъ упадка ариѳметическихъ

[1]) П. С. 3. окт. 31, № 4975.

школъ. И нѣтъ ни малѣйшей причины подозрѣвать за указываемыми здѣсь причинами другія скрытыя.

За освобожденіемъ отъ цыфирныхъ школъ дѣтей однодворческихъ, шляхетскихъ, посадскихъ и духовныхъ, остается единственный классъ лицъ, подлежащій имъ—это дѣти дьяковъ и подъячихъ. Но и этотъ классъ былъ призванъ законодательными мѣрами Петра къ образованію изъ себя отдѣльнаго сословія (какъ увидимъ ниже). Петръ, сознавая необходимость спеціальной подготовки для гражданскихъ чиновниковъ, принималъ для этого и спеціальныя мѣры; почти одновременно съ изданіемъ духовнаго регламента учреждены и школы для подъячихъ [1]), назначенныя для подготовки къ низшимъ сферамъ гражданской службы. Не смотря на все это сословіе гражданскихъ чиновниковъ, дѣйствительно, представляло собою классъ лицъ, никуда еще не прикомандированный въ новой сословной организаціи общества; и дѣйствительно впослѣдствіи классъ подъячихъ не составилъ изъ себя отдѣльнаго сословія. Вотъ почему и при существованіи подъяческихъ школъ, дѣти подъячихъ составляли единственный скудный контингентъ ихъ. Въ доказательство этого представляемъ здѣсь мѣсячный рапортъ учителя Переславской (Рязанской) школы за ноябрь 1727 г. [2])

Чины, имена и прозваніе.	Лѣта.	Обучаются, съ помянутыхъ.			Обучены до упомянутыхъ наукъ.
		годы.	мѣсяцы.	числ.	Ариѳметика.
ПОДЪЯЧЕСКІЯ:					
Иванъ Бадунинъ.	14	726	Сентября	2	во окончаніи
Иванъ Шестаковъ.	12	—	Сентября	—	во окончаніи
Микула Карцовъ.	14	727	Августа	10	— —
Иванъ Михинъ.	13	—	Маія	3	въ тройныхъ
Степанъ Шишкинъ.	13	726	— —	3	— —
Иванъ Суворовъ.	13	—	— —	13	умнож. доль
Иванъ Пальбинъ.	12	—	— —	3	въ берковцахъ

[1]) ib. ук. № 3845. 1721 г. ноб. 10.

[2]) Ист. стат. опис. Рязан. Дух. Семин. Архим. Макарія, стр. 10—11.

Ѳедоръ Поликарповъ.	12	—	Маія	—	— —
Иванъ Бѣляевъ.	12	727	— —	3	— —
Александръ Сѣровъ.	14	—	— —	—	въ дивизіи
Степанъ Плотниковъ.	14	—	— —	—	въ мультепликъ.
Иванъ Ремезовъ.	10	727	— —	3	въ аддиціи
Михаилъ Козминъ.	15	—	— —	—	— —
Петръ Алексѣевъ.	10	—	— —	—	— —
Иванъ Полуехтовъ.	10	—	— —	—	въ нумераціи

Итого во ученіи учениковъ на лицо обрѣтается подъяческихъ дѣтей 15 человѣкъ. Учитель Петръ Павловъ.

Въ послѣдующихъ узаконеніяхъ о цыфирныхъ школахъ постоянно говорится, что онѣ предназначаются для «дьячьихъ, подъяческихъ и *прочихъ*» (послѣднее «и проч.» повторяется лишь по старой привычкѣ, потому что правительству хорошо уже было извѣстно, что подъ этимъ «и проч.» не разумѣется никто). Ничтожное количество дьяческихъ и подъяческихъ дѣтей въ цыфирныхъ школахъ будетъ указано ниже.

Бѣдственное существованіе цыфирныхъ школъ поддерживалось еще около 20 л. (послѣ освобожденія отъ нихъ дѣтей духовныхъ лицъ) дѣтьми тѣхъ изъ шляхетнаго сословія, которымъ, по ихъ большей состоятельности, было позволено (съ 1737 г.) добровольно обучать дѣтей дома до извѣстнаго срока. Нѣкоторыя изъ нихъ предпочитали посылать дѣтей для элементарнаго образованія въ цыфирныя школы. Да кое-кто изъ солдатъ успѣвалъ помѣстить сюда дѣтей, невѣдомо какъ ускользнувшихъ отъ записи въ гарнизонныя школы.

Но не скрывается ли подъ миѳическимъ «и проч.» та громадная масса народа для которой преимущественно устроиваются элемент. школы? И гдѣ она эта масса? Почему мы не разу не встрѣчались съ нею при этомъ кропотливомъ разборѣ кому гдѣ учиться: гдѣ дьяческимъ, гдѣ церковниковымъ дѣтямъ? Объ ней-то, этой массѣ, на которой созидалась вся работа пигмеевъ, забыли. Ни законодатель не прибавилъ ни разу: «и крестьянскихъ дѣтей»; ни услужливая практика не тащила дѣтей этой многомилліонной массы въ города въ школу. Конечно подобная истинно нелѣпая мысль не могла

притти никому въ голову. Какъ собрать со всей губерніи, которая равнялась по крайней мѣрѣ 5 нынѣшнимъ, всѣхъ крестьянскихъ дѣтей 10—15 лѣт. возраста въ одинъ губернскій городъ?

Но кромѣ этой резонной причины, доказывающей наиболѣе несостоятельность новой системы, была и другая причина этого страннаго забвенія сельскихъ классовъ. По новой системѣ XVIII в. сельскіе классы не должны получать общественнаго образованія. Существованіе этой роковой мысли, къ сожалѣнію, можно доказать съ несомнѣнною очевидностью. Не одна совокупность узаконеній объ элемент. школахъ, своимъ согласнымъ молчаніемъ о крестьянскихъ дѣтяхъ, наводитъ на это подозрѣніе. Не всегда можно было обходить ихъ молчаніемъ. Другіе виды низшихъ школъ: школы для нищихъ и гарнизонныя школы, смѣнившія собою цыфирныя, уже имѣютъ въ виду крестьянскихъ дѣтей. Въ первыхъ, повидимому опять выступила старая обязанность общества воспитывать всѣхъ лишенныхъ семьи и потому онѣ именно должны быть открыты для всѣхъ, требующихъ призрѣнія. Но по указу 25 Іюля 1729 г. только *вольные* нищіе дѣти отсылаются въ коллегію экономіи для призрѣнія и образованія [1]). Если бѣглый помѣщичій мальчикъ или дѣвочка будетъ пойманъ въ Петербургѣ, а помѣщика его въ Петербургѣ нѣтъ, то это дитя лишь на время сношенія съ помѣщикомъ отдается въ школу, а потомъ тотчасъ, по заявленіи помѣщикомъ желанія взять его обратно, оно берется изъ школы; при этомъ помѣщикъ даже возвращаетъ правительству деньги, истраченныя на содержаніе его въ школѣ; правительство считаетъ этихъ дѣтей людьми стороннаго для себя вѣдомства [2]). Въ гарнизонныя школы отнюдь не велѣно брать дѣтей, положенныхъ въ подушный окладъ [3]).

Объявивъ помѣщичьихъ крестьянъ *людьми* (холопами въ прежнемъ смыслѣ) правительство было послѣдовательно, не вмѣшиваясь совершенно во внутреннія дѣла помѣщиковъ и крестьянъ. Но оно столь же мало заботилось объ образова-

---

[1]) П. С. З. № 5450.
[2]) Іb. № 7017.
[3]) Іb. № 6188.

ніи собственныхъ (дворцовыхъ и государственныхъ крестьянъ); только инородцы некрещенные и новокрещенные, по особому государственно-церковному интересу ихъ образованія, были счастливѣе.

Вотъ истинная причина неудачи новой системы элементарнаго образованія: некого учить въ элементарныхъ школахъ. При исключительно-профессіональной системѣ образованія элементарному общему нѣтъ мѣста.

Но это не есть единственная причина упадка школъ. Хотя указъ 1720 г. апр. 30 [1]) заявилъ желаніе, чтобы «ученики для училища домы свои имѣли по близости, а не въ дальнемъ разстояніи,» но это было лишь желаніе, неисполнимость котораго конечно предвидѣло само правительство; школы должны быть заведены въ архіерейскихъ домахъ, которыхъ всѣхъ въ эпоху Петра было немного и только тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, въ «знатныхъ монастыряхъ». Послѣднее истолковать очень трудно; еслибы въ каждомъ монастырѣ была заведена школа, то конечно училищные округи могли быть не чрезмѣрно велики. Но сенатъ не могъ серьезно заявить этого требованія; онъ зналъ, что учителей послано во всякую губернію лишь по 2 человѣка [2]).

Во все время существованія цыфирныхъ школъ изъ морскихъ академій: московской и с.-петербургской было отправлено въ провинціи 47 учителей, изъ нихъ 18 возвратились вскорѣ, за непмѣніемъ въ школѣ дѣтей тѣхъ чиновъ, какіе указаны въ узаконеніяхъ 1714—1716 г. Въ губерніяхъ и провинціяхъ осталось 29 человѣкъ [3]).

По статистикѣ Кирилова [4]), данныя которой, какъ извѣстно, относятся къ 1727 г., число всѣхъ цыфирныхъ школъ въ Имперіи опредѣляется такъ: 1) въ Новгородѣ, 2) въ Пошехоньѣ, 3) въ Ярославлѣ, 4) въ Твери, 5) въ Великолуцкой провинціи, 6) въ Московской губерніи (въ самой Москвѣ) 7) въ Переславлѣ Рязанскомъ, 8) въ Костромѣ, 9) въ Суздалѣ, 10) въ Юрьевѣ Польскомъ, 11) въ Переславлѣ Залѣс-

---

[1]) П. С. З. № 3575.
[2]) ib. № 2971.
[3]) ib. № 9054.
[4]) «Цвѣтущее состояніе всероссійскаго государства» изд. 1831.

комъ, 12) въ Володимірѣ, 13) въ Калугѣ, 14) въ Смоленскѣ 15) въ Сѣвской провинціи (вѣроятно въ самомъ Сѣвскѣ), 16) въ Воронежѣ, 17) въ Казани, 18) въ Свіяжскѣ, 19) въ Уфимской провинціи, 20) въ Астрахани, 21) въ Симбирской провинціи, 22) въ Вологодской провинціи, 23) въ Галицкой провинціи, 24) въ Екатеринбургѣ (послѣдняя можетъ быть выходитъ изъ разряда цыфирныхъ, какъ устроенная собственно для дѣтей горныхъ чиновъ). Такимъ образомъ къ 1727 г. число цыфирныхъ школъ упало съ 29 до 24, или 23; къ 1744 г. оно понизилось до 8, какъ увидимъ ниже.

Число учениковъ въ этихъ школахъ въ 20 годахъ приблизительно можетъ быть опредѣлено по донесеніямъ Скорнякова-Писарева и адмиралтейской коллегіи. Въ 1719 г. Скорняковъ-Писаревъ, управлявшій школами с.-петербургской губерніи (псковскою, новгородскою и ярославскою), доносилъ, что только въ одной ярославской было 26 человѣкъ изъ однихъ церковниковъ, въ прочихъ вовсе не было учениковъ. Въ томъ же году навигаторы московской и вологодской школъ доносили, что въ ихъ школахъ тоже вовсе не было учениковъ [1]).

Въ 1721 г. Скорняковъ-Писаревъ, завѣдовавшій въ это время уже всѣми цыфирными школами въ государствѣ, доносилъ сенату:

«Писали де къ нему изъ московской школы учители, что по присылкѣ прошлыхъ и 1720 годовъ изъ губернской канцеляріи во ученіи ихъ обрѣтается учениковъ всякихъ чиновъ людей 70 человѣкъ, а *другихъ провинцій изъ городовъ* къ нимъ учениковъ никого не прислано, а въ иныхъ губерніяхъ и въ провинціяхъ же обрѣтается учениковъ малое число» [1]).

1726 г. адмиралтейская коллегія въ своемъ донесеніи сенату (съ предположеніемъ отдать цыфирныя школы подъ вѣдомство синода) между прочимъ пишетъ: «изъ губерній и провинцій рапортами объявили, что въ тѣхъ школахъ сначала было учениковъ въ присылкѣ по 722 годъ-1389, изъ

---

[1]) П. С. З. № 3375.
[2]) ib. N 3703. янв. 9.

того числа выучено 93 человѣка, а за тѣмъ оставшіе едва не всѣ синодальной команды бѣжали» (т. е. остальные были по происхожденію подвѣдомы синоду и всѣ бѣжали) [1]).

Въ началѣ 40-хъ годовъ, когда уже въ трехъ мѣстахъ цыфирныя школы соединены были съ гарнизонными, по рапортамъ учителей въ адмиралтейскую коллегію и по донесенію этой послѣдней въ сенатъ, [2]) учениковъ въ этихъ трехъ школахъ было: *въ смоленской* (гарнизонной): изъ шляхетства 5, служилыхъ чиновъ (писцихъ) 72, подъяческихъ дѣтей 1; итого 79. Въ *казанской* (гарнизонной): офицерскихъ и солдатскихъ дѣтей 484. Въ *новгородской* (цыфирной): солдатскихъ (на жалованьѣ) 54, архіерейскихъ 2: итого 56. Всего въ трехъ школахъ 619 человѣкъ.

Между тѣмъ въ остальныхъ пяти цыфирныхъ школахъ, сохранившихъ свою отдѣльность, тогда же было: Въ *бѣлогородской* подъяческихъ 2. Въ *костромской* изъ шляхетства 35, солдатскихъ 2, итого 37. Въ *юрьево-польской* изъ шляхетства 18. Въ *свіяжской* изъ шляхетства 10, солдатскихъ 3, приказнаго чина 5, итого 18. Въ *тверской* дворянскихъ, офицерскихъ и драгунскихъ 16. Всего въ пяти школахъ 91 человѣкъ. Такимъ образомъ въ 40-хъ годахъ, всѣхъ цыфирныхъ школъ было уже только 5, а съ присоединеніемъ къ нимъ трехъ смѣшанныхъ-8.

Присланные въ Москву въ 1716 году два .учителя для московской цыфирной школы въ 1726 году имѣли только 10 человѣкъ учениковъ и потому въ этомъ году были отосланы въ канцелярію московскаго гарнизона для ученія драгунскихъ и солдатскихъ дѣтей, вмѣстѣ съ ихъ прежними учениками цыфирной школы. Въ 1744 г. у нихъ уже вовсе не было въ ученьи дьяческихъ и подъяческихъ дѣтей [3]).

Въ 1744 г. 17 марта галицкая провинціальная канцелярія доносила прав. сенату, что бывшій въ галицкой провинціи цыфирной школы учитель Григорій Корсаковъ, «за малолюдствіемъ учениковъ, съ 1734 года (т. е. 10 лѣтъ) почти былъ праздно и для указнаго опредѣленія присланъ въ

---

[1]) Ib. № 4975, окт. 31.
[2]) Ib. № 9054.
[3]) Ibid.

Москву въ пр. сенатъ» [1]).

Постепенное уменшеніе числа учениковъ въ цыфирныхъ школахъ можетъ быть опредѣлено на слѣд. примѣрѣ переславско-рязанской школы: 7 мая 1722 г. (при основаніи школы) въ нее собрано было 65 учениковъ [2]). Въ 1727 г. по вѣдомости, представленной въ синодъ, въ ней училось уже только 32 человѣка. Изъ 96 человѣкъ, перебывавшихъ въ ней съ 1722 г. обучено 4, выпущено въ канцеляристы 2, умерло 2, отданъ въ солдаты 1, а 59 «отлучились отъ арѳметической школы самовольно» [3]). По рапорту же учителя Павлова, приведенному выше, въ томъ же 1727 г. у него училось только 15 чел. Не трудно рѣшить чему нужно вѣрить: оффиціальной ли вѣдомости, поданной отдаленному начальству, или рапорту, поданному мѣстному воеводѣ.

Такъ разрушилась въ цыфирныхъ школахъ первая черта элементарнаго образованія-его всеобщность.

Принудительное образованіе должно быть безплатнымъ: узаконеніе 1714 г. говоритъ что «съ учениковъ имъ (учителямъ) себѣ отнюдь ничего не имать». Содержаніе школы распредѣляется между церковію и государствомъ так. обр.: помѣщеніе для школы, разумѣется, со всѣми ея классными принадлежностями, а вмѣстѣ съ тѣмъ и помѣщеніе для учителя, отводится духовенствомъ въ архіерейскихъ домахъ и въ «знатныхъ монастыряхъ». Въ этомъ смыслѣ даны были указы еще въ 1714 г. Стефану м. рязанскому, а отъ него разосланы предписанія по всѣмъ епархіальнымъ архіереямъ [4]). Мы

---

[1]) П. С. З. № 9054.

[2]) Ист. Стат. Опис. Ряз. Дух. Сем. стр. 7.

[3]) Пекарскій: «Наука и Лит.», стр. 117.

[4]) Вотъ образчикъ этихъ циркуляровъ, найденный въ Астрахани: «Вел—го Гос—ря и Вел—го князя Петра Ал—ча всея В. и М. и Б. Р. Сам-ца указъ Астраханское митрополіи казначею старцуАдаму Бахтеарову, Духовныхъ дѣлъ приказному Ивану Агаѳоникову, да дьяку Ивану Барминцову. Въ нынѣшнемъ 1714 г., мая въ 24 день прислана в. г—ря грамота с Москвы въ Казань изъ Патріарша духовнаго приказу за припискою дьяка Василія Павлова. Велѣно въ Астраханской митрополіи въ архіерейскомъ домѣ и в знатныхъ монастырехъ и приказнаго чина дьячихъ и подъячихъ дѣтей цыфири и гіометріи, а для того ученія прислано будутъ с Москвы въ Астрахань математическихъ школъ изъ учениковъ нѣсколько человѣкъ и та в—го г—ря грамота распечатана въ Казани и посылается при семъ его в—го г—ря

видѣли, что съ изданіемъ духовнаго регламента и съ освобожденіемъ дѣтей духовенства отъ обязанности посѣщать цыфирныя школы, духовное вѣдомство уже не признавало за собой обязанности давать имъ помѣщеніе [1]). Однако мы видѣли также, что канцеляріи воеводскаго правленія продолжаютъ требовать помѣщенія для школы у духовнаго вѣдомства, какъ именно требовала воеводская канцелярія Переславля-Залѣсскаго: «учителю Якову Степанову отвесть гдѣ надлежитъ школу»; и требованія эти были законны, потому что объ этомъ прямо не выражено ни въ высоч. повелѣніи 1721 г., ни въ сенатскомъ указѣ 1722 г.; напротивъ въ ук. 30 апр. 1720 г. именно упомянуто объ удержаніи прежней обязанности «опредѣлять школы въ архіерейскихъ домахъ, а гдѣ архіерейскихъ домовъ нѣтъ въ монастыряхъ» [2]). Думать надобно, что помѣщеніе для учителей и школъ продолжали отводить въ архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ до самаго соединенія цыфирныхъ школъ съ гарнизонными. Хотя иногда приказывается учителямъ «квартиры себѣ и ученикамъ требовать отъ воеводы», но въ дѣйствительности эти же самые учителя получали квартиру въ монастыряхъ, а воевода долженъ былъ лишь снестись съ духовнымъ начальствомъ.

Государство съ своей стороны даетъ содержаніе школѣ и учителямъ. Въ 3-мъ пунктѣ инструкціи переславскому учителю стоитъ: «сторожей, кому топить школы и для караулу школъ, по 3 человѣка солдатъ и въ школу бумаги, свѣчи и дрова, а именно въ ноябрѣ, въ декабрѣ, въ генварѣ, въ февралѣ мѣсяцахъ на день по 10 свѣчъ, кромѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней, бумаги въ годъ по три стопы... требовать отъ воеводы». Скорняковъ-Писаревъ въ своемъ письмѣ къ воеводѣ рязанскому прибавляетъ къ этому: «для обученія тѣхъ учениковъ извольте купить досокъ учебныхъ

указъ, и вамъ бы по полученіи сего е. в. г. указа о пріемѣ той е. в. г. грамоты и учинить потомъ е. в. г. указъ во всемъ непременно. Дмитрій Неупокоевъ. Справилъ Леонтій Березинъ.» (Матеріалы для исторіи училищъ въ Россіи. Ж. М. Н. Пр. 1858. Мартъ; перепеч. изъ Астрах. Губ. Вѣдом.).

[1]) П. С. З. № 4975 (31 окт. 1726 г.).

[2]) П. С. З. № 3575.

каменныхъ (т. е. аспидныхъ) и прочаго инструменту, который къ тому дѣлу принадлежитъ по объявленію онаго учителя числомъ, сколько учениковъ въ ученіи обрѣтаться будетъ; понеже безъ того инструменту учениковъ обучать невозможно». По смерти учителя Павлова въ числѣ школьнаго имущества оказались 9 логариѳмъ, 9 скалъ, 39 циркулей, шесть перьевъ мѣдныхъ.

Что касается до содержанія учителей, то они въ цыфирныхъ школахъ получаютъ уже опредѣленное *жалованье*, чѣмъ эти школы предупредили народныя школы Зап. Европы. Это жалованье состоитъ въ «кормовыхъ деньгахъ» по 3 алтына и 2 деньги на день, т. е. по 36 р. въ годъ (содержаніе по тому времени не малое) изъ нештатныхъ губернскихъ сборовъ; но при постоянномъ стремленіи всѣхъ вѣдомствъ сбыть съ своихъ рукъ цыфирныя школы это жалованье выдавалось весьма неаккуратно и иногда нѣсколько лѣтъ сряду не выдавалось [1]). Кромѣ этого жалованья учитель могъ получать съ ученика деньги только одинъ разъ при окончательномъ выпускѣ ученика изъ школы, именно по 1 рублю съ человѣка. Мѣра весьма странная, при очевидномъ стремленіи правительства сдѣлать ученіе даровымъ и обязательнымъ; при выпускѣ учитель выдаетъ ученику столь важное свидѣтельство, на которомъ основывается вся обязательность обученія,—тутъ-то ему позволено брать деньги съ ученика.

Государство проявляло свое участіе въ элемент. школахъ и другимъ еще болѣе значительнымъ способомъ: приготовленіемъ и выборомъ учителей. Въ 1714 г. предположено было взять учителей изъ математическихъ школъ московскихъ, т. е. отъ Сухаревой Башни. Но указъ 1715 г. назначаетъ ихъ изъ морской академіи: «взять изъ школы господина адмирала.» [2]) А такъ какъ въ дѣйствительности учителя были отправлены лишь въ 1716 г., то ихъ взяли изъ обоихъ морскихъ училищъ и петербургскаго и московскаго, какъ объ этомъ именно упоминается въ ук. 26 окт. 1744 г. Въ учителя могли быть посланы люди, изучившіе географію и геометрію. Думать надобно, что учителями въ цыфирныя шко-

[1]) П. С. З. № 5788.
[2]) ib № 2971.

лы были отправлены не самые лучшіе ученики морскихъ академій, потому что ихъ ближайшая задача—приготовленіе офицеровъ морской службы, конечно, болѣе озабочивала начальство, чѣмъ вліяніе академіи на народное образованіе. Но не подлежитъ сомнѣнію, что эти учителя были несомнѣнно выше по своей образованности прежнихъ учителей приходскихъ школъ; за то первые неизмѣримо уступали вторымъ по своей численности.

Незначительность числа цыфирныхъ школъ объясняется ближайшимъ обр. недостаткомъ учителей. Лишь по недостатку приготовленныхъ лицъ правительство рѣшилось послать только по два человѣка на губернію. Такъ возвышеніе уровня образованія сокращаетъ объемъ его распространенія; здѣсь наглядным обр. объясняется тотъ роковой законъ обратнопропорціальнаго отношенія между содержаніемъ образованія и его объемомъ. Всѣ благія предначертанія правительства начала XVIII в. должны были разбиться объ одно это препятствіе, которое такъ легко обходили приходскія народныя школы.

При новой системѣ т. е. системѣ профессіональнаго образованія трудно было ожидать, что для управленія общимъ народнымъ образованіемъ (и въ томъ числѣ элементарнымъ) устроено будетъ какое-либо вѣдомство народнаго просвѣщенія. Мы увидимъ ниже, что профессіональныя школы вѣдаются съ удобствомъ тѣми органами администраціи, къ которымъ относятся соотвѣтствующія профессіи. То обстоятельство, что въ цыфирныя школы ученики посланы изъ морскихъ академій, и подразумѣваемая цѣль учрежденія ихъ естественно отдавали ихъ подъ вліяніе морской академіи и потомъ адмиралтейской коллегіи. Но такъ какъ эти школы должны помѣщаться и устроиваться въ архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ подпадали подъ надзоръ духовенства. Уплата жалованья учителямъ изъ губернскихъ доходовъ привлекала къ управленію ими губернаторовъ и воеводъ. Наконецъ всеобщность обязательнаго обученія въ цыфирныхъ школахъ дѣлала недостаточными для управленія ими всѣ эти вѣдомства. Мы видѣли уже, что синодъ и адмиралтейская коллегія спорятъ между собою по поводу того,—подлежатъ ли отдачѣ въ эти школы дѣти духовенства. Поэтому въ уп-

равленіе ими должно было принять непосредственное участіе центральное правительство—сенатъ.

а) До 1720 г. школы дѣйствительно находились подъ такимъ разнообразнымъ управленіемъ, а именно:

При первоначальномъ учрежденіи ихъ законодатель не опредѣлилъ вѣдомства, которому онѣ подчиняются. Пришлось непосредственно управлять ими сенату. Это доказывается тѣмъ, что въ 1719 г. учителя московской и вологодской школъ непосредственно относились о ихъ нуждахъ въ сенатъ [1]). Управленіе школами каждой губерніи, въ зависимости отъ сената, возложено было или на губернаторовъ, или на особыя, спеціально—назначенныя лица; такъ для Петербургской губ. былъ назначенъ Скорняковъ-Писаревъ еще до своего директорства въ морской академіи. Неизвѣстно, былъ ли онъ назначенъ непосредственно сенатомъ; только и онъ прямо относился къ сенату съ своими представленіями [2]).

Извѣстно, что при устройствѣ коллегій, не было предназначено спеціальной коллегіи для вѣдомства народнаго просвѣщенія и мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, что такого учрежденія еще и не могло быть въ то время. Между тѣмъ сенатъ желаетъ себя избавить отъ непосредственнаго управленія всѣми подробностями въ провинціяхъ и вотъ указомъ 1720 г. апр. 30 завѣдованіе элементарными школами вообще поручено *адмиралтейской коллегіи*.

«По государеву указу въ сенатѣ опредѣлено: помянутыхъ школъ учителей и учениковъ вѣдать впредь во всемъ въ адмиралтейской коллегіи для того: по именному указу въ 1714 году ради ученія цыфири и нѣкоторой части геометріи посланы въ губерніи учители изъ той коллегіи. Того ради быть имъ подъ вѣдѣніемъ полковника и отъ бомбардиръ-капатана Скорнякова—Писарева, который по Е. И. В—ва указу и по опредѣленію оной коллегіи навигацкую школу вѣдаетъ».

Скорняковъ—Писаревъ принялъ управленіе петерб. морскою академіею послѣ Матвѣева въ 1719 г. Въ адмир. коллегіи первоначально ариѳметическія школы состояли въ вѣдѣ-

---

[1]) П. С. З. № 3447 и № 9054.
[2]) Ib. № 3447.

ніи «адмиралтейской *мундирной* конторы». Но съ 1721 г. (февр. 4) для нихъ найденъ болѣе приличный департаментъ. Съ этого времени въ адмиралтейской коллегіи управленіе образованіемъ составляло особую вѣтвь ея администраціи, подъ именемъ С.-Петербургской академической конторы, которой и были поручены цыфирныя школы. Так. обр. порученіе школъ Скорнякову-Писареву не имѣетъ уже характера личнаго порученія; управленіе ими принадлежитъ ему по должности директора академіи. Подъ центральнымъ надзоромъ адмир. коллегіи мѣстный надзоръ за элементарными школами поручается *губернаторамъ, вице-губернаторамъ* и *воеводамъ:*

«Также по указамъ изъ той коллегіи (продолжаетъ упомянутый указъ) токмо губернаторамъ, вице-губернаторамъ и воеводамъ велѣть за учителями смотрѣть того накрѣпко, чтобъ въ томъ ученіи они учители чинили прилежаніе и ученикамъ въ пріиманіи и въ ученіи ихъ продолженія и обидъ и налоговъ никакихъ никому по прихотямъ своимъ отнюдь не чинили, а для того ученія оныя школы опредѣлить въ архіерейскихъ домахъ, а гдѣ архіерейскихъ домовъ нѣтъ, въ монастыряхъ, чтобъ тѣ ученики для училища домы себѣ имѣли по близости, а не въ дальнемъ разстояніи».

Так. обр. сложное управленіе цыфирными школами (начиная снизу) состоитъ: изъ воеводъ, вице-губернаторовъ, губернаторовъ, академической канцеляріи (морской академіи), адмиралтейской коллегіи и наконецъ сената. Дѣятельность воеводъ и губернаторовъ въ отношеніи къ нимъ состояла: а) въ наблюденіи за исполненіемъ школьной обязанности жителями губерніи, производствѣ смотровъ и разбора и въ отсылкѣ учениковъ въ школы; б) въ наблюденіи за дѣйствіями учителей, чтобы они при пріемѣ и ученіи не дѣлали притѣсненій ученикамъ и исполняли свою должность прилежно; в) въ заботахъ о помѣщеніи школы (согласно съ ук. 1714 г.), о доставленіи ей содержанія и выдачѣ жалованья учителямъ.

Но и эта длинная и, повидимому, правильная лѣстница властей не сразу привела къ упроченію порядка въ управленіи; и послѣ этого указа Скорняковъ-Писаревъ (т. е. академическая контора) продолжаетъ непосредственно сноситься съ сенатомъ. Въ 1721-мъ году Скорняковъ-Писаревъ обратился къ сенату съ жалобой, что учениковъ въ школы изъ провинцій не высылаютъ; сенатъ постановилъ:

«По тому его полковника... Скорнякова-Писарева доношенію разсмотрѣніе и указъ учинить въ адмиралтейской коллегіи, для того, въ 1720 г. по опредѣленію въ сенатѣ, велѣно тѣхъ учениковъ вѣдать во всемъ въ той коллегіи... и впредь ему полковнику Скорнякову-Писареву требовать указу изъ той коллегіи, а въ сенатъ ему доношеній не подавать, а въ губерніи и въ провинціи послать подтвердительные печатные указы, дабы по посланнымъ изъ адмиралтейской коллегіи указамъ о тѣхъ ученикахъ и о прочемъ исполняли» [1]).

Сверхъ этихъ двухъ указовъ о передачѣ цыфирныхъ школъ въ вѣдомство адмиралтейской коллегіи въ ук. 1731 г. іюня 21 [2]) упоминается еще объ указѣ сената отъ 31 января 1721 г., по которому будто бы сенатъ опредѣлилъ быть цыфирнымъ школамъ подъ вѣдомствомъ адмиралтейской коллегіи. Но этого указа подъ означеннымъ числомъ въ П. С. Законовъ нѣтъ.

Но вскорѣ начинается печальная борьба разныхъ вѣдомствъ, при чемъ каждое старается освободить себя отъ цыфирныхъ школъ, начинавшихъ приходить въ упадокъ. Эта борьба есть точное указаніе на то, что при господствѣ профессіональнаго образованія элементарному нѣтъ мѣста; разныя вѣдомства перебрасываются имъ, какъ мячикомъ, до тѣхъ поръ, пока правительство не примкнуло его къ военному вѣдомству, т. е. правильнѣе, пока совершенно не покончило съ нимъ.

Съ 1723 года, т. е. того рокового года для цыфирныхъ школъ, когда за разсортировкою всѣхъ гражданъ по профессіямъ, для нихъ не оставалось уже учениковъ, начинаются различныя соображенія на счетъ того, какому вѣдомству ихъ подчинить. Мая 29-го 1723 г. адмиралтейская коллегія доносила сенату, что Е. И. В—во велѣлъ [3]) учинить опредѣленіе въ сенатѣ о томъ: «цыфирнымъ школамъ гдѣ въ вѣдѣніи быть»? 16 сент. происходила конференція сената съ синодомъ; на ней вопросъ о присоединеніи цыфирныхъ школъ къ архіерейскимъ и слѣд. о полномъ подчиненіи первыхъ *духовному вѣдомству*, рѣшенъ лишь частнымъ образомъ; синодъ отвѣчалъ: такихъ школъ съ учителями къ ар-

---

[1]) П. С. З. № 3703, янв. 9, 1721 г.

[2]) Іb. № 5788.

[3]) Петръ, присутствуя 8 мая въ адмирал. коллегіи, получилъ отъ нея окладную выписку объ этомъ. № 4975, 1726 г. окт. 31.

хіерейскимъ школамъ, кромѣ новгородской, пріобщить нынѣ негдѣ, понеже въ прочихъ епархіяхъ архіерейскія школы еще не опредѣлены, а въ новгородской епархіи цыфирную съ архіерейскою школою соединить соглашенось, токмо учителямъ той школы жалованья получать откуда они напредь сего получали, а не отъ синода, дабы оное ученіе было подъ одною дирекціею, ибо при ученіи словесномъ и письменномъ могутъ обще и цыфирную науку принимать». Сообразно съ этимъ рѣшеніемъ конференціи, сенатъ окт. 17 и выдалъ свой указъ [1]).

Однакожъ это партикулярное соединеніе цыфирныхъ школъ съ архіерейскими, въ которомъ предполагалось впослѣдствіи и общее ихъ соединеніе, не было исполнено, какъ увидимъ ниже. Цыфирныя школы продолжали состоять подъ вѣдомствомъ адмиралтейской коллегіи, несмотря на то, что къ концу царствованія Петра и въ слѣд. царствованія уже во многихъ мѣстахъ открыты были архіерейскія школы.

Указъ окт. 17-го 1723 г. столь мало считался рѣшеніемъ этого важнаго вопроса, что впослѣдствіи адмиралт. коллегія жаловалась верховному тайному совѣту, что на донесеніе ея сенату, поданное въ слѣдствіе высочайшей воли, (т. е. на представленіе ея о перемѣнѣ вѣдомства цыфирныхъ школъ) «до февраля мѣсяца сего 1726 года указу не получила», послѣ неоднократныхъ требованій, и что эти требованія возвращены въ адмиралт. коллегію нерѣшенными когда сенатъ сравненъ былъ съ высшими 3-мя коллегіями [2]). По этому адмиралтейская коллегія обращается съ донесеніемъ въ верховный тайный совѣтъ, при чемъ уже сообщаетъ опредѣленный и, по ея мнѣнію, неизбѣжный планъ соединенія цыфирныхъ школъ съ архіерейскими подъ вѣдомство синода: «не повелѣно ль будетъ В. И. В—ва указомъ, вышеобъявленнымъ... школамъ и въ оныхъ обрѣтающимся учителямъ и ученикамъ быть въ вѣдѣніи прав. синода... По сему доношенію Ея И. В-во указала о соединеніи учрежденныхъ въ губерніяхъ и провинціяхъ для ученія приказныхъ и прочихъ чиновъ людей дѣтей школъ со учреждающимися отъ синода

---

[1]) П. С. З. № 4326.
[2]) П. С. З. № 4975. окт. 31. 1726 г.

семинаріею и школами и бытіи обрѣтающимся въ оныхъ школахъ учителямъ и ученикамъ въ вѣдѣніи синодскомъ».

Конечно не трудно догадаться, что эта перемѣна вѣдомства цыфирныхъ школъ равняется закрытію элементарныхъ училищъ. Однако и эта передача элементарныхъ школъ въ синодское вѣдомство не состоялась.

Неизвѣстны причины, по которымъ это категорическое узаконеніе не было выполнено. Судя по словамъ адмиралтейской коллегіи, приводимымъ въ ук. 1744 г. окт. 26, школы не были приняты въ вѣдѣніе синодское «для того, что тѣ школы додуховнаго правительства не подлежатъ». Хотя странно, что указъ, изданный конференціею сената и синода, былъ признанъ отъ синода не исполнимымъ, но мы должны довольствоваться этою причиною, не имѣя другой.

Неизвѣстно въ какомъ вѣдомствѣ оставались цыфирныя школы до 21 іюня 1731 г. [1]) когда данъ былъ сенатскій указъ объ оставленіи ихъ по прежнему въ вѣдомствѣ адмиралтейской коллегіи. Изъ этого указа можно заключать только, что это межеумочное состояніе школъ было весьма тяжко для нихъ; повидимому учителямъ не выдавалось жалованья за это время:

«Опредѣленнымъ въ губерніяхъ цыфирныхъ школъ учителямъ кормовыя деньги по указу 1714 года, на которые годы дачи имъ не было, выдать и впредь давать изъ неположенныхъ въ штатъ доходовъ по ассигнаціямъ штатсъ-конторы. А изъ губерній и провинцій прислать въ сенатъ вѣдомости немедленно, съ начала оныхъ школъ сколько человѣкъ и какимъ наукамъ и въ какое время обучились, *изъ того числа сколько куда употреблено*, сколько нынѣ на лицо и съ которыхъ годовъ учатся и до какихъ наукъ произошли. И впредь тѣмъ школамъ, по прежнему указу пр. сената генваря 31 прошлаго 1721 года (мы уже говорили, что такого указа нѣтъ въ П. С. З.) быть во всемъ подъ вѣдомствомъ адмиралтейской коллегіи, которой надъ оными школами имѣть прежнее смотрѣніе и о состояніи ихъ въ сенатъ репортовать».

Но адмиралтейская коллегія не находила ничего для себя лестнаго въ этой чести: при всеобщей разсортировкѣ учениковъ по разнымъ школамъ, число цыфирныхъ школъ съ каждымъ годомъ уменьшалось. Черезъ 13 л. послѣ приведен-

[1]) П. С. З. № 5788.

наго указа коллегія дѣлаетъ новую и послѣднюю попытку сбыть съ своихъ рукъ умирающее учрежденіе. Попытка кончилась удачно и существованіе элементарныхъ школъ прекратилось надолго. Если въ 20 годахъ не удалось присоединить цыфирныя школы къ духовнымъ, то въ 1744 г. адмиралтейская коллегія представляетъ: не присоединить ли ихъ къ *военнымъ*, именно къ низшему разряду ихъ-гарнизоннымъ? Обстоятельства, оправдывающія, по мнѣнію коллегіи, этотъ проэктъ слѣд.: 1) учиться въ нихъ некому: однодворческіе, дворянскіе, посадскіе и духовные дѣти освобождены отъ цыфирныхъ школъ; «всѣхъ вышеобъявленныхъ чиновъ людей дѣти разпредѣлены по указамъ въ разныя школы и содержатся въ прочихъ командахъ». Остаются дѣти приказнаго чина и дѣти другихъ сословій, «которые сами собою къ той наукѣ охоту возымѣютъ». Но опытъ показалъ, что подъяческихъ дѣтей учится только 8 человѣкъ во всей имперіи, а охотою опредѣляющихся не много болѣе. 2) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ цыфирныя школы частными распоряженіями уже соединены съ гарнизонными, которыя учреждены указомъ 21 сент. 1732 г. и объемъ ученія которыхъ сходенъ съ объемомъ ученія цыфирныхъ школъ.

Сенатъ согласился съ доводами адмиралтейской коллегіи и распорядился произвести слитіе цыфирныхъ школъ съ гарнизонными двумя способами: 1) тамъ, гдѣ есть учителя цыфирныхъ школъ и гарнизонныя школы, первые должны преподавать въ послѣднихъ, обучая какъ солдатскихъ дѣтей, такъ и дьяческихъ, буде найдутся. Въ такомъ случаѣ учреждается сложная подчиненность этихъ школъ: онѣ находятся собственно въ военномъ вѣдомствѣ, подчиняясь оберъ-комендантамъ и комендантамъ; но дальнѣйшее, высшее вѣдомство ихъ раздвояется: о солдатскихъ дѣтяхъ рапортуютъ въ военную коллегію, а о дьяческихъ и прочихъ къ губернаторамъ и воеводамъ, а чрезъ нихъ въ сенатъ. 2) Тамъ, гдѣ есть цыфирныя школы, а гарнизонныхъ нѣтъ, онѣ остаются на прежнемъ основаніи подъ ближайшимъ наблюденіемъ губернаторовъ и воеводъ; но и въ эти училища могутъ быть опредѣляемы солдатскіе дѣти, если по близости нѣтъ гарнизонной школы. Въ обоихъ случаяхъ учителя цыфирныхъ школъ получаютъ жалованье по прежнему

изъ губернскихъ нештатныхъ доходовъ. Такимъ образомъ въ сущности обѣ формы соединенія цыфирныхъ школъ съ гарнизонными сводятся къ одной: въ первомъ случаѣ цыфирныя школы соединяются съ гарнизонными, во второмъ гарнизонныя съ цыфирными. И тѣ и другія изъемлются изъ вѣдомства адмиралтейской коллегіи и состоятъ подъ центральнымъ вѣдѣніемъ сената и военной коллегіи и подъ мѣстнымъ надзоромъ съ одной стороны губернаторовъ и воеводъ, съ другой оберъ-комендантовъ и комендантовъ. Дальнѣйшее естественное теченіе хода образованія привело къ тому, что изъ смѣшаннаго типа военно-гражданскихъ школъ выработался одинъ чистый военный, начало общаго образованія поглощено вполнѣ элементомъ профессіональнымъ, смѣшанныя школы впослѣдствіи превратились въ просто-гарнизонныя [1]).

Такова плачевная, но истинная исторія первой попытки организовать элементарное народное образованіе при профессіональной системѣ.

Неудачи цыфирныхъ школъ не побудили правительство возвратиться къ реформѣ приходскихъ школъ. Въ послѣдующее время, при Аннѣ и Елизаветѣ, законодательство возвращалось къ старой системѣ приходскаго образованія лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Именно: при основаніи новыхъ колоній съ населеніемъ неподатнымъ принято было за общее правило учреждать элементарныя народныя школы при каждой церкви и вмѣстѣ съ основаніемъ церкви; здѣсь, какъ и въ старой системѣ, школы считаются необходимою принадлежностью церкви. Въ описываемое время было два случая основанія такихъ колоній: въ царствованіе Анны въ 1736 году и въ царствованіе Елизаветы въ 1751 году.

Указомъ 27 дек. 1736 основаны военныя поселенія для отставныхъ отъ службы унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ, близъ

---

[1]) Замѣчательный актъ, которымъ завѣнчалась страдальческая исторія цыфирныхъ школъ, заслуживалъ бы того, чтобы привести его здѣсь вполнѣ, какъ для оправданія нашей мысли о томъ, что среди профессіональной системы образованія не было мѣста для элементарнаго, такъ и потому, что этотъ актъ есть лучшая оффиціальная исторія цыфирныхъ школъ. Но, боясь утомить читателя, мы отсылаемъ желающихъ къ № 9054 Полн. Собр. Закон., подъ которымъ помѣщенъ этотъ важный сенатскій указъ 26 окт. 1744 г.

восточной границы «на пустыхъ земляхъ», а именно по р. Волгѣ и ея притокамъ, на опустѣвшихъ степяхъ бывшихъ волжскихъ казаковъ, между Царицыномъ и Астраханью. Въ поселеніяхъ (при достиженіи ими извѣстной величины) должны быть построены церкви, къ которымъ опредѣляются ученые священники; а при церквахъ учреждаются школы для обученія дѣтей поселенныхъ солдатъ грамотности. Учить должны тѣже священники и церковники; но за обученіе полагается имъ опредѣленное жалованье отъ правительства. Этою чертою колонистскія школы существенно отличаются отъ старыхъ приходскихъ. Обученные въ этихъ школахъ могутъ, по желанію, продолжать образованіе въ гарнизонныхъ школахъ [1]).

На другой, южной окраинѣ Россіи основаны были колоніи при Елизаветѣ Петровнѣ изъ православныхъ эмигрантовъ переселявшихся изъ Турціи: сербовъ, болгаръ, волоховъ. Здѣсь учрежденіе школъ при церквахъ и вмѣстѣ съ церквами предложено было правительству въ проэктѣ Хорвата, которому принадлежала инпціатива этихъ колоній, въ числѣ прочихъ условій переселенія. Хорватъ предлагалъ дать поселеніямъ церкви, школы и духовенство по примѣру прочихъ полковъ и производить жалованье священникамъ по вонискому уставу. Сенатъ согласился основать и содержать на казенный счетъ только полковыя церкви; устройство же и содержаніе церквей и школъ («ежели имъ потребны будутъ») въ каждомъ поселеніи предоставляетъ самимъ колоніямъ.

Въ одномъ городскомъ сословіи, менѣе другихъ служебномъ, можно было отыскать нѣкоторую возможность возвращенія къ старой системѣ. Еще при Петрѣ правительство дѣлаетъ такую попытку въ инструкціи магистратамъ. Инструкція рекомендуетъ магистратамъ стараться, чтобы въ школахъ при церквахъ, «или гдѣ пристойно», обучались читать, писать и ариѳметикѣ дѣти не только состоятельныхъ гражданъ, но и бѣдныхъ, и преимущественно этихъ послѣднихъ; отъ нихъ «впередъ граду польза и вспоможеніе можетъ быть», а безъ обученія они будутъ «возрастать въ непотребство и въ какой либо вредъ граду». По обученіи ихъ въ школѣ,

[1]) П. С. З. № 7136.

городское начальство должно стараться обучать ихъ мастерствамъ, для пользы городу. Очевидно, что инструкція имѣетъ въ виду преимущественно сиротъ и нищихъ дѣтей. Государства, совершенно небрегущія объ элементарномъ общенародномъ образованіи, принуждаются силою вещей заботиться о первоначальномъ воспитаніи и образованіи нищихъ; необходимая связь образованія и призрѣнія проникаетъ какъ всю до-петровскую систему образованія, такъ и большую часть узаконеній екатерининской эпохи. Къ уясненію этой связи въ описываемую эпоху мы и обратимся теперь.

Глава II. Связь элементарнаго образованія съ призрѣніемъ и религіознымъ просвѣщеніемъ. Превращеніе монастырей въ сиротскіе домы и первоначальныя школы. Упадокъ общихъ мѣстъ призрѣнія. Казенныя учрежденія для образованія дѣтей ссыльныхъ. Цѣль «новокрещенскаго» и «инородческаго» образованія. Инородческія школы на юговостокѣ и востокѣ Европейской Россіи и въ Сибири. Составъ инородческаго образованія. Попытка организаціи спеціальнаго учительскаго института для инородцевъ. Паденіе инородческихъ школъ.

Отказавшись отъ надежды ввести элементарное образованіе на началахъ обязательности въ цѣломъ населеніи имперіи, правительство первой половины XVIII вѣка не могло вполнѣ отстранить себя отъ элементарнаго образованія для нѣкоторыхъ низшихъ классовъ народа. Это не позволила ему старинная связь образованія съ двумя могущественными задачами управленія призрѣніемъ и религіознымъ просвѣщеніемъ.

Такимъ образомъ рядомъ съ цыфирными возникаютъ: 1) школы для бѣдныхъ и 2) новокрещенскія школы.

Извѣстно, что сначала церковь въ полуязыческой странѣ заботится объ образованіи въ тѣсной связи его съ призрѣніемъ; но съ теченіемъ времени у насъ эти задачи усвояются общинами. Теперь, въ началѣ XVIII в., исторія какъ бы возвращается къ своему началу: опять заботы о народномъ образованіи, соединенномъ съ призрѣніемъ, возлагаются на церковь.

Но формы измѣняются совершенно. Государство, отстраняя отъ себя активную роль (оно довольствуется лишь законодательными мѣрами и нѣкоторымъ административнымъ участіемъ), возлагаетъ самое дѣло на церковь, какъ ея обязанность. Установленіе и содержаніе школъ для бѣдныхъ сдѣлалось *обязанностью* церкви.

Впрочемъ это совершилось не вдругъ: первоначально государство рѣшилось создать собственныя учрежденія для призрѣнія и воспитанія призрѣваемыхъ. Указами 1712, 1714, 1715 и 1720 годовъ [1]) приказано было устроить «гошпитали» при церквахъ для подкидышей въ Москвѣ и другихъ городахъ [2]). На содержаніе гошпиталей ассигнуются государственные неокладные доходы; сколько можно догадываться по неяснымъ словамъ этихъ краткихъ узаконеній «гошпитали» устраиваются не для пріема только подкидышей, но и для общественнаго воспитанія въ нихъ. Но въ такомъ смыслѣ названные указы не были выполнены. Въ Москвѣ подкидываемые младенцы оставались на попеченіи губернской канцеляріи. Эта послѣдняя пріискивала кормилицъ и раздавала имъ дѣтей на руки туда, гдѣ каждая изъ нихъ живетъ. Въ 1724 г. въ московской канцеляріи вѣдалось такихъ дѣтей 865 отъ полугода до 8 лѣтъ и кормилицъ при нихъ 218. Обычныя злоупотребленія, сопровождающія эту систему воспитанія, господствовали и въ то время: родныя матери являлись кормилицами и брали собственныхъ дѣтей; вмѣсто незаконныхъ дѣтей подставлялись законные; законныхъ дѣтей крали у отца и матери и представляли начальству, чтобы взять ихъ себѣ на прокормленіе и получать на нихъ содержаніе [3]). Вскормленныхъ подростковъ отдавали въ ученіе мастерствамъ, а дѣвочекъ въ услуженіе [4]). Во всякомъ случаѣ при такомъ способѣ призрѣнія о вліяніи государства на

---

[1]) П. С. З. №№ 2477, 2856, 2953 и 3502. Содержаніе всѣхъ этихъ законовъ почти тожественно, изъ чего слѣдуетъ заключить, что они были дурно выполняемы.

[2]) См. И. Е. Андреевскаго: «Полицейское право». Т. 1. Ч. 1. 374.

[3]) См. документъ, выписан. С. М. Соловьевымъ изъ дѣлъ кабин. II, кн. 66. (Ист. Росс. Т. XVIII, стр. 204).

[4]) «Въ воспоминаніе столѣтняго юбилея Спб. Воспит. Дома». 1872 стр. 30.

воспитаніе и образованіе дѣтей не можетъ быть и рѣчи; они не воспитывались государствомъ, а лишь вскармливались.

Въ слѣдствіе этихъ причинъ государство опять обратилось къ церкви; церковными учрежденіями, которыя спеціально призваны къ исполненію этой обязанности, объявлены монастыри. Еще въ древней Россіи за ними была признана эта миссія—призрѣвать сиротъ, бѣдныхъ, увѣчныхъ и старыхъ, что и было ихъ земнымъ, государственнымъ значеніемъ; теперь къ нимъ обращается государство, вмѣняя призрѣніе въ обязанность и регулируя ее. Обращеніе монастырей въ домы призрѣнія совершено замѣчательнымъ именнымъ указомъ 1724 г. янв. 31-го, который вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ быть названъ общимъ уставомъ монастырскихъ учительскихъ институтовъ и школъ для бѣдныхъ. Указъ этотъ дѣлится на два опредѣленія, изъ которыхъ 2-е, посвященное образованію изъ Невскаго монастыря учительскаго института для среднихъ школъ сюда не относится; мы обращаемъ здѣсь вниманіе на опредѣленіе 1-е, въ которомъ изъ разныхъ монастырей образуется цѣлая система призрѣнія, первоначальнаго воспитанія и элементарнаго образованія. Учрежденія эти раздѣляются на три части: а) монастыри собственно для призрѣнія, именно больныхъ старыхъ и увѣчныхъ; б) монастыри для первоначальнаго воспитанія дѣтей лишенныхъ семьи и в) монастыри для элементарнаго образованія мальчиковъ. Вторая изъ этихъ трехъ задачъ возложена на женскія монастыри. Они должны были принимать сиротъ обоего пола и «обоихъ сортовъ, т. е. безъ призрѣнія послѣ родителевъ оставшихъ и подкидышей или явленныхъ такихъ» (незаконнорожденныхъ). Здѣсь сироты до 5 лѣтняго возраста остаются на вскормленіи—физическомъ воспитаніи (для чего при монастыряхъ для грудныхъ опредѣлены были кормилицы). Съ 5 лѣтъ дѣти начинаютъ обучаться грамотѣ вмѣстѣ оба пола въ тѣхъ же женскихъ монастыряхъ. По достиженіи 7 лѣтняго возраста мальчики выводятся изъ женскихъ монастырей въ особыя образовательныя учрежденія (тоже монастыри), а дѣвочки продолжаютъ свое образованіе тамъ, гдѣ его начали. Кругъ образованія ихъ составляютъ грамотность и слѣд. мастерства: пряжа, шитье, плетенье кружевъ. Для обученія этимъ мастерствамъ должны быть выписаны изъ Брабанта

дѣвицы сироты, воспитанныя въ тамошнихъ монастыряхъ. Женскія монастыри, назначенныя для этой цѣли должны быть приспособлены къ ней и со внѣшней стороны: ходы къ церквамъ для постороннихъ должны быть устроены съ улицъ [1]).

Мальчики, какъ сказано, переводятся по достиженіи ими 7 лѣтняго возраста въ мужскіе монастыри, которые, повидимому, должны были носить лишь имя монастырей, составляя въ сущности элементарныя училища для сиротъ. Указъ выражается объ этомъ такъ: «надлежитъ особливыя *жилища* опредѣлить (понеже въ монастырѣхъ имъ быть неприличино); къ чему выведенные монастыри угодны будутъ». Эти *выведенные* монастыри очевидно суть монастыри, стоящіе внѣ городскихъ населеннѣйшихъ пунктовъ и слѣдовательно внѣ городскаго шума. Кругъ образованія здѣсь состоялъ, кромѣ вѣры и заповѣдей Божіихъ, изъ ариѳметики и геометріи (т. е. обыкновенной программы, принятой въ Петровскихъ элементарныхъ школахъ).

Свѣдѣнія, изложенныя здѣсь и взятыя изъ ук. 1724 г. янв. 31, дополнены частію указомъ, который въ томъ же году въ маѣ получилъ въ Москвѣ капитанъ-гвардіи Баскаковъ. Указъ Баскакову лишь примѣняетъ къ Москвѣ общія опредѣленія, изложенныя въ узаконеніи 31 янв. Здѣсь для призрѣнія больныхъ, старыхъ и увѣчныхъ назначены монастыри Вознесенскій и Чудовъ; для призрѣнія и воспитанія сиротъ-Новодѣвичій, для «школъ» т. е. элементарнаго училища для мальчиковъ предоставляется выбрать монастырь св. синоду. Устройство содержанія сиротъ въ женскихъ монастыряхъ предоставлено «произволенію» Баскакова, съ тѣмъ однакожъ, чтобы это содержаніе имѣло сходство съ домашнимъ (чтобы учрежденія для призрѣнія сиротъ носили на себѣ характеръ семьи); но въ нихъ должно быть и нѣчто «лишнее», напр. чистота и бѣлье должны быть не таковы, какъ въ большей части семействъ низшаго класса. Исполняя этотъ указъ, Баскаковъ распредѣлилъ всѣхъ сиротъ Новодѣвичьяго монастыря на возрасты: $^1/_2$ годовой, годовой, двухлѣтній, трехъ и четырехлѣтній, пятилѣтній и шестилѣтній. Первый возрастъ находился въ рукахъ 18 кормилицъ; вто-

[1]) П. С. З. № 4450. Т. VII.

рой въ рукахъ 18 монахинь. Дѣти 4-го возраста поручались монахиняхъ, изъ которыхъ каждой ввѣрялось трое сиротъ. Въ 3-мъ возрастѣ каждой по 4. Наконецъ для обученія грамотѣ дѣтей 6-го возраста назначено было 6 монахинь. Содержаніе сиротъ отпускалось и въ деньгахъ и въ отсыпномъ хлѣбѣ. Дѣтей первыхъ двухъ возрастовъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ было по 36 въ каждомъ [1]).

Что касается до источниковъ содержанія, то на это указываетъ отчасти слѣд. указъ, данный въ маѣ 1724 года св. синоду:

«Св. синодъ! деньги, собираемыя за штрафъ съ раскольниковъ, безъ указу нашего ни на какіе расходы не держите, понеже оныя нужны для строенія въ монастыряхъ и на ученіе сиротъ, пока вся экономія ваша окончится».

Это было послѣднее узаконеніе, въ которомъ мѣста призрѣнія, состоящія въ духовномъ вѣдомствѣ, предполагаются существующими и принимаются въ разсчетъ. Думать надобно, что впослѣдствіи онѣ падаютъ и, лишь по мѣстамъ, основываются вновь. Такую частную мѣру о возстановленіи монастырскихъ домовъ призрѣнія мы находимъ въ именномъ указѣ 1738 года, содержащемъ въ себѣ инструкцію для управленія Троицкаго Сергіева монастыря. Здѣсь законъ рекомендуетъ «не предавать забвенію» слѣд. двухъ общественныхъ золъ: сироты, оставшіеся безъ родителей, скитаются безъ всякаго призрѣнія, «не имѣя ни *пропитанія*, ниже *добраго наставленія и ученія*» и, возмужавши, уже не могутъ пристать ни къ какому ремеслу, даже и къ земледѣлію; потомъ рожденные внѣ брака часто умерщвляются своими матерями отъ страха и стыда. Въ слѣдствіе этого синоду предписывается выбрать близъ Сергіева монастыря удобное мѣсто и построить «сиротскій домъ», или обратить къ этому назначенію одинъ изъ женскихъ монастырей, для воспитанія малолѣтнихъ сиротъ и принятія незаконнорожденныхъ младенцевъ. Воспитаніе и образованіе, соединенное съ призрѣніемъ, распредѣляется здѣсь нѣсколько иначе, чѣмъ въ узаконеніи

[1]) Выписано (изъ дѣлъ кабин. II кн. № 66 и 1 кн. № 31) С. М. Соловьевымъ въ Ист. Рос. Т. XVIII, стр. 204.

1724 года: періодъ общаго воспитанія дѣтей обоего пола продолжается до 10 лѣтняго возраста мальчиковъ, которые послѣ того, смотря по способностямъ, распредѣляются по разнымъ спеціальнымъ школамъ и ремесленнымъ заведеніямъ: или въ семинарію, или въ низшія школы для обученія ариѳметикѣ и геометріи, или въ обученіе мастерствамъ, рисованію (иконописному и живописному), искусствамъ-рѣзному, столярному и др.. Дѣвочки продолжаютъ воспитываться въ сиротскомъ домѣ (или въ женскомъ монастырѣ), гдѣ, послѣ элементарнаго образованія, обучаются женскимъ ремесламъ. Онѣ остаются въ сиротскомъ домѣ «до возраста» безвыходно, какъ монахини; послѣ же могутъ быть выданы замужъ.

По образцу этого учрежденія синоду предписывается устроить подобные же сиротскіе домы и въ другихъ епархіяхъ [1]).

Узаконенія о призрѣніи и первональномъ образованіи и воспитаніи сиротъ и подкидышей, очевидно, вызваны были готовымъ образцомъ частной дѣятельности митроп. Іова. Ранѣе изданія узаконеній о госпителяхъ и сиротскихъ домахъ, онъ устроилъ въ своей епархіи цѣлую систему мѣстъ призрѣнія, изъ которыхъ одно имѣетъ связь съ предметомъ нашего разсмотрѣнія: домъ для призрѣнія сиротъ и незаконнорожденныхъ, устроенный имъ въ Колмовѣ монастырѣ близъ Новгорода, на счетъ архіерейской каѳедры. Историки народнаго призрѣнія въ Россіи [1]) по справедливости относятся съ величайшимъ уваженіемъ къ этой мѣрѣ, предупредившей не только подобныя же учрежденія въ Россіи, но и во многихъ другихъ европейскихъ странахъ. Къ сожалѣнію воспитательная и образовательная сторона учрежденій Іова вовсе неизвѣстна. Учрежденія, созданныя м. Іовомъ, были совершенно частныя: если правительство обезпечило за ними доходы нѣкоторыхъ монастырей, то этимъ возвращалось лишь Іову право распоряженія монастырскими имуществами, тогда еще не вполнѣ секуляризованными.

---

[1]) П. С. З. № 7660 (Т. X).

[1]) Стога: «О началѣ устроенія и распространенія въ Россіи общественнаго призрѣнія». П. Ханыкова: «Историческій очеркъ правительственныхъ мѣръ по части общественнаго призрѣнія въ Россіи» (Ж. М. Вн. Д. 1851, ч. XXXVI).

Этимъ ограничиваются законодательныя мѣры и административныя распоряженія относительно монастырскихъ сиротскихъ домовъ и элементарныхъ школъ для бѣдныхъ. Законодательству трудно было примѣнить общія начала призрѣнія при обязательности профессій; только лица, происхожденіе которыхъ неизвѣстно (подкидыши) [1]), и сироты дѣвочки могли безспорно воспользоваться общими учрежденіями для призрѣнія; всѣ остальные должны находить пріютъ въ учрежденіяхъ своей профессіи, въ своемъ сословіи. Таковы были вопервъ. сироты крѣпостныхъ (т. е. прежнихъ холоповъ и крестьянъ). До тѣхъ поръ пока владѣлецъ не отрекся заботится о нихъ, государство не считало себя въ правѣ примѣнить къ нимъ начала общественнаго призрѣнія.

Вопросъ, возникающій отсюда, рѣшенъ сенатскимъ указомъ 1729 г., іюля 25 [2]), въ слѣдствіе частнаго представленія изъ Москвы объ уличныхъ мальчикахъ бродягахъ. Разсортировывая ихъ, сенатъ приказалъ отослать въ коллегію экономіи для содержанія и обученія только «вольныхъ» бродягъ, какое распоряженіе должно имѣть силу и на будущее время. Вмѣстѣ съ этимъ сенатъ предполагалъ составить «точное опредѣленіе», т. е. полный уставъ о призрѣніи пойманныхъ бродягъ, незаконнорожденныхъ, сиротъ и солдатскихъ дѣтей (которые по справедливости поставляемы были наравнѣ съ сиротами); для этой цѣли сенатъ приказалъ собрать и доставить ему свѣдѣнія о состояніи гарнизонныхъ и другихъ школъ и госпитателей зазорныхъ младенцевъ (т. е. тѣхъ мѣстъ призрѣнія незаконнорожденныхъ, о которыхъ было говорено выше).

Результатомъ предположенныхъ законодательныхъ работъ былъ рядъ мѣръ, посвященныхъ только судьбѣ солдатскихъ дѣтей и гарнизоннымъ школамъ. Правительство ревниво смотритъ чтобы лица, обязанныя службою, не потерялись для службы, попавши подъ попеченіе духовнаго начальства, въ его учрежденіяхъ для призрѣнія. Въ 1731 году былъ изданъ особый указъ о томъ, чтобы дѣти отставныхъ солдатъ, опредѣ-

---

[1]) Правительство при Петрѣ I весьма послѣдовательно учреждаетъ непосредственно отъ себя только «госпитали зазорныхъ младенцевъ».

[2]) П. С. З. № 5450 (т. VIII).

ленныя въ богадѣльни, были возвращены изъ коллегіи экономіи въ военную коллегію, которая отсылаетъ малолѣтнихъ въ гарнизонныя школы, а годныхъ въ службу [1]). Мало того: общественное призрѣніе и воспитаніе сиротъ получило чрезъ такое частное направленіе правительственныхъ мѣръ, видъ весьма спеціальный. Призрѣваемые *всякаго званія* должны быть отдаваемы въ гарнизонныя школы «для обученія грамотѣ и прочихъ наукъ» [2]). Такимъ образомъ и здѣсь, какъ и въ исторіи цыфирныхъ школъ система элементарнаго образованія подчиняется системѣ профессіональной: и школы для бѣдныхъ переходятъ, подобно цыфирнымъ, въ гарнизонныя солдатскія.

Но такъ какъ гарнизонныя школы суть заведенія, предназначенныя для обученія, а не для призрѣнія вмѣстѣ, то рождался вопросъ, что дѣлать съ тѣми сиротами, которыя еще не годятся для поступленія въ гарнизонныя школы? Еще въ 1723 г. было предписано «раздавать безродныхъ младенцевъ на воспитаніе съ вѣчнымъ за воспитателями укрѣпленіемъ» [3]). Но окончательно вопросъ этотъ (опять частнымъ образомъ относительно судьбы солдатскихъ дѣтей) рѣшенъ въ 1744 г. сенатскимъ указомъ 11 іюля [4]). Оригинальное содержаніе этого указа заслуживаетъ болѣе близкаго знакомства съ нимъ.

Младенцевъ сиротъ или нищихъ («которые матерей, и родственниковъ и свойственниковъ у себя не имѣютъ, или кои хотя и имѣютъ, да пропитанія своего у нихъ нѣтъ») отдавать помѣщикамъ («всякаго чина людямъ, имѣющимъ деревни») и купцамъ, имѣющимъ фабрики и заводы, кто согласится взять ихъ изъ платежа подушнаго оклада. Сироты отдаются «для воспитанія и дабы оныя вовсе безъ призрѣнія и пропитанія пропасть не могли». Но на какихъ же условіяхъ могли согласиться землевладѣльцы и фабриканты взять на себя попеченіе объ этихъ сиротахъ, съ платежомъ притомъ за нихъ подушныхъ денегъ? Вотъ какихъ: «быть оными у нихъ вѣчно, равно какъ купленными и крѣпостными ихъ людямъ». Для

---

[1]) П. С. З. № 5757 (Т. VIII).
[2]) Ук. 1736 г. іюля 26. П. С. З. № 7017 (Т. IX).
[3]) П. С. З. № 4335 (Т. VII).
[4]) П. С. З. № 8989 (Т. XII).

этого они записываются за владѣльцами въ перепись, изъ которой выписи получаютъ владѣльцы. Мотивы такого страннаго распоряженія указаны сенатомъ слѣдующіе: «правительствующій сенатъ опредѣлилъ для того, что оныхъ въ школы за совершеннымъ малолѣтствомъ, отдавать не можно, а пропитанія не имѣютъ, и для содержанія таковыхъ казенныхъ сиротскихъ домовъ и на то суммы нѣтъ». Затѣмъ справедливо говоритъ сенатъ, что никто не возметъ ихъ на пропитаніе и воспитаніе до урочныхъ 7 лѣтъ т. е. до опредѣленія ихъ въ гарнизонную школу, безъ всякаго вознагражденія; отъ этого для сиротъ возникала неизбѣжная перспектива или умирать съ голоду, или испортиться въ бродяжничествѣ («въ худыхъ поступкахъ обращаться»). Этого послѣдняго сенатъ еще не считаетъ единственною причиною для вмѣшательства въ ихъ судьбу со стороны государства; государственный вредъ состоитъ въ томъ, что испорченные бродяги будутъ ускользать отъ государственныхъ налоговъ. Отсюда ясно, что общественныхъ учрежденій для призрѣнія малолѣтнихъ уже не было. Начала, положенныя м. Іовомъ и Петромъ В., не только не развивались, но и совсѣмъ были забыты. Сенатъ въ 1744 г. имѣлъ право сказать: «казенныхъ сиротскихъ домовъ нѣтъ».

Замѣна призрѣнія рабствомъ очевидно было принята и продолжала практиковаться до конца елисаветинскаго царствованія, когда, наконецъ, правительство признало необходимымъ учредить мѣста призрѣнія и воспитанія при профессіональныхъ школахъ. Это и было рѣшено указомъ 1761 г. нояб. 6 опять относительно солдатскихъ дѣтей: тѣ изъ нихъ, которымъ семья не можетъ доставить пропитанія, должны быть опредѣляемы въ гарнизонныя школы, хотя бы и не достигли узаконеннаго возраста 7 лѣтъ [1]).

Изложенныя выше узаконенія касались дѣтей, лишенныхъ семьи или дѣтей нищихъ родителей. По правительству того времени представился случай, который показалъ, что государству приходится иногда примѣнять общественное призрѣніе и первоначальное воспитаніе къ такимъ дѣтямъ, которые имѣютъ достаточныхъ родителей. Это бываетъ тогда, когда семья не внушаетъ государству ни малѣйшаго довѣрія

---

[1]) П. С. З. № 11,354 (Т. XV).

въ томъ, что данное ею первоначальное воспитаніе будетъ сколько нибудь соотвѣтствовать «государственной пользѣ». Таковы дѣти ссыльныхъ, отправленные на мѣсто ссылки съ ихъ отцами. Ссылка цѣлыхъ семействъ за преступленія главы семейства примѣнялась иногда въ этотъ вѣкъ по особеннымъ мѣстнымъ соображеніямъ, именно съ цѣлію военной колонизаціи открытыхъ границъ на востокѣ. Такъ въ 1739 г., авг. 26 данъ былъ указъ о подобномъ переселеніи семействъ преступниковъ въ Оренбургъ вмѣстѣ съ ихъ отцами, и о высылкѣ туда семействъ прежде сосланныхъ лицъ, если семейства не принадлежатъ помѣщикамъ по платежу подушнаго оклада. Въ 1748 году Оренбургская губернская канцелярія представляла сенату, что въ то время въ Оренбургѣ, Бердской слободѣ и Чернорѣченской крѣпости дѣтей ссыльныхъ мужескаго пола разныхъ лѣтъ было 188. Губернская канцелярія нашла необходимымъ имѣть о нихъ «довольное разсужденіе», исходящее изъ слѣдующихъ мотивовъ: дѣти ссыльныхъ (какъ и отцы ихъ) не записаны и по закону не должны быть записаны въ подушный окладъ, слѣдовательно они лица казенныя: «должны прочены быть къ казенному употребленію. Предназначаясь къ казенному употребленію они, въ особенности же маловозрастные, должны быть «воспитаны такъ какъ государственная польза требуетъ». Этого ожидать нельзя отъ ихъ отцовъ, «отъ которыхъ (дѣти) ничего инаго, кромѣ худыхъ примѣровъ и продерзостныхъ поступковъ, видѣть не могутъ; по возрастѣ ихъ разбродиться и въ такія жъ непотребства будутъ впадать, каковыя отъ отцовъ ихъ происходятъ; а тако отъ нихъ не инаго чего ожидать, какъ умноженія воровства и всякихъ непотребствъ, что по силѣ государственныхъ правъ предостерегать надлежитъ». Отсюда никакъ нельзя заключить, что нравственная польза дѣтей была единственнымъ побужденіемъ заботливости о нихъ, какъ увидимъ сейчасъ.

Результатъ этихъ разсужденій слѣдующій: въ Оренбургѣ учреждается школа, въ которую собираются всѣ дѣти ссыльныхъ отъ 7 до 15 лѣтняго возраста, изъ всѣхъ окружныхъ поселеній. Предметы обученія въ этой школѣ: россійская грамота, *чистое* письмо, нотное пѣніе, исповѣданіе православной вѣры и первыя части ариѳметики. Учитель рус-

ской грамоты для этой школы на первыхъ порахъ берется изъ тѣхъ учениковъ тамошней татарской школы, которые уже хорошо знаютъ грамоту и письмо. Школа состоитъ въ вѣдомствѣ губернской канцеляріи. Для помѣщенія ея и учениковъ отводится казарма. Источники содержанія ея (учебныя пособія и содержаніе учениковъ) заимствуются изъ остатковъ губернскихъ доходовъ отъ некомплекта чиновниковъ, изъ доходовъ тамошней аптеки и изъ провіанта, доставляемаго мѣстною провіантскою конторою. Продовольствіе учениковъ приравнивается къ продовольствію учениковъ гарнизонныхъ школъ (дѣти отъ 7 до 10 лѣтъ получаютъ по одному четверику ржи, выше 10 лѣтъ по два въ мѣсяцъ): ученикамъ, обнаружившимъ большую даровитость и прилежаніе, можетъ быть назначено и денежное жалованье.

И эта школа, подобно школамъ для бѣдныхъ, не избѣжала вліянія профессіональной системы: это видно какъ изъ круга лицъ, дѣти которыхъ обязательно берутся въ нее, такъ и цѣли, для которой предназначаются ученики по окончаніи образованія. Дѣти ссыльныхъ, уже записанныхъ въ козаки, не подлежатъ обученію въ ней: они пріурочены уже къ наслѣдственной профессіи,-предназначены къ службѣ ихъ отцовъ.

«Что же касается (говоритъ губернская канцелярія) до такихъ, которыхъ отцы, хотя и ссыльные, но уже по крѣпостямъ дѣйствительно въ козачьей службѣ находятся, то оныхъ всѣхъ въ предписанную школу не брать, но оставить ихъ впредь для комплекта козачьяго въ тѣхъ крѣпостяхъ, гдѣ отцы изъ козаками находятся, или въ другихъ мѣстахъ, гдѣ они къ той же службѣ потребны будутъ».

Далѣе тѣ изъ дѣтей ссыльныхъ, о которыхъ заявитъ какой либо помѣщикъ, что они, по платежу подушнаго оклада, ему крѣпки, немедленно освобождаются отъ школы и передаются помѣщику; а этотъ послѣдній обязанъ вознаградить казну за издержки, употребленныя ею на воспитаніе и обученіе его крѣпостныхъ. Такимъ образомъ здѣсь дѣйствуютъ интересы казны, а не интересы государства.

Для казеннаго же интереса предназначаются люди, прошедшіе чрезъ школу для ссыльныхъ: они должны («понеже они не суть солдатскіе дѣти»), по достиженіи 18 лѣтняго

возраста поступать на гражданскую службу, на должности, положенныя по губернскому штату, сообразно съ понятіемъ и способностями каждаго. Тѣ изъ нихъ, которые окажутся негодными для гражданской службы, могутъ быть опредѣлены въ военную.

Мы сказали уже, что инородцы были счастливѣе господствующей народности; образованіе инородцевъ озабочивало государство въ то время, когда оно совершенно оставило всѣ попытки къ распространію элементарнаго образованія среди русскаго населенія. Причины этого понятны: образованіе инородцевъ цѣнилось какъ образованіе иновѣрцевъ; цѣль образованія лежитъ не въ немъ самомъ, а въ сторонннхъ религіозныхъ интересахъ. Таково начало элементарнаго образованія въ самомъ русскомъ народѣ въ эпоху его первоначальнаго просвѣщенія христіанствомъ. Теперь тоже самое совершается въ меньшемъ размѣрѣ на окраннахъ Россіи.

Эти религіозныя цѣли выполняются или тѣмъ, что образованіе въ христіанскихъ школахъ приготовляетъ учениковъ дѣтей иновѣрцевъ къ воспріятію христіанства, или тѣмъ, что дѣти принявшихъ христіанство, образовываясь въ школахъ, усвоиваютъ внутреннюю силу его. Первый путь правительство избирало рѣдко; оно шло преимущественно вторымъ путемъ и потому школы миссіонерскія, по справедливости, называются «новокрещенскими».

Но религіозная цѣль въ новокрещенскихъ школахъ XVIII в. уже не была единственною. Инородческое образованіе, находясь въ рукахъ государства, а не одной только церкви, направляемо было государствомъ и къ другой цѣли, къ распростаненію *русской* цивилизаціи среди полудикихъ племенъ, подчиненныхъ русскому государству, т. е. къ распространенію между ними русскаго языка и русской письменности. Это считалось лучшимъ средствомъ ассимиляціи племенъ нерусскихъ. Поэтому миссіонерскія школы, по справедливости, въ то же время могутъ быть названы и инородческими. Обѣ эти цѣли, повидимому столь сходныя, находятся, однако, во внутреннемъ взаимномъ, противорѣчіи: такъ предъ христіанскою вѣрою, особенно въ православномъ ея исповѣданіи, нѣтъ исключительныхъ національностей («нѣтъ ни іудеевъ ни эллиновъ»); она напротивъ, укрѣп-

ляетъ національности, сообщая высокія христіанскія понятія на народномъ языкѣ. Народный языкъ считается, съ другой стороны, лучшимъ условіемъ для успѣха проповѣди. Между тѣмъ государственныя цѣли ассимиляціи инородцевъ требуютъ именно скорѣйшаго распространенія между ними языка господствующей націи. Хотя въ дѣйствительности та и другая цѣль примиряются жизнію и крещеные инородцы всего скорѣе сближаются съ господствующею націею по языку и правамъ; но въ законодательной сферѣ, тѣмъ не менѣе, противорѣчіе этихъ цѣлей было источникомъ большихъ затрудненій. Къ этому слѣдуетъ присовокупить неясность и двойственность самыхъ религіозныхъ задачъ.

Объ названныя цѣли были указаны правительству нач. XVIII в. (но безъ всякой попытки примирить ихъ противоположности). Посошковъ въ отрывкѣ уже приведенномъ нами выше, рекомендуетъ правительству учрежденіе миссіонерскихъ школъ среди Мордвы, именно для распространенія христіанства (а не для утвержденія въ вѣрѣ крещенныхъ: «а иные выучась грамотѣ, познаютъ св. христіанскую вѣру, возжелаютъ и крестится»). Другой проэктъ, принадлежащій Симанову, рекомендуетъ учрежденіе школъ среди той же Мордвы для обѣихъ религіозныхъ задачъ (и для утвержденія въ христіанствѣ и для распространенія его), предлагаетъ обучать какъ крещеныхъ, такъ и некрещеныхъ.

«Въ градскихъ уѣздахъ, пишетъ онъ, живутъ язычницы Мордва, не вѣдущіи Бога и погибаютъ въ невѣріи, а многіе изъ нихъ и дѣти ихъ извычайны славенскому языку и обычаемъ и живутъ между христіанъ, токмо нѣсть въ нихъ славянороссійской грамоты ученія; а которые и крещены и тѣ за невѣдѣніемъ писанія держатся древнихъ своихъ обычаевъ и въ вѣрѣ заблуждаютъ..... Егда познаютъ писаніе (продолжаетъ онъ) и въ немъ уразумѣютъ истиннаго Бога, тогда самовольно (т. е. добровольно) обратятся къ крещенію, обратятъ и прочихъ къ вѣрѣ христіанской и будетъ неизглаголанная ангеломъ въ небесехъ радость и веселіе человѣкомъ на землѣ, а св. прав. синодъ возвеличенъ отъ Бога».

Составитель проэкта совершенно упускаетъ изъ виду другое, государственное значеніе инородческаго образованія. Онъ предлагаетъ обучать дѣтей инородцевъ не для ознаком-

ленія ихъ съ русскимъ языкомъ и письменностію, и поэтому именно рекомендуетъ набирать въ школу уже знающихъ русскій языкъ и даже штрафовать тѣхъ родителей, которые будутъ ложно утверждать, что дѣти ихъ не знаютъ по-русски. Симановъ предполагаетъ обязательное обученіе для дѣтей Мордвы, однако не всеобщее. Это очевидное противорѣчіе двухъ требованій примиряется у него слѣдующимъ страннымъ образомъ: въ школу набираются дѣти 12 л. и ниже по одному съ 10 мордовскихъ дворовъ.

Образованіе, которое предполагается давать въ этихъ школахъ, преимущественно-религіозное. А такъ какъ такой характеръ имѣло издревле народное русское образованіе, то оно цѣликомъ примѣняется къ крещеннымъ и некрещеннымъ мордвинамъ; образованіе это состоитъ изъ азбуки, часослова и псатыри (по крайней мѣрѣ эти книги Симановъ рекомендуетъ раздавать ученикамъ безденежно).

Такое образованіе сообщается въ школахъ, которыя содержатся на счетъ мордовскаго населенія по равной раскладкѣ хлѣба и харчей на всякіе 10 мордовскихъ дворовъ; затѣмъ учебныя пособія раздаются безденежно. Казенный расходъ на книги возвращается отчасти изъ штрафовъ съ родителей, укрывающихъ дѣтей отъ школы. Школы не должны быть отдалены отъ мѣста жительства семействъ учениковъ (требованіе столь важное и постоянно забываемое законодательствомъ XVIII в.); причина этого, указываемая проэктомъ та, чтобы отцы могли чаще видѣться съ дѣтьми свободно, «понеже не будутъ о дѣтяхъ своихъ туженія имѣть». Столь вѣрная педагогическая мысль не должна, повидимому, примѣняться къ миссіонерскимъ школамъ, которыя именно разсчитываютъ на разрывъ съ преданіями семьи-ея язычествомъ и инородчествомъ. Но Симановъ очевидно вѣрилъ въ силу вліянія школы и, какъ мы видѣли, разсчитывалъ на обращеніе къ вѣрѣ христіанской родителей посредствомъ дѣтей. Такія школы, само собою разумѣется, должны быть многочисленны; по этому проэктъ и предлагаетъ, въ видахъ экономіи, воспользоваться для нихъ опустѣвшими мордовскими избами и постоялыми дворами. Учителя для школъ тѣже, которые были учителями и въ древне-русскихъ элементарныхъ школахъ, попы и дьяконы; но такъ какъ въ странѣ

полуязыческой приходовъ не могло быть много, то и обязанности учителей возлагаются не на приходское духовенство, а на вдовыхъ (т. е. заштатныхъ) поповъ и дьяконовъ. Главное управленіе миссіонерскими школами возлагается на св. синодъ и, подъ его вѣдѣніемъ, на мѣстнаго епископа. Ближайшее завѣдованіе ими Симановъ принималъ на себя. Синодъ распредѣлялъ, съ утвержденія государя, окончившихъ курсъ по своему усмотрѣнію. Этимъ послѣднимъ пунктомъ проэкта Симановъ отдалъ дань направленію законодательства XVIII в., придавъ и миссіонерскимъ школамъ служебный (именно церковный) характеръ [1]).

Такимъ образомъ проэкты Посошкова и Симанова рекомендуютъ правительству учрежденіе школъ на мѣстахъ инородцевъ для распространенія между ними исключительно церковнаго образованія посредствомъ принудительныхъ мѣръ относительно родителей, съ оставленіемъ школъ въ управленіи духовнаго начальства и съ назначеніемъ въ нихъ учителей изъ лицъ духовныхъ. Посмотримъ какъ выполнило правительство всѣ части этихъ проэктовъ, и прежде всего относительно учрежденія школъ.

Хотя проэкты поданы были еще при Петрѣ, но не видно, чтобы правительство приняло въ 20-хъ годахъ XVIII в. какія либо мѣры къ учрежденію школъ среди инородцевъ. Первую законодательную мѣру (если не считать переписки синода и сената съ Тихономъ митрополитомъ Казанскимъ, которая не привела ни къ какимъ опредѣленнымъ мѣрамъ) по этому вопросу мы встрѣчаемъ въ 1732 году. Она касалась образованія астраханскихъ инородцевъ; какъ видно,

---

[1]) Описан. докум. и дѣлъ, хран. въ архивѣ св. синода. Прилож. XVI. Общая мысль проэкта изложена Симановымъ 1723 г. февр. 27 предъ синодомъ, который отнесся съ видимымъ недовѣріемъ къ составителю проэкта и потребовалъ отъ него между прочимъ сказку о томъ: «онъ самъ гдѣ учился и отъ кого? и знаетъ ли которую науку школьную?» Симановъ 8 марта откровенно отвѣчалъ, что «онъ изучился грамотѣ въ нижегородскомъ уѣздѣ въ въ Макарьевѣ монастырѣ Желтоводскомъ отъ дѣда своего роднаго іеромонаха Сергія Власова) а въ школьномъ ученіи не бывалъ; производитъ де онъ отъ ученія божественныхъ книгъ». Синодъ забылъ, что такіе просвѣтители инородцевъ, какъ Стефанъ Пермскій и Гурій Казанскій, тоже въ школахъ не бывали и свои знанія и свою могучую дѣятельность производили только отъ божественныхъ книгъ.

инициативою правительственной дѣятельности въ этомъ направленіи исторія обязана Кирилову, подобно какъ послѣдующее развитіе мѣръ Неплюеву, двумъ замѣчательнымъ администраторамъ 1-й пол. XVIII в. 1732 г. февр. 14 данъ былъ сенатскій указъ:

«Въ Астрахани при Ивановскомъ монастырѣ, для обученія *новокрещенныхъ калмыцкихъ дѣтей* русской и калмыцкой грамотѣ, училищу быть и, для лучшей къ тому ученію охоты, тѣмъ ученикамъ жалованье давать противъ солдатскихъ дѣтей, которые учатся въ гарнизонныхъ школахъ, а кои будутъ въ наукѣ выходить къ совершенному знанію читать и переводить съ русскаго на калмыцкой съ калмыцкаго на русской, тѣмъ чинить сверхъ того прибавку по разсмотрѣнію и на содержаніе ихъ употребить нынѣ въ Астраханской губерніи изъ неположенныхъ въ штатъ доходовъ до 300 рублей и сколько изъ того числа въ нынѣшнемъ 1732 году издержано будетъ и на сколько человѣкъ, въ сенатъ репортовать, по которому впредь основательное опредѣленіе въ штатѣ учинено будетъ» [1]).

Изъ этого указа можно видѣть, что здѣсь правительство преслѣдовало не столько миссіонерскія цѣли, сколько свои чисто государственныя; для цѣлей администраціи нужны были люди, знающіе хорошо калмыцкій и русскій языкъ. О дальнѣйшей судьбѣ астраханской школы мы ничего не знаемъ. Знаемъ только, что она дѣйствительно была учреждена и сдѣлалась разсадникомъ другихъ школъ среди калмыковъ: еще въ 1741 г. лучшими учителями въ калмыцкихъ школахъ въ Ставрополѣ были присланные изъ Астрахани.

Въ 1737 г., когда калмыцкая княгиня Анна Тайшина приняла христіанскую вѣру съ своими калмыками и зайсанами, то правительство перевело ее для жительства въ Саратовскую губ. на рѣку Токъ (Ставрополь). При этомъ коллегія иностранныхъ дѣлъ, у которой въ вѣдомствѣ состояли эти инородцы, представила въ сенатъ проэктъ относительно устройства калмыковъ на новомъ мѣстѣ и между прочимъ утвержденія ихъ въ православной вѣрѣ посредствомъ образованія. Къ сожалѣнію самое представленіе коллегіи иностранныхъ дѣлъ, въ его подробностяхъ, не извѣстно намъ. Но

[1]) П. С. 3. № 5960 февр. 14, 1732.

изъ сенатскаго указа 18 апр. 1737 г. [1]) видно, что коллегія представляла, кромѣ заведенія школы, перевесть на калмыцкій языкъ новый завѣтъ и другія священныя и богослужебныя книги; сенатъ рѣшилъ отнестись о томъ въ св. синодъ. Съ своей же стороны сенатъ назначаетъ для перевода священныхъ книгъ и для миссіонерской дѣятельности бывшаго переводчикомъ при умершемъ ханѣ Петрѣ Тайшинѣ, Ивана Кондакова. Онъ долженъ состоять подъ начальствомъ духовнаго лица, которое будетъ назначено для тойже цѣли и «такъ какъ онъ былъ въ наукѣ», то можетъ, по мнѣнію сената, замѣнять духовное лицо въ обученіи крещенныхъ калмыкъ.

Изъ послѣдующихъ узаконеній [2]) видно, что тогда же въ 1737 г., вѣроятно по рѣшенію св. синода, при трехъ, учрежденныхъ для калмыковъ въ Ставрополѣ, церквахъ, опредѣлено быть одному архимандриту, 3-мъ священникамъ и 7 церковникамъ, съ ежегоднымъ жалованьемъ первому по 300 р., священникамъ по 200, церковникамъ по 100 р. Въ исполненіе этого распоряженія казанскій архіерей и выслалъ въ Ставрополь священниковъ и церковниковъ.

Но другія предположенія, выраженныя въ ук. 1737 г., не были выполнены, а именно школа не была учреждена, или по крайней мѣрѣ не была достаточно организована до іюля 1741 г. Въ 1737 г. вопросъ былъ рѣшенъ только голословно: завесть школу; но «токмо на какомъ тѣхъ школьниковъ пропитаніи содержать и тоя школу построить и прочее потребное къ тому ученію изъ какой суммы завести, о томъ въ указахъ не изображено, и суммы на то особливой не опредѣлено.» Въ 1741 году опять иностранная коллегія представляетъ сенату о необходимости завесть тамъ школу; поводомъ къ тому послужило донесеніе въ коллегію полковника Змѣева. Въ немъ Змѣевъ увѣряетъ, что съ одной стороны «калмыки желаютъ обучать дѣтей своихъ русской грамотѣ и письму; нынѣ уже (говоритъ онъ) сама княгиня Тайшина и многіе калмыки желаютъ, дабы школу завесть и калмыцкихъ ребятъ обучать и приводить въ истинное позна-

[1]) П. С. З. № 7228.
[2]) П. С. З. № 8394.

ніе съ прилежнымъ наставленіемъ» Съ другой стороны Змѣевъ доноситъ, что распоряженіе 1737 г. не только не помогло калмыцкому образованію, но отдалило возможность приступа къ нему, потому что присланные изъ Казани священники и причетники калмыцкаго языка не знаютъ; а между тѣмъ на нихъ расходуются большія суммы, которыя могли бы быть употреблены на заведеніе школы. Въ Ставрополѣ же и до прибытія этихъ священниковъ и причетниковъ были уже на лицо свои учебныя силы въ лицѣ прибывшихъ изъ Астрахани школьниковъ: Ляхова и Бестужева, бывшихъ еще при Петрѣ Тайшинѣ, и въ лицѣ какого—то протопопа Чубовскаго. Всѣ эти лица умѣютъ по калмыцки говорить и писать, бываютъ непрестанно въ степяхъ и улусахъ при крещеныхъ калмыкахъ и тамъ на калмыцкомъ языкѣ обучаютъ христіанскому закону, молитвамъ и крестному знаменію. По мнѣнію Змѣева слѣдовало бы часть жалованья, назначеннаго священникамъ и причетникамъ, присланнымъ изъ Казани, употребить на основаніе школы, которую и отдать въ завѣдованіе Чубовскаго. Какъ коллегія, такъ и сенатъ согласились съ этимъ мнѣніемъ. На содержаніе школы назначено 500 рублей изъ жалованья духовенства. Обучать велѣно русскому и калмыцкому языкамъ и грамотѣ (т. е. живому и письменному употребленію этихъ языковъ). Такимъ образомъ въ законодательномъ порядкѣ вторично рѣшенъ вопросъ о заведеніи школы въ Ставрополѣ, и въ оба раза съ очевиднымъ преобладаніемъ интересовъ государственныхъ надъ религіозными.

Наконецъ школа была учреждена дѣйствительно, но въ весьма скромныхъ размѣрахъ, именно на 10 учениковъ, съ жалованьемъ каждому по 12 руб. въ годъ. Все это видно изъ донесенія, присланнаго въ сенатъ оренбургскимъ губернаторомъ Неплюевымъ отъ 8 нояб. 1744 г.

Этотъ знаменитый администраторъ восточныхъ окраинъ Россіи рѣшился окончательно направить образованіе на дѣло обрусѣнія инородцевъ. Цѣль, поставленная имъ, слѣд: «ученіе калмыцкаго языка подъ рукою и время отъ времени выводить имъ изъ обычая». Удобнымъ средствомъ для этого онъ считалъ: расширить калмыцкую школу, принявъ въ нее отъ 20 до 30 учениковъ, «а буде пожелаютъ, то и больше».

Въ число учениковъ принимать преимущественно дѣтей болѣе вліятельныхъ лицъ въ калмыцкомъ населеніи, владѣльческихъ и лучшихъ зайсанскихъ дѣтей, конечно съ тою надеждою, что обрусѣвшіе въ школѣ дѣти этихъ лицъ впослѣдствіи окажутъ больше вліянія на развитіе русской цивилизаціи среди своихъ соплеменниковъ и подчиненныхъ. Обученіе въ школѣ должно состоять «изъ россійскаго чтенія, письма и добрыхъ обычаевъ». Школа должна быть изъята изъ исключительнаго завѣдованія духовенства; обученіе собственно должно находиться въ рукахъ нарочно приисканнаго учителя; лица духовныя должны быть только законоучители. Обученіе закону Божію должно производиться послѣ того, какъ ученики обучены русскому языку. Окончательная цѣль школы не миссіонерская: ученики вышедшіе изъ нея, не непремѣнно предназначаются къ поступленію въ духовное званіе, имъ предоставляется, по желанію, быть и «въ иныхъ чинахъ», чѣмъ по мнѣнію Неплюева, поощрится ихъ охота къ ученію.

Сенатъ вполнѣ согласился съ представленіемъ Неплюева. Онъ предоставилъ выборъ учителя или самому Неплюеву, или ставропольскому коменданту по соглашенію съ протопопомъ Чубовскимъ; штатъ содержанія школы, учителя и пріобрѣтенія учебныхъ пособій, составленный Неплюевымъ, утвердилъ. Затѣмъ опредѣленіе подробностей по тѣмъ частямъ проэкта, которыя касаются духовенства и преподаванія закона Божія, сенатъ предоставилъ синоду, указавъ, однако, этому послѣднему главныя начала, которыя кажутся сенату необходимыми. По мнѣнію сената слѣдуетъ назначить въ Ставрополь церковническихъ дѣтей изъ Казанской губ., съ тѣмъ, чтобы они нѣкоторое время здѣсь изучали калмыцкій языкъ, и могли быть произведены здѣсь во священники и назначаемы законоучителями въ школу; знанія калмыцкаго языка для законоучителей требовалъ и Неплюевъ. Руководительство въ дѣлѣ преподаванія закона Божія и сенатъ оставляетъ за тѣмъ же протопопомъ Чубовскимъ, котораго синодъ долженъ снабдить инструкціею. Духовенство, обучающее въ школѣ, получаетъ земельные надѣлы [1]).

Такъ выразился двойственный характеръ инородческихъ

[1]) П. С. З. № 9110.

школъ по отношенію къ астраханскимъ инородцамъ: образованіе признано важнымъ орудіемъ сколько для пропаганды русской цивилизаціи, столько и для пропаганды православной вѣры; но администрація колеблется въ попыткахъ примиренія этой двойственности.

Этимъ и ограничиваются краткія свѣдѣнія объ учрежденіи школъ въ Астраханскомъ краѣ; гораздо болѣе сохранилось свѣдѣній объ учрежденіи школъ въ Казанскомъ краѣ.

Въ центрѣ инородческаго населенія восточной Россіи дѣло образованія инородцевъ обратило на себя вниманіе правительства позже (именно съ 1735 г.), чѣмъ въ Астраханской окраинѣ. Но за то заботы мѣстныхъ церковныхъ управителей, а въ слѣдствіе этого, и св. синода предупредили задолго законодательныя и административныя мѣры государства. Въ самой Казани преданія, оставленныя святителемъ Гуріемъ, нашли себѣ подражателя въ митр. Тихонѣ.

Краткія свѣдѣнія о дѣятельности Тихона сообщаются лишь въ описаніи синодальнаго архива и повторяются потомъ изслѣдователями инородческаго вопроса [1]). Судя по этимъ свѣдѣніямъ, онъ учредилъ въ Казани инородческую школу въ 1707 г. Первый приступъ къ дѣлу былъ довольно удаченъ: въ школѣ было уже 32 мальчика, изъ которыхъ въ два года къ 1709 г. 5 прошли весь принятый тогда курсъ элементарнаго ученія (съ часословомъ и псалтыремъ включительно), 20 обучены часослову; остальные 7 умерли. Учительскую должность отправляли «архіерейскій пѣвчій и 8 малолѣтнихъ солдатъ». Но здѣсь тотчасъ и оказалось, что Симановъ былъ правъ, предлагая строить школы для инородцевъ на мѣстахъ ихъ родины и не прерывать сношеній школьниковъ съ ихъ семействами; въ 1709 г. было найдено, «что оныя новокрещенныя дѣти, будучи въ Казани безъ отцовъ и матерей своихъ, зачали помирать и другіе заболѣли». По крайней мѣрѣ по этой причинѣ гр. П. М. Апраксинъ нашелъ нужнымъ распустить учениковъ по домамъ [2]). Трудно сказать, какое отношеніе къ учрежденію этихъ школъ имѣло

---

[1]) Е. А. Маловъ: О новокрещенскихъ школахъ въ XVIII в. Прав. Обозр. 1868 іюль. И. А. Ѳирсовъ: Инородческое населеніе, стр. 138.

[2]) Опис. док. и дѣлъ Арх. св. синода стр. 368.

тогдашнее правительство: мы знаемъ только, что содержаніе учителей, школы и учениковъ было отъ казны (учитель пѣвчій получалъ по 6 ден. на день, малолѣтніе солдаты по 1 денгѣ на человѣка, вѣроятно тоже на день, и по $1^1/_2$ четв. муки ржаной въ мѣсяцъ; ученики получали больше: по 2 ден. на день человѣку и столько же муки въ мѣсяцъ, и полное одѣяніе); что эта дѣятельность митрополита не обходилась безъ содѣйствія государства доказывается прошеніемъ Тихона Петру В. отъ 1721 года, въ которомъ митрополитъ, вызывая содѣйствіе правительства къ новому учрежденію школъ, между прочимъ пишетъ: «а прежніе новокрещенскіе дѣти, которыя въ школахъ словесной грамотѣ учились въ Казанѣ, и учителемъ ихъ трактаментъ и провіантъ даванъ былъ изъ вашего в. государя казны» [1]). Это можетъ относиться равно какъ къ школамъ 1707–1709 г., такъ и къ школамъ 20-хъ годовъ; потому что Тихонъ, и по распущеніи школы Апраксинымъ, не оставлялъ заботъ объ образованіи инородцевъ; по словамъ его донесенія въ синодъ, онъ посылалъ іеромонаха Алексѣя въ Уржумскій, Яранскій, Санчурскій и Царевококшайскій уѣзды и этотъ послѣдній набралъ 20 чел. годныхъ къ ученію, «а отцы ихніе отдавать ихъ нехотѣли».

Въ упомянутомъ прошеніи Петру В. митрополитъ требуетъ отъ государства полнаго устава инородческихъ школъ въ Казани: «новокрещеннымъ дѣтямъ, которыя отобраны угодныя ко ученію славенскія грамоты, гдѣ ихъ въ школахъ учить и отколѣ ко ученію книги требовать? и ежели удобныхъ ко ученію, а отцы ихъ отдать не похотятъ, по неволѣ брать ли? Еще же учителемъ ихъ и имъ откуду довольствоваться пищею и трактаментомъ?» Синодъ передалъ просьбу Тихона на усмотрѣніе сената и, получивъ отъ сената одобреніе проэкту его, потребовалъ отъ него подробнѣйшихъ свѣдѣній о миссіонерскомъ вопросѣ, между прочимъ послѣдующимъ предметамъ:

«Отобранныхъ къ ученію славенскія грамоты того новокрещеннаго народа дѣтяхъ сколько отобрано и отобрать должно и коликое къ тому и какого званія требуются книги и что чего на трактаментъ

[1]) Ibid. Прилож. XXVIII (стр. CCCXI).

и на прочее ихъ содержаніе въ годъ надобно, и гдѣ удобно ихъ учить, и коликимъ при нихъ учителемъ потребно быть и сколько человѣкъ таковыхъ новокрещенныхъ дѣтей напредь сего, въ коликое время чего изучено и кто при нихъ были учители и каковымъ трактаментомъ и изъ какихъ доходовъ довольствовать».

Так. об. вмѣсто отвѣта Тихонъ получилъ вопросы. Такой же обмѣнъ вопросовъ повторился въ концѣ 1721 и нач. 1722 г. Въ дек. того же 1721 г. синодъ потребовалъ отъ казанскаго митрополита свѣдѣній: отъ чего крещенные изъ магометанской вѣры вновь обращаются въ нее. Этимъ случаемъ Тихонъ вновь воспользовался, чтобы напомнить правительству о слѣдующихъ предметахъ: «новокрещенскихъ дѣтей въ школы ко ученію по сколку человѣкъ каждого рода (народа?) должно отобрать? Отцевъ и ихъ самихъ какимъ награжденіемъ къ тому склонить и по чему каждой персонѣ давать? Школы со всякими принадлежащими потребами откуды будутъ довольствоваться?» [1]) Мысль самого Тихона очевидно клонится къ тому, что бы слить дѣло инородческаго образованія съ профессіональнымъ духовнымъ: «надлежитъ, пишетъ онъ, ради истиннаго познанія христіанскаго закона и *произведенія во священный чинъ* со увѣщаніемъ отобрать нѣсколько человѣкъ дѣтей ихъ и изучить славенской грамотѣ, но къ тому отцы и дѣти ихъ приступить не хотятъ, но развѣ склонять какимъ довольнымъ награжденіемъ». Въ это время учрежденіе спеціальныхъ духовныхъ училищъ уже было рѣшено духовнымъ регламентомъ; поэтому попытка основанія самостоятельныхъ инородческихъ школъ, повидимому, отложена до основанія архіерейской школы въ Казани, что и послѣдовало въ 1723 г. Правда, что самъ Тихонъ и подчиненные ему мѣстные дѣятели несомнѣнно начали дѣло образованія инородцевъ ранѣе, чѣмъ правительство приняло тѣ законодательныя мѣры, о которыхъ мы скажемъ ниже. Уже въ 1731 г. казанскій митрополитъ выслалъ учителей въ Свіяжскъ для новокрещенской школы. На Алексѣя Раифскаго, архимандрита тамошняго монастыря, были возложены труды организаціи этой школы. Учителямъ назначено было

---

[1]) ibid. Прил. XXIX (стр. CCCXIII и CCCXIV).

жалованье, но никакихъ другихъ источниковъ содержанія не указано, а потому Алексѣй 24 окт. 1731 г. спрашивалъ: «на какомъ ихъ трактаментѣ содержать..., понеже безъ опредѣленнаго имъ трактамента при тѣхъ новокрещенскихъ дѣлахъ содержаться весьма невозможно, ибо, кромѣ жалованья, другихъ никакихъ доходовъ надѣяться и получать имъ будетъ не откуда». Въ дѣйствительномъ существованіи свіяжской школы не только въ это время, но можетъ быть и ранѣе, не оставляетъ сомнѣнія проэктъ того же Алексѣя, поданный въ 1732 г., при чемъ онъ увѣдомляетъ, что въ школѣ 20 челов. учениковъ и спрашиваетъ содержать ли *по прежнему*, выдавая одежду, обувь и пищу, на деньги опредѣленныя отъ дому архіерейскаго къ новокрещенскимъ дѣламъ; «понеже оные студенты требуютъ себѣ за ученые дни для утѣшенія сверхъ пищи и одежды, и отъ денегъ по части». [1]) Но несомнѣнныя свидѣтельства о правительственной организаціи инородческаго образованія относятся уже къ архіерейской школѣ, въ которой инородческихъ дѣтей при жизни Тихона было 13, затѣмъ (при Сильвестрѣ) считалось до 10, при Лукѣ Канашевичѣ 18 человѣкъ. Обучаемы они были «въ надежду священства» [2]).

Такимъ образомъ казалось, что и инородческое образованіе будетъ поглощено новою профессіональною системою и потеряетъ характеръ элементарнаго, при чемъ миссіонерскія и колонизаціонныя цѣли могли достигаться только отдаленнымъ непрямымъ путемъ. Другаго пути не видѣли ни мѣстные дѣятели, ни правительство до 1735 г. Тотъ же знаменитый миссіонеръ Алексѣй Рапфскій въ 1732 г., марта 23, въ представленіи синоду о новокрещенскихъ дѣлахъ, говоритъ, что инородцы, прежде обучавшіеся «въ надежду священства», произведены уже во священный чинъ и что на мѣсто ихъ нужно набрать еще 20 человѣкъ. Тѣмъ изъ инородцевъ, которые, по окончаніи курса въ школѣ, поступятъ на приходы въ «инородческія жилища», дать слѣдующую льготу: не взыскивать съ нихъ при опредѣленіи пошлинъ за произведеніе и посвященіе [3]).

---

[1]) Е. А. Маловъ о новокр. школахъ (изъ рук. Казан. дух. Академіи)
[2]) Н. А. Өирсовъ, стр. 139.
[3]) Е. А. Маловъ о новокр. школахъ (изъ рукопис. Казан. дух. акад.).

Но важность инородческаго вопроса не позволила покончить съ нимъ тогда же посредствомъ такого компромисса. Царствованіе Анны, столь замѣчательное вообще въ исторіи народнаго образованія, къ удивленію, ознаменовало себя и тѣмъ, что обратило дѣло образованія инородцевъ въ задачу правительства; мы указывали уже на это по поводу калмыцкихъ школъ. По представленію казанскаго губернатора и митрополита Иларіона о томъ же, о чемъ не разъ уже представлялъ Тихонъ, для образованія казанскихъ инородцевъ (кромѣ магометанъ, т. е. Татаръ), а именно: Вотяковъ, Мордвы и Чувашъ, устроивается наконецъ цѣлая система школъ: центральная школа въ Казани—въ Ѳедоровскомъ монастырѣ, остальныя по уѣздамъ: въ казанскомъ уѣздѣ-двѣ школы: одна въ Елабугѣ дворцовомъ с. (нынѣ городъ), другая въ Царевококшайскѣ; въ свіяжскомъ уѣзд. одна въ гор. Цывильскѣ [1]). Цѣль образованія въ этихъ школахъ есть обученіе инородцевъ славенороссійскому языку; поэтому школы эти, не имѣя исключительно-религіознаго характера, назначаются не для однихъ новокрещенныхъ, но и некрещенныхъ дѣтей исчисленныхъ выше инородцевъ. При этомъ весьма замѣчательно, что для некрещенныхъ назначается одна центральная школа въ Ѳедоровскомъ монастырѣ; въ остальныхъ могутъ учиться какъ крещенныя такъ и некрещенныя дѣти. Въ центральной школѣ число учениковъ опредѣлено, именно отъ каждаго инородческаго племени (Мордвы, Вотяковъ и Чувашъ) по 10 человѣкъ, т. е. всего 30 челов.. Хотя и въ прочихъ школахъ положено тоже по 30 чел , но указъ прибавляетъ: сколько по охотѣ для того «ученія пожелаютъ». Въ центральной школѣ положено принимать дѣтей отъ 10 до 15 л., а въ уѣздныхъ отъ 7 до 15 л.; можетъ быть предполагалось, что изъ уѣздныхъ некрещенныя дѣти могутъ поступать въ центральную школу. Но можетъ быть здѣсь проглядываетъ и другой мотивъ: крещенныя дѣти должны быть ранѣе взяты изъ среды своихъ полуязыческихъ семействъ, чѣмъ некрещенныя дѣти язычниковъ, которыхъ, оче-

---

[1]) Объ удобствахъ выбора именно этихъ мѣстъ для миссіонерскихъ школъ см. Е. А. Малова: О новокр. школахъ (Прав. Обозр. 1868 г.іюль, стр. 355—356.)

видно, правительство не предполагало обращать въ христіанство чрезъ школу насильственно. Въ каждой школѣ полагается по 2 учителя, съ жалованьемъ по 30 руб. каждому въ годъ. Управленіе экономическое, а можетъ быть и педагогическое, ввѣряется въ каждой школѣ коммиссару и при немъ смотрителю и писарю; коммиссаръ получаетъ такое же жалованье, какъ и учителя. Высшее управленіе остается въ рукахъ духовенства, какъ видно изъ послѣдующей судьбы этихъ школъ. Содержаніе школъ заимствуется изъ доходовъ церкви, а именно съ вѣнечныхъ памятей, которыя, впрочемъ, уже прежде подчинены финансовому управленію государства. На первый годъ изъ суммы, собираемой съ вѣнечныхъ памятей съ казанской губ., должно быть отпущено 2000 р., за тѣмъ на остальные годы по штату—1378 р. и 20 коп. Училищные дома строятся отъ казны: школа состоитъ изъ двухъ избъ, соединенныхъ сѣнями (одна изъ нихъ для учениковъ, другая для учителей), и изъ надворныхъ строеній. На содержаніе каждаго ученика отпускается по 7 р. въ годъ Нельзя не замѣтить, что всѣ эти цыфры для тогдашняго времени не только достаточны, но, по сравненію съ содержаніемъ другихъ школъ (напр. цыфирныхъ), и роскошны. Не забыта была и медицинская часть содержанія школъ: для всѣхъ 4-хъ вмѣстѣ полагается одинъ лекарь [1]).

Не смотря на то, что и мѣстные администраторы и высшее правительство церковное и государственное согласно признали настоятельную необходимость и крайнюю важность инородческаго образованія, указъ 1735 г. до конца царствованія Анны не былъ приведенъ въ исполненіе. По крайней мѣрѣ, когда въ 1740 г. (сент. 11) былъ данъ сенату именной указъ о сформированіи чрезвычайной миссіи для обращенія новокрещенныхъ къ христіанской вѣрѣ, то въ 21 пунктѣ его повелѣвается учредить тѣже 4 школы, какъ нѣчто новое: «для обученія иновѣрческихъ дѣтей учредить 4 школы: первую въ Казани въ Ѳедоровскомъ монастырѣ»... и т. д. Хотя подобныя повторенія въ законодательствѣ XVIII в. случались нерѣдко (несмотря на то, что и предшествующія узаконенія уже входили въ дѣйствіе: послѣдующій законъ болѣе подроб-

[1]) П. С. З. № 6695.

ный включалъ въ себя первый, какъ часть свою); но мы не имѣемъ фактическихъ свѣдѣній о дѣйствительномъ существованіи инородческихъ школъ казанскаго края между 1735 и 1740 годами; при томъ же указъ 1740 года игнорируетъ подробности учрежденія 1735 г., «а на какомъ основаніи оныя школы учредить и сколько въ которой учителей и учениковъ содержать, по чему имъ изъ положенной суммы жалованья платить и о прочемъ о всемъ въ синодѣ учинить штатъ и для аппробаціи подать въ кабинетъ намъ немедленно». Новый законъ дополняетъ учрежденіе 1735 г. указаніемъ на составъ и цѣль инородческаго обученія: предназначая школы для новокрещенныхъ дѣтей, а не для язычниковъ, онъ предполагаетъ обучить ихъ «русской грамотѣ по алфавиту и слогахъ букваря съ десятословіемъ, часослова, псалтыри и катихизиса и скорописному», т. е. утверждаетъ старый кругъ элементарнаго образованія съ добавленіями къ нему, сдѣланными въ началѣ XVIII в. (катихизисъ и скоропись) и съ удержаніемъ вполнѣ его религіознаго характера. Сообразно съ тѣмъ другая цѣль инородческихъ школъ-ассимиляція инородцевъ чрезъ русское образованіе совершенно теряется изъ виду, и даже преднамѣренно устраняется: «однакожъ при томъ за ними (учениками) смотрѣть (продолжаетъ указъ), чтобы они и своихъ природныхъ языковъ не позабыли» [1]). Зачѣмъ это нужно было правительству? Конечно затѣмъ, чтобы воспитанники школъ могли быть болѣе пригодными миссіонерами, могли распространять христіанскую вѣру на своихъ природныхъ языкахъ. Такъ и здѣсь колеблются цѣли правительства по отношенію къ инородческимъ школамъ. Для всѣхъ расходовъ по миссіи и въ томъ числѣ на образованіе инородцевъ назначено 10,000 р.

Этотъ именной указъ требовалъ, для своего примѣненія, обыкновенной законодательной разработки въ сенатѣ и синодѣ; разработка эта и продолжалась до іюля 1742 года, когда (7 іюля) представленъ былъ наконецъ сенатомъ докладъ, составленный изъ мнѣній синода и заключеній самаго сената, на высочайшее утвержденіе. Штатъ составленный синодомъ былъ аппробованъ: школы должны быть открыты въ тѣхъ же мѣстахъ, какъ и по ук. 1735 г., кромѣ одной прежде

[1]) П. С. З. № 8236.

назначенной въ Цывильскѣ, а теперь перенесенной въ Свіяжскъ въ Богородицкій монастырь. Другія измѣненія въ прежнемъ уставѣ слѣд.: лекарей для всѣхъ школъ назначается два и, въ каждой школѣ, по лекарскому ученику; лекаря, завѣдующіе каждый двумя школами, обязаны были не только лечить, но учить: «наипаче коп изъ тѣхъ способные усмотрятся, обучить нѣсколькихъ хоть кровопусканію». Книгъ для отпуска по штату назначено было синодомъ на 546 р.: сенатъ распорядился, чтобы онѣ были отпущены изъ московской типографіи, изъ тѣхъ, которыя употребляютъ на «подносы» (для подарковъ) [1]).

Изъ высочайше утвержденнаго доклада сената 1749 г. (сент. 28), видно, что на содержаніе всѣхъ 4-хъ школъ назначено 2427 р. въ годъ, т. е. гораздо больше, чѣмъ по указу 1735 года. Изъ него же видно, что «чины», получающіе это жалованье, уже «дѣйствительно обрѣтаются», т. е. уже назначены на должности.

Время дѣйствительнаго открытія этихъ школъ неизвѣстно. Повидимому безъ всякой связи съ этими законодательными работами, казанскій епископъ Лука Канашевичъ, ок. 1740 г. открылъ новокрещенскую школу въ Зилантовѣ монастырѣ, «гдѣ сыновья Татаръ, Чувашъ и Черемисъ, въ числѣ 80 чел., обучались россійскому языку, закону христіанскому, псалтири и скорому письму подъ надзоромъ ректора семинаріи» [2]). Ни мѣсто школы Канашевича, ни составъ учениковъ, ни число ихъ, ни наконецъ характеръ управленія не соотвѣтствуютъ опредѣленіямъ указовъ 1735—1740 годовъ. Что Канашевичъ дѣйствительно не считалъ удобнымъ выполненіе этихъ узаконеній, доказывается тѣмъ, что въ 1743 г. Сильвестръ Гловацкій, архимандр. свіяжскаго Богородицкаго монастыря и извѣстный ревнитель обращенія инородцевъ, доносилъ св. синоду, что «въ строеніи 4-хъ новокрещенскихъ школъ въ казанской епархіи чинится всесовершенная остановка» и что Канашевичъ подавалъ (неизвѣстно куда) прошеніе, въ слѣдствіе чего отпускъ суммъ по штату (666 р.) на свіяжскую

---

[1]) П. С. З. № 8579.

[2]) Е. А. Маловъ изъ «краткой исторіи гор. Казани» М. Рыбушкина. Казань 1850 г. ч. 1 стр. 120.

школу былъ пріостановленъ. Однако черезъ два года послѣ этого въ Свіяжскѣ уже была открыта предполагаемая школа (быть можетъ преобразована изъ прежде существовавшей здѣсь еще при Алексѣѣ Ранфскомъ):

«Въ свіяжскомъ Богородицкомъ монастырѣ для ученія славяно-россійской грамотѣ новокрещеннымъ дѣтямъ по штату на 50 (30?) челов. учреждены всѣ школы и для жительства имъ, такожде учителямъ, смотрителямъ каменные покои и, для очищенія гнуса, баня, за вѣдомомъ преосв. Луки, еп. казанскаго, отведены, и къ тому принадлежащее строеніе яко то: хлѣбня, поварня, погребъ и для больныхъ изба, на счетъ опредѣленныя на оное строенія суммы вновь построено, которыми школами и жилыми каменными покоями могутъ они, безъ употребленія казеннаго интереса, быть довольными безъ нужды; въ которыхъ школахъ оныхъ разныхъ народовъ новокрещенныхъ дѣтей 30 чел. славянороссійской грамотѣ уже обучаются; къ которымъ учитель, смотритель дѣйствительно опредѣлены, и достальныя въ опредѣленное число изъ новокрещенскихъ дѣтей сего года набраны и въ школахъ опредѣлены быть имѣютъ безъ упущенія» [1]).

Въ Елабугѣ и Царевококшайскѣ, по словамъ Е. А. Малова, школы основаны не ранѣе конца 1749 г. Въ Ѳедоровскомъ же монастырѣ (въ Казани) школа, кажется, вовсе не была открыта.

Тотъ же писатель, основываясь на неуказываемыхъ имъ источникахъ, говоритъ, что когда, около 1753 г. Лука Канашевичъ основалъ церковь Захаріи и Елизаветы въ Казани, и построилъ при ней школы деревянныя для новокрещенныхъ учениковъ, то «въ эти вновь построенныя школы собраны были ученики инородческіе изъ всѣхъ 4 новокрещенскихъ школъ, и такимъ образомъ казанскія новокрещенскія школы сдѣлались единственною центральною школою для Казанскаго края». Причины такого распоряженія Е. А. Малову остаются неизвѣстными. Повѣрить этого факта мы не имѣемъ возможности. По счету того же писателя (почерпнутому изъ отрывочныхъ рукописныхъ свѣдѣній) всѣхъ обучившихся въ этихъ школахъ въ первую половину XVIII в. было 250.

Еще при Петрѣ В., въ другомъ концѣ Казанскаго края образованіе инородцевъ начато такъ же мѣстною церковною

[1]) Докум., изд. Щаповымъ въ ст. «Лука Канашевичъ, еп. Казан.» (Прав. Собес. 1858 г. дек.).

властію. Современникъ Тихона, Вятскій еп. Алексѣй подалъ 30 дек. 1720 г. въ кабинетъ государя прошеніе о томъ, чтобы и ему данъ былъ такой же указъ, какой получилъ Тихонъ объ обращеніи инородцевъ: «понеже и въ его епархіи обрѣтаются томуже подобные (какъ въ казанской епархіи) Отяки, которыхъ безъ указу приводить къ тому (т. е. въ христіанскую вѣру) не смѣетъ». Синодъ, которому было передано прошеніе, между прочимъ, предписалъ Алексѣю: для дѣтей новокрещенныхъ устроить училищные домы «въ которыхъ бы отроковъ учити безденежно и по казеннымъ книгамъ, аще будутъ отъ маломожныхъ» [1]). Этотъ указъ 1721 г. есть самое раннее правительственное распоряженіе объ учрежденіи инородческихъ школъ; но къ сожалѣнію намъ совершенно неизвѣстно—приведенъ ли былъ этотъ указъ въ исполненіе и въ какихъ размѣрахъ.

Наоборотъ въ Оренбургѣ намъ извѣстно существованіе татарской школы; но неизвѣстны вовсе начала, на которыхъ она была основана. Въ представленіи Оренбургской канцеляріи 1748 г., о которомъ мы упоминали, говоря о школѣ для ссыльныхъ, предлагается взять на первый случай учителей для предполагаемой школы изъ учениковъ татарской школы, «которые грамотѣ и письму довольны» [2]).

Таковы были мѣры къ учрежденію школъ въ Казанскомъ краѣ.—Инородческій сѣверъ менѣе обращалъ на себя вниманіе правительства и мы не знаемъ ни одной мѣры, клонящейся къ образованію сѣверныхъ инородцевъ Европейской Россіи (за исключеніемъ одного указа, касающагося образованія учителей для инородческихъ школъ, о которомъ скажемъ ниже). Въ Сибири заботы объ этомъ взяло на себя мѣстное епархіальное начальство, повидимому, безъ всякаго участія со стороны центральнаго правительства. Способъ дѣйствія принятъ здѣсь совершено обратный тому, кото-

---

[1]) Опис. док. и дѣлъ, хран. въ арх. св. синода, стр. 143 и Истор. Росс. іер. Т. 1, стр. 577. Е. А. Маловъ сообщаетъ о двухъ указахъ изъ св. синода еп. Алексѣю въ 1721 г., ссылаясь на «замѣтку г. оберъ-прокурора св. синода, графа Д. А. Толстаго, объ описаніи синод. Архива (Сѣверная Почта 1867, № 35) и на Истор. Рос. іер. Но Описаніе синод. Архива и Ист. іерархіи говорятъ объ одномъ и томъ же указѣ св. синода.

[2]) П. С. 3. № 9553.

рый принятъ былъ въ Европ. Россіи: въ монгольской школѣ, основанной въ Иркутскѣ архимандритомъ Антоніемъ Платковскимъ въ 1725 г. не инородцы обучались русскому языку, какъ въ Ставрополѣ и Казани, а русскіе обучались инородческому языку-монгольскому. Поэтому при ученикахъ русскихъ учителя были инородцы, большею частію ламы, совершенно не знавшіе по русски, такъ что при урокахъ требовался переводчикъ [1]). Такъ какъ эта школа совершенно выходитъ изъ разряда инородческихъ и есть школа духовно-миссіонерская, то здѣсь говорить о ней неумѣстно; ея мѣсто въ исторіи профессіональнаго духовнаго образованія. Такой же системѣ слѣдовалъ и митрополитъ Тобольскій Филофей Лещинскій, который въ 1707 г., отправляя миссію въ Монголію, отправилъ вмѣстѣ съ нею двухъ «остроумныхъ юношей»; они были оставлены при дворѣ Кутухты для изученія монгольскаго языка и буддійской вѣры [2]). Но самая сильная дѣятельность по распространенію русскаго образованія и православной вѣры кипѣла на крайнемъ концѣ русскаго востока въ Камчаткѣ. Въ 1750 г. возвратился въ Петербургъ изъ Камчатки ревностный миссіонеръ-архимандритъ Іоасафъ Хотунцевскій и тамъ донесъ, «что всѣ Камчадалы, благодатію Божіею, св. крещеніемъ окрещены, научены и состоятъ въ вѣрѣ...и болѣе приводить изъ язычества въ вѣру христіанскую некого. Дѣти новокрещенныхъ въ ученіи россійской грамотѣ, письма и пѣнія церковнаго рачительнѣе преуспѣваютъ россійскихъ отрочатъ и могутъ обучившіеся изъ нихъ ученіемъ свою братью довольствовать безъ нужды». Что это не была похвальба собственною дѣятельностью, доказывается свѣдѣніями, которыя получилъ на мѣстѣ преемникъ Хотунцевскаго, по камчатскому миссіонерству, іеромонахъ Пахомій съ 1756 по 1761 годъ. Изъ этихъ свѣдѣній оказывается, что въ Камчаткѣ было 13 школъ, а въ нихъ учащихся 284 отъ 5 до 22 лѣтъ отъ роду [3]). Вотъ всѣ свѣдѣнія о мѣрахъ къ учрежденію школъ, которыя намъ

---

[1]) Иркут. Епарх. Вѣдом. 1863 № 38 прилож. «Управленіе святителя Иннокентія».

[2]) Сулоцкаго: «Филоѳей Лещинскій».

[3]) Матеріалы для истор. христ. просвѣщ. Сибири. Ж. М. Н. Пр. 1854 г., мартъ стр. 51 и 52.

удалось собрать за время отъ нач. XVIII в. до нач. царствованія Екатерины.

Изъ обзора этихъ мѣръ видно, что правительство совершенно отступило отъ началъ, указанныхъ ему проэктами, особенно же проэктомъ Спиманова. Школы учреждались не на мѣстѣ жительства инородческаго населенія въ селахъ, а въ городахъ. Мѣстная администрація еще болѣе централизовала ихъ, какъ это сдѣлалъ въ Казани Лука Капашевичъ. Бѣдственныя послѣдствія этой системы оказались уже въ самомъ началѣ вѣка въ 1709 г. и остались тѣми же въ самомъ концѣ существованія казанскихъ школъ, какъ о томъ опредѣленно говоритъ Щербатовъ (слова котораго мы приведемъ ниже). Отъ такого порядка отступаютъ, кажется, только камчатскія миссіонерскія школы. Затѣмъ намъ остается сказать нѣсколько словъ о томъ, какое именно образованіе государство стремилось дать инородцамъ и какія мѣры принимало оно, чтобы приготовить для этихъ школъ учителей. Тогда окончательно уяснится для насъ—почему и эта послѣдняя форма элементарнаго образованія исчезаетъ ко 2-й половинѣ XVIII вѣка.

Законъ не точно опредѣляетъ-какое именно образованіе предполагается давать въ инородческихъ школахъ, рисуя его неопредѣленными чертами, то напоминающими старое элементарное образованіе, то превышающими его. Въ общемъ составъ элементарнаго образованія инородцевъ измѣнялся смотря потому, какой взглядъ на его цѣли преобладалъ въ данномъ случаѣ: при господствѣ религіознаго взгляда составъ образованія, кромѣ старыхъ предметовъ русскаго элементарнаго образованія, включаетъ въ себя и изученіе инородческихъ языковъ; при господствѣ государственныхъ цѣлей, напротивъ, инородческіе языки совершенно изгоняются изъ школы. Въ первомъ духѣ составленъ указъ 1735 г. для казанскихъ школъ; во второмъ утвержденный сенатомъ докладъ Неплюева для ставропольской школы. Неясность цѣлей образованія, отражаясь на неопредѣленности состава его, не могла не дѣйствовать гибельно на судьбу школъ.

Въ дѣйствительности размѣры этого образованія опредѣлялись временными и случайными причинами. Судя по Словамъ Дм. Зиновьева, въ казанской инородческой школѣ

(около 1786 г.) обучаются россійской грамматикѣ, т. е. букварю съ десятословіемъ, часослову, псалтыри и катихизису, также и скорописному письму. При томъ наблюденіе имѣется, чтобъ они и своихъ природныхъ языковъ не позабывали» [1]).

Хотя такой составъ образованія вообще весьма мало возвышается надъ уровнемъ элементарнаго, но положеніе инородческихъ школъ въ центральныхъ городахъ и предназначеніе учениковъ ихъ къ занятію священническихъ и учительскихъ должностей, невольно извлекало инородческія школы изъ разряда элементарныхъ. Мы увидимъ какъ это обстоятельство было причиною паденія инородческихъ школъ.

Столь же мало законъ опредѣляетъ—имѣетъ ли это образованіе принудительный характеръ для инородцевъ. Здѣсь опять наступало проявленіе личнаго усмотрѣнія мѣстной администраціи и дѣйствіе случайныхъ причинъ. Инородцы болѣе пассивнаго характера: Вотяки, Мордва, Чуваши, Черемисы, поводимому, добровольно отдавали дѣтей въ школы; напротивъ, инородцы магометане сильнымъ противодѣйствіемъ русской православной пропагандѣ возбуждали насильственныя мѣры со стороны мѣстныхъ архіереевъ. Мы видѣли уже, что и кроткій Тихонъ насильственно отнималъ дѣтей отъ родителей и постоянно спрашивалъ синодъ: набирать ли дѣтей силою или употреблять различныя средства приманки, т. е. дѣйствовать путемъ косвеннаго принужденія. Ни синодъ, ни сенатъ не высказались опредѣленно. Особенно же прославился этимъ казан. епископъ Лука Канашевичъ. О немъ писатель XVIII в. выражается такъ: «какъ особливо татары не столь приклонны къ благочестію, то онъ убѣждалъ ихъ къ тому и нѣкоторыми притѣсненіями... набирая противъ воли ихъ дѣтей въ заведенныя имъ новокрещенскія училища.... чрезъ что столько ихъ огорчалъ, что они нерѣдко отъ нестерпимости едва удерживались отъ всеобщаго смятенія» [2]). Дѣло дошло до того, что правительство, опасаясь всеобщаго

---

[1]) Топогр. опис. гор. Казани и его уѣзда М. 1788 г. стр. 39—40 (см. у Е. А. Малова).

[2]) Слова Платона Любарскаго приводимыя изъ его рукописи., «сборн. древност. Каз. епархіи» Е. А. Маловымъ.

возстанія инородцевъ Казанскаго края, принуждено было перевести Луку изъ Казани въ Бѣлгородъ.

Не смотря на то, что указы 1735—1740 годовъ выдѣлили дѣло образованія инородцевъ изъ системы профессіональнаго духовнаго образованія, наклонность перваго ко второму обнаруживается какъ въ управленіи новокрещенскими школами, такъ въ составѣ учителей и учениковъ и служебномъ назначеніи этихъ послѣднихъ по выходѣ ихъ изъ школы.—Управленіе 4-хъ инородческихъ школъ, Казанскаго края первоначально не находилось въ рукахъ мѣстной епархіальной власти; оно поручено было особому учрежденію по дѣламъ крещенныхъ инородцевъ—«новокрещенной конторѣ», состоявшей изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ. Но это продолжалось не долго, именно съ 1742 по 1749 годъ. Сама контора нашла для себя обременительнымъ, кромѣ прямыхъ своихъ обязанностей, управлять образованіемъ инородцевъ и ходатайствовала предъ синодомъ, чтобы это управленіе передано было мѣстному епископу (тогда Лукѣ Канашевичу); ходатайство основано было на слѣд. интереснихъ соображеніяхъ: «понеже гдѣ новокрещенскія четыре школы построены, тамъ обрѣтаются духовные правители и при монастыряхъ власти, такожде священно-и церковнослужители и ихъ дѣти и состоятъ въ полной командѣ у епархіальнаго архіерея». Т. е. контора не видѣла никакой разницы между новокрещенскими школами и духовными семинаріями. Ходатайство ея было уважено.

И дѣйствительно учителя этихъ школъ брались оттуда же и назначались тѣмъ же путемъ, какъ и учителя семинарій. Единственный источникъ откуда миссіонерскія школы могли брать учителей, по мнѣнію самаго правительства, есть духовныя семинаріи. Это есть одна изъ цѣлей, для которыхъ правительство и основывало семинаріи. Именной указъ 1738 г. (объ основаніи Троицкой семинаріи) указываетъ какъ одинъ изъ существенныхъ мотивовъ своихъ слѣдующій:

«Нужда требуетъ для обращенія и крещенія невѣрныхъ, обрѣтающихся внутрь государства нашего, т. е. Мордвы, Чувашъ, Черемисъ и прочихъ тѣмъ подобныхъ народовъ, которыхъ легко можно привесть ученіемъ святымъ въ вѣру христову, еслибъ учительные свя-

щенники были, и архіереи бъ въ епархіяхъ своихъ къ тому тщаніе и прилежность по своему званію имѣли»... [1]).

Правда, что правительство стремилось по временамъ создать спеціальные учительскіе институты для миссіонерскихъ школъ; но попытки эти тотчасъ отступали безслѣдно предъ указаніями опыта. Въ 1740 г. данъ былъ изъ кабинета указъ синоду, въ которомъ выражается, что «для обученія православію и приведенія въ вѣру греческаго исповѣданія мордовскаго, чувашскаго, лопарскаго и самоядскаго народовъ надлежитъ употребить такихъ людей, которые бъ языки ихъ знали». Въ виду этой общей цѣли предписывалась слѣдующая мѣра: выбрать 30 человѣкъ изъ Казанской и 15 изъ Архангелогородской губерніи и выслать ихъ въ синодъ для приготовленія въ школахъ, по назначенію синода, къ будущей миссіонерской дѣятельности. При этомъ весьма замѣчательно, что выборъ производится изъ лицъ всѣхъ сословій, какъ и слѣдовало ожидать, когда идетъ дѣло о такомъ призваніи, которое не состоитъ ни въ какой связи съ утвердившимися общественными профессіями. Но выборъ этотъ производится съ слѣдующими условіями: изъ дѣтей поповскихъ, дьяконскихъ и церковническихъ избираются лица безъ всякихъ ограниченій; изъ купеческихъ выбираются только дѣти такихъ купцовъ, которыхъ торговые обороты не превышаютъ 150 р. Изъ шляхетства дѣти «убогихъ» шляхтичей; т. е. для образованія иновѣрцевъ избираются изъ классовъ свѣтскихъ только такія лица, потеря которыхъ не чувствительна для сословія, къ которому принадлежатъ ихъ отцы. Остальныя условія выбора слѣд.: избираемые должны имѣть не менѣе 15 лѣтъ, должны быть грамотны, т. е. должны умѣть читать и писать порусски, и наконецъ должны знать иновѣрческіе языки своей мѣстности. Приготовленіе ихъ къ учительству среди инородцевъ есть приготовленіе къ духовной службѣ; они изучаютъ «что до священства принадлежитъ»; именно ученіе о таинствахъ церковныхъ, истолкованіе заповѣдей и проч. Учительство между инородцами, по взгляду правительства, отождествляется съ отправленіемъ діаконскихъ и священ-

[1]) П. С. 3. № 7660.

ническихъ должностей: «произвесть ихъ въ діаконы и священники и отпустить для опредѣленія въ тѣжъ губерніи; чтобъ они помянутымъ народамъ, на ихъ языкахъ, могли проповѣдь чинить» [1]).

Такъ какъ Казанская и Архангелогородская губерніи были, преимущественно, инородческія, то приготовленіе для нихъ миссіонеровъ совершенно сливалось съ другою задачею, т. е. приготовленіемъ священниковъ вообще для этихъ губерній и потому въ особомъ центральномъ учрежденіи для приготовленія инородческихъ учителей не было нужды. Поэтому синодъ, получивъ изложенный именной указъ, не рѣшился его выполнить и представилъ въ томъ же году кабинету (мая 1-го), что по его мнѣнію дѣло это удобнѣе можетъ быть выполнено на мѣстѣ въ означенныхъ двухъ губерніяхъ: «можно всему тому, что до священнической должности слѣдуетъ, обучать въ Казанской и Архангелогородской епархіяхъ, подъ присмотромъ тамошнихъ архіереевъ, ибо тѣ архіереи люди ученые». Другія препятствія, указываемыя синодомъ, слѣд.: въ Петербургѣ при св. синодѣ нѣтъ школъ; обученіе должно быть «не краткое», какимъ оно будетъ по необходимости, когда вызванные ученики будутъ жить въ въ столицѣ; содержаніе учениковъ на мѣстѣ обойдется дешевле, чѣмъ въ С.-Петербургѣ. Содержаніе это должно быть назначено изъ губернскихъ доходовъ. Кабинетъ согласился съ мнѣніемъ синода [2]). Былъ ли выполненъ указъ 1740 г. хотя въ такомъ измѣненномъ видѣ, не знаемъ; скорѣе можно думать, что нѣтъ, потому что архіерейскія школы (семинаріи) совершенно удовлетворяли той же цѣли.

Въ частности относительно Казанскаго края можно сказать съ увѣренностью, что особаго учительскаго института для инородческихъ школъ основано не было. Новокрещенская контора чрезъ 10 лѣтъ, послѣ изданія закона о приготовленіи учителей, именно въ 1750 г., назначила учителями въ казанскія школы: одного священника, одного іеродіакона и 5 церковниковъ; «осмаго за не отысканіемъ, опредѣлить некого, а чтобы тѣ учители ихъ новокрещенскіе языки могли сами

---

[1]) П. С. З. № 8004.
[2]) П. С. З. № 8090.

знать, таковыхъ конторѣ новокрещенскихъ дѣлъ отыскать и опредѣлить не откуда». Синодъ, узнавъ объ этомъ, хотя не одобрялъ такого неудовлетворительнаго выбора и требовалъ назначенія учителей «доброжительныхъ, въ чтеніи и скорописи искусныхъ и знающихъ иновѣрческіе языки», но не указывалъ откуда взять такихъ учителей. Казанскій епископъ, исполняя это предписаніе, по отношенію къ одной изъ инородческихъ школъ—свіяжской, «вмѣсто бывшихъ при оной на время учителей» назначилъ новыхъ дѣйствительныхъ. Но откуда же взяты они? Это были «обучавшіеся въ казанской семинаріи и окончившіе риторику, того же города Свіяжска дьяконы: соборной Рождественской церкви Терентій Худяшевскій, которые по добросостоятельству ихъ и по довольномъ знаніи въ наукахъ оказались въ томъ послушаніи быть весьма достойными и къ обученію тѣхъ новокрещенскихъ дѣтей способными» [1]).

Если по составу учителей новокрещенскія школы сближались съ профессіональными духовными, то тотъ же характеръ инородческаго образованія еще болѣе открывается изъ того, какое назначеніе ожидало самихъ учениковъ. «Послѣ обученія посвящали учениковъ новокрещенскихъ школъ или прямо въ дѣйствительные причетники, или же сперва посылали только править причетническую или пономарскую должность, а послѣ уже дѣлали ихъ дѣйствительными причетниками, и при томъ большую часть ставленниковъ—учениковъ казанскихъ новокрещенскихъ школъ посылали на причетническія должности къ городскимъ казанскимъ церквамъ, а также къ церквамъ подгородныхъ селъ или слободъ близъ Казани» [2]).

Во всемъ этомъ образованіе инородцевъ въ XVIII в. имѣетъ ближайшее сходство съ христіанскимъ образованіемъ самихъ русскихъ при первомъ принятіи христіанства: и тогда набирали дѣтей въ школы, гдѣ учило духовенство прен-

---

[1]) «Лука Канашевичъ, еп. Казан.» ст. Щапова (Правосл. Собесѣд. 1858 г. декабрь).

[2]) Е. А. Маловъ: «О новокрещ. школахъ» (Правосл. Обозрѣн. 1868 г. іюль). См. также указаніе на частные случаи назначенія учениковъ на церковныя должности.

мущественно началамъ вѣры, и тогда изъ учениковъ этихъ школъ выходили новые христіанскіе пастыри; результатомъ же было укрѣпленіе элементарнаго образованія въ каждой приходской общинѣ. Но за этими внѣшними чертами сходства открываются черты существенныхъ различій: образовавшіеся въ первоначальныхъ школахъ шли въ тотъ же народъ; между тѣмъ какъ ученики новокрещенскихъ школъ XVIII в. выходили навсегда изъ народа; отсюда какъ упадокъ самыхъ школъ такъ и ничтожность вліянія учениковъ, вышедшихъ изъ этихъ школъ на распространеніе началъ христіанскаго образованія среди своихъ соплеменниковъ. Между тѣмъ мы сказали уже, что ученики и древнихъ школъ христіанскихъ и новыхъ инородческихъ уходили одинаково большею частію въ духовное званіе. Въ чемъ же здѣсь разница? Въ томъ, что въ древней Руси духовная профессія не составляла еще сословія, а въ XVIII в. это послѣднее выдѣлилось совершенно изъ разрядовъ прочихъ жителей государства. Только этотъ смыслъ, а отнюдь не смыслъ личнаго и частнаго обвиненія должны имѣть слѣд. слова историка новокрещенскихъ школъ, которыми онъ хочетъ объяснить паденіе инородческаго образованія къ концу XVIII в.: «вышедшіе изъ новокрещенскихъ школъ ученики и занявшіе главнымъ образомъ низшія священнослужительскія мѣста не оказали никакого благотворнаго вліянія на массы своихъ соплеменниковъ, потому что оторвались отъ своей народной среды, да и не могли произвесть вліянія, такъ какъ и самая школа не давала имъ надлежащаго христіанскаго развитія. Она приготовляла ихъ главнымъ образомъ не на должности народныхъ учителей, а на должности причетниковъ» [1]).

Къ началу царствованія Екатерины отдѣльное существованіе инородческихъ школъ съ ихъ спеціальнымъ духовнымъ характеромъ сдѣлалось аномаліею. Ихъ отдѣльное призваніе должно было слиться съ общими задачами духовныхъ школъ. Инородческія школы должны были закрыться: личная воля императрицы поддержала ихъ существованія, но не могла сообщить имъ жизни. Въ 1764 г. мѣстное начальство хода-

[1]) Е. А. Маловъ: «О новокр. школахъ XVIII в.» (Прав. Обр. 1868 г. іюль).

тайствовало о закрытіи ихъ предъ синодомъ; а синодъ и сенатъ вмѣстѣ представляли о томъ же государынѣ. Основанія этого представленія, изображенныя синодомъ, весьма резонны съ своей точки зрѣнія, т. е. составляютъ необходимый результатъ условій образованія вообще въ XVIII в.:

«Въ новокрещенскихъ жительствахъ при церквахъ изъ священно и церковнослужителей довольно уже есть такихъ, кои ихъ иновѣрческіе языки (для которыхъ новокрещенскія дѣти въ означенныхъ школахъ обучаемы были) знаютъ, и для того имѣющихся нынѣ въ оныхъ школахъ тѣхъ новокрещенскихъ дѣтей въ домы къ отцамъ и къ родственникамъ ихъ отпустить, а которые изъ нихъ обучались и въ церковный причетъ годны, таковыхъ, по силѣ прежнихъ указовъ, къ церквамъ опредѣлить».

Сказавъ потомъ, что учителей духовныхъ персонъ и чиновниковъ, состоявшихъ при школахъ, слѣдуетъ отослать обратно туда, откуда они были назначены, синодъ продолжаетъ, что впредь новокрещенскія дѣти «буде пожелаютъ» могутъ быть обучаемы россійской грамотѣ при своихъ церквахъ мѣстными священниками, діаконами и церковнослужителями, «равно какъ и прочія русскія малолѣтныя дѣти по желаніямъ своимъ у таковыхъ обучаются». Т. е. синодъ, предоставивъ приготовленіе учителей для инородцевъ духовнымъ школамъ, инпшему инородческому образованію хочетъ возвратить его элементарный и слѣдовательно общенародный и свободный характеръ. Еслибы на это можно было разсчитывать, еслибы можно было быть увѣреннымъ, что образованіе среди инородцевъ дѣйствительно укоренилось, то мысль синода была бы безусловно вѣрною; но Екатерина не признала этого и потому повелѣла: «школъ не отрѣшать; а имъ (родителямъ-инородцамъ) дать на волю дѣтей въ школахъ (т. е. городскихъ новокрещенскихъ), или при приходскихъ церквахъ обучать и никому принужденія не чинить. А при томъ Е. И. В. согласна и съ тѣмъ, что которые изъ нихъ россійской грамотѣ и письму обучатся, таковыхъ о производствѣ годныхъ въ священно-и церковнослужители поступать по прежнимъ указамъ» [1]).

[1]) П. С. 3. № 12126.

Мы не знаемъ укрѣпилось ли элементарное образованіе въ инородческихъ приходахъ; но городскія инородческія школы съ того времени продолжали свое существованіе въ жалкомъ видѣ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ современный (той эпохѣ) писатель: «Одинъ казанскій архіерей учредилъ для дѣтей (инородцевъ) училище, изъ котораго хотѣлъ въ священники ихъ однородцевъ имъ посвящать, но изъ самаго сего произошло: взятые юноши въ училищѣ не имѣли никакого призрѣнія, и почти съ голоду большая ихъ часть помирали. Сіе произвело, что они стали съ огорченіемъ ихъ отдавать, отъ чего послѣдовали взятки, а потомъ и паденіе сей школы» [1]).

Еще въ 1786 году въ казанской школѣ обучались 80 чел., какъ свидѣтельствуетъ тогдашній писатель Дм. Зиновьевъ [2]); но въ самомъ концѣ XVIII в. инородческія казанскія школы сами собою изчезли безъ всякаго законодательнаго уничтоженія ихъ, такъ что даже годъ ихъ прекращенія не можетъ быть опредѣленъ съ точностью; полагаютъ, что это былъ 1800 годъ [3]).

Такъ заключились въ XVIII в. попытки распространенія между инородцами востока православной вѣры и русской цивилизаціи путемъ школъ. Какъ школы для бѣдныхъ слились съ гарнизонными, такъ инородческія школы слились съ духовными; и здѣсь профессіональная система образованія оказала свое разрушающее вліяніе на успѣхи общаго элементарнаго образованія. Повторяемъ, что этому послѣднему, равно какъ и всякому общему образованію, не было мѣста при профессіональной системѣ, которая одна господствовала въ эпоху отъ Петра I до Екатерины II.

---

[1]) Щербатовъ: «Статистика въ разсужденіи Россіи». (Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Рос. 1859 кн. 3).

[2]) «Топографич. описаніе гор. Казани и его уѣзда». М. 1788; см. цитату Е. А. Малова: «о новокрещ. школахъ»).

[3]) Этотъ годъ указываетъ Рубышкинъ («Кратк. ист. гор. Казани»); напротивъ г. Щаповъ—1797-й годъ.

ПРОФЕССІОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ.

Глава III. Сословное начало образованія. Профессія, какъ существенный признакъ понятія-сословіе. Отношеніе законовъ о профессіональномъ образованіи къ сословному строю общества на западѣ Европы и у насъ. Узаконенія о наслѣдственности духовной профессіи и исключительномъ доступѣ въ духовныя школы для дѣтей священно-церковнослужителей. Попытки организовать сословіе гражданскихъ чиновниковъ законами о дьяческихъ и подъяческихъ школахъ; стремленіе частныхъ вѣтвей гражданской службы къ наслѣдственности. Организація наслѣдственнаго класса военно-служащихъ нисшихъ чиновъ чрезъ исключительный доступъ въ гарнизонныя школы. Вліяніе «морской гвардіи» (морской академіи) и сухопутной гвардіи (сухопутнаго корпуса) на организацію дворянскаго сословія; частныя вѣтви высшей военной службы. Почему сословіе городскихъ обывателей организуется безъ вліянія законовъ объ образованіи?

Новая система образованія, начавшаяся вмѣстѣ съ XVIII вѣкомъ, есть система профессіональная; возникновеніе и развитіе ея въ XVIII вѣкѣ тѣсно связано съ возникновеніемъ и развитіемъ сословій. [1]).

---

[1]) Связь профессій съ сословіями отмѣчается не нами въ первый разъ. Штейнъ замѣчаетъ: «So wie sich bei steigender Gesittung die Nothwendigkeit und damit die Selbstständigkeit derjenigen Funktionen zeigt, welche der Jnhalt des geistigen Berufes bilden, so scheidet er sich vom dem Gesammtleben aus und fordert und erzeugt im Namen seiner geistigen Berechtigung einen ihm eigenen speciell für ihn bestimmten Besitz, der die wirthschaftliche Grundlage der selbständigen Berufsfunktion bildet und der daher ein Eigenthum der Berufsgenossen ist. Sowie das geschiet, ist der Beruf eine zugleich öffentlich rechtliche Thatsache mit bestimmtem Recht, bestimmter Macht, bestimmter innerer Ordnung; und diesen mit eigenem Besitz, Macht und Ordnung ver-

Такимъ образомъ мы переходимъ здѣсь къ новому порядку явленій въ области государственнаго устройства и управленія, который существенно отличается отъ допетровскаго. Всѣмъ извѣстно, что родовыя и сословныя начала имѣли наименьшее приложеніе къ государственнымъ формамъ древней Руси: переворотъ XVIII в. совершенно измѣнилъ эти отношенія. Здѣсь не мѣсто оцѣнивать достоинство этого переворота относительно русскаго государственнаго права вообще. Мы должны здѣсь поставить на видъ только факты, доказывающіе вновь мысль, за которою вообще мы слѣдимъ, а именно мысль о зависимости государственныхъ органовъ отъ отправленій и обратно. Если задачи образованія и призрѣнія способны были создать приходскую общину, а отнятіе этихъ функцій-уничтожить ее; если завѣдованіе тѣмъ же въ болѣе широкихъ размѣрахъ этихъ задачъ могло создать сильныя корпораціи, а отнятіе этихъ функцій повело къ уничтоженію ихъ, то тотъ же самый законъ въ чертахъ еще болѣе рельефныхъ выступаетъ въ исторіи сословій.

Въ частности русскія сословія, преимущественно же дворянское и духовное, одолжены своею организаціею главнымъ образомъ узаконеніямъ о профессіональномъ образованіи.

Обращаясь къ этому весьма существенному вопросу, мы встрѣчаемся прежде всего съ большимъ препятствіемъ къ удовлетворительному рѣшенію его, а именно съ теоретическою неясностію понятія-сословіе. Для нашей цѣли существенно необходимо преодолѣть это затрудненіе, представивъ въ самомъ сжатомъ видѣ связь понятія о сословіи съ понятіемъ о профессіи.

Въ понятіе сословія включается четыре признака, изъ которыхъ каждый столь важенъ для этого понятія, что отсутствіе одного совершенно разрушаетъ самое понятіе. Эти

---

sehenen Beruf nennen wir der Stand. Jeder geistige Beruf wird daher stets zu einem Stande; der Stand ist die Form der Anerkennung und des Daseins des öffentlichenBerufes. Indem nun dieser geistige Beruf sich selbst wieder in bestimmte grosse Funktionen theilt, entstehen die Berufsarten, welche im obigen Sinne die Stände sind». Das Bildungswesen. 1 Th. (1868), S. 153. Въ послѣдующемъ изложеніи понятія о сословіи мы отмѣтимъ тѣ пункты, въ которыхъ это понятіе не соотвѣтствуетъ опредѣленію, какое далъ ему Штейнъ.

признаки слѣдующіе: корпоративность, профессія, наслѣдственность и признаніе со стороны государства. Сословія называются обыкновенно корпораціями; и это совершенно основательно. Извѣстно, что сословія зарождались повсюду путемъ образованія корпорацій [1]). Происхожденіе европейскихъ сословій совершается на глазахъ исторіи, которая показываетъ, что разрозненные элементы высшаго сословія въ западной Европѣ существовали съ незапамятныхъ временъ; но изъ нихъ образуется сословіе только тогда, когда они смыкаются вмѣстѣ подъ формою корпораціи-рыцарства. Рыцарство есть внѣшнее учрежденіе, дающее твердый обликъ такимъ явленіемъ, которыя безъ него могли разрѣшиться въ разнообразныя формы, въ нѣсколько классовъ. Равнымъ образомъ городское сословіе образуется, еще болѣе наглядным образомъ, путемъ корпорацій. Крестьянское населеніе, со времени его прикрѣпленія, отнюдь не составляетъ никакого сословія, потому что не имѣетъ никакого корпоративнаго устройства, хотя, по противоположности съ другими сословіями, и оно неправильнымъ образомъ часто называется сословіемъ.

До сихъ поръ нѣтъ никакой разницы между корпораціями и сословіями. Но рѣшительную разницу между ними ставитъ слѣд. черта: сословіемъ называется такая корпорація, которой цѣль составляетъ личную профессію ея членовъ.

Общественныя задачи, преслѣдуемыя въ корпораціяхъ, не составляютъ профессіи; цѣль корпораціи чистой не можетъ составить личный интересъ ея членовъ. Въ тѣхъ же корпораціяхъ, которыя превращаются въ сословія, общественная цѣль становится личною. Это совершается двоякимъ путемъ: или лица, по единству занятій, смыкаются въ общество; или люди, составившіе общество для преслѣдованія общественныхъ цѣлей, обращаютъ эти послѣднія въ свои личныя задачи; въ частномъ примѣрѣ: первымъ путемъ образовалось въ Европѣ городское сословіе, вторымъ дворянское (военная защита государства, принятая на себя нѣкоторыми, сдѣлалась личнымъ занятіемъ членовъ этого общества). *Об-*

---

[1]) Мы сейчасъ увидимъ, что этому вовсе не противорѣчитъ родовое происхожденіе сословій.

щественныя задачи, превращенныя въ личныя, называются профессіею въ собственномъ смыслѣ.

Въ наши дни профессія можетъ обойтись безъ всякой корпораціи: люди, преданные одному занятію, могутъ вовсе не входить между собою ни въ какія личныя общенія, благодаря литературѣ и общественнымъ школамъ. Но мы говоримъ о другихъ временахъ, объ эпохѣ образованія сословій. Тогда неизбѣжность общенія (и въ силу этого основаніе особыхъ учрежденій, корпорацій) не можетъ подлежать сомнѣнію. Рѣшительнымъ доказательствомъ этого можетъ служить образованіе цеховъ [1]).

Но такія товарищества, которыхъ связь есть профессія, далеки еще отъ понятія сословія. Для этого послѣдняго необходимо требуется новый признакъ-наслѣдственность профессіи. Уже изъ того, что задачи профессіональныхъ корпорацій суть личныя задачи, слѣдуетъ, что переходъ профессіи въ наслѣдство есть дѣло не только легкое, но и необходимое. Въ эпохи болѣе раннія, когда еще домашнее образованіе преобладаетъ надъ общественнымъ, каждый отецъ передаетъ своимъ дѣтямъ знанія, которыя онъ самъ имѣетъ, по весьма понятной причинѣ: спеціальныя знанія и основанная на нихъ профессія есть тотъ капиталъ, который отецъ оставляетъ сыну. Къ этому присоединяется предрасположеніе къ извѣстнымъ спеціальнымъ занятіямъ, основанное на постоянно повторяющихся впечатлѣніяхъ во младенчествѣ. Далѣе наслѣдственность занятія вызывается даже сторонними лицами, которыя привыкаютъ приписывать извѣстныя занятія фамиліямъ. Этимъ обусловливается тотъ фактъ, что въ древнѣйшее время избраніе лицъ на государственныя профессіи (должности) обыкновенно совпадаетъ съ наслѣдственностью ихъ. Всѣмъ извѣстный примѣръ этого представляетъ передача княжеской власти у русскихъ въ вѣчевую эпоху.

Повторяемъ отдѣлить личную профессію отъ наслѣдственности весьма трудно: такія корпораціи, которыя хотѣли вос-

---

[1]) Что сословія именно имѣли характеръ профессіональныхъ корпорацій, для убѣжденія въ этомъ достаточно однихъ названій древнихъ кастъ востока и сословій классическаго и средневѣковаго міра: жрецы, воины, купцы, земледѣльцы, дедалиды, халкиды, гоплеты, эгикореи, аргадеи, milites и т. д.

пользоваться для своихъ цѣлей всею личною энергіею своихъ членовъ, но вмѣстѣ и отстранить вторженіе въ себя личнаго эгоизма ихъ, такія корпораціи постановляли безбрачіе основнымъ условіемъ вступленія въ нихъ; таковы монашескія общества и нѣкоторые рыцарскіе ордена. Это есть единственное средство отстраненія наслѣдственности при личномъ характерѣ преслѣдованія общественныхъ задачъ. Этимъ крайнимъ средствомъ католическое духовенство удачно отстранило отъ себя опасность сдѣлаться кастою.

Личная наслѣдственность профессіи тѣмъ неизбѣжнѣе, что она тѣсно соединяется съ обыкновенныхъ правомъ наслѣдованія имуществъ по закону: большая часть профессій, не только экономическихъ, но и духовныхъ можетъ быть осуществлена не иначе, какъ при обладаніи извѣстными родами имуществъ; такъ для осуществленія военной профессіи въ древнія времена считалось безусловно необходимымъ обладаніе конемъ и извѣстными родами оружія: тотъ лишался военнаго званія, кто не могъ имѣть этихъ вещей.

Однако до сихъ поръ мы говоримъ только о наслѣдственности личной профессіи, но не правъ на нее; въ сословіи же, по общепринятому представленію о немъ, передаются по наслѣдству права и преимущества. Наслѣдовать отцовскую профессію не значитъ наслѣдовать сословное положеніе его; это послѣднее могло и не быть. Требуется, чтобы въ наслѣдство переходило и положеніе лицъ въ корпораціи. Здѣсь мы доходимъ до послѣдней черты этого понятія, по нашему мнѣнію самой важной, именно признанія со стороны государства правъ за наслѣдственною корпораціею на ея профессію.

Присутствіе личнаго эгоизма (неизбѣжнаго при профессіяхъ) побуждаетъ такія корпораціи исключать всякихъ постороннихъ конкурентовъ отъ исполненія тѣхъ же задачъ, или, проще, отъ тѣхъ же занятій. Свободный доступъ въ такія корпораціи прекращается. Право на исполненіе задачи корпораціи пріобрѣтается только частнымъ путемъ наслѣдованія. Отсюда являются средневѣковыя узаконенія: «constitutionibus caveatur, quod milites fieri nequeant, qui de genere militum non nascuntur». Очевидно, что такое право исключительнаго доступа къ профессіи не можетъ оставаться долго на степени факта; оно превращается въ право обычное,

или формулируется въ законъ, т. е. иначе говоря признается за извѣстною корпораціею всѣми остальными корпораціями и классами волею или неволею. Если этого признанія нѣтъ въ обществѣ, то всѣ изложенныя нами выше элементы сословій вовсе не могутъ сами по себѣ создать сословіе.

Такимъ образомъ сословіемъ называется корпорація, въ которой наслѣдственная передача извѣстныхъ занятій считается правомъ ея.

Очевидно, что въ понятіи сословія тѣсно сливаются два элемента—частный и публичный. Государственный строй, основанный на сословіяхъ представляетъ обыкновенно наиболѣе ясный типъ смѣшенія публичныхъ началъ съ частными; ибо здѣсь люди заимствуютъ право на публичную дѣятельность не изъ государственнаго права, а изъ другой области юридическихъ отношеній, пріобрѣтаютъ его по рожденію; съ другой стороны общественная дѣятельность здѣсь есть въ тоже время личная профессія. Сословная организація, достигнувъ господства въ извѣстномъ обществѣ, обыкновенно сама укрѣпляетъ тѣ элементы, на которыхъ она созидалась: такъ устраиваются общественныя школы не просто спеціальныя (профессіональныя), но именно сословныя; доступъ въ нихъ открывается только для лицъ принадлежащихъ къ извѣстному сословію. Обратно: лица, не получившія этого образованія лишаются сословныхъ правъ; къ тому же вело избраніе другой профессіи. Отсюда вообще предосудительность нѣкоторыхъ занятій для лицъ высшихъ классовъ: презрѣніе къ труду.

Извѣстно, что почти исключительное господство сословнаго строя обществъ въ западно-европейскихъ государствахъ начало ослабѣвать съ XVI в., по мѣрѣ очищенія и выдѣленія публичныхъ началъ отъ частныхъ. Тогда новыя государства признали своею задачею избавить себя отъ стѣсненія со стороны частныхъ кровныхъ элементовъ, предоставивъ этимъ послѣднимъ исключительную сферу—область частныхъ отношеній. Для этого кромѣ прямыхъ мѣръ, относящихся къ правамъ сословій, государства принимали не менѣе рѣшительныя мѣры косвенныя, относящіяся къ тѣмъ элементамъ, изъ которыхъ создаются сословія; сюда относятся мѣры по народному образованію. Чтобы разорвать старинную и роко-

вую связь сословій съ профессіями, государство основываетъ общественныя спеціальныя школы, въ которыя вступать позволяется всякому; этимъ облегчается для всѣхъ доступъ къ извѣстнымъ профессіямъ фактически, т. е. ограждается свобода профессій. Сынъ можетъ найти въ общественныхъ школахъ то, что соотвѣтствуетъ его личнымъ дарованіямъ и наклонностямъ болѣе, чѣмъ кругъ знаній, сообщенныхъ ему отцемъ, и так. обр. можетъ избрать не отцовскую профессію. Государству помогаетъ въ этомъ случаѣ безконечное развѣтвленіе задачъ и профессій, съ усложненіемъ жизненныхъ отношеній и съ успѣхами науки. Для такихъ задачъ уже не годились прежнія простыя средства домашняго и сословнаго образованія. Этимъ путемъ государство достигаетъ почти вполнѣ уничтоженія сословій безъ всякой законодательной отмѣны ихъ. Когда членамъ сословій уже не принадлежитъ никакая исключительная профессія, тогда сословія теряютъ совсѣмъ духъ и характеръ тѣхъ учрежденій, которыя назывались этимъ именемъ прежде. Политическія права ихъ отпадаютъ сами собою и для нихъ остается лишь имя. Въ настоящее время сословія не связаны уже съ профессіями; но за то онѣ и составляютъ лишь тѣнь прежнихъ сословій.

Въ то время, какъ такая работа совершается на западѣ Европы, привѣтствуемая всѣми лучшими умами того времени, на востокѣ Европы, подъ кажущимися формами подражанія, совершается нѣчто совершенно противоположное. И здѣсь государство создаетъ спеціальныя школы и даже проповѣдуетъ, что цѣль его та, чтобы профессіи выполнялись лучше: духовныя школы строятся, «въ надежду лучшаго священства», военныя-для поднятія военной профессіи. Но результатомъ именно этихъ мѣръ по народному образованію было не уничтоженіе, а созданіе сословій.

Въ вопросѣ о русскихъ сословіяхъ, наука еще вовсе не условилась: то голословно приписываютъ Петру честь созданія сословій, если съ уваженіемъ къ памяти Петра соединяютъ уваженіе къ сословной формѣ общества; то говорятъ, что сословія «суть созданія царской эпохи», и слѣд. лишь приняты и признаны Петромъ и его преемниками. Намъ кажется, что юридическія понятія, даже и въ области государственнаго права, могутъ достигать извѣстной степени точно-

сти; если понятіе сословія, анализированное выше, приближается къ требуемой точности, то мы безъ большаго труда могли бы разрѣшить спорный вопросъ о древне-русскихъ сословіяхъ, прилагая къ до-петровскимъ классамъ тѣ признаки, которые составляютъ необходимое содержаніе понятія о сословіи.

Находя эту работу слишкомъ далекою отъ нашей задачи, предоставимъ ее другимъ изслѣдователямъ [1]), ограничиваясь здѣсь однимъ указаніемъ, что по нашему мнѣнію, хотя до XVIII ст. классы общества распредѣлялись уже по профессіямъ и б. ч. передавали эти профессіи наслѣдственно, но къ нимъ не прилагаются два существенныхъ признака понятія сословія; именно: они не составляли корпорацій и за ними не были признаны исключительныя права на профессію, а равно и соединенныя съ этимъ политическія и личныя права [2]).

[1]) Мы отстраняемъ отъ себя этотъ вопросъ тѣмъ охотнѣе, что въ послѣднее время нѣкоторые изъ нашихъ изслѣдователей исторіи общественныхъ состояній (хотя иногда мимоходомъ) укрѣпляютъ уже въ наукѣ слѣд. мысль: «до Петра В... у насъ не существовало дворянство, въ смыслѣ отдѣльнаго сословія, общественной группы, члены которой связаны сознаніемъ единства общесословнаго интереса, надѣлены особыми правами въ отличіе отъ другихъ общественныхъ классовъ». (Романовичъ-Славатинскій: «Дворянство» стр. 2).

[2]) Относительно профессіи государственной службы слѣдуетъ замѣтить, что хотя обыкновенно профессія эта передавалась по наслѣдству, но опредѣляющимъ моментомъ вступленія въ нее было не происхожденіе, а назначеніе со стороны государства: дворянинъ становился дворяниномъ не съ момента рожденія, а съ того момента, когда онъ былъ верстанъ на службу: дворянинъ перестаетъ быть дворяниномъ, коль скоро онъ отставленъ отъ службы; государство, ограждая свои права на служилыхъ людей, запрещаетъ принимать въ холопы дворянъ, пока они не отставлены; отставные могутъ поступать въ холопы (Суд. Ц. 81). Соотвѣтственно съ этимъ устраиваются и формы поземельной собственности, связанныя съ служебной профессіей: форма помѣстій долго преобладаетъ надъ вотчинной формою: помѣстья первоначально не наслѣдуются, а жалуются каждый разъ, хотя обычай утвердилъ, что дѣтямъ жалуются надѣлы б. ч. изъ помѣстья отца.

Служилый классъ былъ открытъ для доступа всѣмъ, кого царь принимаетъ на службу; таковы: вновь набираемыя лица во дворѣ царя и царицы: стремянные, конюхи, сытники и т. д., таковы: иноземцы, рейтары, драгуны, казаки, пушкари, затинщики и др. Всякій изъ нихъ, получивши за службу помѣстный окладъ, и даже безъ него, ничѣмъ не отличался по юридическому положенію отъ дворянъ и дѣтей боярскихъ. Указъ ц. Алексѣя

Духъ законодательства XVIII в. о профессіяхъ и профессіональномъ образованіи, повидимому, есть духъ, отрицающій возможность происхожденія изъ профессій сословій. Его

Мих. 1651 г. предписываетъ воеводѣ Хитрову «раздать денежное жалованье стрѣлецкимъ и казацкимъ дѣтямъ, которыхъ отцы казаки и стрѣльцы въ 1650 г. поверстаны въ дѣти боярскіе». Послѣ этого понятно, какой смыслъ имѣетъ указъ 1640 г., которымъ положено, что люди, которыхъ отцы не были боярскими дѣтьми, не могутъ получать помѣстья и записываться въ списки служащихъ. Очевидно, что здѣсь полагаются лишь предѣлы для власти царя назначать на службы, а не утверждается, что права на службу пріобрѣтаются по рожденію. Приведенный указъ 1651 г. указываетъ, что и въ этомъ значеніи узаконеніе 1640 г. не исполнялось.

Понятно, какъ отсутствіе одной этой черты совершенно разрушаетъ понятіе сословія въ примѣненіи къ служилымъ классамъ; понятно, какъ это лишаетъ значенія и всѣ другіе элементы сословія, существовавшіе уже на лицо. Во первыхъ военная профессія не была исключительнымъ правомъ дворянскаго сословія. Профессію эту дѣлили съ дворянами всѣ остальные классы общества: участіе народнаго ополченія въ войнахъ у насъ съ древнѣйшихъ временъ именно предотвращало возможность образованія дворянскаго сословія. Даже въ Московскій періодъ число «посохи» превышало численность дворянскихъ полковъ.—Не будучи исключительною, профессія не могла сдѣлаться и наслѣдственною; а наслѣдованіе ея допускается только подъ условіемъ дѣйствительнаго вступленія въ нее. Особенно же разрушается чрезъ то всякая корпоративная связь между служилыми людьми: обыкновенно, въ доказательство того; что порода была до временъ Петра (или правильнѣе Ѳедора Алексѣевича) важнѣйшимъ условіемъ для занятія государственной службы, указываютъ на мѣстничество; но это простое недоразумѣніе. Въ Польшѣ король и послѣдній шляхтичъ были ровны другъ другу въ качествѣ шляхтичей. Поэтому уничтоженіе мѣстничества при Ѳедорѣ не устранило возможность образованія дворянскаго сословія, а открыло ее.

Понятно, почему никто изъ защищающихъ мысль о существованіи сословій до Петра не могъ указать до сихъ поръ на какія либо исключительныя права какъ сословныя для всѣхъ служивыхъ людей, такъ и личныя для членовъ этого класса. Права гербовъ не принадлежали никому. Правами на провинціальное управленіе, на представительство въ законодательныхъ собраніяхъ (право, которое въ Польшѣ почти исключительно принадлежало шляхетству) пользуются не одни дворяне (управленіе въ провинціяхъ у насъ принадлежало если не чиновникамъ, то преимущественно тяглому населенію; право представительства на земскихъ соборахъ всѣмъ). Наоборотъ тѣ ограниченія правъ, которыя возникали на западѣ и въ Польшѣ изъ исключительности сословной организаціи, у насъ не существовали: занятія торговлею и промыслами у насъ доступны были дворянамъ безъ опасенія потерять дворянскія права (которыхъ впрочемъ не было).

Къ концу XVII в. подъ яснымъ вліяніемъ польскаго института шля-

исходный пунктъ слѣд.: профессію занимаетъ тотъ, кто приготовился къ ней спеціальнымъ образованіемъ.

Такъ относительно духовной профессіи, и до Петра склонявшейся къ сословной наслѣдственности, направленіе законодательства XVIII в., повидимому, ярко выразилось въ указѣ 1718 г., касавшемся славяно-греко-латинской академіи, указѣ «достохвальнѣйшемъ, на общую духовную пользу из-

---

хетства замѣчается и у насъ ясный поворотъ къ образованію изъ служащихъ высшаго сословія. Всѣмъ извѣстно, что оно и возникаетъ у насъ въ нач. XVIII в. подъ именемъ шляхетства. Съ тѣхъ поръ оно является юридическимъ учрежденіемъ съ особыми правами и обязанностями и рѣзко отмежовывается отъ остальныхъ классовъ. Между тѣмъ извѣстно, что въ 1-й пол. XVIII в. не было никакого прямаго узаконенія объ образованіи этого сословія. «Таковая немаловажная перемѣна, говоритъ Миллеръ, съ великимъ по всей Россіи единомыслiемъ учинилась безъ особливаго о томъ указа, безъ обнародованнаго отъ верховныхъ судебныхъ мѣстъ опредѣленія. И только де извѣстно, что перемѣна сія послѣдовала по возвращеніи Государя изъ перваго его въ чужіе краи путешествія».

Факты, повидимому доказывающіе существованіе духовнаго сословія до Петра, слѣд. обр. группируются г. Знаменскимъ (въ книгѣ: «Приходское Духовенство»): «дѣти духовенства, съ дѣтства воспитывая въ себѣ наклонность къ церковному служенію употребляли самыя энергическія усилія отстоять свои родовыя церковныя мѣста отъ всякаго искательства постороннихъ лицъ....Въ XVI в. порядокъ занятія церковныхъ должностей т. ск. по праву рожденія является уже весьма обыкновеннымъ и распространеннымъ повсюду. Стоглавый соборъ въ нѣкоторомъ слыслѣ даже узаконяетъ его. Напр. выражая свою заботу объ образованіи духовенства, онъ велитъ священникамъ учить ихъ дѣтей, дабы имъ, «пришедъ въ возрастъ, достойнымъ быти священническаго чину». Или еще частнѣе опредѣляетъ: «который попъ или дьяконъ овдовѣетъ и будетъ у него или зять или братъ, или племянникъ, а на его мѣсто въ попы поставите». Въ писцовыхъ книгахъ XVI и XVII в. священниками б. ч. значатся уже лица духовнаго происхожденія, при чемъ нерѣдко встрѣчаются такіе приходы, гдѣ отецъ числится первенствующимъ священникомъ, а сынъ вторымъ, причетники тоже отецъ съ сыномъ, а иногда и весь причтъ состоитъ изъ одного семейства». Соборъ 1667 дѣлаетъ выговоры архіереямъ за то, что они не ставятъ лицъ духовнаго происхожденія.

Здѣсь собраны какъ акты церковнаго законодательства, такъ и свидѣтельства о фактическомъ состояніи занимающаго насъ вопроса. Послѣднія не имѣютъ для насъ значенія (потому что мы признали уже фактическую подготовку сословій до Петра). Посмотримъ какой смыслъ имѣютъ первые. Они положительно запрещаютъ посвященіе нѣкоторыхъ лицъ въ духовный санъ, а именно соборъ 1667 запрещаетъ ставить бѣглыхъ крестьянъ и рабовъ. Относительно всѣхъ прочихъ лицъ подобныхъ запрещеній нѣтъ. Очевидно, что запрещеніе это мотивировано соображеніями взятыми не изъ области пу-

данномъ», по отзыву современника. Въ немъ приказывалось посвящать воспитанниковъ московской академіи во священники и діаконы на вакантныя мѣста къ церквамъ соборнымъ и лучшимъ приходскимъ и въ силу этого «таковымъ мѣстамъ быть непродажнымъ». Дворы и домы, построенные прежними священниками, переходившіе по наслѣдству въ ихъ родѣ (что вмѣстѣ съ тѣмъ влекло и наслѣдственность профессіи), должны быть окуплены прихожанами изъ церковныхъ денегъ и отданы безденежно (конечно въ пользованіе) новымъ священникамъ получившимъ образованіе въ академіи [1]).

Хотя въ силу этого указа нѣкоторые школьники дѣйствительно, съ большими издержками и волокитою, получили эти мѣста, но не считаютъ своего положенія вѣрнымъ; «притчина сему обычай прежній о наслѣдіи церквей, продажею и куплею стяжаемомъ, неразсмотрительнѣ введенный и непокорство прихожанъ, которые по родству, знаемости и по своимъ прихотямъ избираютъ себѣ священниковъ и дьяконовъ». И такъ, повидимому, новый указъ объявилъ войну прежнимъ порядкамъ наслѣдственности профессій.

бличнаго права, а частнаго: принятіе рабовъ и бѣглыхъ крестьянъ ведетъ къ нарушенію частныхъ правъ владѣльцевъ ихъ, ибо за тѣмъ необходимо слѣдовало освобожденіе. Извѣстно, что и это постановленіе вовсе не соблюдалось. Относительно прочихъ классовъ не встрѣчается такихъ ограниченій. Общія ограниченія для всѣхъ классовъ относительно выхода изъ извѣстнаго состоянія не простирались на выходъ въ духовное званіе и дѣйствительно всѣмъ извѣстно, что не только въ XVII в., но и въ нач. XVIII в. посвященіе посадскихъ людей въ попы было дѣломъ самымъ обыкновеннымъ.

Если соборы поощряютъ избирать на духовныя должности дѣтей духовныхъ лицъ, то этимъ не имѣютъ въ виду узаконить исключительный доступъ къ церковнымъ должностямъ по происхожденію, потому что тотъ же Стоглавый соборъ, оставляетъ за прихожанами право выбора. Эти поощренія имѣютъ тотъ смыслъ, что въ духовный санъ должны быть избираемы лица наилучше приготовленныя, какими и предполагались дѣти духовныхъ лицъ. Если опредѣляющимъ моментомъ для занятія профессіи гражданской службы было назначеніе отъ правительства, то здѣсь существеннымъ моментомъ продолжаетъ быть избраніе приходской общины до самаго XVIII в.

Лишь одинъ классъ общества рѣзко обособился въ древней Руси; это классъ посадскихъ людей; еще допетровское правительство запретило какъ входъ въ него, такъ и выходъ изъ него.

[1]) Опис. док. и дѣлъ, хран. въ арх. св. син. Приб. CCCXIV-CCCXVI.

Но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ вооружился и противъ правъ избранія священниковъ прихожанами, представляя замѣщеніе вакантныхъ мѣстъ усмотрѣнію начальства; а усмотрѣніе начальства должно сообразоваться исключительно съ тѣмъ, приготовилось ли извѣстное лице къ данной профессіи. Итакъ опредѣляющимъ моментомъ въ выборѣ профессіи является профессіональное образованіе. Очевидно все будетъ зависѣть отъ того, кто допускается къ извѣстному профессіональному образованію. При свободѣ доступа ко всѣмъ профессіямъ, сословный строй разрушается; если же классы общества будутъ распредѣлены каждый для полученія извѣстныхъ профессіональныхъ знаній, то не только не разрушаются готовые элементы для образованія сословій, но сословія могутъ быть созданы тамъ, гдѣ ихъ вовсе не было.

Къ этому именно и приводятъ два принципа, господствующіе въ законодательствѣ XVIII в., преимущественно въ 1-й половинѣ его, а именно: 1) всякій долженъ учиться тому, что составляетъ профессію его отца; 2) отсюда само собою слѣдуетъ, что никто сторонній не можетъ быть допущенъ къ этой профессіи. Первый принципъ выраженъ въ большомъ рядѣ узаконеній съ совершенною ясностію, второй выраженъ не такъ отчетливо, потому что самъ собою вытекаетъ изъ перваго: однако и онъ въ чистомъ видѣ является въ нѣсколькихъ законодательныхъ мѣрахъ и административныхъ распоряженіяхъ. Обратимся къ первому и изложимъ относящіяся сюда узаконенія въ порядкѣ профессій.

Относительно духовной профессіи въ 1708 г. данъ указъ изъ монастырскаго приказа: «поповымъ и дьяконовымъ дѣтямъ учиться въ школахъ греческой и латинскихъ (т. е. славяно-латинской академіи и элино-греч. школѣ). А которые въ тѣхъ школахъ учиться не похотятъ: и ихъ въ попы и въ дьякопы на отцовы мѣста и никуда не посвящать, и въ подъячіе и въ иные ни въ какіе чины, кромѣ служилаго чина (т. е. солдатства), принимать не велѣно» [1]). Что не учившихся не велѣно ставить въ попы-это понятно, въ виду

[1]) П. С. З. № 2186 (янв. 15).

изложенной цѣли правительства достигать, по возможности, наилучшаго отправленія профессій; но почему же не велѣно принимать ихъ на другія профессіи, къ которымъ можетъ быть они оказались бы годными? Очевидно потому, что каждый долженъ готовиться къ своей родительской профессіи. Здѣсь въ первый разъ намѣчиваются границы духовнаго сословія, но намѣчиваются еще нетвердо, еще неискусною рукою. На службѣ церкви состоятъ не одни священники и дьяконы. Эту ошибку тотчасъ исправляетъ указъ 1710 г., который, повторивъ содержаніе указа 1708 г., прибавляетъ, что учиться въ духовныхъ школахъ должны не только поповы, дьяконовы, но «и пономаревы, дьячковы и сторожевы и просфирины дѣти»; при этомъ опять повторяется: «которые (изъ нихъ) въ тѣхъ школахъ учиться не похотятъ и ихъ по томужъ, опричь солдатскаго чина, ни въ какіе чины не принимать» [1]). Однако собранные въ духовную школу ученики не сразу могли привыкнуть къ мысли, что будущая профессія для нихъ обязательна съ момента поступленія въ профессіональную школу. Это въ особенности нужно сказать объ ученикахъ москов. академіи, которая основана была ранѣе господства въ законодательствѣ профессіональной системы и сама долго не могла обратиться въ духовную школу. Ученики ея, получивъ въ ней общее образованіе, по ихъ мнѣнію достаточное, уходили изъ нея и выбирали себѣ разныя профессіи. Поэтому указъ 1718 г. поспѣшилъ разъяснить имъ ихъ положеніе съ полною ясностью и строгостью. Подчинивъ учениковъ академіи вѣдѣнію монастырскаго приказа, «кромѣ разбойныхъ и убивственныхъ дѣлъ» (т. е. указавъ ей въ первый разъ сословно-духовное ея значеніе), указъ продолжаетъ объ ученикахъ: «а которые прежде сего отъ того ученія отстали и записывались въ разные чины, также которые вновь будутъ отставать, и тѣхъ сыскивать и отсылать въ тѣ школы изъ монастыр. приказа, съ наказаніемъ, а за прогульные дни данное имъ жалованье у нихъ вычитать» [2]).

---

[1]) П. С. З. № 2308 (нояб. 11).
[2]) ibid. № 3182 (марта 15).

Извѣстно, что съ узаконеніями о преобразованіи государственнаго устройства, т. е. съ узаконеніями о коллегіяхъ 1719-1721, совпадаютъ важнѣйшія мѣры, относящіяся къ организаціи сословій. Духовный регламентъ напр. не есть только учредительный актъ синода, но и полный организаціонный актъ духовнаго сословія. Поэтому для насъ чрезвычайно важно знать, какъ отнеслось это узаконеніе къ опредѣленію отношеній между духовною профессіею и приготовленіемъ къ ней. Въ гл.: «о домахъ училищныхъ» регламентъ объ ученикахъ дастъ «сіе разсужденіе: должны всѣ протопопы и богатшіи и иніи священницы дѣтей своихъ присылать во академіи. Мощно тоежъ указать и градскимъ лучшимъ приказнымъ людемъ: а о дворянѣхъ, какъ собственная воля будетъ царскаго величества» [1]). Здѣсь не оставляется никакого сомнѣнія, что дѣти духовенства должны учиться только въ духовныхъ школахъ, однако вмѣстѣ выражается надежда, что таже профессія привлечетъ и лицъ изъ другихъ классовъ. Но само собою очевидно, насколько основательна эта надежда, если каждый классъ общества, точно такъ же какъ и духовный, будетъ требовать отъ своихъ сочленовъ непремѣннаго пріобрѣтенія образованія по своей профессіи. А такъ и было въ дѣйствительности.

Говоря о цыфирныхъ школахъ, мы уже указывали, какія естественныя послѣдствія возникли изъ постановленій духовн. регламента относительно права дѣтей духовенства посѣщать какія бы то ни было другія школы, кромѣ архіерейскихъ. Почти всѣ дѣти духовныхъ, бывшіе въ цыфирныхъ школахъ, оставили ихъ. Синодъ объявилъ, что «они потребцы ко учреждаемой отъ синода семинаріи и при архіерейскихъ домахъ школамъ»; мы знаемъ уже, что синодъ просилъ указа отъ сената, чтобы «въ гражданскія школы дѣтей духовныхъ не имать»; что царь согласился на докладъ синода отъ 19 нояб. 1721 г., что церковническихъ дѣтей нужно учить исключительно въ архіер. школахъ, что сенатъ (указомъ 1722 г., окт. 8), а синодъ (двумя указами 31 мая и 17 августа того же года) подтвердили, что дѣти лицъ духовныхъ (въ тѣхъ границахъ этого класса, которые указаны закономъ о 1-й ревизіи) «духовнымъ регламентомъ одолжены

[1]) Регл. Духов. изд. 1722 стр. 53.

(обязаны) учиться въ архіер. школахъ» съ тѣмъ, чтобы потомъ именно ихъ производить въ попы и во дьяконы, что тѣмъ самымъ они освобождены не только отъ ариѳметическихъ но и всѣхъ «прочихъ свѣтскихъ наукъ» [1]).

Когда первая ревизія начала проводить съ особенною ясностью границы между прежними неопредѣленными классами, отводить межи для новыхъ сословій, то начала, положенныя въ основаніе ея, встрѣтили наибольшія затрудненія въ классѣ лицъ, служащихъ при церкви.—Однимъ изъ этихъ главныхъ началъ было слѣд.: только тѣ лица, которыхъ ревизія застанетъ на мѣстѣ дѣйствительно служащими при церквахъ, исключаются изъ записи въ подушный окладъ, т. е. не попадаютъ ни въ сословіе городскихъ обывателей, ни въ крѣпостной сельскій классъ. Эти лица и ихъ потомство предназначаются къ образованію духовнаго сословія. А именно: дѣти такихъ лицъ освобождаются отъ подушнаго оклада «для того, что имъ быть при тѣхъ церквахъ во дьячкахъ и пономаряхъ и *изъ нихъ же* учить въ школѣ и производить на убылыя мѣста въ попы и во дьяконы» [2]).

Съ тѣхъ поръ правительство уже никогда не ставило вопроса: кого нужно приготовлять къ духовной профессіи «въ надежду священства». Напр. когда св. синодъ озаботился разсылкою книгъ, необходимыхъ для этой профессіи, то велѣлъ по нимъ учить «въ архіерейскихъ школахъ церковническихъ дѣтей въ надежду священства опредѣленныхъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ синодъ угрожаетъ, что если церковническія дѣти, уволенныя отъ подушнаго оклада и опредѣленныя учиться «во оныхъ школахъ для произведенія во священство», не захотятъ этого, «пріобщить ихъ къ число такихъ церковническихъ дѣтей, которые во оной подушной окладъ включены» [3]).

Но сопротивленіе, оказанное жизнію, заставило правительство повторять это не одинъ разъ. Такъ Петръ 1, издавая въ 1723 г. указъ объ обязательности духовнаго образованія, понималъ эту обязательность въ спеціальномъ смыслѣ,

---

[1]) П. С. З. № 3854, 4105, 4021, 4973. См. выше отдѣлъ о цыфирныхъ школахъ.

[2]) ibid. № 3932 (1722 г. апр. 4).

[3]) ibid. № 4021 (31 мая 1722 г.).

т. е. въ томъ смыслѣ, что дѣти духовныхъ набираются «неволею» для того, чтобы «учить ихъ въ надеждѣ лучшаго священства какъ духовнымъ регламентомъ опредѣлено» [1]).

Такъ окончилась дѣятельность законодательства при Петрѣ относительно правъ пріобрѣтенія духовной профессіи. Повидимому послѣ Петра до царствованія Анны изложенные принципы ослабѣли на практикѣ. Этимъ объясняется грозный синодскій указъ 1731 года ноября 18; синодъ, получивъ извѣстіе, что многіе священники отдаютъ своихъ дѣтей въ разныя коллегіи и канцеляріи въ подъячіе, а не въ семинаріи для приготовленія къ духовной службѣ, приказываетъ отнюдь не дѣлать этого «подъ лишеніемъ чиновъ своихъ и подъ безпощаднымъ наказаніемъ» [2]). Тоже распоряженіе вновь подтверждено въ 1732 г. синодскимъ указомъ ноября 28 [3]). Что въ этихъ узаконеніяхъ предупреждается не уклоненіе отъ школы и ученія вообще, а именно отъ школы и ученія спеціально—духовныхъ, это разъясняетъ указъ, данный за подписью кабинетъ министровъ, сената и синода о разборѣ дѣтей духовенства при рекрутскомъ наборѣ 1736 г. Въ немъ именно велѣно дѣтей архіерейскихъ дворянъ, монастырскихъ слугъ и дѣтей боярскихъ и церковниковъ опредѣлять въ подъячіе и въ гарнизонныя школы, а дѣтей священно-служительскихъ и причетническихъ, еще не годныхъ ни въ церковную, ни въ военную службу, оставить «въ вѣдомствѣ св. синода для опредѣленія въ школы (т. е. архіерейскія) и произведенія на мѣсто оставленныхъ при церквахъ» [4]).

Этотъ же принципъ еще болѣе уясняется такими узаконеніями, которыя предоставляютъ въ извѣстныхъ случаяхъ свободу выбора профессіи дѣтямъ духовныхъ лицъ: къ такимъ случаямъ относится во первыхъ освобожденіе отъ обязательной профессіи въ томъ случаѣ, когда лица духовнаго происхожденія, подлежавшія рекрутскому набору, откупаются отъ воинной службы, или ставятъ за себя рекрута. Тогда

[1]) П. С. З. № 4291 (сент. 1); указъ этотъ будетъ изложенъ полнѣе ниже въ отдѣлѣ объ обязательности профессіональнаго образованія.

[2]) ib. № 5882 (нояб. 18).

[3]) ib. № 6267.

[4]) ib, № 7070 (сент. 28).

имъ предоставляется право или записаться въ подъячіе и въ такомъ случаѣ обучиться ариѳметикѣ и геометріи (какъ наукамъ спеціальнымъ для приказнаго чина) или поступить въ въ духовенство (и въ такомъ случаѣ обучиться граматикѣ и реторикѣ), или записаться въ купечество и въ цехи (и въ послѣднемъ случаѣ не подвергаться никакому обязательному образованію) [1].

Второй случай–это освобожденіе отъ обязательнаго выбора профессіи дѣтей духовенства въ казачьихъ земляхъ. Когда въ 1737 г. велѣно было произвести повсемѣстный смотръ дѣтямъ духовныхъ лицъ, то между прочимъ воронежское епархіальное начальство намѣрено было произвести такой смотръ и дѣтямъ духовныхъ лицъ, служащихъ въ Донскомъ войскѣ. Управители архіерейскаго дома потребовали ихъ въ Воронежъ. Нѣкоторыя станицы, а именно расположенныя по Хопру, Дону и Бузулуку, допустили взять «сказки» о нихъ за подписью священниковъ и станичныхъ атамановъ; но относительно личной явки дѣтей въ Воронежъ отвѣчали отговоркою «за далнимъ разстояніемъ и опасными пограничными мѣстами». Задняя мысль ихъ и совсѣмъ другія опасенія выразились въ добавленіи къ этому, а именно, что они тогда поѣдутъ въ Воронежъ, когда изъ Черкасска (главной станицы войска) отправятся туда священнослужители съ своими дѣтьми. Изъ Черкасска же пришелъ въ Воронежъ болѣе ясный и отчетливый отвѣтъ: «издавна де у нихъ священники и діаконы и церковные причетники были и нынѣ есть всѣ изъ казаковъ и казачьихъ дѣтей» и что изъ «священническихъ, дьяконовскихъ и прочихъ церковныхъ дѣтей, многіе, по возрастѣ, воспринимаютъ подлинно казачью службу». Т. е. войско объявляетъ, что у него нѣтъ наслѣдственнаго духовнаго сословія, что какъ занятіе духовной профессіи доступно для всѣхъ казаковъ, такъ и для дѣтей лицъ духовныхъ открыта прямая дорога въ казачье званіе. Это тотъ порядокъ выбора профессіи, который, какъ мы отмѣчали, господствовалъ во всѣхъ краяхъ Россіи въ до-петровское время. Другія губерніи и провинціи, не имѣвшія такого корпоративнаго устройства и отдѣльнаго начальства, не могли дать отпора

[1] П. С. 3. № 7169 (февр. 6).

законодательнымъ опредѣленіямъ XVIII в. Мнѣніе же могущественнаго войска сенатъ не могъ не принятъ въ соображеніе и рѣшилъ, что тамъ священно-и церковнослужительскія дѣти и сами церковники не должны быть ни переписываемы, ни пересматриваемы [1]).

Когда при слѣдующемъ разборѣ въ 1746 (т. е. при 2-й ревизіи) опять возникъ тотъ же вопросъ о казацкомъ духовенствѣ, и синодъ представилъ его на усмотрѣніе сената, то этотъ послѣдній опять нашелъ, что:

«По силѣ объявленнаго 1737 г. указа (дѣтей духовныхъ) не переписывать и смотровъ имъ не чинить, а быть имъ на прежнемъ основаніи въ войсковомъ порядкѣ, ибо хотя, по духовному регламенту и указамъ, священно-и церковнослужительскимъ дѣтямъ въ школѣ архіерейской, для обученія въ надеждѣ священства быть должно, но прежде ихъ Донскихъ казачьихъ городковъ онымъ разборовъ и взятья въ школы не бывало....; оные всѣ издавна имѣлись и нынѣ имѣются изъ казаковъ и казачьихъ дѣтей, всѣ служатъ на войсковомъ ихъ жалованьѣ, и по возрастѣ воспринимаютъ казачью службу и служатъ».

Но св. синодъ, въ своемъ отношеніи сенату представлялъ вмѣстѣ и о затрудненіи, возникающемъ изъ этого порядка: «безъ обученія въ священствѣ быть не могутъ». Сенатъ нашелъ самый благоразумный выходъ изъ этого: если кандидаты на убылыя мѣста, представляемые изъ Донскихъ городковъ найдены будутъ неспособнымп къ произведенію во священство, въ такомъ случаѣ «св. пр. синодъ благоволитъ приказать: изъ семинаристовъ Воронежской или другихъ епархій достойныхъ туда опредѣлять, копмъ тамъ и обучать *желающихъ* дѣтей, въ надежду священства, позволить» [2]). Этимъ сенатъ указываетъ, что государство и церковь желая видѣть на извѣстныхъ профессіяхъ лицъ спеціально приготовленныхъ, могутъ не обязывать, извѣстную часть гражданъ пріобрѣтать наслѣдственныя профессіональныя знанія, а слѣдовать другимъ болѣе вѣрнымъ путемъ; этотъ путь есть конкуренція правительства съ общинами и сословіями въ назначеніи лицъ на должности и основаніе правительствомъ школъ. Къ сожалѣнію такая мудрая мысль не примѣнялась въ XVIII в.

[1]) П. С. З. № 7331 (іюля 20).
[2]) П. С. З. № 9299 (іюля 30).

не только къ духовному сословію, но и ко всѣмъ остальнымъ. Только казачьи городки, благодаря ихъ исключительному положенію, были счастливѣе.

И въ этомъ частномъ случаѣ мнѣнія правительственныхъ органовъ были далеко неодинаковы. Повидимому мысль сената была ясна и тверда; однако св. синодъ истолковалъ ее иначе: онъ отъ 31 іюля далъ указъ военной коллегіи, по которому «производимымъ въ священническіе и дьяконовскіе чины, по силѣ им. вел. указовъ и духовнаго регламента, въ школьномъ обученіи надлежитъ быть не отмѣнно»; поэтому войско донское должно выбрать изъ тамошнихъ священно-и церковнослужительскихъ дѣтей столько, сколько нужно для полнаго замѣщенія открывающихся вакансій, выслать ихъ въ епархіальную семинарію, и содержать тамъ на своемъ коштѣ. Почему именно изъ дѣтей лицъ духовныхъ, синодъ не объясняетъ, хотя уже въ 1737 г. совершенно ясно было обнаружено, что въ казачьихъ городкахъ во священники и дьяконы производятся лица казачьяго званія; синодъ говорилъ очевидно по привычкѣ, утвердившейся уже въ законодательствѣ съ 1708 года. Затѣмъ высылка дѣтей въ Воронежъ совершенно противорѣчитъ рѣшенію сената. Это сознавалъ и самъ синодъ и потому прибавилъ, что если это «возмнится имъ (казакамъ), по ихъ къ тому необыкновенности, тягостно и неугодно, то позволить имѣть въ Черкасскѣ или въ другомъ, по ихъ разсмотрѣнію пристойномъ мѣстѣ семинарію жъ, или училищный домъ и содержать опый на своемъ коштѣ». Учителя они могутъ просить у воронежскаго архіерея, или пусть выберутъ сами и пришлютъ для освидѣтельствованія къ архіерею. Это, конечно, существенно, измѣняетъ дѣло; здѣсь вмѣняется лишь въ обязанность войску завести и содержать у себя школу. Однако сенатъ нашелъ все это распоряженіе синода неправильнымъ, признавая, что обязанность открывать школу, или назначать учителей лежитъ на правительствѣ; а такъ какъ все это «войску донскому въ отягощеніе и за невозможность признается», то сенатъ отмѣнилъ указъ синода и возстановилъ свое рѣшеніе отъ іюля 30 [1]).

---

[1]) П. С. З. № 9329 (сент. 4).

Подобнымъ же образомъ правительство должно было рѣшить вопросъ и относительно духовенства Яицкаго войска въ 1755 г. И тамъ казанскій еп. Лука началъ вводить общіе порядки, хотѣлъ открыть духовное правленіе и уже назначилъ туда протопопа, священниковъ и приказныхъ. Военная коллегія, узнавъ объ этомъ, обратилась къ сенату, который и приказалъ возстановить старые порядки (производства священниковъ изъ казаковъ). Но съ Яицкимъ войскомъ видимо меньше церемонились; сенатъ прибавляетъ: «въ прочемъ же для собственной и общей того войска пользы изъ священно- и церковнослужительскихъ и *прочихъ кто пожелаетъ* дѣтей потребному числу, въ надежду священства, и въ казанской семинаріи обучаемымъ быть; чего для и надлежащее о томъ его преосвященству разсмотрѣніе учинить» [1]).

Итакъ въ узаконеніяхъ о казачьемъ духовенствѣ отрицательнымъ образомъ выразились ясно объ стороны раскрываемой нами мысли, т. е. мысли о томъ, что духовная профессія является какъ исключительная обязанность дѣтей духовныхъ лицъ и какъ исключительное право ихъ. Будемъ слѣдить, какъ въ дальнѣйшемъ теченіи законодательства выяснялась первая половина этой мысли, теперь пока занимающая насъ главнымъ образомъ.

Въ то самое время, когда, повидимому, окончательно утвердилось положеніе, что дѣти духовныхъ лицъ не могутъ избирать никакой другой профессіи, кромѣ духовной (въ противномъ случаѣ подлежатъ рекрутчинѣ), въ это самое время законодательство дѣлаетъ значительный шагъ въ сторону. Въ ук. 1737 г. сент. 25 о переписи всѣхъ дѣтей духовныхъ лицъ, предоставляется обучившимся въ семинаріи довольно широкій выборъ профессіи. Сказавъ, что окончившіе полный курсъ духовнаго образованія имѣютъ право тотчасъ занять мѣста при церквахъ, указъ продолжаетъ: «а кто изъ нихъ въ духовномъ чинѣ быть не пожелаетъ, такихъ отсылать къ губернаторамъ и воеводамъ, для опредѣленія въ гражданскую службу, гдѣ они, увидѣвъ въ тѣхъ дѣлахъ практику, могутъ знатные чины заслужити». И потомъ, говоря объ окончившихъ уже прежде курсъ, но оста-

[1]) ib. № 10460. (сент. 12).

ющихся въ праздности, указъ велитъ опредѣлить ихъ «по желаніямъ». Такимъ образомъ это узаконеніе можетъ навести на мысль, что дѣти духовныхъ лицъ обязаны пріобрѣтать образованіе вообще, а не непремѣнно спеціально-духовное и что рекрутчинѣ подлежатъ только тѣ изъ нихъ, которые *ничему* не учились и *ни въ какихъ* школахъ не были. Но во первыхъ этотъ указъ находится въ противорѣчіи съ самимъ собою; онъ же подтверждаетъ распоряженіе указа 1736 г., чтобы «вновь школы заводить и дѣтей ихъ (духовныхъ) обучать, дабы впредь неученыхъ въ *духовныхъ чинахъ* уже не было» [1]). Во вторыхъ онъ находится въ полномъ противорѣчіи какъ съ предшествующими узаконеніями (особенносъ указомъ 10 нояб. 1721, и истекающими изъ него, которые указаны выше), такъ и съ послѣдующими, и именно такими, которые имѣютъ въ виду опредѣлить собственно условія доступа къ духовной профессіи.

Если въ законодательствѣ является иногда нѣкоторая непослѣдовательность, уклоненіе въ сторону, то практика, разъ направленная, шла неуклонно по одному пути и привела въ пол. XVIII вѣка къ твердому положенію, что дѣти духовныхъ должны готовиться только къ духовной профессіи. Еще при Петрѣ московская славяно-латинская академія подняла споръ съ госпиталемъ и его начальникомъ «Быдло» (Бидлоо) за своихъ учениковъ. 1722 г. февр. 25 префектъ Гедеонъ Грембецкій жаловался на доктора, что онъ лучшихъ учениковъ славяно-латинскихъ школъ «къ себѣ призываетъ и записываетъ во анатомическое ученіе», въ чемъ по словамъ Гедеона выражается презрѣніе къ запретительному указу е. и. в. Этотъ запретительный указъ данъ былъ въ 1719 г. изъ штатсъ-конторы. По объясненію Бидлоо, онъ дѣйствительно «укомплектовывалъ» свои школы учениками, изучившими латинскій языкъ въ славяно-латинской школѣ до этого указа; но такъ какъ онъ слышитъ отъ многихъ учениковъ московской академіи, «что они доброхотно желаютъ быть въ хирургической наукѣ», то онъ просилъ бы снять съ него запрещеніе 1719 года. Докторъ умолчалъ, что онъ и послѣ указа уже самовольно снялъ съ себя запреще-

[1]) П. С. З. № 7385 (сент. 25).

ніе. Синодъ потребовалъ у него отчета по чьему позволенію онъ это дѣлалъ и сколько именно учениковъ принялъ. Бидлоо счелъ за лучшее молчать и уже Грембецкій за него донесъ синоду, что съ 1719 по 1722 годъ гошпиталь переманилъ изъ академіи 108 человѣкъ [1]).

Однако, не смотря на такую категорическую постановку дѣла, именно медицинская профессія, во все послѣдующее время XVIII в., составляла единственный узаконенный выходъ для дѣтей духовныхъ лицъ. Она составляла единственное исключеніе среди всѣхъ другихъ профессій, запрещенныхъ для нихъ (кромѣ солдатства и податныхъ состояній; мы не говоримъ здѣсь о случайныхъ вызовахъ изъ духовныхъ школъ учениковъ для разныхъ порученій, по распоряженію государства). Этимъ объясняется кажущаяся странность указа 1736 г. (сент. 28), приведеннаго отчасти выше: указъ этотъ, назначая дѣтей священниковъ и прочихъ служителей церкви къ занятію мѣстъ при церквахъ, прибавляетъ неожиданно: «а изъ славяно-греко-латинской академіи учениковъ, по прежнимъ указамъ, опредѣлять въ хирургическую науку, а изъ той науки достойныхъ въ полки въ лѣкари, какъ и напредъ сего чинилось» [2]). Хотя, по мѣрѣ преуспѣянія сословнаго духа, духовное начальство хотѣло закрыть и эту единственную вылазку, но это ему не удалось. Въ 1755 г. медицинская канцелярія просила синодъ выслать ей нѣсколько семинаристовъ для изученія медицины, но синодъ такое требованіе отклонилъ «для нѣкоторыхъ указныхъ и настоящихъ резоновъ». Однако медицинская канцелярія упорно настаивала на своей просьбѣ и въ слѣд. году, просила чтобъ ей выслали желающихъ до 50 чел., хотя не сразу, а постепенно. Синодъ, наконецъ, долженъ былъ согласиться, предоставивъ епархіальнымъ начальствамъ и ректорамъ семинарій сдѣлать выборъ изъ тѣхъ, которые «во священствѣ и въ прочемъ церковномъ причтѣ быть не похотятъ» [3]).

---

[1]) Описаніе докум. и дѣлъ, хран. въ архивѣ св. пр. синода стр. 677—678.

[2]) П. С. З. № 7070 (сент. 28).

[3]) ib. № 10521 (марта 11, 1756 г.).

Полагая, что этихъ указаній совершенно достаточно для убѣжденія въ томъ, что духовная профессія узаконеніями объ образованіи была поставлена обязанностію для дѣтей священниковъ и причетниковъ, перейдемъ къ другой половинѣ ея т. е. положенію, что тѣже самыя узаконенія сдѣлали духовную профессію правомъ ихъ, изъ пользованія которыхъ исключаются всѣ другія лица. Никто, кромѣ дѣтей священниковъ и причетниковъ не можетъ имѣть доступа къ духовному образованію. Предупреждаемъ, что принципъ этотъ не былъ выраженъ въ такой строгости, какъ первый; но насъ интересуютъ не буквы а духъ узаконеній и необходимыя логическія послѣдствія ихъ, принятыя практикою. Первоначально воспрещеніе принимать въ духовныя школы лицъ происходящихъ не отъ священниковъ и причетниковъ, считалось духовнымъ начальствомъ не за право, а за стѣсненіе и состоялось вопреки его желаніямъ; впослѣдствіи, когда сословный духъ сдѣлалъ успѣхи, само духовное начальство стало отказывать въ пріемѣ въ свои школы лицъ сторонніхъ. Въ самомъ началѣ столѣтія, именно 9 янв. 1701 г.:

«По вел. госуд. указу велѣно въ Сибири изъ дворянъ Андрею Городецкому (которому велѣно быть въ Софейскомъ домѣ у архіерея приказнымъ человѣкомъ), для утвержденія и расширенія словесъ Божіихъ, на софейскомъ дворѣ, или гдѣ прилично, построить училище поповскихъ, дьяконскихъ и церковниковыхъ дѣтей, робятокъ учить грамотѣ, а потомъ славенской граматикѣ и прочимъ на славенскомъ языкѣ книгамъ и катихизисъ православной вѣры, печатанный въ Москвѣ въ прошломъ 204-мъ году могли совершенно знать и удостояся въ чинъ священства, народъ учить» [1]).

Новый митрополитъ Филофей, прибывъ въ Сибирь, нашелъ, что основанія предположенной школы не таковы, какъ бы ему желалось и потому 31 дек. 1702 года представилъ государю челобитную, въ которой между прочимъ просилъ, чтобы «учениковъ понудить, которые до того понадобятся *отъ всякаго чина дѣти*», или какъ объясняетъ біографъ Филофея: «быть въ нихъ (школахъ) дѣтямъ не духовнаго только сословія, но и другихъ» [2]). Петръ отвѣчалъ на все

[1]) Иркут. Епарх. Вѣдом. 1866 г. № 45 и слѣд. Прибавленія («Челобитная Филофея Лещинскаго»).

[2]) «Филоф. Лещинск. митр. Тобольск.» стр. 13.

обстоятельно и большей части просьбъ Лещинскаго удовлетворилъ, но относительно этого пункта «было воспрещено набирать въ школы дѣтей изъ другихъ сословій, кромѣ духовнаго» [1]). Петръ настоятельно приказывалъ митрополиту заботиться, чтобы дѣти духовныхъ «вся, яже попу или діакону надобно знать, изучились» [2]).

Это частное распоряженіе, конечно, не имѣло никакихъ основаній мѣстныхъ, собственно касающихся Сибири. Здѣсь только въ частномъ случаѣ Петръ выразилъ свой общій законодательный взглядъ на дѣло. Послѣ представился ему случай выразить тоже въ болѣе общемъ смыслѣ. Въ «Архивѣ Прав. Сената» приводится содержаніе одного именного указа 1716, янв. 24, которое, не смотря на краткость указанія на него, не можетъ подлежать сомнѣнію; вотъ это указаніе:

«Списокъ 12 школьникамъ славянолатинской науки, записавшимся до указу, съ собственноручною высочайшею резолюціею: «доучиться» и собственноручный указъ о штрафованіи записавшихся въ школы послѣ указа 18 іюля 1715 г.» [3]).

Государь позволяетъ только доучиться тѣмъ изъ недорослей-служилыхъ людей, которые поступили въ московскую славяно-латинскую академію до указа 1715 г., предоставляя себѣ впослѣдствіи распорядиться ихъ судьбою; поступившіе же послѣ этого указа, не только извлекаются изъ школы но и подвергаются штрафу. Къ указу 1715 относится слѣд. свѣдѣніе, которое занесъ въ исторію сл. гр. л. академіи г. Смирновъ: «разсказываютъ, что въ 1717 г. Петръ вытребовалъ въ Петербургъ 213 недорослей, учившихся въ москов. академіи и самъ сдѣлалъ имъ назначеніе: однихъ помѣстилъ въ морскую академію, другихъ въ гвардію, многихъ отправилъ въ чужіе края для изученія разныхъ наукъ и языковъ» [4]). На этомъ указѣ основываются тѣ распоряженія, по которымъ записавшіеся въ славяно-латинскую академію посылались на

---

[1]) Ibid.
[2]) Иркут. Епарх. Вѣдом. 1866 г.
[3]) Архивъ пр. сената № 392 (Спб. 1872).
[4]) Ист. Моск. С. Г. Л. Акад. стр. 234.

три года «въ галерную, т. е. въ каторжную работу» [1]). Онъ даетъ смыслъ тѣмъ анекдотическимъ сказаніямъ о томъ же, которыя сохранились до насъ: «за самовольное опредѣленіе недорослей, вмѣсто навигацкой школы, въ заиконоспасское училище государь послалъ провинившихся бить сваи подъ пеньковые анбары, стропившіеся на Мойкѣ. Когда никакія представленія не могли умилостивить царя, Ѳедоръ Матвѣичъ Апраксинъ придумалъ испросить прощеніе виноватыхъ самыхъ оригинальнымъ образомъ» [2]) (мы не ведемъ разсказа далѣе, по совершенной его извѣстности). Словомъ дѣти служилыхъ людей, за поступленіе въ московскую академію учиться, отсылались въ каторжную работу на срокъ.

Понятно, что и начальство славяно-латинской академіи не обходилось безъ нѣкоторыхъ чувствительныхъ предупрежденій по этому поводу; ясно, отчего академія рѣшилась отказывать, когда само правительство присылало къ ней недорослей для первоначальнаго лишь обученія (какъ, впослѣдствіи, оно хотѣло отправлять въ московскій университетъ 7 лѣтнихъ малютокъ), вовсе не предназначая ихъ къ духовной профессіи. Когда въ 1725 г. изъ герольдмейстерской конторы прислано было «значительное число недорослей въ славяно-русскую школу при московской академіи, то ректоръ Гедеонъ отказалъ имъ и отвѣчалъ конторѣ, что въ той школѣ происходятъ въ ученіи токмо духовныхъ персонъ дѣти, которые бъ могли въ духовный чинъ происходить» [3]). Къ такой исключительности приходило профессіональное образованіе тѣмъ легче, что издержки на содержаніе школъ возлагались уже на сословія.

Такимъ образомъ при Петрѣ высшій классъ, призванный къ военной и высшей гражданской службѣ, былъ лишенъ права пріобрѣтать профессіональное духовное образованіе. Вскорѣ послѣ Петра это же воспрещено было для класса, призваннаго къ низшей военной профессіи. 1728 г. іюля 7 синодъ, по доношенію коллегіи экономіи, далъ указъ, чтобъ:

---

[1]) Веселаго: «Очеркъ ист. морс. кад. корп.», стр. 23—24.
[2]) Ibid.
[3]) Смирновъ: «Ист. моск. сл. гр. л. академіи», стр. 179.

«Обрѣтающихся въ московской славено-греко-латинской академіи въ школахъ солдатскихъ дѣтей обуча, отослать въ полки въ службу и впредь для обученія принимать таковыхъ, о которыхъ тѣхъ полковъ, въ которыхъ отцы ихъ служатъ, отъ командировъ прислано будетъ письменное увѣдомленіе, что они нынѣ и впредь въ полки не надобны» (трудно догадаться, когда въ полкахъ могутъ быть не надобны солдаты).

Въ тоже время запрещено было совершенно принимать въ академію дѣтей «помѣщиковыхъ людей» и крестьянъ вообще (т. е. вѣроятно и казенныхъ); тѣхъ изъ нихъ, которыхъ этотъ указъ засталъ въ академіи, велѣно «отрѣшить, а впредь таковыхъ не принимать» [1]). Что касается до солдатскихъ дѣтей, то съ устройствомъ гарнизонныхъ школъ, уже никто изъ нихъ и никогда не могъ попасть ни въ какую другую школу, кромѣ гарнизонныхъ. Для образованія же крестьянскихъ дѣтей, какъ мы уже знаемъ, вовсе не было мѣста среди профессіональной системы, что было чрезвычайно важно для духовной профессіи, которая до Петра черпала дѣятелей именно изъ этого класса.

Так. обр. когда вокругъ духовенства фактически замыкался роковой кругъ, то уже изъ за этого круга не могло быть никакого прилива свѣжихъ элементовъ внутрь его. Оставалось разсылтывать на собственныя силы и потому понятно, какой жизненный вопросъ былъ для спеціальныхъ школъ, чтобы отцы отдавали своихъ дѣтей въ школу. Въ 1732 г. славяно-греко-латин. академія жалуясь синоду, что священники, діаконы и причетники дѣтей своихъ не отдаютъ, «а солдатскихъ-де и помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ и крестьянскихъ дѣтей, по ук. св. синода, принимать запрещено», ставитъ на видъ, что «ученіе распространеніемъ пресѣкается» [2]).

Принципъ, излагаемый нами, сдѣлался съ тѣхъ поръ общимъ принципомъ законодательства; онъ признается имъ молча и выражается въ немъ лишь по своимъ послѣдствіямъ и приложеніямъ. Такъ въ указѣ объ управленіи Троицкаго монастыря, гдѣ изложенъ отчетливо взглядъ законодательства на характеръ и значеніе духовныхъ семинарій, слѣд. обр.

[1]) Ист. Росс. Іерархіи Т. I, стр. 429.
[2]) П. С. З. № 6066.

рѣшается вопросъ о томъ, кто имѣетъ доступъ въ нихъ; «набрать учениковъ въ ту семинарію до 200 чел., выбирая способнѣйшихъ къ наукамъ изъ священническихъ и прочихъ церковниковыхъ и тутошныхъ монастырскихъ слугъ и дѣтей, которые уже обучены читать и писать» [1]).

Такой же смыслъ имѣютъ узаконенія 1739 г. янв. 8 и 16-го, посвященныя собственно опредѣленію правъ на занятіе духовной профессіи. Въ нихъ говорится, что хотя трудно въ настоящее время снабдить всѣ церкви «учительными священниками», по огромности государства и количеству въ немъ церквей (которыхъ въ то время считалось до 16,000), «однакожъ, по крайней мѣрѣ такихъ надлежитъ выбирать во священники, которые бъ законъ христіанской основательно знали и ко чтенію священнаго писанія прилежали и по возможности разсудить могли, что читаютъ». Выборъ священниковъ все еще, по обычаю, былъ предоставленъ прихожанамъ, и узаконеніе 1739 г. не отнимаетъ у нихъ этого права, но только ограничиваетъ его тѣмъ, что прихожане могутъ избирать не прямо священниковъ, а по два или по три кандидата; прихожане, имѣя въ виду высказанныя условія, очевидно, не должны стѣсняться тѣмъ, какого происхожденія избираемый. Такой смыслъ дѣйствительно можно бы извлечь изъ этого узаконенія, если бы указъ не прибавлялъ далѣе слѣд. соображенія: «послѣ генералитетской переписи церковниковъ и ихъ дѣтей не токмо (не) умалилось, но и прибыло слишкомъ 57,000 чел., и по такому ихъ множеству, ежели синодъ свое радѣніе, такожъ и архіереи въ епархіяхъ своихъ прилагать будутъ, то не токмо всѣ церкви удовольствованы быть могутъ добрыми священнослужителями, но и затѣмъ останется ихъ довольно, *изъ которыхъ* выбравъ молодыхъ людей, можно употреблять въ школы».... Затѣмъ синодъ обязывается немедленно выслать въ епархіи учительныхъ священниковъ, «чтобы они ставленниковъ и *прочихъ* поповскихъ и дьяконовыхъ и причетническихъ дѣтей съ крайнимъ прилежаніемъ обучали».... [2]) Такая же самая фраза о ставленникахъ и прочихъ поповскихъ, дьяконовскихъ и при-

---

[1]) П. С. З. № 7660 (сент. 21).
[2]) Ibid. № 7734 (янв. 16).

четническихъ дѣтяхъ повторена въ ук. синода февр. 8 того же года [1]).

Изслѣдователь, имѣющій въ виду эти указанія изъ области законодательства и административной практики, не можетъ сомнѣваться въ полномъ господствѣ принципа, что только лица духовнаго происхожденія имѣютъ доступъ къ профессіонально-духовному образованію. Увѣренность въ этомъ не можетъ быть подорвана фактическими указаніями на то, что въ разное время, въ разныхъ духовныхъ школахъ было большее или меньшее число лицъ не духовнаго происхожденія. Указанія эти объясняются двумя обстоятельствами: во перв. тѣмъ, что нѣкоторыя изъ заведеній не сразу утратили свой общій характеръ, полученный ими въ допетровскія времена; во втор. тѣмъ, что въ спеціальныхъ школахъ низшіе элементарные и приготовительные классы замѣняли общее образованіе равное для всѣхъ. Такъ начало всесословности сохранялось преимущественно и особенно долго въ московской славяно-греко-латинской академіи. Историкъ ея г. Смирновъ нашелъ въ ней и во второмъ періодѣ ея жизни (т. е. въ 1-й пол XVIII в.) многихъ воспитанниковъ не духовнаго происхожденія, начиная отъ дворянъ до разночинцевъ. И дѣйствительно по оффиціальнымъ памятникамъ еще въ 1744 г. «въ оной, какъ извѣстно, не однихъ священно-церковнослужителей, но и всякаго чина людей дѣти въ обученіи находятся» [2]). Но какъ объяснить это? Можно ли, въ виду изложенныхъ прямыхъ узаконеній и фактовъ, сдѣлать изъ этого такой выводъ, какой дѣлаетъ историкъ академіи? Онъ говоритъ: «бывъ центромъ духовнаго образованія, академія не отказывала въ свѣтѣ ученія и лицамъ изъ другихъ сословій и *это было сообразно съ волею Петра и его преемниковъ*. Внѣшняя причина такихъ распоряженій, конечно, была та, что свѣтскія училища еще не были довольно распространены, но нельзя не видѣть въ семъ благотворнаго намѣренія правительства—сообщить посредствомъ духовнаго воспитанія всѣмъ сословіямъ начала строгой нравственности и духъ православія, который всегда служилъ надежнымъ опло-

[1]) П. С. З. № 7749 (февр. 8).
[2]) П. С. З. № 8904 (марта 16).

томъ престола и отечества» [1]). Внѣшняя причина и была единственною причиною; она заключается въ томъ, что правительство, не имѣя для *элементарнаго и приготовительнаго образованія никакихъ* учебныхъ заведеній, или предоставляло служилымъ людямъ пріобрѣтать его дома какъ съумѣютъ, или распредѣляло ихъ по такимъ спеціальнымъ школамъ, которыя заключали въ низшихъ классахъ и начала общаго образованія. Мы уже упоминали, что послѣ также воспользовалось правительство и московскимъ университетомъ. Но изъ этого нисколько не слѣдуетъ, что правительство предоставляло дѣтямъ другихъ сословій избирать себѣ профессіонально-духовное образованіе и духовную профессію: мы увидимъ ниже, что въ узаконенный срокъ всѣ они должны были являться или въ свои профессіональныя школы, или на свою службу. Именно такой смыслъ имѣетъ слѣд. слова въ донесеніи спасскаго архим. Ѳеофилакта: «некому учениковъ, которыхъ, по указу государеву, велѣно со всякаго чина принимать, беречь, чтобъ взявъ его государево жалованье, не бѣгали отъ школъ» [2]), т. е. здѣсь разумѣются недоросли, получающіе въ академіи приготовительное образованіе. Въ этомъ исторіи академіи могъ бы убѣдиться изъ того факта, который онъ самъ приводитъ тутъ же, а именно: что въ 1737 г. въ академію были *присланы* недоросли изъ дворянскихъ фамилій и что такъ какъ между ними оказалось 73 чел. моложе 12 л., то указомъ императрицы велѣно было отправить ихъ по домамъ впредь до того времени, когда они достигнутъ узаконенныхъ 12 л. и тогда они могутъ поступить въ академію. Мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, что собственно профессіональное образованіе начиналось для дворянскихъ дѣтей съ 16 лѣтняго возраста. Но обученіе дворянъ и разночинцевъ и въ низшихъ классахъ академіи продолжалось только до 40-хъ годовъ прошлаго вѣка: въ 1748 г. Блюментростъ представлялъ на усмотрѣніе сената вопросъ: откуда брать ему учениковъ для медицинскихъ школъ, когда въ слав. греко-латинскомъ училищѣ разночинскихъ дѣтей болѣе

---

[1]) Ист. моск. слав. гр. лат. акад., стр. 178—179.
[2]) Опис. док. и дѣлъ, хр. въ арх. св. синода, прил. стр. CCCXVI.

нѣтъ, а священно-церковнослужительскихъ дѣтей отпускать не велѣно» [1]).

Московская академія, какъ мы знаемъ, при основаніи своемъ, вовсе не была разсчитана на профессіональную систему: она была первымъ русскимъ университетомъ по составу наукъ и слушателей; память объ этомъ не изчезала долго въ XVIII в. Но другія духовныя школы, возникшія въ XVIII в., явились вскорѣ по основаніи ихъ сословными и потому, если въ нихъ находимъ воспитанниковъ не духовнаго происхожденія, то лишь въ самомъ началѣ жизни этихъ школъ; такъ «первые воспитанники славенской александроневской школы были изъ всѣхъ сословій», говоритъ г. Чистовичъ. Но изъ какихъ? «По большей части служительскіе дѣти изъ монастырскихъ вотчинъ, дьяческіе, подъяческіе, посадскіе и монастырскіе келейники» [2]). Тотъ же писатель отмѣчаетъ слѣд. интересный фактъ въ періодъ 1726—1788 г.: «изъ дѣтей разночинцевъ и монастырскихъ служителей не многіе оканчивали полный курсъ, но больш. частію выходили изъ низшихъ классовъ, обучившись чтенію, письму и ариѳметикѣ въ такой степени, какая необходима для писца въ присутственномъ мѣстѣ, управителя въ небольшомъ имѣніи и купеческаго прикащика въ торговыхъ заведеніяхъ» [3]); т. е. для этихъ лицъ спеціальная школа нужна была какъ элементарная въ своихъ низшихъ классахъ. При этомъ нужно имѣть въ виду, что границы духовнаго сословія опредѣлились не вдругъ, масса лицъ подчиненныхъ церкви (монастырскихъ слугъ, архіерейскихъ дворянъ, приказныхъ духовныхъ приказовъ) выдѣлялась къ другимъ классамъ медленнымъ рядомъ узаконеній въ продолженіи всей 1-й пол. XVIII в.—Точно такъ же, но въ пропорціи гораздо меньшей мы находимъ сторонніхъ воспитанниковъ въ новгородской школѣ, гдѣ «изъ подчиненнаго синодскаго вѣдѣнія обучаются болѣе 500 чел., а отъ разночинцовъ свѣтской команды съ 30 человѣкъ» [4]). Тоже можно допустить, впрочемъ по догад-

---

[1]) С. М. Соловьевъ: Ист. Росс. т. XXII, 334—335.
[2]) Ист. С.-Петерб. Акад. Чистовича.
[3]) Ibid. стр. 44—45.
[4]) П. С. З. № 4326 (1723 г., окт. 17).

камъ только, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, и въ первоначальной ростовской епар. школѣ, начало которой относится къ 1702 году.

Отрицательная сторона разбираемаго начала по отношенію къ духовному сословію переходитъ въ положительную сторону того же начала по отношенію къ другимъ классамъ: никто изъ другихъ классовъ не можетъ избрать духовное званіе конечно потому, что каждый, принадлежащій къ этимъ классамъ долженъ слѣдовать своей профессіи.

Но такъ какъ въ числѣ тѣхъ классовъ, которымъ было прямо запрещено переходить въ духовную профессію, не былъ упомянутъ классъ дьяковъ и подъячихъ, то мы начнемъ съ него. Гражданская служба, выдѣлившись въ особую профессію, сдѣлалась обязательною для дѣтей дьяческихъ и подъяческихъ. Когда въ 1716 г. рѣшено было приготовить людей для высшей гражданской службы, то для этой цѣли велѣно выбрать «молодыхъ подъячихъ» и отослать въ Кролевецъ [1]). Сенатъ, приводя это въ исполненіе, велѣлъ набрать 40 челов., выбравъ ихъ изъ приказовъ и губерній (напр. изъ архангелогородской губ. 2 человѣкъ). При этомъ въ первый разъ всѣ дьяки и подъячіе извѣстной мѣстности приводятся въ связь между собою; государство разсматриваетъ ихъ, какъ корпорацію, на которую возлагается обязанность содержать въ Кенигсбергѣ выбранныхъ молодыхъ подъячихъ на свой счетъ: общество подъячихъ даетъ имъ подмогу на проѣздъ и прогоны, начальство собираетъ въ губерніяхъ и приказахъ съ оставшихся подъячихъ 250 сфимковъ. Этотъ сборъ съ подъячихъ повторяется каждый годъ, «пока выбранные въ наукѣ будутъ» [2]).

Но изъ этихъ распоряженій еще не видно, что *всѣ* подъячіе должны слѣдовать своей наслѣдственной профессіи. Въ этомъ отношеніи указъ 1721 г. рѣшительнѣе; тогда велѣно было «учинить школу, гдѣ учить подъячихъ ихъ дѣлу, куда бы приказные люди дѣтей своихъ *повинны* были (должны были) отдавать, такожъ и съ стороны, кто похочетъ

---

[1]) ibid. № 2986 (янв. 25).
[2]) Ibid. № 2997 (февр. 19).

быть приказнымъ» [1]). Здѣсь профессія подъячихъ признается ихъ обязанностью, но еще не исключительнымъ правомъ ихъ. Съ совершенною ясностью обязанность дѣтей подъячихъ заниматься только дѣломъ ихъ отцовъ опредѣляется узаконеніемъ 1744 г. (которое, конечно, окончательно освящаетъ лишь порядки, утвержденные съ 1716 года). Въ сенатскомъ указѣ этого года рѣчь идетъ о дѣтяхъ отставныхъ подъячихъ т. е. такихъ лицъ, которыя оставивъ службу, тѣмъ самымъ наводили на администрацію сомнѣніе въ принадлежности своей къ какой либо профессіи. Сенатъ устраняетъ это сомнѣніе: онъ распоряжается, чтобы такихъ дѣтей, если они уже способны къ службѣ, опредѣлять къ приказнымъ дѣламъ въ губернскія и воеводскія канцеляріи, а малолѣтнихъ, на которыхъ можно надѣяться, что они обучатся приказнымъ дѣламъ, оставлять при отцахъ; объ этихъ оставленныхъ при отцахъ сообщается въ губернскія и воеводскія канцеляріи, «дабы оные по возрастѣ и по обученіи потому жъ къ приказнымъ дѣламъ опредѣлены быть могли». Тѣ изъ дѣтей приказно-служителей, которые, по своему возрасту, уже не годятся для школы, но по своимъ свѣдѣніямъ, не могутъ занять должностей въ приказахъ, должны быть отосланы въ военную коллегію для опредѣленія въ солдаты. Такимъ образомъ и здѣсь предстоялъ тотъ же единственный исходъ, какъ и для дѣтей духовныхъ лицъ [2]).

1755 г. состоялся весьма важный указъ о томъ откуда наполнять классъ приказно-служителей. Въ это время изъ разныхъ губерній посылались жалобы, что за отборомъ въ солдаты приказныхъ, въ канцеляріяхъ не стало людей и въ дѣлахъ случилась остановка. Сенатъ, основываясь на прежнихъ узаконеніяхъ (1721 г. ноября 10, 1727 г. марта 20, 1737 г. окт. 31) старается отклонить жалобы назначеніемъ штата для служащихъ во всѣхъ канцеляріяхъ и конторахъ. Но чтобы предотвратить остановку въ дѣлахъ, сенатъ принимаетъ слѣд. двѣ мѣры: 1) еще въ 1732 г. указомъ сент. 21 позволено было взять въ канцеляріи нѣсколько дѣтей нижнихъ воинскихъ чиновъ не дворянъ, въ слѣдствіе недо-

---

[1]) П. С. З. № 3845 (сент. 10).
[2]) П. С. З. № 8975 (ноября 20).

статка служащихъ въ гражданской службѣ. Теперь они-то прежде всего должны были возвратиться къ своей природной (т. е. военной) службѣ. Сенатъ, въ виду крайней необходимости, соглашается оставить ихъ по прежнему въ канцеляріяхъ; однако это не распространяется на дѣтей ихъ, которые остаются въ гражданской службѣ лишь въ крайнемъ случаѣ, если въ канцеляріяхъ все еще не будетъ доставать людей; но изъ дѣтей оставляются только такіе, которые окажутся совершенно неспособными къ военной службѣ. Наконецъ, если и при этомъ не будетъ доставать надлежащаго числа приказныхъ, то оставить «до указу» и такихъ дѣтей служилыхъ людей, которые годны въ военную службу. За тѣмъ всѣхъ остальныхъ отослать немедленно въ войска. 2) Вторая мѣра, принятая сенатомъ для обезпеченія канцелярій не столь случайна и болѣе прочна: «впредь, съ сего времени, говоритъ сенатъ, секретарскихъ и прочихъ нижнихъ *приказнаго чина людей дѣтей* ихъ, кои не изъ дворянъ, до будущаго разсмотрѣнія *ни въ какую службу, кромѣ приказной отнюдь никуда не опредѣлять*, подъ опасеніемъ за то, кто въ противность сего учинитъ, штрафа; а въ содержаніи и о опредѣленіи ихъ къ приказнымъ дѣламъ поступать по вышеозначеннымъ же 1721, 1727 и 1737 годовъ указамъ неотмѣнно». Мы знаемъ, что узаконеніе 1721 г. нояб. 10 постановляетъ условіемъ для занятія приказной должности спеціальную школу приказную, гдѣ приказные должны учиться «ихъ дѣлу».

Двумя указанными распоряженіями сенатъ обнимаетъ обѣ стороны мысли, насъ занимающей: первымъ изъ нихъ воспрещается входъ въ сословіе приказныхъ для лицъ сторонніхъ: вторымъ воспрещается дѣтямъ приказныхъ выходъ въ другія сословія. Для этой послѣдней цѣли сенатъ въ томъ же указѣ требуетъ «вѣдомостей», въ которыхъ бы было показано, начиная съ 1722 г., сколько гдѣ состояло приказныхъ служителей и дѣтей ихъ мужскаго пола, сколько куда выбыло при какихъ случаяхъ и по какимъ указамъ и сколько теперь состоитъ на лицо; вмѣстѣ съ тѣмъ требуются свѣдѣнія, гдѣ были учреждены, по силѣ прежнихъ указовъ, школы для обученія дьячьихъ и подъяческихъ дѣтей ариѳметикѣ и прочимъ наукамъ приказной спеціальности, на какомъ эти шко-

лы содержанія, гдѣ сколько было учителей и учениковъ, до какого времени продолжалось существованіе этихъ школъ и гдѣ онѣ закрыты и по какимъ распоряженіямъ; если же гдѣ продолжаютъ существовать на прежнемъ основаніи до сихъ поръ, то сколько въ нихъ учениковъ и учителей. Так. обр. сенатъ, очевидно, держался прежней мысли законодательства, что какъ поступленіе въ дьяческія школы обязательно для дѣтей приказныхъ, такъ выучившіеся въ этихъ школахъ обязаны поступить на службу подъячими въ приказы и канцеляріи.

Но мы видѣли, что въ ук. 1721 г. въ дьяческія школы открывался доступъ и другимъ, «кто пожелаетъ». Но кто же могъ пожелать? Податнымъ классамъ это было воспрещено; духовнымъ, какъ мы уже знаемъ, тоже запрещено подъ угрозою солдатства. Дворяне, какъ увидимъ ниже, сами не хотѣли итти даже на высшія должности по гражданской службѣ въ коллегіи, не смотря на то, что правительство поощряло это. Остались одни солдатскія дѣти, которымъ дѣйствительно, карьера приказнаго могла казаться привлекательною. Дѣйствительно, съ разрѣшенія самаго правительства, солдатскія дѣти изъ гарнизонныхъ школъ иногда назначаемы были въ канцеляріи и конторы гражданскаго вѣдомства. И вотъ сенатскій указъ 1755 г. разъясняетъ намъ, что это не только экстраординарная мѣра, но что и для этихъ лицъ, попавшихъ въ исключительное положеніе, переходъ на должности въ канцеляріяхъ отнюдь не составлялъ перехода изъ одного (военнаго) сословія въ другое (приказное). Правительство разсматривало ихъ лишь прикомандированными къ гражданскимъ дѣламъ; по минованіи въ нихъ надобности здѣсь, ихъ тотчасъ требуютъ къ исполненію ихъ собственной профессіи; дѣти ихъ разсматриваются, какъ «служилые», т. е. военные. Оставляя нѣкоторыхъ изъ нихъ въ гражданской службѣ въ виду крайней необходимости, сенатъ ни мало не рѣшаетъ тѣмъ и на будущее время перемѣны въ ихъ сословномъ положеніи [1]).

Так. обр. къ половинѣ XVIII в. классъ лицъ, занимающихся гражданскою службою, получилъ всѣ характерные

[1]) П. С. З. № 10473 (окт. 11).

признаки сословія, подъ вліяніемъ узаконеній о спеціальномъ образованіи гражданскихъ чиновниковъ. Если потомъ во 2-й половинѣ XVIII и въ XIX в. этотъ классъ не удержалъ сословнаго характера, то лишь по той причинѣ, что учрежденіе юридическихъ школъ (отдѣльныхъ отъ школъ дворянскихъ) не было поддержано, что само правительство принуждено было открыть въ военныхъ школахъ отдѣленія юридическія и въ слѣдствіе этого, поощрять дворянскихъ дѣтей всѣми мѣрами какъ къ изученію этихъ наукъ, такъ и къ выбору профессіи гражданскихъ чиновниковъ. Законодательство же первой половины XVIII в. придавало этому классу строгосословную организацію.

Не только гражданская служба вообще, но и отдѣльные частные виды ея стремились въ 1-й пол. XVIII в. выдѣлиться въ особыя наслѣдственныя профессіи, которыя, подъ вліяніемъ законовъ о профессіональномъ образованіи, стремились перейти въ отдѣльныя сословія. Чѣмъ болѣе извѣстный родъ службы требовалъ спеціальныхъ знаній, школьной подготовки, тѣмъ болѣе классъ лицъ, преданныхъ этой службѣ, близокъ былъ къ сословной организаціи. Напр. горная служба наполнялась до 1734 лицами шляхетскаго званія, которые для изученія горнаго дѣла отсылались, по назначенію правительства, изъ Петербурга на Уралъ. Но эти лица, «для отдаленія домовъ и родственниковъ», обучались неохотно и обучившись, старались освободиться отъ навязанной имъ профессіи. Поэтому въ 1736 г., въ инструкціи Татищеву, правительство сдѣлало слѣд. распоряженіе: тѣхъ изъ дворянъ, которые уже отправлены на Уралъ, испомѣстить въ Перми, близъ Строгоновскихъ деревень, назначивъ имъ столько же земли, сколько они имѣли въ русскихъ городахъ, «дабы имъ вѣчно во услугахъ при тѣхъ заводахъ остаться и своихъ дѣтей въ то употреблять». Но такъ какъ, по мнѣнію правительства, этихъ лицъ будетъ недостаточно, то оно принимаетъ слѣдующую мѣру: «дабы довольствовать (заводы) тамошними обыватели, -того ради устроитъ вамъ хорошую школу и брать въ оную тамо дворянскихъ, подъяческихъ и неслужащихъ церковниковъ дѣтей и оныхъ съ прилежаніемъ тому обучать» [1]). Здѣсь, при первомъ основаніи спеціальной школы, въ нее

[1]) П. С. З. № 6559 (марта 23).

должны поступить лица разныхъ званій; но всѣ они, разъ поступивши въ школу, а черезъ нее на службу, навсегда со всѣмъ потомствомъ своимъ отдаютъ себя новой профессіи, какъ обнаруживается изъ этого же самаго узаконенія и изъ послѣдующихъ.

Такъ какъ профессіональное образованіе пріобрѣтается не черезъ школу только, то законодательство, при случаѣ, допускаетъ не требовать дѣтей горно-служащихъ въ школу, именно въ тѣхъ случаяхъ, когда знаніе профессіи ихъ легче можетъ быть ими пріобрѣтено другимъ путемъ. Это именно выражено въ указѣ 1735 г. Но этимъ самымъ обнаружился еще яснѣе взглядъ правительства, что профессія должна быть изучаема и усвояема дѣтьми по наслѣдству отъ родителей [1]). Изъ дальнѣйшаго хода законодательства видно, что правительству не удалось скоро достигнуть осуществленія мысли, изложенной въ узаконеніи 1734 года, что оно до самой 2-й пол. XVIII в. принуждено было отправлять на заводы изъ шляхетскаго корпуса лицъ, получившихъ элементарное и приготовительное образованіе, съ тѣмъ чтобы они на заводахъ, а лучшіе изъ нихъ за границею пріобрѣтали спеціальное образованіе. Но и тогда правительство считало это временною мѣрою «до тѣхъ поръ пока при заводской школѣ обучены будутъ языкамъ и математическимъ наукамъ дѣти офицерскія и мастерскія», какъ сказано о томъ въ узаконеніи 1761 года [2]).

Такая же наклонность частныхъ профессій къ сословности, подъ вліяніемъ законовъ о профессіональномъ образованіи, замѣчается и въ медицинской профессіи. Уже по указамъ Анны Іоановны велѣно было дѣтей всѣхъ служащихъ въ медицинской канцеляріи готовить къ медицинской дѣятельности и для этого не брать ихъ въ гарнизонныя школы и учить при ботаническихъ садахъ на счетъ медицинской канцеляріи [3]). Окончательное сформированіе наслѣдственной медицинской профессіи относится къ 1758 году, когда медицинская канцелярія представила сенату, «чтобы указомъ по-

---

[1]) П .С. З. № 6840.
[2]) П. С.З. № 11185 (янв. 12).
[3]) П. С. З. № 7128 (1736 г., дек. 20).

велѣно было: дѣтей, оставшихся послѣ умершихъ въ службѣ докторовъ, штабъ-лекарей, лекарей, аптекарей, подлекарей и прочихъ аптекарскихъ служителей не опредѣлять на службу ни въ какія другія команды, но только въ вѣдомство медицинской канцеляріи, гдѣ отцы ихъ служили». Для этого медицинская канцелярія должна, по достиженіи ими извѣстнаго возраста, опредѣлять ихъ въ медико-хирургическую и фармацевтическую науки; матери ихъ обязываются подпискою, что подготовятъ своихъ сыновей къ профессіональному образованію благопристойнымъ (домашнимъ) обученіемъ и добрымъ воспитаніемъ. Тѣ изъ нихъ, которыя не захотятъ дать такой подписки, лишаются пенсіи. Сенатъ согласился съ мнѣніемъ медицинской канцеляріи [1]).

Довольно долго законодательство не отличало ясно среди военно-служащихъ двухъ классовъ; довольно долго всѣ прежніе служилые люди Московскаго государства продолжали жить въ общихъ условіяхъ, какъ бытовыхъ, такъ и юридическихъ; до начала 30-хъ годовъ, т. е. до царствованія Анны этотъ порядокъ сохранялся почти неизмѣнно. Начало отличій низшаго военнаго класса замѣчается, правда, съ перваго десятилѣтія XVIII в. Въ первый разъ отличены однодворцы не только отъ служилыхъ людей вообще, но и отъ всѣхъ классовъ общества именно тѣмъ, что дѣти ихъ освобождаются отъ обязательнаго посѣщенія цыфирныхъ школъ, благодаря тому, что ихъ профессія-составлять ландмилицію.

Затѣмъ въ знаменитую эпоху 20-хъ годовъ, эпоху всеобщаго разграниченія сословій, служилый классъ разбитъ на два разряда повидимому внѣшнею, но въ существѣ очень важною чертою; а именно: дѣти всѣхъ нижнихъ военныхъ чиновъ должны, по указу 1720 г., явиться на смотръ къ мѣстнымъ губернаторамъ, вице-губернаторамъ и воеводамъ; а шляхетскіе дѣти людей всякихъ чиновъ-въ Петербургѣ, въ военную коллегію. При этомъ весьма замѣчательно, что дѣти офицерскіе включаются въ низшій разрядъ, который состоитъ, кромѣ нихъ, изъ дѣтей рейтарскихъ, драгунскихъ, солдатскихъ, пушкарскихъ, стрѣлецкихъ, приставовъ, разсыльщиковъ и «прочихъ служивыхъ всякихъ чиновъ людей» [2]).

[1]) П. С. З. № 10872 (август. 26).
[2]) П. С. З. № 3631 (авг. 23).

Это различіе мѣстъ явки означаетъ собою различіе родовъ службы, или профессій, для которыхъ готовятся дѣти лицъ, принадлежащихъ къ тому, или къ другому классу: одни должны поступать въ морскую гвардію (или академію) и въ сухопутную гвардію (или дворянскую школу военной профессіи); другіе въ мѣстныя войска и ихъ школы. Это именно открывается изъ послѣдующихъ узаконеній.

Когда высшій классъ (шляхетство) ко временамъ царствованія Анны организовался, то потребовалось дать организацію и нижнимъ служилымъ людямъ. Организація эта начинается съ того, что дѣти солдатъ, хотя бы и отставныхъ, должны быть опредѣлены годные въ службу, а малолѣтные въ гарнизонныя школы. Указъ этотъ (о немъ мы упоминали по поводу школъ для бѣдныхъ) [1]) тѣмъ замѣчательнѣе, что онъ касается собственно дѣтей такихъ отставныхъ солдатъ, которые опредѣлены въ богадѣльни, содержимыя на счетъ капиталовъ духовенства, т. е. коллегіи экономіи. Эта послѣдняя должна отослать ихъ въ военную коллегію, причемъ мотивъ закона уясняется такъ: правительство боится, чтобы дѣти служилыхъ, не затерялись совсѣмъ и не попали въ другія профессіи Но такъ какъ гарнизонныя школы организованы были окончательно только въ слѣд. году, то и организація класса нижнихъ служилыхъ людей должна быть отнесена къ тому же времени. Въ этотъ классъ входятъ дѣти офицерскіе не изъ шляхетства, драгунскіе, солдатскіе, и людей «прежнихъ службъ», а именно: рейтарскіе и городскихъ казаковъ, стрѣльцовъ, приставовъ, разсыльщиковъ «и прочихъ служилыхъ всякихъ чиновъ людей дѣти»,—словомъ дѣти всѣхъ тѣхъ изъ служилыхъ, которые не попали въ подушный окладъ и дѣти родившіяся послѣ того, какъ отцы ихъ взяты въ службу. Побужденіемъ, которое руководило законодателемъ при организаціи гарнизонныхъ школъ, служитъ слѣд. обстоятельство: хотя, говоритъ законодатель, «тѣ всѣ принадлежатъ къ нашей воинской службѣ, но многіе изъ нихъ, выучась грамотѣ, отбывая отъ службы, вступаютъ въ купечество, и въ цехи, и въ домы разныхъ чиновъ въ людямъ и въ прочіе чины, а иные укрываяся скитаются межъ дворовъ».

---

[1]) П. С. З. № 5757 (мая 17). См. выше стр. 55—56.

Очевидно, эта храмина разсыпается. Какими же мѣрами правительство разсчитываетъ собрать ее? Сборомъ всѣхъ дѣтей въ школы: «указами....опредѣлить *для собранія* и обученія солдатскихъ дѣтей....школы,...дабы оные шли сперва въ назначенныя школы, и въ военную службу»...Для этого подвергаются смотрамъ у губернаторовъ и воеводъ всѣ, не достигшіе 15 лѣтъ и потомъ всѣ отправляются для ученія въ гарнизонныя школы.—Законъ этотъ, не имѣя обратнаго дѣйствія (на записанныхъ уже прежде на фабрики, въ цехи, въ купечество, или у штатскихъ дѣлъ), равно не простираясь на недорослей однодворцевъ, относительно всѣхъ остальныхъ на будущее время имѣетъ слѣд. силу: «впредь съ сего 1732 г..... ни въ какіе другіе чины и фабрики и никуда изъ тѣхъ служивыхъ чиновъ дѣтей..., безъ особенныхъ нашихъ указовъ, не опредѣлять и не принимать»... Равнымъ образомъ воспрещается, и по окончаніи ими образованія въ гарнизонныхъ школахъ, опредѣлять ихъ къ какимъ либо земскимъ дѣламъ въ губернскія канцеляріи. Они должны дѣйствительно исполнять ту профессію, къ которой готовились [1]). Но такъ какъ гарнизонныя школы, имѣя опредѣленные штаты, не были разсчитаны на такое количество дѣтей, какое могло оказаться въ этомъ классѣ, то правительство вскорѣ (въ 1735 г.) принуждено было распорядиться принимать въ школы сверхъ комплекта, лишь бы только всѣ дѣти были помѣщены въ нихъ.

Когда такимъ образомъ было опредѣлено, что дѣти людей этого класса могутъ быть опредѣлены только въ гарнизонныя школы, то, казалось бы, нѣтъ никакой нужды опредѣлять въ отношеніи къ нему второе начало сословности,— не было нужды говорить, что никто другой не можетъ имѣть доступа къ этимъ школамъ и къ этой профессіи; потому что кому могла показаться лестною эта профессія? Кто могъ поставить себѣ потомственную солдатскую службу соблазнительною цѣлію своихъ исканій? Но въ тѣ дни существовали классы, еще ниже поставленные и потому тотъ же законъ 1735 г. спѣшитъ преградить доступъ въ гарнизонныя школы всѣмъ, кромѣ солдатскихъ дѣтей: «накрѣпко смотрѣть, при-

[1]) П. С. 3. № 6188 (сент. 21).

казываетъ онъ, дабы оные подлинно были служилыхъ людей дѣти. А ежели кто изъ нихъ явятся помѣщичьи и дворцовые и монастырскіе, каковыхъ по ея и. в. указу въ школы опредѣлять не велѣно, такихъ всѣхъ, и коп хотябъ и въ школы были опредѣлены, по свидѣтельству, отдавать тѣмъ, чьи они были, по прежнему» [1]).

Узаконенія о низшей военной профессіи и образованіи, ведущемъ къ ней, уясняютъ намъ общее начало законодательства XVIII в., касающееся всѣхъ профессій вообще, именно слѣд.: лица разныхъ классовъ не только должны готовиться къ отцовской профессіи и тѣмъ фактически предрасполагать себя къ занятію только этой профессіи; но получивши извѣстное профессіональное образованіе, не могли занять по закону другой профессіи, кромѣ той, къ которой, готовились. Въ 1744 г. былъ поднятъ военною коллегіею вопросъ о 10 школьникахъ, взятыхъ, по указу сенатской конторы, изъ гарнизонной канцеляріи въ губернскую для исправленія подъяческой должности. Военная коллегія требуетъ возвратить ихъ въ школу по прежнему, потомучто «такіе обученные потребны ко опредѣленію въ полки въ писари и въ другіе чины, въ коихъ всегдашняя обстоитъ нужда». Армія и гарнизоны комплектуютъ писарскіе и другіе тому подобные чины тѣми школьниками «безъ требованія, какъ прежде бывало, отъ герольдіи подъячихъ». Сенатъ воспрещаетъ впредь брать учениковъ гарнизонныхъ школъ въ подъячіе гражданской службы, но тѣхъ, которые взяты уже, возвращать не велѣлъ [2]).

При такой ясной постановкѣ дѣла не было надобности законодательству работать далѣе надъ организаціею этого класса и условій подготовки къ нему. Ему предстояло лишь рѣшить нѣкоторые частные вопросы (однако существенно важные для вопроса о профессіональномъ образованіи). Мы уже видѣли отчасти и подробнѣе увидимъ въ своемъ мѣстѣ, что тотъ, кто по тупости или лѣности неспособенъ усвоить себѣ профессіональныя знанія, выбрасывается изъ своего сословія и что всѣ эти выброски попадаютъ въ солдатство;

---

[1]) П. С. З. № 6767 (іюня 9).
[2]) П. С. З. № 8965 (іюня 12).

по теперь рѣчь идетъ о самомъ солдатствѣ; если и здѣсь найдутся лица, которыя не въ состояніи усвоить себѣ знаній, предназначенныхъ для этого класса, то что тогда? Тогда готовить ихъ къ мастерствамъ, тоже необходимымъ въ войскахъ: слесарному, кузнечному, плотничному, столярному, портному «и прочимъ художествамъ, какія при арміи и полкахъ потребны и по воинскому штату опредѣлены» [1]).

Какъ въ гражданской службѣ частныя вѣтви ея стремились обособиться въ наслѣдственныя профессіи, такъ подобное этому происходитъ и въ низшей военной службѣ. По морскому регламенту опредѣлено: «плотничьихъ и прочихъ мастеровыхъ людей дѣтей обучать грамотѣ, цыфири и планъ-геометріи, дабы потомъ могли быть добрыми мастеровыми». Затѣмъ по именному указу 1723 г. велѣно: «мастеровыхъ людей дѣтей, которые обучаются въ академіи цыфири, по окончаніи ихъ наукъ, усматривая по остротѣ, опредѣлять къ корабельнымъ мастерствамъ, а въ подъячіе и къ инымъ посторонимъ дѣламъ, кромѣ оныхъ мастерствъ, отнюдь не опредѣлять» [2]).

Мы видѣли уже, что изъ общаго класса низшихъ служилыхъ людей, исключены были, путемъ организаціи профессіональнаго образованія, однодворцы и ихъ дѣти, единственный классъ съ самаго начала столѣтія освобожденный отъ всякаго образованія, конечно потому, что ихъ служба казалось не требующею никакой умственной подготовки. Однако къ половинѣ вѣка замѣтили, что и эта храмина начинаетъ разваливаться. Въ 1752 г. правительство заявило, что «нынѣ изъ однодворцевъ многіе, не хотя быть въ службѣ,писками своими опредѣляются въ губернскія и воеводскія канцеляріи въ приказные чины», отчего при укомплектованіи ландмилицкихъ полковъ однодворцами почти никогда не бываетъ «во взятьѣ» умѣющихъ грамотѣ и писать. И противъ этого зла тоже универсальное средство-организація особыхъ однодворческихъ школъ, особаго однодворческаго образованія. Такія школы и учреждаются тѣмъ же указомъ. При этомъ достойно вниманія, что въ однодворческія школы забираютъ-

---

[1]) П. С. З. № 7627 (1738 г. авг. 6).
[2]) См, въ ук. 1751 г. (Ц. С. З. № 9888, окт. 4).

ся не всѣ дѣти однодворцевъ поголовно, а только «отцовъ и матерей не имѣющіе и скитающіеся межъ дворъ (которыхъ подушный окладъ остается въ доимкѣ)». Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь сказывается старая привилегія однодворцевъ не быть образованными. Остальные не берутся обязательно въ школу, потому что отъ 7 до 15 л. должны помогать своимъ родителямъ добывать подушный окладъ. Затѣмъ желающіе могутъ содержать дѣтей въ школѣ на своемъ коштѣ. Но все однодворцы и только однодворцы [1]).

Изъ ук. 1758 г. видно, что въ самомъ концѣ разсматриваемаго времени тотъ же принципъ наслѣдственнаго усвоенія частныхъ видовъ военной профессіи путемъ школы сохранялся въ полной силѣ. Сенатъ, требуя свѣдѣній о всѣхъ гарнизонныхъ школахъ и числѣ учениковъ въ нихъ, требуетъ ихъ не отъ одного начальства сухопутныхъ строевыхъ войскъ, но и отъ адмиралтейства, отъ артиллеріи, отъ канцеляріи строеній, начальства ладожскаго канала, канцеляріи строеній государственныхъ дорогъ; причемъ онъ снова напоминаетъ, чтобы «солдатскіе дѣти въ школы опредѣляемы были и мимо оныхъ никуда не употреблялись» [2]). Мы знаемъ дѣйствительно, что напр. Ладожскій каналъ имѣлъ свою отдѣльную школу для дѣтей служащихъ именно при немъ, и что попытка отсылать дѣтей служащихъ въ ладожской командѣ въ с.-петербургскую гарнизонную школу, оказалась неудачною, между прочимъ именно потому, что дѣти не получали въ ней надлежащаго спеціальнаго образованія.

Такъ собирались въ школы разсыпавшіеся въ разныя стороны допетровскіе и новые классы. Послѣ всего сказаннаго значительно уясняется вопросъ о послѣдней и важнѣйшей «храминѣ»-дворянствѣ, и потому намъ объ ней достаточно будетъ сказать нѣсколько словъ. Высшіе слои служащихъ по гражданскому и военному вѣдомству выдѣляются и составляютъ сословіе шляхетское, или дворянское. Насъ интересуетъ здѣсь не то, откуда взялось понятіе дворянства, вопросъ удовлетворительно рѣшенный самымъ названіемъ:

---

[1]) П. С. З. № № 9972 (1752 г. апр. 13).
[2]) П. С. З. № 10901 (ноябр. 18).

«шляхетство», а то, какими юридическими мѣрами изъ нѣсколькихъ элементовъ служилаго класса создалось огражденное закономъ въ нѣкоторыхъ правахъ и обязанностяхъ особое сословіе? Что оно создалось ранѣе манифеста 1762 г., что оно первоначально основано на обязанностяхъ а потомъ уже на правахъ, въ этомъ почти никто не сомнѣвается; но безошибочно можно сказать, что до сихъ поръ не найдено, какія именно мѣры привели къ тому въ этомъ періодѣ. Говорятъ дворянство создается наложеніемъ на нѣкоторые классы общихъ повинностей-обязательной службы и обязательнаго образованія [1]). Но служба была обязательна для всѣхъ неподатныхъ классовъ; мы видѣли это на примѣрѣ духовнаго сословія, класса дьяковъ и подъячихъ и класса писцихъ служивыхъ. Точно также образованіе было обязательно и для тѣхъ и для другихъ и для третьихъ. Намъ кажется, что дворянское сословіе организовано тѣми законодательными мѣрами, которыя сдѣлали для него обязательнымъ *извѣстную* службу и *извѣстное* образованіе, или иначе говоря опредѣленную профессію.

Для дворянскаго сословія эта профессія есть высшая военная и высшая гражданская служба. Эта высшая служба есть гвардія сухопутная и морская и гражданская служба въ коллегіяхъ. Морская академія въ петровскихъ узаконеніяхъ называется морскою гвардіею; сухопутная гвардія первоначально была академіею, до тѣхъ поръ, пока шляхетный корпусъ не создалъ окончательно *корпуса* дворянства. Затѣмъ въ остальныхъ частяхъ войска и администраціи высшіе чины оберъ-офицерскій и ассессорскій приводятъ къ дворянству; отсюда правительство или производитъ въ дворянство по достиженіи извѣстнаго чина, или приказываетъ никого не производить въ эти должности, кто не изъ шляхетства. Почему именно чинъ колежскаго ассессора даетъ дворянство? Чины были, какъ извѣстно, первоначально должностями; служба въ коллегіи (но не въ канцеляріи) есть высшая служба.

---

[1]) Съ этой точки зрѣнія, т. е. со стороны обязательности образованія для дворянъ вообще, вопросъ этотъ, разсмотрѣнъ отчасти г. Романовичемъ-Славатинскимъ («Дворянство въ Россіи», стр. 169 и слѣд.) и предлежитъ еще въ другомъ мѣстѣ нашему разсмотрѣнію.

Когда въ 1715 г. Петръ далъ указъ; «которые есть въ Россіи *знатныхъ особъ* дѣти, тѣхъ всѣхъ отъ 10 лѣтъ и выше выслать въ школу с.-петербургскую... и чтобъ оные недоросли высланы были нынѣшнею зимою» [1]), то подъ именемъ «знатныхъ» онъ не разумѣлъ однихъ вельможъ, а употребилъ этотъ терминъ (случайно попавшійся подъ руку) для обозначенія будущаго сословія. Итакъ первая общая обязанность всѣхъ знатныхъ, отличающая ихъ отъ незнатныхъ служилыхъ же, есть обязанность поступать въ «морскую гвардію» (такъ называлась тогда морская академія). Разсѣянная храмина въ первый разъ собрана была въ залахъ академіи.

Но такъ какъ не всѣ тѣ, которыхъ Петръ трактовалъ знатными, могли вмѣщаться въ этихъ залахъ, то была другая гвардія, которая также была школою. Мысль о томъ, что дворянство организуется сначала, какъ гвардія и что служба въ гвардіи была для него профессіональною школою,—мысль эта несомнѣнно утверждается самимъ законодательствомъ: «хотя и вѣчнодостойныя памяти дядя нашъ (говоритъ Анна Ивановна въ манифестѣ объ учрежденіи кадетскаго корпуса 1731 г.), государь Петръ В. неусыпными своими трудами въ такое уже совершенное состояніе привелъ, что оружіе россійское дѣйствія свои всему свѣту храбростью и искуствомъ показало, а для произвожденія (т. е. для пріобрѣтенія военнаго образованія) опредѣлено было указомъ Его Величества (мы не имѣемъ теперь этого указа) *все младое шляхетство въ гвардію сначала писать и тѣмъ путемъ яко школою далѣе дослуживаться*» [2])...Такое отношеніе организаціи дворянскаго сословія къ высшей военной профессіи продолжалось до тѣхъ поръ пока не явился сухопутный кадетскій корпусъ (эта истинная академія сухопутной гвардіи); эта же система всплыла наружу опять, когда узаконеніями Анны Леопольдовны была ослаблена обязанность дворянъ представлять своихъ дѣтей въ дворянскія школы: по указу 1741 г. марта 2, «дворянскихъ дѣтей, которые уже въ урочные годы возраста своего пришли, надлежало въ военную службу по прежнимъ примѣрамъ *опредѣ-*

[1]) П. С. З. № 2968 (дек. 20).
[2]) П. С. З. № 5811 (іюля 29).

лять въ полки лейбъ-гвардіи.» Этимъ, по словамъ Елизаветы Петровны, учинено недорослямъ послабленіе, и они бѣгутъ наукъ, «надлежащимъ юностнымъ лѣтамъ» [1]). «При гвардейскихъ полкахъ учреждены были также школы, въ которыхъ обучались малолѣтки, записанные въ полки»[2]) Мы видѣли уже что первоначальное распредѣленіе дворянъ по ариѳметическимъ школамъ вскорѣ было отмѣнено не по желанію дворянства, а по особымъ соображеніямъ законодательной власти [3]). Дѣти лицъ, состоявшихъ въ высшей государственной службѣ, должны были готовиться къ высшей же государственной службѣ. Уже были приведены факты, свидѣтельствующіе о томъ, что имъ не позволялось избирать другой школы, ведущей къ другой профессіи, что они подлежали за то каторжной работѣ.

Впослѣдствіи, когда профессіональное образованіе стало различаться отъ элементарнаго и приготовительнаго, правительство позволяло пріобрѣтать эти послѣднія гдѣ и какъ угодно; но тѣмъ строже требовало, чтобы всѣ дѣти происходящіе изъ шляхетства пріобрѣли спеціальныя знанія, требуемыя ихъ будущимъ родомъ службы. Такъ какъ выборъ профессіи былъ строго воспрещенъ [4]), то поступленіе во всякія другія школы, соединенное съ выборомъ профессіи, кромѣ назначенныхъ для служилыхъ людей, строго преслѣдовалось. Частныя узаконенія, регулировавшія эту сословную образованность будутъ указаны ниже въ отдѣлѣ объ обязательности образованія. Теперь остановимся на второмъ изъ двухъ началъ, въ которыхъ выражается сословность профессіи.

Развитіе начала, что только дворянскіе дѣти могутъ получать образованіе, ведущее къ занятію высшихъ мѣстъ по службѣ военной и гражданской, совершается наглядынмъ образомъ на глазахъ исторіи. При первоначальномъ основаніи

---

[1]) П. С. З. № 8683 (11 дек. 1742 г.)

[2]) Романовичъ-Славатинскій: «Дворянство въ Россіи», стр. 171.

[3]) См. выше инструкцію учителю Павлову.

[4]) Въ 1736 г. былъ данъ слѣд. указъ сената о незаписке впредь въ купечество недорослей изъ дворянъ: «недоросля Домажирова для опредѣленія въ с.-петербургскій гарнизонъ отослать при указѣ въ воен. коллегію; а кѣмъ онъ въ купечество опредѣленъ, за то на оныхъ бурмистрахъ и секретарѣ взять штрафа 100 рублей». «П. С. З. № 6945 (мая 3).

навигацкой школы (Сухаревой Башни), въ нее велѣно было принимать дѣтей дворянскихъ, дьяческихъ и подъяческихъ, изъ домовъ боярскихъ и другихъ чиновъ [1]). Это было въ то время (1701–1715 г.), когда ни составъ новыхъ сословій, ни отношеніе къ нимъ профессіональнаго образованія, еще не были рѣшенными фактами, когда еще въ эту школу велѣно было набирать «добровольно хотящихъ» и только «иныхъ паче и со принужденіемъ». Но вскорѣ при морской школѣ установилось раздѣленіе учениковъ на двѣ школы; дѣти лицъ низшихъ служилыхъ классовъ («разночинцевъ») получали при школѣ образованіе только элементарное въ низшихъ классахъ т. е. въ школахъ русской и цыфирной; научась здѣсь читать, писать и ариѳметикѣ, «этимъ они оканчивали свое ученіе и назначались въ писаря къ разнымъ должностямъ въ адмиралтейство въ помощники архитекторамъ, аптекарямъ и. т. п. Дѣти дворянскіе-«шляхетскіе» изъ русской и цыфирной школъ поступали въ высшіе классы для дальнѣйшаго обученія» [2]). Уже тогда, при смотрахъ дѣтей знатныхъ, Петръ такъ распредѣлялъ недорослей: дѣтей самыхъ богатыхъ лицъ отправлять для ученія за границу; другихъ дворянскихъ дѣтей моложе 20 л. назначать въ навигацкую школу, остальныхъ во фронтъ въ гвардейскіе полки солдатами.

Съ 1715 г., т. е. въ эпоху уже отмѣченную нами какъ время разграниченія всѣхъ сословій, законы о допущеніи къ спеціальному гвардейскому образованію приняли болѣе твердый тонъ: въ морскія академіи и московскую и петербургскую велѣно принимать только дворянскихъ дѣтей, и притомъ достаточныхъ дворянъ, «хотя бы они не имѣли ни какихъ пріуготовительныхъ знаній» [3]). Здѣсь для этихъ послѣднихъ устроены были элементарныя школы цыфирныя и русскія. Только крайняя необходимость, т. е. слишкомъ большая масса не знающихъ грамоты заставила Матвѣева отослать нѣкоторое количество ихъ въ ближнюю цыфирную новгородскую школу. Мы знаемъ уже, что одновременно съ преобразова-

---

[1]) Веселаго: «Очеркъ ист. морск. кадет. корп.», стр. 8.
[2]) ibid., стр. 12.
[3]) ibid. стр. 36.

ніемъ морской академіи, когда она окончательно дѣлается дворянскою, именно въ 1716 г. явилось то узаконеніе о цыфирныхъ школахъ, по которому дворянскихъ дѣтей запрещено было опредѣлять въ цыфирныя школы.

Что морская академія въ то время могла помѣстить у себя дѣтей почти всѣхъ лицъ болѣе высшихъ классовъ, то это, какъ ни кажется страннымъ, однако утверждено свидѣтельствомъ очевидца-современника. Веберъ пишетъ: «во всемъ пространномъ россійскомъ государствѣ не было ни одной знатной фамиліи, которая бы не представляла въ академію сына или ближняго родственника». Такъ какъ границы высшаго сословія еще не были точно опредѣлены и терминъ «дворянство» не вполнѣ усвоенъ законодательствомъ, то законъ и теперь замѣняетъ прежній терминъ «знатныхъ» людей терминомъ «царедворцевъ» (которымъ обозначаются вовсе не придворные). Говоря о томъ, кто долженъ содержать морскую академію, правительство въ 1719 г. положило собирать деньги съ «царедворцевъ». Этотъ терминъ далеко не совпадаетъ съ усвоеннымъ впослѣдствіи терминомъ дворянство; въ дворянство вошли весьма многіе незнатные люди; для нихъ лицъ болѣе бѣдныхъ преимущественно назначалась московская морская школа.—Окончательно дворянскій характеръ морской академіи опредѣлился при преобразованіи ея въ морской кадетскій шляхетный корпусъ въ 1752 г., когда москов. Сухарева Башня была уничтожена, при чемъ изъ учениковъ ея переведены въ петербургскій корпусъ только дворянскіе дѣти; дѣти разночинцевъ опредѣлены въ мастерскія школы при адмиралтействахъ [1]).

Для другихъ высшихъ спеціальныхъ вѣтвей военной службы: инженерной и артиллерійской необходимо требовалось спеціальное образованіе. Но такъ какъ одинъ изъ этихъ родовъ службы (инженерный) вовсе не имѣлъ представителя въ допетровскихъ классахъ общества, а другой (артиллерійскій) въ старыя времена довольствовался практическимъ изученіемъ дѣла пушкарями, то открывается интересный процессъ сообщенія этимъ профессіямъ сословнаго характера. Относительно инженернаго искусства довольно нетрудно было

[1]) Веселаго: «Оч. ист, морск. кад. корп.» стр. 115.

рѣшить вопросъ, кто долженъ изучать его. Въ первомъ указѣ объ учрежденіи инженерной школы въ москвѣ 1712 г. [1]) положено было содержать въ ней двѣ трети дворянскихъ дѣтей. Такъ опредѣлился сначала ея преимущественно дворянскій характеръ; но уже въ слѣд. году, въ виду крайней трудности набрать положенное по штату число учениковъ, сенатскимъ указомъ велѣно было набрать недостающихъ 77 чел. изъ всякихъ чиновъ людей, при чемъ изъ «царедворцевъ» дѣтей велѣно брать такихъ, за отцами которыхъ числилось до 50, но не свыше, дворовъ (болѣе богатые предназначались для морской службы) [2]). Однако мало по малу эта новая профессія сдѣлалась исключительно дворянскою; въ инженерную школу, особенно петербургскую (открытую въ 1719 г.), поступали преимущественно дѣти знатнѣйшихъ фамилій. Но законодательство продолжало разсматривать инженерную профессію ниже морской и стремилось пріурочить ее къ особому низшему классу дворянства. 1734 года велѣно было набрать для нея учениковъ изъ «небогатаго шляхетства».

Совсѣмъ не такъ просто можно было порѣшить съ артиллерійскою профессіею. Подъ именемъ пушкарей разумѣлся въ древней Руси одинъ изъ классовъ низшихъ служилыхъ людей. Нужно было опредѣлить, въ какомъ отношеніи будетъ стоять эта профессія къ сословнымъ раздѣленіямъ новой Россіи. При основаніи артиллерійской школы въ 1712 г. Петръ велѣлъ сенату (указами 6 и 9 марта) отдать въ артиллерійскую науку 20 молодыхъ дворянъ. Но такъ какъ это число очевидно не могло быть полнымъ комплектомъ учениковъ школы, то нужно думать, что число дворянскихъ дѣтей здѣсь составляло меньшинство. И дѣйствительно уже въ концѣ царствованія Петра «въ артиллерійскую школу принимались, кромѣ дворянъ, сыновья артиллерійскихъ служителей и арсенальныхъ мастеровыхъ, подъ названіемъ «пушкарскихъ дѣтей». Они жили постоянно въ школѣ и, по выпускѣ изъ оной, назначались въ мастеровые, или въ полковые писаря, но на

---

[1]) П. С. З. № 2467 (янв. 16).
[2]) П. С. З. № 2739 (нояб. 19).

службу въ артиллерію ни въ какомъ случаѣ не выпускались» [1]). Послѣднее замѣчаніе показываетъ, что дворянскіе и пушкарскіе дѣти соединялись, но не смѣшивались въ одной школѣ, что какъ образованіе ихъ, такъ и будущая профессія были различны. Дворянскій характеръ скоро и очевидно началъ преобладать и здѣсь. Данилов въ своихъ запискахъ [2]) говоритъ, что въ московской артиллерійской школѣ въ его бытность въ ней (т. е. въ 1736 г.) было записано дворянъ до 700 челов. Судя по этому выраженію можно бы, подумать, что кромѣ дворянъ туда никто и не принимался; однако такой выводъ еще преждевременъ: тотъ же Даниловъ [3]) о петербургской артиллерійской школѣ свидѣтельствуетъ, что въ чертежномъ отдѣленіи ея въ трехъ классахъ было положено по 10 чел. дворянъ въ каждомъ; «да въ той же школѣ было на казенномъ содержаніи изъ пушкарскихъ дѣтей, которые въ школѣ и жили, 60 человѣкъ». Чертежное отдѣленіе было именно дворянское: въ него «опредѣляли преимущественно дѣтей дворянъ и офицеровъ» [4]). Пушкарскіе дѣти составляли собственно «ариѳметическую и другихъ наукъ школу», т. е. такое же элементарное училище, какъ и низшіе классы морской академіи, и инженерной школы. Въ 1745 г. велѣно было произвести разборъ сверхштатныхъ учениковъ артиллерійской московской школы; при этомъ въ школѣ велѣно оставить способныхъ къ наукѣ изъ шляхетства и артиллерійскихъ служителей, а дѣтей разночинцевъ и солдатскихъ отослать въ гарнизонную школу, «потому что, прибавляетъ сенатъ, въ артиллерійскую школу кромѣ дворянъ никого и опредѣлять не слѣдовало» [5]). Так. обр. кромѣ дворянъ въ артиллерійскую школу допускались только пушкарскіе дѣти, получившіе эту профессію по наслѣдству.

Въ 1758 (при назначеніи въ директоры обѣихъ школъ и инженерной и артиллерійской гр. П. И. Шувалова и преобразованіи ихъ) обѣ школы превратились въ исключительно

---

[1]) Н. Мельницкій: «Сборн. свѣд. о военно—учебн. заведеніяхъ въ Россіи,» т. I, ч. I, стр. 2 и слѣд.

[2]) стр. 52.

[3]) стр. 57.

[4]) Н. Мельницкій: «Сборн. свѣд.» т. 1, стр. 17.

[5]) С. М. Соловьевъ: Ист. Р. XXII, 334.

дворянскія: штатъ для соединенной школы назначенъ былъ въ 150 человѣкъ, «всѣ изъ дворянъ» [1]).

Исчисленныя высшія профессіи военной службы не могли поглотить всей массы высшихъ классовъ; болѣе значительная масса поступала прямо въ военную службу-въ гвардію; это и было для нея рыцарскою практическою школою. Учрежденныя при гвардіи школы не считались еще существеннымъ условіемъ для усвоенія этой профессіи. Такъ продолжалось до 1731 г., т. е. до учрежденія *Рыцарской Академіи* (подъ этимъ названіемъ первоначально открыты были классы теоретическихъ наукъ сухопутнаго шляхетскаго корпуса). Само собой разумѣется, что въ это заведеніе, возникшее уже въ ту эпоху, когда границы шляхетскаго сословія были достаточно опредѣлены, и для такой профессіи, которая несомнѣнно принадлежала высшему сословію, въ это заведеніе, говоримъ, съ самого основанія его никто не могъ поступать, кромѣ шляхетства. Побужденіемъ къ учрежденію рыцарской академіи было слѣд.: «весьма нужно, дабы шляхетство отъ младыхъ лѣтъ въ воинскому дѣлу въ теоріи обучены, а потомъ и въ практикѣ годны были» [2]). Даже допущеніе лифляндскаго и эстляндскаго рыцарства въ корпусъ требовало особаго упоминанія въ актѣ учрежденія его.

Императоръ Петръ III., воздвигшій куполъ надъ собранною храминою дворянства, хотѣлъ весьма послѣдовательно завершить это зданіе соединеніемъ всѣхъ трехъ дворянскихъ корпусовъ: морскаго, сухопутнаго и инженерно-артиллерійскаго [3]). Въ этомъ распоряженіи не было никакой практической надобности для успѣховъ образованія; въ немъ проявилось только стремленіе придать послѣднія внѣшнія формы единства уже образовавшемуся дворянскому сословію. Предположеніе императора не было выполнено за его смертію: корпусы остались, по прежнему, отдѣльными корпусами. Но для успѣховъ сознанія о единствѣ дворянскаго сословія не было и существенной нужды въ исполненіи этого проэкта.

---

[1]) Н. Мельницкій: «Сборн. свѣд.» т. 1, 36.
[2]) П. С. З. № 5915 (іюля 29).
[3]) П. С. З. № 11515.

Въ указѣ о соединеніи корпусовъ отдѣльно трактуется о такихъ школахъ при нихъ, которыя назначены были для не дворянскихъ дѣтей: правительство сочло нужнымъ объяснить эту аномалію и объясняетъ ее слѣд. образомъ: сказавъ о необходимости штурманской школы при морской академіи, Петръ продолжаетъ: «въ сію школу дворяне опредѣляемы быть не могутъ, но прочимъ разночинцамъ позволяется». При артиллерійскомъ корпусѣ «заведена также недавно школа для солдатскихъ и другихъ не дворянскихъ дѣтей въ томъ намѣреніи, чтобъ получать изъ ней способныхъ къ разнымъ до артиллеріи принадлежащимъ мастерствамъ людей». И эта школа оставляется въ штатѣ изъ 150 чел. «не дворянъ (повторяетъ законъ), но солдатскихъ дѣтей и всякихъ разночинцевъ». Наконецъ «при сухопутномъ кадет. корпусѣ также учреждена стараніемъ нашимъ школа изъ солдатскихъ дѣтей и тому подобныхъ»,–тоже для обученія разнымъ мастерствамъ нужнымъ въ войскѣ

Если для высшихъ родовъ военной службы было довольно легко собрать дѣтей лицъ, уже исполнявшихъ эти профессіи, то не столь удобно было присоединить къ этой же профессіи высшую гражданскую службу. Это было осложненіемъ профессіи, съ которымъ не легко могли справиться понятія того общества, привыкшаго къ болѣе простымъ формамъ. Здѣсь правительство шло въ явный разрѣзъ съ своими собственными началами: узаконять посредствомъ школы наслѣдственную передачу профессій. Когда Петръ I, въ генеральномъ регламентѣ и въ инструкціи герольдмейстеру, приказалъ раздробить каждую фамилію «знатныхъ и среднихъ дворянъ» на двѣ части, изъ которыхъ одна большая ($^2/_3$) должна готовиться къ «службѣ на землѣ и морѣ», а другая къ «экономіи и гражданству» [1]) то естественно всѣмъ знатнымъ и среднимъ эта вивисекція должна была показаться противоестественною. Имъ казалось, что эта несчастная треть фамилій должна оставить въ наслѣдство своимъ потомкамъ подъяческую дѣятельность. Фамиліи имѣли полное основаніе бояться этого, зная уже, что школа непремѣнно ведетъ къ потомственному закрѣпленію въ извѣстной профессіи. На-

[1]) П. С. З. № 3896 (февр. 5).

прасно Петръ по табели о рангахъ старательно приравнивалъ дворянское обученіе въ коллегіяхъ къ годамъ службы въ низшихъ чинахъ гвардіи [1]). Напрасно онъ еще въ генеральномъ регламентѣ писалъ: «сего фамиліямъ знатнымъ и шляхетскимъ въ укоризну не ставить, ибо кромѣ сего пути никто въ высшій градусъ и до министерскаго чина произведенъ быти не можетъ.»

Отвращеніе отъ подобнаго оборота дѣлъ не ослабѣвало, а возрастало съ теченіемъ времени, т. е. съ успѣхами дворянскихъ понятій въ обществѣ. Когда въ шляхетномъ корпусѣ дворянское образованіе совмѣстило въ себѣ между прочимъ и юриспруденцію, то казалось бы это могло примирить рѣзкое понятіе о сословномъ характерѣ дворянской военной профессіи съ такою подмѣсью къ ней; но на дѣлѣ оказывалось совсѣмъ не то. По рапорту Миниха о кадетск. корпусѣ 7 янв. 1733 г., въ немъ изъ 245 россійскихъ дворянъ юриспруденціи учились только 11 чел., а изъ 324 всего числа учениковъ, юристовъ оказалось 28 [2]); еще въ 1740 г. сенатъ принужденъ былъ назначить обязательное число кадетовъ 24 чел. для изученія юриспруденціи, что еще разъ было повторено въ 1748 г. [3]). Сенатъ въ 1737 г. принужденъ былъ войти съ особымъ докладомъ въ кабинетъ о мѣрахъ привлеченія къ штатской службѣ дворянскихъ недорослей. Для этого, по его мнѣнію, особенно необходимо, чтобы дворяне, состоя юнкерами въ коллегіяхъ и въ сенатѣ, назывались «дворянами», въ сенатѣ-сенатскими, а въ коллегіяхъ-коллежскими, «чѣмъ наиболѣ могутъ другимъ охоты придать и излишнее нареканіе и уничтоженіе приказныхъ людей отъ себя отвесть [4]) (т. е. ихъ перестанутъ другіе позорить именемъ приказныхъ людей). По приказный-все приказный; трудно было отграничить дворянскій составъ канцеляріи (который учась служилъ) отъ прочихъ служащихъ приказныхъ. Прав. сенатъ принужденъ былъ распорядиться: «приказнымъ служителямъ въ сенатѣ, въ коллегіяхъ

---

[1]) П. С. З. № 3890 (янв. 24).
[2]) Чт. въ Общ. И. и Др. Росс. 1862, кн. 1, стр. 172.
[3]) П. С. З. № 9532 (сент. 12).
[4]) П. С. З. № 7201 (марта 6).

и канцеляріяхъ запретить, чтобъ никакимъ невѣжествомъ и ругательными словами вышеписанныхъ дворянъ отнюдь не озлобляли, а которые явятся сему противны, такіе нещадно наказаны быть имѣютъ». И наоборотъ сенатъ долженъ былъ объявить «новоучрежденнымъ сенатской канцеляріи, коллегій и канцелярій дворянамъ, чтобъ они природу свою оказывали чрезъ добрые поступки и честное обхожденіе и учтивость ко всѣмъ канцелярскимъ служителямъ имѣли, что имъ не мало споспѣшествовать будетъ для ихъ опредѣленнаго обученія; а которые злословить дерзнутъ тѣ штрафованы будутъ равномѣрно, какъ и прочіе за ихъ преступленіе» [1]). Въ 1740 г. сенатъ, разсматривая докладъ о юнкерахъ сенатскихъ, синодскихъ, коллежскихъ и канцелярскихъ, нѣкоторыхъ изъ нихъ за неспособность и лѣность опредѣлилъ въ полевые полки въ солдаты; а о другихъ говоритъ самъ, что они къ наукамъ прилежность имѣютъ, но «къ приказнымъ дѣламъ прилежности не имѣютъ и не хотятъ (быть въ приказныхъ), а желаютъ всѣ въ военную службу, о чемъ и правит. сенатъ сами просили». Сенатъ рѣшился подать сообщеніе въ кабинетъ, не повелѣноль будетъ отдать ихъ для окончанія наукъ въ кадет. корпусъ и морскую академію, потому что, продолжаетъ сенатъ, «къ приказнымъ дѣламъ не по охотѣ обучить ихъ никакъ невозможно, а только оные время свое продолжаютъ, а нѣкоторые уже изъ нихъ за 20 л. возраста своего пришли и поженились». Переходя все къ большему обобщенію этой мысли сенатъ находитъ, что «нынѣ дѣйствительно усмотрѣно, что не только изъ великопомѣстныхъ и знатныхъ, и изъ посредственныхъ и подлыхъ (дворянъ) къ приказному обученію охоты не имѣютъ». Эти посредственные и подлые дворяне болѣе прилежатъ и тщатся къ военной службѣ, смотря на то, какъ «происходятъ» эту службу ихъ братья другіе дворяне». Въ силу всего это сенатъ рѣшился впредь опредѣлять къ приказнымъ дѣламъ только такихъ, которые сами охотно пожелаютъ къ приказнымъ дѣламъ, а не неволею, и притомъ имѣть ихъ половину или $^1/_3$ того числа, какое было предъ тѣмъ [2]). Подобное же распоряженіе повторено было

---

[1]) П. С. З. № 7248 (мая 11 1737 г.).
[2]) ib. № 8043 (марта 14).

сенатомъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ; тогда сенатъ приказалъ вообще не держать при коллегіяхъ никого, кто обнаруживаетъ прилежаніе къ наукамъ, только «не къ приказнымъ» и отсылать такихъ для окончанія образованія въ кад. корпусъ и въ морскую академію [1]).

Такъ правительство постепенно отступало назадъ предъ трудностью выполнить такую мѣру, которая противорѣчила основнымъ началамъ законодательства XVIII в.

Въ русской литературѣ у однихъ и тѣхъ же писателей, утверждающихъ, что Петръ вызвалъ къ государственной дѣятельности новыхъ людей, сломивъ древнюю породу, какъ главное условіе доступа къ отправленію государственныхъ должностей, нерѣдко встрѣчается рядомъ съ этимъ положеніемъ другое, а именно, что Петръ и его преемники организовали сословія. Между этими двумя положеніями есть радикальное противорѣчіе. Существенный признакъ сословія заключается именно въ томъ, что право на общественную дѣятельность пріобрѣтается наслѣдственно (по рожденію). Нѣкоторымъ оправданіемъ для этого противорѣчія служитъ то, что Петръ въ своей административной практикѣ часто обращался за содѣйствіемъ къ лицамъ самымъ непородистымъ; но законодательная дѣятельность его самаго и его преемниковъ стремилась неуклонно и привела (своими мѣрами по профессіональному образованію) къ тому, что фактическіе зародыши сословій превратились въ юридическую организацію ихъ.

Важнымъ возраженіемъ противъ нашей мысли можетъ служить организація городскаго сословія, которое несомнѣнно представляетъ полный образецъ строгаго сословнаго учрежденія, а между тѣмъ нимало не подвергалось вліянію законовъ о народномъ образованіи. Единственная попытка за все это время устроить спеціальное образованіе для городскихъ классовъ принадлежитъ Петру В. въ регламентѣ главнаго магистрата: «понеже академіи и школы дѣло есть зѣло нужное для обученія народнаго, въ чемъ уже по е. ц. в. высокому соизволенію и доброе начало учинено, дабы такое нужное и благоугодное дѣло по своей возможности въ дѣйствованіе произвесть; того ради надлежитъ магистрату учреж-

[1]) П. С. З. № 8149 (іюня 25).

денія того не пренебрегать, но по должности всякое къ тому вспоможеніе чинить; а что до содержанія малыхъ школъ принадлежитъ, въ которыхъ токмо читать, писать и ариѳметики обучатися будутъ, о томъ во всѣхъ городахъ магистратамъ самимъ имѣть стараніе». [1]) Въ вѣдомостяхъ, которыя магистратъ долженъ былъ представить о состояніи городовъ и числѣ жителей, велѣно было особо показывать «ученыхъ и другихъ людей». Но дальше этихъ голыхъ опредѣленій законодательство не пошло и мы увидимъ ниже почему. Такимъ образомъ это сословіе организуется совершенно независимо отъ законовъ о народномъ образованіи.—Но слѣдуетъ помнить, что только т. н. *духовныя* (geistliche по нѣмецкой терминологіи) профессіи удобно переходятъ въ сословія подъ вліяніемъ законовъ объ изученіи и пріобрѣтеніи профессіи. Экономическія же профессіи могутъ перейти въ сословія совершенно независимо отъ законовъ объ обученіи, въ силу стремленія къ корпоративности, присущаго самому духу всякой экономической дѣятельности. Притомъ не слѣдуетъ забывать, что посадскіе люди и въ XVII в. представляли уже на лицо многія черты сословной организаціи.

Изъ предыдущаго надѣемся видно, что правительство, заботясь о наилучшемъ выполненіи профессій, наилучшимъ способомъ къ тому признало допускать людей къ изученію и пріобрѣтенію профессіи по наслѣдству и слѣд. русскія сословія организуются главнымъ образомъ чрезъ узаконенія о профессіональномъ образованіи. Мы говоримъ: *главнымъ образомъ*, потому что въ понятіи—сословіе находятся и другіе признаки кромѣ профессіи; однако въ профессіи заключается центръ тяжести этого понятія.

Профессіи, всегда склонныя къ наслѣдственности, могутъ не переходить въ сословія только при томъ единственномъ условіи, если выборъ ихъ совершается въ лѣтахъ, сравнительно зрѣлыхъ, послѣ предварительнаго общаго образованія. Только общее образованіе можетъ уяснить для

---

[1]) Регл. Гл. Магистр. изд. 1743, стр. 14—15 (гл. XXI).

человѣка его спеціальныя способности и опредѣлить его свободную волю въ ту или другую сторону практической дѣятельности. Въ немъ та сила, которая освобождаетъ человѣка отъ условій, данныхъ ему извнѣ его происхожденіемъ и положеніемъ. Поэтому всякому можетъ показаться весьма страннымъ, что тотъ самый XVIII-й вѣкъ, который принесъ намъ образованіе, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ эпохою развитія сословій. Секретъ разрѣшается тѣмъ, что правительство начала XVIII вѣка не имѣетъ вовсе въ виду общаго (человѣческаго, гуманнаго) образованія. Цѣлью его мѣръ по народному образованію было не образованіе, а государственная служба. Къ этой мысли, самой существенной для предмета нашего изслѣдованія, мы переходимъ теперь.

Глава IV. Сущность и формы профессіональнаго образованія. Различіе задачъ государственной дѣятельности по народному образованію въ XVII и началѣ XVIII вѣка. Проэкты о распространіи народнаго образованія, поданные русскому правительству. Образованіе не составляетъ цѣли дѣятельности государства въ первой пол. XVIII в.; утилитаризмъ государственный и частный. Происхожденіе системы исключительно-профессіональнаго образованія; необходимыя уступки ея общему элементарному; образованіе приготовительное. Формы профессіональнаго образованія: образованіе духовное въ двоякомъ объемѣ его; образованіе юридическое въ низшей и высшей его формѣ: вторженіе юриспруденціи въ подъяческую науку; образованіе военное въ низшей и высшей формѣ. Начало различія между профессіональнымъ и сословнымъ образованіемъ. Отношеніе профессіональной системы образованія къ воспитанію: замѣна воспитанія дисциплиною и школьныхъ наказаній уголовными. Воспитальные институты Ѳеофана Прокоповича.

«Въ концѣ XVII в. наука (образованіе) была призвана какъ мудрость царскихъ должностей родительница, всякихъ благъ изобрѣтательница и совершительница, съ нею же вся благая отъ Бога людямъ даруются: и благо намъ, что предки наши увѣровали въ такое обширное, великое значеніе науки! Наука призывалась не только какъ изобрѣтательница

внѣшнихъ благъ, подательница средствъ для достиженія внѣшнихъ цѣлей, внѣшнихъ выгодъ и удобствъ; она призывалась прежде всего какъ мудрость....Пріобрѣтеніе полезныхъ свѣдѣній извѣстнымъ разрядомъ гражданъ...необходимо для государства; но такое пріобрѣтеніе свѣдѣній далеко не исчерпываетъ всей пользы отъ науки происходящей, еще не есть пріобрѣтеніе мудрости гражданской (?) необходимой для нравственнаго преуспѣянія общества...Наша обязанность не отчаяваться въ великомъ дѣлѣ просвѣщенія, а быть достойными своихъ предковъ, которые, увѣровавши разъ въ пользу, необходимость науки, не теряли этой вѣры....Они не теряли ее въ первой половинѣ XVIII в., когда наука принималась медленно, когда, въ слѣдствіе необходимаго (?) закона, сначала старались извлечь изъ науки только одну внѣшнюю матерьяльную пользу» [1]).

Этими словами нашего знаменитаго историка, сказанными уже около 20 л. назадъ, мы желаемъ опредѣлить отчасти то противоположеніе, въ которое наша литература ставитъ обыкновенно понятіе объ образованіи, овладѣвшее обществомъ въ нач. XVIII в. и то понятіе о немъ, которое сложилось въ концѣ XVII в. Лучшіе представители литературы всѣхъ оттѣнковъ ощущаютъ видимо большую неловкость, опредѣляя цѣль образованія, постановленную обществомъ и законодательствомъ въ нач. XVIII в. Признавая эту цѣль не достойною образованія, часто хотятъ выгородить изъ отвѣтственности за постановку ея законодательство (особенно же законодательство Петра) и взвалить ее безраздѣльно на выносливыя плечи полудикаго полуверсальскаго общества русскихъ высшихъ классовъ въ XVIII в. Подобнаго рода тактика началась уже въ то время, которое и составляетъ предметъ несогласій. Уже тогда Кантемиръ въ одномъ изъ обличеній современнаго ему общества, сказавъ, что воспитаніе имѣетъ болѣе творческой силы, чѣмъ сама природа, продолжаетъ:

И зналъ то мудрымъ умомъ монархъ одаренный,
Петръ, отецъ нашъ, никакимъ трудомъ утомленный,

[1]) С. М. Соловьевъ: «Благодарное воспоминаніе о Шуваловѣ». Ж. М. Н. Пр. 1855, февраль.

Когда труды его намъ въ пользу были нужны.
Училища основалъ, гдѣ промыслъ услужный
Въ пути добродѣтелей умѣлъ бы наставить младенцевъ. ...
Но скоро полезныя презрѣнны бываютъ
Дѣла, кои лакомымъ чувствамъ не ласкаютъ.
Главно воспитанія въ томъ состоитъ дѣло,
Чтобъ сердце, страсти изгнавъ, младенско зрѣло
Въ добрыхъ правахъ утвердить, чтобъ чрезъ то полезенъ
Сынъ твой былъ отечеству, межъ людьми любезенъ
И всегда желателенъ: къ тому всѣ науки
Концу и искуства всѣ должны подать руки.

Однако люди болѣе внимательные къ исторической истинѣ, хотя и жаркіе поклонники Петра, избѣгаютъ этой дѣтской тактики. С. М. Соловьевъ не объявилъ себя солидарнымъ съ мнѣніями Кантемира.

Человѣкъ, отдавшій всю жизнь изученію исторіи русскаго образованія въ XVIII в., Пекарскій [1]), въ заключеніе обзора проэктовъ о мѣрахъ къ распространенію просвѣщенія въ Россіи, говоритъ: «при разсмотрѣніи этихъ предположеній нетрудно замѣтить, что въ нихъ прежде всего высказывалась потребность въ образованныхъ людяхъ для замѣщенія различныхъ должностей въ государствѣ, и что въ этихъ людяхъ чувствовался тогда великій недостатокъ. Так. обр. просвѣщенію придавалось значеніе лишь потому, что съ помощію его надѣялись достать болѣе знающихъ людей, чѣмъ тѣ, которые тогда имѣлись подъ руками. Нельзя не сознаться, что такое подчиненіе просвѣщенія посторонпимъ, хотя бы и важнымъ для государства цѣлямъ, несомнѣнно заключало въ себѣ что-то случайное и непрочное, и это необходимо долженствовало неблагопріятно вліять на дальнѣйшее распространеніе знаній въ Россіи, такъ какъ при такомъ направленіи *капризный произволъ*, а также *поверхностность*, отсюда *легкомысленное и неуважительное отношеніе къ наукѣ*, наконецъ *равнодушіе къ ея успѣхамъ*, если только не имѣла она тотчасъ же понятнаго для многихъ примѣненія на дѣлѣ,—все это могло быть явленіями, прямо вытекающими изъ такого взгляда на провѣщеніе» [2]).

[1]) Исторія имп. академіи наукъ. Т. 1 стр. XXVII.

[2]) Впрочемъ ниже мы укажемъ другое мнѣніе Пекарскаго, въ которомъ

Слова, знаменательныя въ устахъ писателей, иногда ведущихъ свѣтъ русскаго просвѣщенія отъ творческой десницы Петра, создавшаго его изъ ничего. Намъ нѣтъ надобности защищать Петра отъ жаркихъ поклонниковъ его. Наука не нуждается въ предупрежденіи: sine ira et studio, она сама уничтожаетъ et iram et studium. Примиреніе съ протекшими фактами жизни есть точное пониманіе ихъ. Мы знаемъ уже, что такое подразумѣвалось подъ мудростью въ концѣ XVIII в. Это есть общее образованіе среднее и высшее.

Образованіе, преслѣдуемое въ 1-й пол. XVIII в., есть образованіе профессіональное. Это послѣднее не только не составляетъ антипода образованію въ собственномъ смыслѣ, но не есть даже уклоненіе отъ здравыхъ началъ его. Оно столь же необходимо, какъ и общее, для выраженія полной идеи образованія. Антипатичныя черты, отмѣчаемыя въ системѣ образованія XVIII в., суть результаты не профессіональнаго образованія, а его отношенія къ общему (т. е. его исключительности).

Но прежде опредѣленія этого отношенія, мы должны отвѣтить на вопросы: кому принадлежитъ направленіе образованія къ профессіональной его формѣ: обществу, или законодательству (въ частности принадлежитъ ли мысль о такомъ образованіи самому Петру и одному ему) и какую именно цѣль имѣло наше законодательство въ своихъ постановленіяхъ о народномъ образованіи.

Личный взглядъ Петра на цѣль образованія выраженъ имъ еще въ концѣ XVII в., по возвращеніи его изъ перваго путешествія по Европѣ, въ извѣстномъ разговорѣ его съ патріархомъ Адріаномъ. Въ немъ Петръ признаетъ, что «евангельское ученіе и свѣтъ его сіе есть знаніе божеское человѣкамъ паче всего въ жизни сей надобно»; намъ нѣтъ надобности подозрѣвать въ этихъ словахъ неискренность, уступку, полагать, что Петръ говорилъ это только потому, что разговаривалъ съ патріархомъ [1]); по его системѣ духовное образованіе для извѣстнаго класса общества было столь же

онъ совершенно сходится съ людьми 1-й пол. XVIII в. относительно значенія образованія для Россіи того времени.

[1]) Пекарскій: «Ист. ак. наукъ» Т. I, стр. XVII.

необходимо, какъ другія профессіональныя формы для другихъ классовъ. Это именно и выражаетъ Петръ въ слѣд. словахъ: «и изъ школы бы во всякія потребы люди, благоразумно учася, происходили въ церковную службу, и въ гражданскую, воинствовати, знати строеніе и докторское врачевское искусство» [1]). Т. е. образованіе, въ глазахъ Петра явилось не въ своемъ существенномъ единствѣ, а въ частныхъ профессіональныхъ формахъ своихъ, какъ образованіе духовное, юридическое, военное, художественное (архитектура) и медицинское.

Эту мысль Петръ дѣлилъ со многими прогрессивными умами того времени. Чтобы убѣдиться въ этомъ достаточно сравнить взглядъ Петра со взглядами всѣхъ тѣхъ прожектеровъ, которые въ нач. XVIII в. подавали русскому правительству массы соображеній о развитіи образованія на Руси. По самой сущности дѣла, составители проэктовъ большею частію принадлежали не къ русской народности, а къ образованнымъ людямъ или востока (Греціи и южной Руси), или запада (Германіи). Понятіе о цѣли образованія у первыхъ существенно рознится отъ понятія о томъ же у вторыхъ. Первые, сохраняя болѣе живыя преданія о необходимости общаго образованія, придаютъ ему однако характеръ исключительно религіозный и тѣмъ, помимо воли своей, вмѣсто общаго образованія, рекомендуютъ спеціально-духовное. Такъ одинъ изъ нихъ, рекомендуя для школы греческій языкъ, какъ «главу прочихъ языковъ», тѣмъ обличаетъ свое греческое происхожденіе, или по крайней мѣрѣ принадлежность къ греческой церкви [2]), по его мнѣнію цѣль образованія есть «прославленіе Св. Троицы». Распредѣленіе классовъ и составъ наукъ, рекомендуемые имъ, тѣ самые которые приняты были въ южно-русскихъ среднихъ школахъ, со времени преобразованія Петра Могилы и которые усвоены были въ семинаріяхъ великорусскихъ. Такимъ образомъ этотъ проэктъ подъ именемъ общаго образованія, опредѣляетъ одну изъ профессіональныхъ формъ его, которая и была усвоена зако-

---

[1]) И. Устряловъ: Ист. Петра В. III, 511—512.

[2]) По мнѣнію Пекарскаго это былъ грекъ (Ист. Ак. Наукъ. т. I.). Но съ такою же вѣроятностью можно предположить, что это былъ одинъ изъ южнорусскихъ ученыхъ.

подательствомъ и практикою; слѣдовательно напрасно говорятъ, что «этотъ проэктъ не имѣлъ въ петровскія времена никакого примѣненія». Ко времени образованія коллегій начинается рядъ другихъ проэктовъ, въ которыхъ уже понятіе о единой сущности образованія совершенно теряется. Одинъ безыменный составитель проэкта опредѣляетъ цѣль образованія слѣд. обр.: «къ коллегіямъ, якоже къ прочимъ гражданскимъ и военнымъ чинамъ, многихъ искусныхъ и ученыхъ людей требуется, и монарху великому полезнѣйше есть, егда изъ своихъ природныхъ подданныхъ всѣ такія достойныя персоны имѣть можетъ»... Конечно для дѣйствія государственной машины рѣшительно все равно къ какой національности принадлежатъ орудія, приводящія ее въ движеніе, но составителю проэкта казалось выгоднѣе имѣть ихъ изъ природныхъ подданныхъ, между прочимъ именно въ слѣдствіе относительной дешевизны этихъ послѣднихъ. Для такой цѣли и только для этой составитель проэкта рекомендуетъ установить академіи для шляхетной юности,-академіи ,«въ которыхъ юность не токмо всѣмъ разнымъ языкамъ и экзерциціямъ, но и всѣмъ прочимъ ученіямъ, яко фортификаціи, архитектуры, навигаціи и инымъ подобнымъ ученіямъ выучиться могутъ» [1]). Такимъ образомъ если первый проэктъ указываетъ одну форму профессіональнаго образованія, именно образованіе духовное, второй указываетъ другую, именно образованіе дворянское, преимущественно военное. Впрочемъ у составителя этого послѣдняго проэкта было нѣкоторое понятіе о разчлененіи профессіональнаго образованія: «на такихъ академіяхъ говоритъ онъ, можно каждаго понятность и склоненіе испытывать, и всякъ въ послѣдованіи по своему склоненію наученъ быть можетъ, еже въ чюжихъ земляхъ большей части юности удается. А вышеупомянутымъ обычаемъ изъ юности ко всякимъ санамъ, чинамъ и службамъ искусныя персоны учинены быть могутъ».

Другой такой же секретъ, какъ въ малое время россійскихъ младыхъ людей въ совершенство поставить чрезъ обученіе и воспитаніе, имѣлъ особенный успѣхъ. Совершенство о которомъ здѣсь говорится состоитъ въ томъ, чтобы царь могъ наполнить всѣ гражданскіе и воинскіе чины въ колле-

[1]) ibid стр XXIII.

гіяхъ, губерніяхъ, судахъ, канцеляріяхъ, магистратахъ и проч. «своими природными подданными и могъ получить собственной своей земли изъ дѣтей искусныхъ купеческихъ людей, художниковъ, ремесленниковъ, шкиперовъ и матрозовъ». [1]) Проэктъ этотъ представленъ царю тѣмъ самымъ Генрихомъ Фикомъ, который впослѣдствіи такъ жестоко поплатился за свою страсть къ проэктамъ, 11 іюля 1718 г.; Петру, вѣроятно, понравилась въ немъ полнота, обнимающая собою большую часть профессій, именно государственно-служебныхъ и экономическихъ. При этомъ однако нельзя не замѣтить, что этотъ третій проэктъ опредѣляетъ преимущественно лишь одну третью профессію, именно профессію гражданской службы (экономическая, какъ увидимъ, въ понятіяхъ людей нач. XVIII в. тѣсно сливалась съ этою послѣднею). Именно такой смыслъ приданъ проэкту самимъ Петромъ, который надписалъ на немъ: «*сдѣлать* академію, а нынѣ пріискать изъ русскихъ кто ученъ и къ тому склонность имѣетъ, также начать переводить книги юриспруденціи и прочія кто (вѣроятно: какія можетъ); сіе учинить сего году начало». Въ мысляхъ Петра академія прежде всего носила приказно-юридическій характеръ.

Итакъ три прожектера рекомендуютъ, подъ видомъ общаго образованія, отдѣльныя профессіональныя формы его; и ниодинъ изъ нихъ не возвысился до указанія на другую высшую цѣль образованія, на то значеніе его, которое такъ твердо выразилъ XVII-й вѣкъ въ терминахъ: «людкость» и «мудрость».

До какой степени въ глазахъ этихъ просвѣтителей Россіи человѣческое образованіе было ничтожно предъ другими задачами государства, это самымъ циническимъ образомъ высказалъ Vockerodt, составившій въ 1738 г. свой очеркъ Россіи при Петрѣ В. Сказавъ, что Петръ извлекъ свое духовенство изъ такого невѣжества, которое превосходило невѣжество европейскаго духовенства въ самые темные вѣка папства, авторъ въ заключеніе спрашиваетъ: «политично ли поступилъ въ этомъ случаѣ Петръ»? И отвѣчаетъ, что неполитично: образованное духовенство противопоставило ему въ

[1]) ibid стр. XXIV.

его другихъ реформахъ гораздо болѣе сильную оппозицію, чѣмъ какую онъ могъ бы встрѣтить въ невѣжественномъ клирѣ [1]). Насъ, конечно, занимаетъ здѣсь не историческая неправда объ оппозиціи Петру со стороны *образованнаго имъ* духовенства, а дикая мысль о вредѣ образованія для кого бы то ни было.

Изо всей этой толпы изобрѣтателей секретовъ какъ выучить русскій народъ цивилизаціи въ нѣсколько уроковъ, блестящее исключеніе составляетъ величайшій умъ той эпохи Лейбницъ; его понятіе объ образованіи, рекомендованное имъ Петру, столь же отличается отъ мнѣній представленныхъ выше, и въ послѣдствіи усвоенныхъ у насъ, на сколько «воинскія экзерциціи» разнятся отъ изученія философіи, не смотря на то, что и Лейбницъ платилъ нѣкоторую дань обоготворенію государства, распространенному въ ту эпоху. Въ запискѣ о распространеніи наукъ въ Россіи, относящейся къ дек. 1708 г., онъ опредѣляетъ свое участіе къ распространенію просвѣщенія въ Россіи желаніемъ «содѣйствовать сколько нибудь общему благу и усовершенствованію людей, а также славѣ Божіей».—Въ ней цѣль образованія опредѣляется такъ: «истинную цѣль науки составляетъ блаженство людей, т. е. состояніе постояннаго удовлетворенія, на сколько это возможно для человѣка..; средство, съ помощью котораго можно повести людей на этотъ путь добродѣтели и счастія, заключается въ хорошемъ воспитаніи юношества. Посредствомъ воспитанія можно даже у животныхъ дѣлать чудеса, тѣмъ болѣе у людей, которые получили отъ Господа безсмертную душу и созданы по его образу и подобію. Юношество можно такъ вести чтобы вселить въ него любовь къ добродѣтели и охоту къ наукѣ; между тѣмъ взрослыхъ, которые не получили такого воспитанія, нужно сдерживать страхомъ наказанія» [2]).

Какія средства ведутъ къ этой цѣли? или иначе какую организацію образованію въ Россіи хотѣлъ бы придать Лейбницъ? [3]) Подробный отвѣтъ на этотъ вопросъ дастъ Лейбницъ

---

[1]) Russland unter Peter dem Grossen, herausgeg v. Hermann. Leipzig. 1872; I. 17.

[2]) См. у Герье: «Отношенія Лейбница къ Петру В.» (Журн. Мин. Нар. Пр. 1870, февр., стр. 372).

[3]) Къ отвѣту на этотъ вопросъ весьма мало можетъ служить старѣй-

въ запискѣ (которую относятъ къ 1716 г.), поданной имъ царю.

Раздѣляя образованіе на низшее, среднее и высшее, Лейбницъ даетъ характеръ общаго образованія лишь первому, приписывая второму спеціальный характеръ, а третьимъ считаетъ ученую разработку науки. Въ учрежденіяхъ для образованія первому соотвѣтствуетъ школа, второму университетъ, третьему академія наукъ.-Его школа, однако, не есть школа элементарная; не отъ азбуки переходитъ онъ къ спеціальному образованію; его школы (которыя онъ рекомендуетъ учредить при монастыряхъ) суть гимназіи. Удивительно только то, что онъ для такого широкаго образованія назначаетъ весьма короткій срокъ: дѣти, предназначенные къ ремесламъ и торговлѣ, обучаются въ школѣ до 12 или 14 лѣтняго возраста, а готовящіеся къ высшимъ профессіямъ до 18 лѣтняго возраста. Этимъ прежде всего отличается схема Лейбница отъ усвоенной и практикованной тогда въ Россіи. Образованіе заключается: въ нравственномъ воспитаніи, изученіи языковъ и пріобрѣтеніи реальныхъ знаній (Künste). Оставляя пока въ сторонѣ воспитательное значеніе школы, мы встрѣчаемся съ интереснымъ въ высшей степени распредѣленіемъ матеріала, образующаго собственно умъ: языки русской, латинскій, нѣмецкій, греческій, французскій (или итальянскій) и еврейскій распредѣляются такъ: для дѣтей, которыхъ будущая профессія есть ремесло (и, вѣроятно, земледѣльческій трудъ) образованіе должно ограничиться русскимъ языкомъ; для готовящихся къ торговой профессіи латинскимъ и нѣмецкимъ языкомъ, для предназначенныхъ къ свѣтскимъ т. н. «ученымъ» профессіямъ-образованіе должно заканчиваться греческимъ и французскимъ языкомъ; для готовящихся к духовной дѣятельности сверхъ всѣхъ прочихъ

шая изъ записокъ Лейбница о распространеніи просвѣщенія въ Россіи, которую г. Герье относитъ къ 1697 г.; въ этомъ неоконченномъ отрывкѣ Лейбницъ говоритъ о какомъ то «ученомъ образованіи», состоящемъ изъ изученія исторіи, математики и языковъ: еврейскаго, латинскаго, греческаго и нѣмецкаго, «особенно же латинскаго».. (Ж. Н. Пр. 1870, янв. стр. 17). На этомъ отрывкѣ нельзя основать ни мнѣнія о Лейбницѣ, какъ приверженцѣ классическаго образованія, ни мнѣнія о немъ какъ защитникѣ реальнаго образованія (такъ какъ была попытка втянуть Лейбница въ споры, нынѣ волнующіе русское общество и журналистику).

необходимъ еврейскій языкъ. Ни отъ кого не скроется, что так. обр. Лейбницъ вводитъ въ общее образованіе элементъ профессіональный; создавая одну школу для общаго образованія всѣхъ и одну схему образованія для этой школы, онъ находитъ возможнымъ предназначить учащихся для разныхъ профессій уже на этой ступени образованія. Здѣсь именно Лейбницъ платитъ дань своему вѣку. Эта же наклонность къ раннему введенію въ образованіе профессіональныхъ началъ замѣчается и въ составѣ наукъ и искусствъ, изъ которыхъ слагается реальный элементъ образованія; эти науки и искусства слѣд.: «катихизисъ, основанія логики, музыка, ариѳметика, рисованіе, ручныя работы (какъ, напр. токарное искусство и рѣзьба) геометрія, главныя основанія хозяйства, фехтованіе, верховая ѣзда, смотря по свойствамъ и наклонностямъ каждаго». Но распредѣленіе этихъ знаній для каждаго ученика, очевидно, опредѣляется не склонностями, а будущею профессіею (не имъ избранною); такъ указанныя ремесла предназначаются для будущихъ ремесленниковъ, фехтованіе и верховая ѣзда для будущихъ офицеровъ и т. д. Общими предметами для всѣхъ вѣроятно остаются законъ божій и математика.

За то Лейбницъ въ спеціальное образованіе вводитъ элементъ общій.—Спеціальное образованіе дѣлится у него на два существенныхъ вида: одинъ для военной службы, другой для гражданской и духовной. Для готовящихся къ первой практическою школою должны служить гарнизоны и гавани; для готовящихся ко вторымъ учреждаются Ritteracademien [1]), (терминъ, которымъ Лейбницъ обнаружилъ, что онъ предназначаетъ ихъ только для высшаго сословія); здѣсь-то, предъ факультетскими занятіями, каждый долженъ «посвятить нѣкоторое время общему образованію», именно изученію математики и механики. Факультеты, проэктируемые имъ суть: богословскій, юридическій и учительскій (педагогическій). Въ частности юридическій факультетъ долженъ заключать два отдѣленія: собственно юридическое (гдѣ изучается юстиція практически) и политическое, для готовящихся къ высшимъ

[1]) Въ Россіи Лейбницъ предлагалъ основать университеты между прочимъ въ Москвѣ, Кіевѣ, Астрахани.

должностямъ администраціи; здѣсь изучается государственное право и всеобщая исторія [1])

Наконецъ образованіе на своей высшей ступени (въ академіяхъ) достигаетъ снова характера общности [2]). Это высшій идеальный образъ науки, изъ котораго для школьнаго обученія берутся лишь частныя, отрывочныя средства. Однако школьное обученіе должно имѣть въ виду эту идеальную цѣль, потому что въ ней выражается то возможное совершенство человѣческаго развитія, къ которому въ концѣ концовъ должно стремиться образованіе юношества. «Молодежь должна учиться познавать Творца и твореніе», а потому преподается богословіе, результаты котораго проявляются въ достиженіи истинной любви къ Богу и ближнему; существа духовныя составляютъ предметъ пневматики; человѣческій разумъ (Verstand) есть предметъ логики; исправленіе наклонностей воли есть предметъ нѳики; науки, посвященныя изученію человѣческаго тѣла суть медицина и хирургія. Познаніе о другихъ людяхъ и законахъ отношеній къ нимъ сообщается въ исторіи и правѣ естественномъ и государственномъ. Наконецъ къ общему образованію Лейбницъ присоединяетъ науки естественныя, которыя разумѣетъ подъ двумя формами географіи и астрономіи. Уже затѣмъ Лейбницъ указываетъ науки прикладныя (между которыми, къ удивленію, онъ помѣщаетъ математику, а именно геометрію и ариѳметику), механику, физику и химію и для отдохновенія музыку. На изученіе языковъ онъ смотритъ только, какъ на средство, пріобрѣтенія и распространенія знаній. Не смотря на видимые недостатки этой схемы наукъ самой въ себѣ и въ особенности въ приложеніи ея къ Россіи, проэктъ Лейбница безконечно выше другихъ тѣмъ, что указываетъ въ образованіи совсѣмъ другую цѣль, или пра-

---

[1]) Герье: Ж. М. Н. Пр. 1870 апр. 381—382.

[2]) Мы рѣшаемся не согласиться съ г. Герье, въ томъ, что записка (или письмо Лейбница къ Петру) о коллегіяхъ трактуетъ объ университетскомъ обученіи, какъ потому, что здѣсь прямо идетъ рѣчь о коллегіи народнаго просвѣщенія, которая по мысли Лейбница было въ тоже время академіею наукъ; такъ и потому, что система наукъ, излагаемая въ ней, вовсе не согласна съ факультетскимъ распредѣленіемъ ихъ, представленнымъ выше. Излагаемая здѣсь система наукъ есть высшая схема знаній, рекомендуемая

вильнѣе видитъ цѣль въ самомъ образованіи, а не подчиняетъ его другимъ цѣлямъ.

Лейбницъ представлялъ эту систему наукъ именно въ виду интересовъ Россіи; несомнѣнно, что на Россію онъ смотрѣлъ, какъ на tabula rasa; онъ хотѣлъ и считалъ возможнымъ испытать на ней примѣнимость высшихъ представленій о человѣческой цивилизаціи; но онъ зналъ такъ же, что для Россіи того времени, для обновленія ея въ экономическомъ и политическомъ отношеніи, были крайне необходимы профессіональныя знанія. Однако именно для Россіи того времени насущною потребностью онъ считалъ «улучшеніе нравовъ и большую кротость» народа и средствомъ для этого признавалъ воспитаніе и обученіе. Пекарскій старается доказать, что мысли Лейбница не имѣли почти никакого практическаго значенія для Россіи въ эпоху реформы ея; кажется, что это совершенно излишне, потому что взглядъ нашего законодательства того времени на сущность и цѣль образованія и взглядъ Лейбница на тотъ же предметъ находятся на двухъ противоположныхъ полюсахъ. И мудрено ли, что правительство того времени въ числѣ своихъ основныхъ задачъ не считало распространенія образованія, если писатель нашего времени рѣшается сказать, что «просвѣщеніе, если говорить откровенно, было бы *излишнею тягостью* при томъ положеніи, въ какомъ находилась Россія въ старину» [1]). До такой жалкой крайности можетъ дойти никому не нужное желаніе защищать дѣятельность нашего правительства нач. XVIII; авторъ «исторіи просвѣщенія» съ умѣлъ найти такое положеніе, въ которомъ бы «просвѣщеніе было излишнею тягостью», и одною этою фразою доказалъ, что нашему современному образованію еще долго не приблизиться къ цѣли, указанной Лейбницемъ около 200 лѣтъ назадъ.

Въ этихъ словахъ, звучащихъ такъ странно, есть однако сторона истины, а именно: въ пол. XVIII в. народное образованіе не включено въ составъ задачъ государственнаго

не какъ средство образованія юношества, а какъ цѣль изученія со стороны высшей интеллигенціи общества, которая имѣетъ внѣшнее корпоративное учрежденіе въ академіи наукъ.

[1]) Слова Пекарскаго: «Наука и Литература» I, стр. 33.

управленія, какъ самостоятельная часть его. Проблескъ сознанія о томъ, что государство должно заботиться о народномъ образованіи, не зависимо отъ непосредственнаго приложенія его къ государственной службѣ,-проблескъ, отмѣченный нами въ исторіи конца XVII в., погасъ. Крайнее развитіе полицейскаго характера государства, характеризующее новый вѣкъ, когда государство становитъ себя источникомъ и цѣлію всякой человѣческой дѣятельности, вовсе не благопріятствовало развитію и укрѣпленію высказаннаго принципа. Государство не призвано служить интересамъ личности человѣка, а вся личность, со всею совокупностью моральныхъ силъ, есть покорный слуга государства.

Уже съ самаго перваго года XVIII в. русское законодательство начинаетъ высказывать, что оно не признаетъ никакой другой цѣли въ образованіи, кромѣ значенія пригодности его для той или другой профессіи; говоря точнѣе, *образованіе вовсе не ставилось цѣлію законодательной и административной дѣятельности государства:* государство заботится о томъ, чтобы военная, гражданская и духовная служба отправлялась наилучшимъ образомъ; оно заботится объ обученіи, а не объ *образованіи*; ремеслу можно обучать, но не образовывать на немъ человѣка; образованіе умственныхъ силъ человѣка и, необходимое послѣдствіе его, образованіе воли (воспитаніе) не было въ виду у государства той эпохи. Все, что мы называемъ узаконеніями объ образованіи, въ точномъ смыслѣ составляетъ узаконенія о государственной службѣ. Понятія службы и образованія смѣшиваются; вотъ почему намъ приходилось и придется говорить не разъ о такихъ мѣрахъ, которыя не имѣютъ повидимому ничего общаго съ народнымъ образованіемъ.

Правительство, выдавая въ нач. 1700 года Тесснигу привилегію на торговлю въ Россіи книгами, учебными пособіями и картинами, опредѣляетъ, что книги эти должны быть «математическія, атхитектурныя и всякія по военной части», и что содержаніе этихъ книгъ должно служить «къ наивящей похвалѣ россійскому царствію межъ европейскими монархи... и ко обученію всякихъ художествъ и вѣдѣнію» [1]). Цѣль, къ

[1]) П. С. З. № 1751 (февр. 10).

которой стремилось законодательство Петра и его ближайшихъ преемниковъ въ своемъ отношеніи къ народномъ образованію, выражается въ слѣд. началахъ: «чтобъ вся, яже попу или діакону надобно знать, изучились» (какъ сказано въ резолюціи на прошеніе Тобольскаго митрополита Филофея); «учить подъячихъ ихъ дѣлу» (ук. 1721 г., нояб. 10). Самое отчетливое уясненіе цѣли образованія даютъ намъ Петръ и Ѳеофанъ Прокоповичъ въ духовномъ регламентѣ; здѣсь законодатель, начиная рѣчь о пользѣ образованія, пишетъ:

«Извѣстно есть всему міру, каковая скудость и немощь была воинства россійскаго, когда оное не имѣло правильнаго себѣ *ученія* и какъ несравненно умножилась его сила и надъ чаяніе велика и и страшна стала, когда державный нашъ монархъ е. в. Петръ 1-й обучилъ оне изрядными регулами. Тожъ разумѣть и о архитектурѣ, и о врачевствѣ, и о политическомъ правительствѣ и о всѣхъ прочихъ дѣлахъ. И паипаче тоежъ разумѣть о управленіи церкви, когда нѣтъ свѣта ученія, нельзя быть доброму церкве поведенію» [2])

Актъ учрежденія кадетскаго корпуса съ одной стороны подтверждаетъ, что такова именно была цѣль петровскихъ законовъ о народномъ образованіи, съ другой стороны свидѣтельствуетъ, что правительство и при Аннѣ продолжало руководиться тѣмъ же взглядомъ. Сказавъ, что Петръ сдѣлалъ для дворянъ гвардію школою и тѣмъ поднялъ военное образованіе и искусство, актъ продолжаетъ:

«Такожъ и въ гражданскихъ и политическихъ дѣлахъ (т. е. въ высшей и нисшей гражд. службѣ) не меньше старанія прилагать изволилъ посылкою для обученія въ чужіи краи и потомъ (въ) государствѣ указомъ опредѣлилъ въ всѣхъ коллегіяхъ изъ шляхетства быть коллегіи юнкерамъ, дабы изъ нихъ, по примѣру другихъ европейскихъ государствъ чрезъ секретарство до высшихъ градусовъ производить могли, и напослѣдокъ академію наукъ учредилъ». Затѣмъ, переходя къ изложенію цѣли, для которой учреждается кад. корпусъ, законодатель такъ излагаетъ эту цѣль: «хотя воинское дѣло понынѣ еще въ настоящемъ порядкѣ содержится, однакожъ, дабы такое славное и государству зѣло потребное дѣло наивящше въ искусствѣ производилось,

[2]) Дух. реглам., изд. 1721 г., ст. 41—42.

весьма нужно, дабы шляхетство *отъ младыхъ лѣтъ* къ воинскому дѣлу въ теоріи обучены, а потомъ и въ практику годны были, того ради указали мы учредить корпусъ кадетовъ» и т. д.

Но государство не есть такой нравственный институтъ, который можетъ разсчитывать на постоянное самоотверженіе подданныхъ; опредѣляя службу себѣ цѣлію образованія частныхъ лицъ, оно должно было вызвать къ жизни какой либо личный стимулъ, указать личную пользу въ образованіи для гражданъ. Это не трудно было сдѣлать при сословномъ характерѣ образованія: если въ сословіи наслѣдственно передаются права на общественную дѣятельность, то въ немъ государственная цѣль дѣятельности сливается съ частною. Всякій долженъ учиться для себя, чтобы не впасть къ низшей профессіи, въ низшее сословіе. Эта личная цѣль постоянно и указывается законодательствомъ. Такъ ученикамъ медицины оно указываетъ «къ наукѣ такъ склоняться, дабы случай, (который) по ея. п. в—ва высочайшей милости имѣютъ доброму научиться, не упущали, ибо чрезъ то неточію ея и. в—ва службы впредь ими исправлены да будутъ, но и они собственное свое благополучіе впредь получатъ» [1]). Такъ, поощряя учиться военно-служилыхъ людей, законодатель съ укоромъ замѣчаетъ, что они не хотятъ учиться не смотря на то, «что мы по высокоматерному своему милосердію, желая имъ всякаго добра, повелѣли учредить школы» и дать жалованье неимущимъ, «чтобъ всѣ малолѣтные служилыхъ отцовъ дѣти, имѣя надежное пропитаніе, обучились, кто къ какимъ наукамъ приклонность имѣть будетъ, дабы со временемъ не токмо государству полезны быть, но и сами себѣ чрезъ тѣ науки довольное пропитаніе ніе сыскать могли» [2]).

Не трудно понять, что эта личная цѣль есть цѣль внѣшняя, т. е. цѣль, которую ставитъ себѣ человѣкъ какъ членъ семьи, общества, государства, или наконецъ какъ существо матеріальное. Эта цѣль есть «пропитаніе», кусокъ хлѣба въ б. или м. обширныхъ размѣрахъ этого понятія. И она лежитъ въ самомъ существѣ профессіональнаго образованія, на-

---

[1]) П. С. З. № 6852 (дек. 24, 1735 г.).
[2]) П. С. З. № 6949 (1736 г. мая 6).

значеннаго къ служенію внѣшнимъ интересамъ человѣка и общества (духовная профессія какъ профессія, а не исповѣдничество, есть также дѣятельность внѣшняя, служебная). То, что можетъ указать человѣку въ его профессіи высшую общечеловѣческую цѣль, повести его при исполненіи профессіи далѣе «добычи», дается не профессіональнымъ образованіемъ, а общимъ. За утратою понятія объ этомъ послѣднемъ *все* образованіе должно было принять ремесленно-служебный характеръ.

Итакъ въ образованіи правительство видитъ одни интересы службы, а частныя лица одни интересы матеріальной выгоды.

Хотя наклонность къ системѣ исключительно профессіональнаго образованія замѣчается въ нашемъ законодательствѣ дѣйствительно съ 1-хъ годовъ XVIII в., но къ окончательной выработкѣ этого понятія и системы развитія его въ обществѣ, законодательство пришло не вдругъ. До 1720 года петровское правительство еще колеблется между общимъ и профессіональнымъ образованіемъ; въ самыхъ первыхъ годахъ XVIII в. стоятъ не рѣшительно одна противъ другой три формы общаго образованія; 1) форма, основанная на изученіи классическихъ языковъ (которая утвердилась въ московской академіи), 2) форма основанная на изученіи математики (которая усвоена исключительно Сухаревой Башнею) и 3) форма, основанная на изученіи новыхъ языковъ и наукъ (которая представляема была «разноязычными школами». Когда послѣдняя отпала, какъ не пригодная ни къ какому роду службы [1]),

---

[1]) Петръ, уничтоживъ общеобразовательную разноязычную школу въ Москвѣ, «предоставилъ родителямъ заботу сообщать своимъ дѣтямъ начальныя свѣдѣнія или посредствомъ частныхъ учителей, или въ лютеранскихъ московскихъ школахъ, или чрезъ католическихъ патеровъ. Всѣ свои заботы онъ направилъ къ тому, чтобы сдѣлать свое дворянство способнымъ къ инженерному искуству и навигаціи, и основалъ, наконецъ, въ Москвѣ и Петербургѣ различныя академіи, въ которыхъ юношество изучало эти обѣ науки и математику. *Послѣ этого его ревность къ наукамъ затихла* на долгое время и если онъ что нибудь дѣлалъ для развитія ихъ, то это касалось только физическихъ и хирургическихъ опытовъ, въ которыхъ онъ находилъ особое удовольствіе». Такъ говоритъ современникъ Петра, Vockerodt (въ «Russland unter Peter dem Grossen», herausg. v. Hermann. Leipzig 1782 г.)

то двѣ первыя: классическое и математическое образованіе соперничаютъ между собою, при чемъ всякое представленіе объ общемъ образованіи утратилось и эти двѣ господствовшія формы его пріурочены къ двумъ главнѣйшимъ группамъ общества, превратились въ образованіе духовное и свѣтское и наконецъ каждое изъ нихъ разбилось на мелкія группы по профессіямъ, сословіямъ и классамъ. Такъ утвердилась эта господствующая и характерная система того времени, которую намъ пришлось уже отчасти уяснять при изложеніи новой системы элементарнаго образованія (цыфирныхъ школъ); здѣсь однако мы должны отмѣтить тѣ комбинаціи, въ которыя невольно вступало профессіональное образованіе съ общимъ, уничтожить которое вполнѣ не могла профессіональная система ради собственнаго существованія; нельзя же учиться фортификаціи, не зная грамоты. Комбинаціи эти слѣдующія. Профессіональное образованіе или совершенно исключаетъ общее, если конкуренція этого послѣдняго вредна для перваго, или допускаетъ предварительно одно элементарное образованіе (при низшихъ профессіяхъ), или наконецъ обращаетъ общее образованіе въ приготовительное къ профессіональному (при высшихъ профессіяхъ).

Первый способъ отношеній къ общему образованію представляетъ напр. узаконеніе 1735 г. о горныхъ школахъ. В. Н. Татищевъ представляетъ кабинетъ-министрамъ, между прочимъ, слѣд: «обывательскихъ дѣтей отъ 6 до 12 л. въ школахъ обучать охотниковъ, а въ неволю не принуждать». Побужденія къ такой странной мѣрѣ, идущей въ разрѣзъ съ общею системою принужденія, служитъ слѣд. соображеніе: «понеже такого возраста (дѣти) многія заводскія работы исправляютъ и при добычѣ мѣдныхъ рудъ носятъ руду на пожеги и въ прочихъ легкихъ работахъ и *у мастеровъ въ наукахъ* бываютъ, и послѣ отцовъ заводское дѣло на себѣ пріемлютъ; а ежели такого возраста работныхъ людей дѣти отлучены будутъ въ школы, и отъ того впредь заводовъ размножать будетъ некѣмъ» [1]). Такимъ образомъ здѣсь профессія легче можетъ быть изучена практикою, а всякое образованіе, даже элементарное (для котораго назначается

[1]) П. С. З. № 6840 (дек. 12).

самая ранняя молодость) вредитъ профессіи. Кабинетъ согласился съ мнѣніемъ Татищева.

Гораздо болѣе важнѣе приложеніе того же начала мы видѣли въ отношеніи къ классу городскихъ обывателей, которые, ради занятій за прилавкомъ, уволены были отъ элементарнаго образованія [1]). Наконецъ еще болѣе важное и особенно пагубное примѣненіе это начало нашло въ крестьянскомъ населеніи, котораго профессія вовсе не требуетъ никакого образованія и потому «крестьянскихъ дѣтей въ школы принимать не велѣно».

Но такъ какъ лишь весьма грубыя, ремесленныя профессіи могутъ обойтись безъ грамотности, то большая часть видовъ профессіональнаго образованія допускала, а потомъ и требовала предварительнаго элементарнаго образованія. Первоначально это образованіе сообщалось въ самыхъ спеціальныхъ школахъ, при которыхъ и полагались первоначально особые низшіе классы, обыкновенно называемыя тогда «россійскими школами». Здѣсь безъ измѣненія продолжалась старая допетровская система элементарнаго обученія: «чтеніе шло общепринятымъ освященнымъ древностію порядкомъ; оно начиналось азбукою, продолжалось часословомъ и псалтыремъ и оканчивалось гражданскою печатью» [2]).

Впослѣдствіи, приблизительно съ царствованія Анны, признано было удобнѣйшимъ возложить элементарное образованіе на попеченіе и обязанность семьи. Возрастъ всякаго человѣка, призваннаго къ общественной профессіи (кромѣ самыхъ низшихъ профессій) и общественному образованію, распредѣленъ былъ на слѣд. эпохи: 1) отъ рожд. до 7 л. (младенчество), періодъ на который государство не заявляетъ никакихъ притязаній. Оно въ первый разъ свидѣтельствуетъ гражданъ въ 7 лѣтъ. 2) отъ 7 до 12 л. есть время назначенное для пріобрѣтенія элементарнаго образованія въ семействахъ: «чтобъ они (дѣти) при томъ другомъ смотрѣ, по послѣдней мѣрѣ уже дѣйствительно и совершенно грамотѣ читать и чисто писать обучены были» [3]).

---

[1]) См. выше въ отд. о цыфирныхъ школахъ,
[2]) Веселаго: «Ист. Морск. Корп.» стр. 12.
[3]) П. С. З. № 7248 (мая 11, 1737 г.).

Въ духовномъ сословіи срокъ, съ котораго наступалъ періодъ элементарнаго образованія и которымъ оканчивался онъ, не былъ строго и повсемѣстно опредѣленъ. Уже послѣ дух. регламента, въ 1723 г., синодъ опредѣлилъ собирать въ школы всѣхъ дѣтей отъ 7 до 18 л.[1]); но 7 лѣтніе являлись только на смотръ и потомъ отпускались домой для обученія грамотѣ. И въ этомъ сословіи по постановленіямъ 30-хъ и 40-хъ годовъ XVIII в., ученики, представленные въ первый разъ на смотръ должны быть обучены грамотѣ. Если смотръ захватилъ ихъ безграмотными, то родителямъ и родственникамъ ихъ назначается (за подпискою) срокъ, къ которому они должны обучить дѣтей грамотѣ и вновь представить ихъ, подъ угрозою штрафа до 10 рублей, въ случаѣ неисполненія (т. е. если дѣти опять останутся безграмотными) [2]). Несмотря на эти угрозы, элементарное домашнее обученіе шло плохо: на смотръ являлось много неграмотныхъ, или притворявшихся неграмотными (по справедливой догадкѣ автора «Очерка ист. владимірской семинаріи») [3]). Срокъ окончанія элементарнаго образованія опредѣлялся практикою довольно однообразно; напр. во псковской епархіи «требовалось, чтобы поступившіе въ семинарію дѣти были не менѣе 12

---

[1]) Опис. док. и дѣлъ, хр. въ арх. св. син. № $\frac{640}{608}$

[2]) Смирновъ: «Ист. троицкой лавр. семинаріи», стр. 26—28. Въ 1742 псковскій епископъ Стефанъ издалъ такое распоряженіе: 1) для обученія славянской грамотѣ отдавать, отцамъ, родственникамъ и свойственникамъ, кромѣ дѣтей сирыхъ и самыхъ бѣдныхъ, съ тѣмъ, чтобы, по обученіи этой грамотѣ, дѣти представлены были для обученія латыни. 2) Отдавать на извѣстные сроки, смотря потому, кто что знаетъ, но ни въ какомъ случаѣ срокъ не долженъ простираться далѣе 3-хъ лѣтъ. 3) Кто таковыхъ дѣтей къ сроку не представитъ, того штрафовать. 4) Кто будетъ уволенъ въ домъ для обученія, на какой срокъ, съ какимъ обязательствомъ, о томъ немедленно рапортовать его преосвященству». (Князевъ: «Очеркъ ист. пск. семин.»).

[3]) На смотрѣ, который произвелъ Платонъ, еп. владимірскій въ 1750 г., изъ 862 мальчиковъ «на пріемномъ экзаменѣ многіе явились незнающими грамоты, которыхъ приказано было въ $^1/_2$ года обучить и снова представить въ семинарію. Въ Кинешемскомъ напр. уѣздѣ изъ 50 дѣтей оказалось 26 неграмотныхъ.... Намъ кажется (продолжаетъ авторъ), что многіе отцы и матери строго наказывали своимъ дѣтямъ не отвѣчать на пріемномъ ихъ архіерейскомъ экзаменѣ, потому что мудреное дѣло, чтобъ изъ 50 дѣтей 26 вовсе не умѣли читать». Влад. Епарх. Вѣдом. 1865 № 14.

лѣтъ [1]). Еще въ 1740 г., по поводу судьбы лицъ, откупившихся отъ военной службы и обязанныхъ, по указу кабинета пріобрѣсти спеціальное духовное образованіе для занятія должностей по церковной службѣ, кабинетъ предписывалъ синоду «имѣть довольное разсужденіе» о томъ, «отъ какихъ лѣтъ такого (полнаго духовнаго) обученія взыскивать, а прочихъ отъ дальнѣйшихъ наукъ освободить надлежитъ, и положа тому указные годы, надлежащее опредѣленіе учинить» [2]). Наконецъ регламентъ новгородской семинаріи 1740 опредѣлилъ набирать въ семинарію такихъ, «которые уже обучены читать и писать въ русскомъ языкѣ, а именно отъ 10 до 11 лѣтъ» [3]). Въ другомъ мѣстѣ тогоже регламента 12 лѣтній возрастъ признается крайнимъ предѣломъ элемент. образованія: до сего времени, говоритъ регламентъ, содержали при семинаріи такихъ учениковъ, которые читать и писать по русски не обучены; всѣхъ такихъ отдать родителямъ ихъ, «чтобы они своихъ дѣтей до возраста ихъ въ 12 л. всему тому конечно обучили» и представили въ семинарію для обученія прочимъ наукамъ.

Хотя государство предоставило элементарное образованіе семьѣ и само непосредственно не участвовало въ заботахъ о немъ, но по временамъ сознавало необходимость регулировать домашнее элементарное обученіе. Такъ въ 1722 Ѳеодосій, архіеп. новгородскій предложилъ синоду слѣд.: «въ С.-Петербургѣ люди духовнаго и мірскаго чиновъ обучаютъ дѣтей С.-Петербургскихъ жителей словесной граматѣ, которая въ дѣтскомъ возрастѣ требуетъ отъ учащаго весьма правильно граматичнаго отъ фунтамента къ чтенію и письму наученіемъ вкорененія. А они учащіе всѣ ли таковаго находятся искусства, о томъ св. пр. синоду неизвѣстно. Чего ради надлежитъ быть имъ подъ присмотромъ и вѣдѣніемъ учителя, обрѣтающагося при троицкомъ александро-невскомъ монастырѣ Продіона Тихонова». Синодъ приказалъ приходскимъ священникамъ сыскать всѣхъ такихъ учителей и объявить имъ, что они должны явиться на экзаменъ къ Тихонову; явились

---

[1]) Князевъ: «Оч. истор. пск. сем.», 61.
[2]) П. С. З. № 8199 (авг. 9).
[3]) П. С. З. XLIV, ч. 2-я, стр. 6.

архіерейскіе пѣвчіе, дьячки, дѣти ихъ и дворовые служители. Экзаменаторъ, запретивъ преподаваніе неспособнымъ, остальнымъ далъ инструкцію, какъ слѣдуетъ обучать дѣтей чтенію и письму [1]).

Въ томъ же регламентѣ новгородской семинаріи предписывается учреждать элементарныя школы по уѣздамъ спеціально для дѣтей духовенства. Эта обязанность возлагается на начальство семинаріи, чтобы отцы не отговаривались, что школъ нѣтъ и они учителей сыскать не могутъ; въ школахъ должна преподаваться русская грамотность; въ учителя избираются такіе священники и причетники, «которые въ правоглаголаніи и провописаніи знаютъ силу»; плата учителямъ назначается примѣнительно къ тому, что платили до сего времени ученики учителямъ, разумѣется въ приходскихъ школахъ [2]).

3) Возрастъ отъ 12 до 16 л. (или 15) назначается на пріобрѣтеніе *приготовительнаго* образованія. Это тотъ добавокъ къ элементарному образованію, который обязанъ былъ своимъ существованіемъ Петру и который онъ хотѣлъ сдѣлать обязательнымъ для всего населенія въ цыфирныхъ школахъ. Въ своемъ мѣстѣ мы видѣли, что законодательство разсматривало эту форму образованія, какъ элементарную, хотя она заключаетъ въ себѣ существенные признаки спеціальнаго образованія. Теперь она сдѣлалась для большей части высшихъ профессій приготовительною. Непзмѣнною основою приготовительнаго образованія ариѳметика и геометрія оставались до царствованія Екатерины II-й: «чтобъ оные (недоросли) всеконечно до другаго смотра... ариѳметикѣ и геометріи со основаніемъ обучены были» [3]). Но кромѣ этой основы оно заключало въ себѣ обязательно законъ Божій и необязательно иностранные языки. Знаніе «артикуловъ нашей православной каѳолической вѣры греческаго исповѣданія» признано «само собой разумѣющимся должнымъ и нужнѣйшимъ» знаніемъ. Но въ дѣйствительности это знаніе, какъ видно, вовсе не разумѣлось само собой. Около 1743 г. св. синодъ замѣтилъ,

---

[1]) Чистовичъ: «Ист. С.-Петерб. дух. акад.», стр. 12.
[2]) П. С. З. Т. XLIV, ч. 2, стр. 11.
[3]) П. С. З. № 7171 (1737 г., февр. 9).

что «дворяне и прочихъ чиновъ люди дѣтей своихъ обучаютъ россійскихъ книгъ только читать часовника и псалтыри, а потомъ употребляютъ въ разныя свѣтскія науки, каждый по своему намѣренію; а чтобъ прямо знать всеблагаго Бога и нашу къ нему должность и догматы православныя христіанскія вѣры, въ чемъ истинный путь спасенія нашего состоитъ, того едва ли кто обучать тчится». Это заставило св. синодъ обратиться вѣдѣніемъ къ пр. сенату, съ требованіемъ публиковать печатными указами во всероссійское государство объ исполненіи этой обязанности дворянами и людьми прочихъ чиновъ. Но при этомъ св. синодъ предлагаетъ начать обученіе закону Божію съ самаго начало элементарнаго обученія («съ начала обученія россійсскихъ книгъ чтенію»); объемъ требуемыхъ знаній опредѣляется букваремъ и катихизисомъ (Θеофана Прокоповича). Впрочемъ синодъ желаетъ, чтобъ «и другія книги церковныя читать тщились». Мѣры, гарантирующія дѣйствительное исполненіе этой обязанности, придуманныя синодомъ, состоятъ а) въ наблюденіи и понужденіи со стороны свѣтскаго начальства, всякаго въ своей командѣ, и со стороны священниковъ каждаго въ своемъ приходѣ; б) въ публикаціи испрашиваемаго указа каждый годъ или по крайней мѣрѣ въ два года разъ; в.) въ экзаменѣ при опредѣленіи на службу (или въ спеціальную школу) прежде всего изъ букваря и катихизиса. Пр. сенатъ, соглашаясь съ разсужденіями св. синода, съ своей стороны придумалъ болѣе сильную карательную мѣру, предписавъ штрафовать родителей, «или кои въ ихъ должности», которые не будутъ исполнять опредѣленіе св. синода по небрежности и нерачительности, деньгами: шляхтичей по 10 рублей, прочихъ по 2 рубля каждый разъ. Наблюденіе и наложеніе штрафа предоставляется губернаторамъ и воеводамъ [1]).

Въ составѣ приготовительнаго образованія это единственный предметъ, обнаруживающій всѣ свойства общаго образованія; въ изученіи его не предвидѣлось никакой сторонней цѣли; цѣль его для всѣхъ равнозначительная–«христіанскую должность и догматы православныя нашея вѣры узнать и въ томъ бы право поступать.»

---

[1]) П. С. З. № 8726 (апр. 20).

Что касается до изученія иностранныхъ языковъ (которымъ, какъ мы упомянули уже, обозначается обыкновенно среднее общее образованіе), то оно предоставлено было свободному произволу родителей высшихъ сословій. Они обязаны были обучить ариѳметикѣ и геометріи «съ крѣпкимъ обязательствомъ»; объ иностранныхъ же языкахъ говорится, что имъ «по своему изволу учить станутъ». Здѣсь разумѣются новые иностранные языки, которые въ духовномъ сословіи замѣняются классическими, и преимущественно латинскимъ. Съ лучшею организаціею общественныхъ школъ (именно съ основаніемъ сухопутнаго корпуса), иностранные языки сдѣлались въ нихъ обязательною частью приготовительнаго образованія, но только какъ средство пріобрѣтенія профессіональныхъ знаній, въ виду крайняго недостатка учителей изъ русскихъ: «ежели такихъ учителей, говоритъ уставъ кад. корпуса, которые бъ россійскому языку искусны, довольное число найти не можно, то во всѣхъ классахъ надлежитъ сначала обучать иностраннымъ языкамъ французскимъ и нѣмецкимъ, понеже молодые люди скорѣе оные языки, изъ которыхъ имъ науки разумѣть, перенимать могутъ, нежели учители въ надлежащемъ совершенствѣ имъ по россійски о наукахъ толковать» [1]). Здѣсь слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что для профессіонально-военнаго и юридическаго образованія приготовительное образованіе получаетъ иной оттѣнокъ, чѣмъ для духовнаго: тамъ существенно подготовляющимъ предметомъ служитъ математика, здѣсь классическіе языки. Нельзя не сознаться, что это весьма сообразно съ сущностью дѣла.

Но изъ этого несомнѣнно слѣдуетъ, что общаго образованія въ строгомъ смыслѣ ни тамъ ни здѣсь нѣтъ. Два предмета, всегда считавшіеся могущественными и единственными факторами общаго образованія разъединены; общеобразовательная сила ихъ была парализована односторонностью и той и другой формы образованія. Что такая система не въ состояніи была замѣнить общее образованіе, это наиболѣе опредѣляется служебною ролью, назначенною для общеобразовательныхъ предметовъ въ отношеніи къ будущему спеціально-

[1]) П. С. З. № 5881 (1731 г. нояб. 18).

му образованію. Болѣе подробное уясненіе различныхъ комбинацій приготовительнаго и профессіональнаго образованія можно извлечь изъ дальнѣйшихъ замѣчаній о спеціальныхъ формахъ образованія.

Такимъ образомъ профессіональное образованіе не предупреждалось общимъ. Каждый съ отроческихъ лѣтъ наклонялся къ той или другой внѣшней цѣли образованія. А это и было виною того, что ремесло оставалось ремесломъ; къ нему не привходило значеніе человѣческой образованности; хотя профессіональное и общее образованіе составляютъ формы одного и тогоже образованія; но первое безъ втораго совершенно теряетъ значеніе образованія и дѣлается ремесломъ. Отторженное отъ общаго профессіональное образованіе получило тотъ отталкивающій характеръ, который наша литература нерѣдко приписываетъ ошибочно самому профессіональному образованію [1]).

Только въ самомъ концѣ описываемаго времени послышались въ нашемъ законодательствѣ отдѣльныя и робкія мнѣнія, что до извѣстнаго срока всѣ должны учиться одинаково, не готовясь еще ни какой службѣ. Представителемъ такихъ мнѣній въ законодательныхъ сферахъ едвали не нужно признать одного Ив. Ив. Шувалова.

Обращаемся къ изложенію формъ профессіональнаго образованія. Не имѣя понятія объ образованіи самомъ въ себѣ вовсе, законодательство и администрація имѣли въ виду слѣд. цѣли: приготовленіе извѣстнаго круга лицъ къ церковной службѣ, приготовленіе другихъ лицъ къ гражданской службѣ съ различными подраздѣленіями ея, и наконецъ приготовленіе къ военной службѣ. По этимъ тремъ существеннымъ группамъ мы и будемъ разсматривать формы профессіональнаго образованія, выраженныя въ законодательствѣ и практикѣ XVIII в. Но здѣсь слѣдуетъ предупредить, что такое точное представленіе дѣла примѣняется вполнѣ не ко

---

[1]) Тѣ начала общаго образованія, которыя, положены были въ учрежденіи Ак. Наукъ и Петерб. и Московскаго университетовъ съ гимназіею, будутъ указаны, какъ подготовка къ екатерининской системѣ общаго образованія. Въ настоящую же эпоху академію велѣно было «сдѣлать» для приготовленія коллежскихъ чиновниковъ.

всей эпохѣ. Во время полной организаціи сословій, сословія сами создаютъ для себя объемъ и содержаніе образованія и вмѣсто военнаго, церковнаго, юридическаго, медицинскаго и пр. образованія, является образованіе дворянское, сословно-духовное, приказное и проч.; къ каждому изъ нихъ примѣшиваются уже элементы, не прямо ведущіе къ извѣстной профессіи, но необходимые для сословія.

1. Духовное образованіе представляетъ собою наиболѣе интересный образчикъ отношеній общаго образованія къ профессіональному. И по самой сущности этой профессіи и по историческимъ случайностямъ, профессіональнымъ духовнымъ образованіемъ сдѣлалось то, что прежде называлось и было общимъ образованіемъ. Цѣль профессіи-духовное просвѣщеніе паствы. Въ прежнія времена преимущественно въ духовенствѣ сосредоточивается просвѣтительная дѣятельность государства. Оставшіяся отъ XVII в. общеобразовательныя школы гуманныхъ наукъ сдѣлались спеціально-духовными. Это съуженіе общаго образованія въ границы одной профессіи есть наилучшее доказательство изложеннаго взгляда на сущность и цѣль образованія вообще.

Въ петровскую эпоху законодательство не сразу опредѣлило, какіе предметы входятъ въ кругъ этой формы образованія. Въ 1708 и 1710 г. было приказано дѣтямъ свящ. и церк. служительскимъ учиться въ школахъ греческой и латинскихъ [1]). Но этимъ мало опредѣляется составъ собственно спеціальнаго образованія; нѣсколько яснѣе онъ указывается въ резолюціи Петра на прошеніе Филофея Лещинскаго: чтобы «православной вѣры катихизисъ достаточно знали и по согласію содержащей въ ней артикулъ умѣли» (т. е. знали тѣ части ученія вѣры, которыя согласно признаются церковію). И такъ это просто богословское образованіе. Но узаконенія самаго Петра о цыфирномъ образованіи, обязательномъ и для дѣтей духовенства, съ одной стороны, и предписаніе учиться имъ только въ школахъ латинскихъ и греческой усложнили это простое понятіе [2]). Духовный регла-

---

[1]) П. С. З. №№ 2186 и 2308.

[2]) Такъ какъ не только до изданія дух. регламента, но и послѣ этого архіерейскія школы сливались еще съ цыфирными, то понятія о духовн.

ментъ, узаконяя однажды навсегда объемъ духовнаго образованія, старался разрѣшить это осложненіе, установляя слѣд. «чинъ ученія»: 1) граматика купно съ географіею и исторіею, 2) ариѳметика и геометрія, 3) логика и діалектика («едино то двоименное ученіе»), 4) риторика купно или раздѣльно съ стихотворнымъ ученіемъ, 5) физика въ соединеніи съ краткою метафизикою, 6) политика краткая Пуффендорфова («аще оная потребна судится быть и можетъ она присовокупится къ діалектикѣ»), 7) богословіе. По распредѣленію регламента на первыя 6 наукъ назначается по одному году на каждую, на богословіе два. Здѣсь, повидимому, только послѣдній предметъ имѣетъ спеціальное значеніе. Дѣйствительно нѣсколько подобную схему общаго образованія можно наблюдать уже въ изложеніи Крыжанича и привилегіи московск. академіи XVII в.

Однако расположеніе частей этого «чина», ясно указываетъ, что старая схема общаго образованія потерпѣла различныя измѣненія, обращаясь въ спеціальную форму образованія одного изъ сословій. Первыя двѣ группы составляютъ приготовительное образованіе. Здѣсь къ обычному составу его вошей математикѣ, прибавляется граматика, которая въ схемѣ Прокоповича имѣетъ значеніе не граматики отечественнаго языка, а изученія иностранныхъ языковъ, «понеже по регуламъ грамматическимъ нужно есть дѣлать экзерциціи, сіе есть обучатися въ переводахъ съ моего языка на языкъ тотъ, котораго учуся и вопреки съ языка того на мой языкъ». Подъ иностранными языками разумѣется собственно языкъ латинскій; греческій же и еврейскій допускаются условно, «если будутъ учители». Допущеніе исторіи и географіи въ составъ приготовительнаго образованія есть значительный шагъ впередъ. Но законодатель поп-

---

образованіи еще не были опредѣленно выработаны (это переходное состояніе мы изложимъ при разсказѣ о спеціальныхъ школахъ). Однако и тогда, именно съ 1722 г., въ рязанской напр. школѣ «изъ числа собранныхъ учениковъ дѣти подъяческія, служительскія и причетницкія назначались исключительно для ариѳметическаго ученія, дѣти же священнослужителей, въ надеждѣ священства, преимущественно обучаемы были чтенію, письму, пѣнію и основнымъ началамъ христ. вѣры». Арх. Макарія: «Ист.-ст. Опис. Рязан. Дух. Семин. стр. 7.

малъ, что это «ученіе пространное есть» и потому экономія времени заставила его предписать странный способъ обученія имъ: оно должно быть соединено съ обученіемъ грамматикѣ: «могутъ нѣкая ученія двое или трое вдругъ одного часа и однимъ дѣломъ подаватися напр. уча граматики, можетъ учитель съ нею учить купно и географію и исторію...; мочно велѣть ученикамъ переводить (съ одного языка на другой) по части географію или исторію». Изученіе географіи должно итти впередъ изученія исторіи («исторію честь безъ вѣденія географскаго есть какъ бы съ завязанными глазами по улицамъ ходить»); по этому годъ, назначенный на граматику, раздѣляется на двѣ половины: въ первую половину учить съ граматикою географію, во вторую исторію. Впрочемъ въ первую половину года назначается и особый день недѣли собственно на географію, именно на знакомство съ общею картою частей свѣта и глобусомъ («показывать циркулы планисферіа и универсальную ситуацію міра»). Для переводовъ изъ исторіи рекомендуется Юстинъ.

Таковъ составъ приготовительнаго образованія. Нужно отдать великую честь Прокоповичу, что онъ яснѣе всѣхъ людей своего вѣка понялъ и выразилъ великое значеніе общаго образованія въ той неблагодарной работѣ, какая выпала на его долю—сжимать общее образованіе въ одну изъ формъ профессіональнаго, производить ту амальгаму несоединяющихся веществъ, которая долго, слишкомъ долго предлагается русскому народу подъ именемъ образованія.

Въ той системѣ образованія, которая «съ младыхъ лѣтъ, предназначаетъ дѣтей къ профессіи и ремеслу едвали можно отрицать дѣйствительную пользу историческихъ знаній, тогда какъ при разумной системѣ общаго образованія, образовательное достоинство этихъ знаній подвергается сомнѣніямъ.

Въ наши дни Штейнъ, указывая на опасности къ которымъ ведетъ профессіональное образованіе (узкость взгляда, неспособность видѣть ничего за предѣлами своей спеціальности, поставленіе частныхъ цѣлей на мѣсто общихъ), указываетъ вмѣстѣ, какъ на противоядіе противъ этого зла, на введеніе въ приготовительное образованіе исторіи, потому что «исторія указываетъ намъ на достоинства того, о чемъ

думали и что дѣлали другіе» [1]): въ другихъ, болѣе грубыхъ формахъ, выражаетъ это значеніе исторіи и географіи Ѳеофанъ Прокоповичъ для учениковъ, которыхъ ожидаетъ тотчасъ замкнутый кругъ профессіи, имѣющій сопровождать ихъ до могилы: «и се вельми полезно: ибо ученицы великое ко ученію возымѣютъ доброхотство, когда невеселое языка ученіе, толь веселымъ міра и мимошедшихъ въ мірѣ дѣлъ познаніемъ растворено имъ будетъ; и скоро отъ нихъ грубость отпадетъ, и еще при берегѣ почитай училищномъ не мало драгихъ товаровъ обрящутъ».

Собственно-профессіональное, духовное образованіе заключаетъ въ себѣ пять слѣдующихъ группъ. Повидимому логика, риторика и метафизика съ физикою вовсе не относятся къ нему и составляютъ также общеобразовательные предметы. Но профессія будущихъ служителей церкви состоитъ въ томъ, чтобы истины религіи распространять посредствомъ проповѣди. По мнѣнію законодателей XVIII в. къ этому именно подготовляетъ изученіе логики, риторики и философіи. Оттого эти науки не введены ни въ какое другое спеціальное образованіе. Цѣль и вѣнецъ всей этой системы и приготовительныхъ и спеціальныхъ знаній составляетъ богословіе, которое, по мнѣнію законодательства, состоитъ въ изученіи священнаго писанія и сочиненій св. отцовъ, а не схоластическихъ построеній иновѣрныхъ учителей (не «по чуждымъ сказкамъ, многажды бо лгутъ господа оные и чего не бывало приводятъ»). Учителю предоставляется учить «по своему вѣдѣнію», т. е. составлять самому курсъ науки, но вмѣстѣ съ тѣмъ назначить особенное время для ознакомленія учениковъ съ источниками, «чтобъ они извѣстны сами были, а не сумнились бы, правду ли говоритъ, или лжетъ учитель ихъ».

Мы видимъ изъ этого обзора, что въ форму духовнаго образованія перелилось почти цѣликомъ прежнее общее; поэтому можно бы подумать, что духовное сословіе (вдагодаря духовности своей профессіи) составляетъ исключеніе, что оно получаетъ общее образованіе подъ именемъ профессіональнаго. Но мы знаемъ уже, что именно со времени изданія духовнаго регламента, ясно сознано было различіе наукъ

[1]) Stein: «Bildungswesen». S. 158.

«святѣй церкви потребныхъ» отъ «ариѳметическихъ и прочихъ свѣтскихъ наукъ». Петербургская семинарія, на запросъ имп. Елизаветы, о состояніи семинаріи въ 1740 г. отвѣчала, что въ ней семинаристы обучаются—одни по русски читать и писать, другіе—латинской и греческой граматикѣ, переводамъ и ариѳметикѣ, третьи піитикѣ, риторикѣ, географіи и исторіи и имѣютъ потемъ поступать къ нѣкоторымъ началамъ еврейскаго языка, также философіи и богословія; при этомъ отчетъ счелъ нужнымъ прибавить: «понеже тые паппаче діалекты и науки приличны духовному чину и удобнѣйшій способъ подаютъ къ достодолжному исполненію званія ихъ» [1]).

Таковъ высшій объемъ образованія требуемый законодательствомъ отъ духовной профессіи. Практика не могла выполнить сразу этого требованія; ни правительство не давало учителей, ни общество учениковъ. Уже на другой годъ по изданіи регламента, правительство должно было опредѣлить второй меньшій объемъ этого образованія и издать слѣд. указъ: «понеже совершеннѣйшихъ ученій богословскаго и философскаго, такожъ и нужнѣйшихъ языковъ искусства, еще за скудостью довольныхъ (т. е. годныхъ) къ сему учителей, преподавать невозможно, того ради учить нынѣ въ архіерейскихъ школахъ церковническихъ дѣтей, въ надежду священства опредѣленныхъ, по недавно изданнымъ «Перваго ученія отрокомъ» книжицамъ, букварями именуемымъ». Къ этому изученію грамотности и общихъ началъ вѣры присоединяется требованіе изучать славенскую граматику, по примѣру новгородскихъ школъ, и наконецъ ариѳметику, которая признается «не излишнею» (какъ уступка требованіемъ Петра): «и ариѳметическаго ученія тщаться не оставлять, но и о томъ усердно радѣть» [2]). Такой объемъ образованія дѣйствительно и былъ примѣненъ первоначально въ архіерейскихъ школахъ: «весь курсъ ученія въ архіерейскихъ школахъ того времени ограничивался умѣньемъ читать по часослову и псалтыри и знаніемъ заповѣдей, и обыкновенно распредѣлялся такъ: 1) азбука, 2) часословъ, 3) псалтырь, 4) заповѣди. Исключеніе изъ этого составляли школы эллино-

[1]) Исторія С.-Петерб. акад., стр. 21.
[2]) П. С. З. № 4021 (1722 г. мая 31).

греческая, подвѣдомая московской типографіи, славяно-латинская и кіевская школы» [1]).

Двоякій объемъ профессіонально-духовнаго образованія удержался и послѣ Петра, съ тою разницею, что оба круга образованія дѣлаются опредѣленнѣе. А именно высшій объемъ образованія въ эпоху послѣдующую явнымъ образомъ становится отчетливѣе. Математическое образованіе отчисляется отъ него, какъ спеціальный признакъ военнаго и приказнаго образованія: упомянутый выше именной указъ 1737 года о дѣтяхъ духовныхъ лицъ, откупившихся отъ военной службы, обязываетъ тѣхъ изъ нихъ, которые пожелаютъ въ духовенство, обучиться граматикѣ и риторикѣ и, по желанію, философіи; тѣхъ же, которые хотятъ вступить въ приказный чинъ, заставляетъ изучить ариѳметику и геометрію [2]). Затѣмъ въ томъ же году правительство освобождаетъ отъ рекрутчины тѣхъ изъ дѣтей священническихъ и причетническихъ, которые обучены «латинскаго и греческаго діалектовъ, грамматикѣ, реторикѣ и другихъ высшихъ наукъ» [3]). Указъ слѣд. года объ основаніи троицкой семинаріи и уставъ новгородской семинаріи 1740 г. составляютъ второй (послѣ дух. регламента) учредительный актъ семинарій вообще; въ нихъ опредѣляется слѣд. курсъ этихъ заведеній: латинскій, греческій и (если возможно) еврейскій языки, граматика, риторика, философія и богословіе. Впрочемъ эта масса знаній должна быть направлена къ одной цѣли «къ совершенному познанію и истинному почитанію всемогущаго Творца и создателя всѣхъ Бога и къ утвержденію православнаго исповѣданія нашего христіанскаго закона, къ наставленію исполненія божественныхъ заповѣдей» [4]). Равнымъ образомъ и низшее духовное образованіе опредѣляется точнѣе: священниковъ, которые далеко не всѣ могли быть образованы въ школахъ, велѣно учить при посвященіи заповѣдямъ Божіимъ, преданіямъ церковнымъ, съ толкованіемъ св. писанія, т. е., какъ объясняетъ тотъ же указъ, обучать должности священниче-

---

[1]) Опис. док. и дѣлъ, хран. въ арх. св. синода, № $\frac{668}{607}$

[2]) П. С. З. № 7169 (февр. 6).

[3]) П. С. З. № 7385 (сент. 25).

[4]) П. С. З. № 7660 (сент. 21), и т. XLIV, ч. 2.

ской, выбирая изъ св. писанія, и изъ вселенскихъ соборовъ [1]). Тогда же кабинетъ предписалъ синоду раздѣлить духовное образованіе на высшее и низшее: первое для занятія священническихъ и другихъ высшихъ должностей, второе для причетниковъ [2]).

Такъ опредѣлена въ законодательствѣ до Екатерины эта форма профессіональнаго образованія. Тщетно потомъ, и при Екатеринѣ и долго спустя, законъ хотѣлъ разграничить здѣсь часть общеобразовательную отъ части спеціальной. Послѣдняя тяготѣетъ надъ первою и въ силу сословнаго характера образованія и въ силу того, что общее образованіе продолжаетъ считаться лишь приготовительнымъ къ спеціальному.

Но сословный характеръ образованія, особенно укрѣпившійся съ эпохи царствованія Анны, былъ причиною того, что чистота профессіональнаго образованія, возмущена была примѣсью такихъ знаній, которыя были необходимы для домашняго обихода сословія. Такъ именно смотрѣли въ духовномъ сословіи на обученіе математикѣ: въ троицкой лаврской семинаріи уже со втораго года ея существованія «начальство лавры признало нужнымъ ввести въ курсъ ученія ариѳметику, геометрію и тригонометрію»; эти предметы не были признаны обязательными для всѣхъ учениковъ; для чего же они были нужны? Духовный соборъ лавры разсудилъ, что «помянутое обученіе для знанія находящихся въ монастырѣ къ приказному порядку и прочихъ нужнѣйшихъ искусствъ, за неимѣніемъ таковыхъ людей, весьма Троицкому монастырю надобно» [3]). Такую же цѣль имѣло обученіе семинаристовъ иконописи [4]). Подобно тому, какъ и прочія сословія старались пріурочить къ мастерствамъ и ремеслу такихъ членовъ своихъ, которые никакъ не въ состояніи пріобрѣсти требуемыхъ профессіональныхъ знаній, подобно этому поступало и духовное сословіе; духовное начальство, увольняя нѣкоторыхъ семинаристовъ по «малоумію» отъ ученія, обязываетъ подписками какъ ихъ самихъ, такъ и роди-

---

[1]) П. С. З. № 7734 (1739 г., янв. 16).
[2]) П. С. З. № 8199 (1740 г. авг. 9.
[3]) Смирновъ: Ист. троиц. лавр. семин., стр. 56.
[4]) Смирновъ: Ист. тр. лавр. семин.

телей, что «они стараться будутъ обучаться честнымъ какимъ нибудь художествамъ, какъ напр. иконописному, или другому чему» [1]); впрочемъ для духовнаго сословія трудно было придумать «иного чего», кромѣ иконописи, приличнаго духовному званію.

2. Законодатель въ 1721 г. далъ спеціальное опредѣленіе низшему юридическому образованію въ слѣд. формахъ: «учить подъячихъ ихъ дѣлу, а именно: цыфири и какъ держать книги, ко всякому дѣлу пристойныя». Въ частности «къ сему ученію опредѣляются слѣд. науки: ариѳметика, формы книгамъ, табели, стиль письма и прочее, что доброму подъячему надлежитъ» [2]).

И въ послѣдующее время законодательство настаивало, чтобы подъяческіе дѣти отдаваемы были «въ обученіе приказныхъ дѣлъ» [3]). Но было ли организовано дѣйствительно это подъяческое образованіе, неизвѣстно. Объ этомъ не зналъ уже самъ сенатъ въ концѣ описываемой эпохи: въ 1755 г. онъ требовалъ (какъ мы видѣли) справки-существуютъ ли гдѣ школы для обученія дьяческихъ и подъяческихъ дѣтей ариѳметикѣ «и прочему». Наоборотъ достовѣрныя извѣстія указываютъ, что единственный хотя и слабый контингентъ учениковъ цыфирныхъ школъ составляли дьяческіе и подъяческіе дѣти [4]). Это доказываетъ, что собственно дьяческія школы или нигдѣ не были открыты, или открыты въ немногихъ мѣстахъ; въ противномъ случаѣ въ эти, а не въ цыфирныя школы должны были поступать дѣти дьяковъ и подъячихъ. Так. обр. ариѳметика и геометрія, которыя должны были служить приготовительнымъ образованіемъ для собственно подъческаго, сдѣлались главнымъ содержаніемъ профессіонально-подъяческаго образованія; такъ и здѣсь общее образованіе (именно та математическая его форма, которую предполагалась распостранять чрезъ цыфирныя школы) переходитъ въ спеціальное.

Одновременно съ этимъ послѣднимъ организуется высшее юридическое образованіе. Генеральный регламентъ дастъ

[1]) Ркп. арх. яросл. дух. сем.
[2]) П. С. З. № 3845 (нояб. 10).
[3]) П. С. З. № 8975 (іюля 20, 1744 г.).
[4]) См. выше стр. 31 и 32.

ему слѣд. незатѣйливые размѣры: допускаются при коллегіяхъ «нѣкоторые удобные люди», избирающіе службу въ канцеляріяхъ и конторахъ, заранѣе (къ практическому занятію дѣлами) и обучаются здѣсь «прилежнымъ списываніемъ дѣлъ въ письмѣ и въ ариѳметикѣ». Секретари должны смотрѣть, чтобы коллегіи юнкеры «обучались какъ письму, такъ и всѣмъ дѣламъ, принадлежащимъ въ оному коллегіи» [1]). Однако это самому законодателю казалось не очень опредѣленнымъ и потому въ томъ же указѣ 1721 г. (ноября 10), которымъ велѣно учить подъячихъ ихъ дѣлу, Петръ прибавилъ: «такожъ учиться опредѣленнымъ въ коллегіи молодымъ дворянамъ и сіе въ сенатѣ опредѣлить» [2]), т. е. сенату предоставлено были опредѣлить, какой составъ образованія назначается для молодыхъ дворянъ, готовящихся къ высшей гражданской службѣ. Такое болѣе точное опредѣленіе его начинается съ слѣд. 1722 г., когда на него было обращено вниманіе въ двухъ законодательныхъ актахъ; инструкціи герольдмейстеру и табели о рангахъ. Въ первой предписывается учредить краткую школу для изученія гражданскихъ и экономическихъ дѣлъ [3]), для чего изъ каждой дворянской фамиліи выдѣляется указная часть. Тождество этого «гражданскаго и экономическаго» образованія съ послѣдующимъ коллежскимъ не подлежитъ сомнѣнію; такъ что же это за образованіе? Это образованіе юридическое въ собственномъ смыслѣ и съ нимъ соединенное экономическое. Здѣсь въ первый разъ встрѣчается это соединеніе, которому суждено было удержаться навсегда въ юридическомъ образованіи. Точнѣе составъ этого образованія опредѣляется въ табели о рангахъ; «а именно: что касается до праваго суда, такъ же торгамъ внѣшнимъ и внутреннимъ къ прибыли имперіи и экономіи», словомъ, опредѣляетъ законодатель, «что коллежскимъ правленіямъ надлежитъ» [4]).

Однако составъ коллежскаго образованія окончательно уясненъ законодательствомъ только въ 1737 г. Еще въ началѣ этого года сенатъ и кабинетъ предписывали коллеж-

[1]) Генер. регл. гл. 36.
[2]) П. С. З. № 3845.
[3]) П. С. З. № 3896 (февр. 5).
[4]) П. С. З. № 3890.

скимъ дворянамъ обучаться «пристойнымъ наукамъ къ шляхетству и гражданству» [1]); въ маѣ данъ былъ сенатскій указъ, посвященный подробной организаціи этой вѣтви образованія; въ немъ обученіе дворянъ раздѣлено на двѣ группы: во перв., подъ руководствомъ секретарей каждой экспедиціи по принадлежности, они должны были учиться всему «что касается до приказнаго порядку и знанія указовъ и правъ государственныхъ, уложенія и прочаго; къ тому жъ, чтобъ чисто и хорошо писать обучены были»; т. е. главный предметъ ихъ образованія есть изученіе дѣйствующаго права и канцелярскихъ порядковъ. Во втор. по два дни въ недѣлю они должны были обучаться ариѳметикѣ, геометріи, геодезіи, географіи и граматикѣ, при чемъ на граматику назначается одинъ день, а другой—на всѣ прочія науки [2]).

Такой же самый составъ образованія указывается и общимъ уставомъ о коллежскимъ юнкерахъ, который изданъ сенатомъ въ 1752 г.; и въ этомъ уставѣ главнымъ содержаніемъ юридическаго образованія является обученіе «письму и всѣмъ дѣламъ, принадлежащимъ съ самыхъ нижнихъ приказныхъ дѣлъ и что касается до знанія государственныхъ правъ»; цѣль обученія: «дабы уже сами могли дѣйствительно править приказныя дѣла». Составъ теоретическаго образованія, служащаго лишь добавкомъ къ практическому, нѣсколько измѣняется: юнкера должны учиться ариѳметикѣ, геометріи, тригонометріи, географіи и геодезіи, т. е. математическая сторона образованія усилена на счетъ филологической [3]).

Само собою разумѣется, что это образованіе не могло быть одинаковымъ при всѣхъ коллегіяхъ, во всѣхъ вѣтвяхъ административной службы. Въ 1740 г. президентъ коммерцъ-коллегіи вошелъ съ докладомъ въ сенатъ о томъ, что «весьма потребно, и къ приращенію коммерцъ-коллегіи произойти можетъ, чтобъ молодые люди въ коммерческихъ при коллегіи дѣлахъ обучены были, дабы они впредь въ такихъ дѣлахъ надлежащее искусство имѣли и нужды бъ не было по-

---

[1]) П. С. З. № 7201 (марта 6.
[2]) П. С. З. № 7248 (мая 11).
[3]) П. С. З. № 9928 (янв. 20).

сторонннхъ искать». Поэтому коммерцъ-коллегія просптъ четырехъ кадетъ, которыхъ будетъ стараться обучить такимъ образомъ, «дабы они довольное къ поправленію коммерціи искусство получили и къ коллежскимъ дѣламъ способны и достойны были» [1]). Таже коммерцъ-коллегія въ 1755 г. нашла, что юнкерамъ ея необходимо, «сверхъ обращенія ихъ при дѣлахъ и обученія ариѳметикѣ, геометріи и проч. наукъ, для лучшаго понятія коммерціи» знать французскій и нѣмецкій языки, исторію и географію. Сенатъ согласился съ этимъ и приказалъ юнкерамъ этой коллегіи посѣщать послѣ обѣда 4 дня въ недѣлю классы академіи наукъ. Настаивая на изученіи ими франц. и нѣм. языковъ, сенатъ лишь глухо упомянулъ о «прочихъ наукахъ» [2]).

Разнообразіе состава юридическихъ знаній становилось тѣмъ значительнѣе, чѣмъ болѣе спеціальныхъ свѣдѣній требовалъ извѣстный родъ службы; разнообразіе это было такъ велико, что сенатъ не могъ установить общаго производства юнкеровъ на службу по старшинству и достоинствамъ. Слѣдующія коллегіи допускали юнкеровъ на службу только по своему вѣдомству: мануфактуръ-коллегія, потому что юнкера ея «должны имѣть какъ о совершенномъ обращеніи мануфактуръ, такъ и въ знаніи дѣлающихся въ нихъ матерій и прочаго особливое искуство»; бергъ-коллегія съ монетною канцеляріею вмѣстѣ «для ихъ какъ въ горныхъ дѣлахъ, такъ и въ сплавкѣ золота и серебра и мѣди искуства»; юстицъ и камеръ-коллегіи лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ, потому что «они дѣла отправляютъ на нѣмец. языкѣ» [3]). Эти послѣднія коллегіи, т. е. коллегіи по дѣламъ лифляндскимъ и эстляндскимъ представляли особое затрудненіе для дѣйствій общей нормы русскаго юридическаго образованія; затрудненія представлялъ не одинъ нѣм. языкъ, но главнымъ образомъ то обстоятельство, что завоеванныя остзейскія провинціи сохраняли свое отдѣльное право и жили въ экономическихъ условіяхъ, во многомъ не сходныхъ съ общими порядками имперіи. Поэтому въ 1761 году сенатъ нашолъ нужнымъ послать

[1]) П. С. З. № 8267 (окт. 25).
[2]) П. С. З. № 10389 (апр. 3).
[3]) П. С. З. № 10267 1754 г. (іюля 26).

въ присутственныя мѣста остзейскихъ провинцій юнкеровъ «для наученія тамошнихъ правъ, экономическихъ регуловъ, таковаго въ мызахъ исчисленія и прочихъ тамошнихъ обыкновеній», и при этомъ для изученія нѣм. языка» [1]).

При основаніи кадетскаго корпуса, назначеннаго для приготовленія дворянъ къ обоимъ родамъ ихъ профессіи, т. е. какъ къ военной, такъ и гражданской высшей службѣ, юридическое образованіе было выдѣлено не довольно старательно; [2]) изъ распредѣленія классовъ въ корпусѣ, по которому развѣтвленіе двухъ спеціальностей замѣтно начинается со втораго класса, можно замѣтить, что къ юридическому образованію отнесены слѣд. науки: исторія, обученіе «правильному въ письмѣ складу и стилю» (т. е. русскій языкъ), риторика, юриспруденція, мораль, геральдика и (какія то) прочія политическія науки [3]). Впрочемъ полная спеціализація допущена была только въ первомъ классѣ, въ которомъ составъ обученія въ подробности намъ не извѣстенъ.

Это выдѣленіе спеціальностей совершено законодательствомъ въ указахъ 1740 г. (авг. 11) и 1748 г. (сент. 26). Въ 1740 г. сенатъ приказалъ отдѣлить 24 челов. кадетъ «великороссійской націи» изъ тѣхъ, которые обнаружатъ большую наклонность къ статскимъ дѣламъ, и обучать ихъ одной юриспруденціи и ариѳметики,—наукъ «нужныхъ къ гражданской службѣ»; избранные въ юридическій классъ, освобождаются уже отъ другихъ наукъ, воинскихъ экзерцицій и содержанія карауловъ. Въ 1748 г. сенатъ вошелъ въ болѣе обстоятельное разсужденіе, чему именно должны быть обучаемы эти юристы; и нашелъ, что «не безполезно есть, чтобъ онымъ изъ кадетовъ, обучающимся юриспруденціи, для знанія россійскихъ гражданскихъ правъ въ нѣкоторые дни слушать уложеніе, уставы, регламенты и указы». Канцеляріи кадетскаго корпуса былъ посланъ указъ, чтобы кадеты, предназначенные къ гражд. службѣ, «между прочихъ наукъ», слушали каждую недѣлю по два дни уложеніе, гене-

---

[1]) П. С. З. №11283 (іюня 28).
[2]) П. С. З. № 5915.
[3]) Мельницкій: «Сборн. свѣд. о военн. учебн. зав.» I. стр. 9.

ральный регламентъ, «и прочіе, подлежащіе къ знанію гражданскихъ правъ уставы и регламенты и указы» [1]).

Таково широкое разнообразіе понятія о юридическомъ и экономическомъ образованіи, выработанное въ 1-й пол. XVIII в. Однако нѣтъ большихъ затрудненій ориентироваться въ немъ. Опредѣлимъ прежде всего то отношеніе, въ которомъ находится здѣсь спеціальное образованіе къ общему. Мы видѣли уже, что по общей нормѣ, установленной съ 1737 г., элементарное образованіе должно быть пріобрѣтаемо каждымъ недорослемъ дома въ періодъ времени отъ 7 до 12 л. Съ 12 л. дома, или въ общественныхъ школахъ пріобрѣтается приготовительное образованіе до 16 л. Но въ томъ же году законодательство сдѣлало исключеніе изъ этой общей нормы для тѣхъ, которые предназначаются къ юридическому образованію. Изъ недорослей отъ 15 до 17 л., явившихся на смотръ въ С.-Петербургъ, должны быть выбраны знающіе россійскую грамоту—читать и писать для опредѣленія въ коллегіи-юнкера. Так. обр. здѣсь довольствуются однимъ элементарнымъ образованіемъ, а сообщеніе приготовительнаго правительство беретъ уже на себя вмѣстѣ съ спеціальнымъ. Отношеніе приготовительнаго образованія къ спеціальному въ коллегіяхъ и въ кад. корпусѣ устраивается двумя различными способами. При коллегіяхъ первое сообщается одновременно со вторымъ. Къ первому отнесена математика чистая и прикладная и географія (подъ которою впрочемъ чаще разумѣется геодезія). Для этихъ наукъ отводятся извѣстные, относительно немногіе часы, большею частію два дня изъ 6 учебныхъ дней недѣли. Въ кадетскомъ корпусѣ напротивъ приготовительное образованіе предваряетъ собою спеціальное. Мы видѣли, что для обученія гражданскимъ и экономическимъ наукамъ отдѣляются такіе кадеты, которые уже обнаружили наклонность къ статскимъ дѣламъ. Приготовительное образованіе, общее для готовящихся къ военной и гражданской службѣ, состояло изъ двухъ отдѣловъ: обученія русскому и латинскому языкамъ, ариѳметикѣ, геометріи, географіи и граматикѣ. Благодаря этому обстоятельству, т. е. довольно правильному отношенію между приготовительнымъ

[1]) П. С. З. № 9532 (сент. 21-го 1748 г.).

и общимъ образованіемъ, здѣсь допущенъ былъ правильный переходъ отъ перваго ко второму, т. е. нѣкоторая свобода въ выборѣ профессіи. «При переводѣ кадетъ въ 1-й классъ говоритъ г. Мельницкій, составлялся совѣтъ изъ начальства корпуса и учителей для опредѣленія: кто къ какимъ наукамъ показываетъ болѣе наклонности» [1]). Между тѣмъ при коллегіяхъ, гдѣ предназначеніе къ спеціальному образованію начинается на границахъ элементарнаго, ничего подобнаго быть не могло: человѣкъ, не обнаруживавшій наклонности къ юридическимъ знаніямъ, отдавался въ солдаты наравнѣ съ неспособнымъ; по предложенію сената 1737 г. неспособные «къ гражданству» только тогда отсылаются въ военную коллегію, когда обнаружатъ эту неспособность въ продолженіи всего курса своего юридическаго образованія; а по рѣшенію кабинета для такого испытанія назначается лишь одинъ годъ, послѣ чего неспособные сдаются въ солдаты. Но въ 1740 г. сенатъ понялъ, что неспособность можетъ быть спеціальная, неспособность къ извѣстной профессіи и тогда позволилъ отправлять такихъ для полученія военнаго образованія въ кадетскій корпусъ и морскую академію; а въ слѣдствіе этого приказалъ и опредѣлять къ изученію приказныхъ дѣлъ только такихъ, которые охотою пожелаютъ [2]).

За отчисленіемъ наукъ, входящихъ въ составъ приготовительнаго образованія, въ системѣ спеціальнаго остаются: юриспруденція, мораль, исторія и въ частности—для нѣкоторыхъ родовъ государственной службы,—иностранные языки и геральдика.

Что называется здѣсь юриспруденціей? Узаконенія, приведенныя выше, достаточно ясно рѣшаютъ этотъ вопросъ; она состоитъ: а) въ изученіи дѣйствующихъ кодексовъ права: уложенія ц. Алексѣя Мих., регламентовъ (преимущественно генеральнаго) и указовъ, б) въ знаніи приказныхъ дѣлъ, т. е. практическаго изученія дѣлопроизводства. Знаніе этихъ предметовъ опредѣляется практическою цѣлію службы въ коллегіяхъ и приказахъ, не имѣя никакого отношенія къ человѣческому образованію, какъ всякое ремесло. Однако въ

---

[1]) Сб. свѣд. о воен.—уч. зав. I, стр. 9.
[2]) П. С. З. № 8043 (марта 24).

нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ узаконеній юриспруденція, повидимому, отличается отъ этого приказнаго ремесла, поэтому мы считаемъ необходимымъ уяснить, какъ усвоялось у насъ практикою другое—научное понятіе о юриспруденціи.

Извѣстно, что именно юридическая профессія способнѣе другихъ возвыситься до значенія науки изъ состоянія простаго ремесла; а вмѣстѣ съ этимъ спеціальный кругъ знаній легко проникается элементами общаго образованія, потому что возвышеніе ремесла до степени науки есть именно возвышеніе профессіи до степени общечеловѣческихъ знаній. Въ самой Германіи этотъ переворотъ въ понятіи о юриспруденціи совершился окончательно лишь въ XVII в. подъ вліяніемъ новой науки, которой придано техническое названіе «jus naturae et gentium». Къ началу XVIII в. эта наука не получила еще ни точности, ни опредѣленности въ кругѣ другихъ знаній, то присоединяясь къ юриспруденціи, то составляя часть философіи; къ философскому факультету она и до сихъ поръ причисляется въ нѣмецкихъ университетахъ [1]). Долго содержаніе этой науки опредѣлялось содержаніемъ книгъ основателя ея Пуффендорфа: «De jure naturae et gentium libri VIII» и Гуго-Гроція: «De jure belli ac pacis». Уже мало по малу изъ этого зародыша выдѣлились самостоятельныя науки: философія права, общее государственное и международное право.

Именно эта наука пересаживается теперь на русскую почву,

---

[1]) У насъ вопросъ о томъ куда причислить эту науку къ философіи, или юриспруденціи сдѣлался предметомъ канцелярскихъ споровъ и переписки между присутственными мѣстами. Въ проэктѣ устава академическаго университета 1748 г. Мюллеръ отнесъ «натуральное право» къ каѳедрѣ философіи, на томъ основаніи, «чтобъ учащихся не привесть тѣмъ въ замѣшательство, когда разныя философическія науки не по однимъ основаніямъ и порядку предлагаться будутъ». Конференція профессоровъ возстала противъ этого разпредѣленія. Канцелярія академіи считала возможнымъ уступить профессорамъ въ этомъ пунктѣ на слѣд. основаніи: «хотя философъ въ своемъ философическомъ курсѣ и учитъ основаніямъ натуральнаго права, только и сіе изрядно, что и юристъ натуральному праву учить станетъ и оное юридическимъ образомъ предлагать будетъ». Въ такомъ видѣ споръ представленъ въ собственную канцелярію президента, т. е. къ Теплову. Ius naturae et gentium, благодаря заступничеству канцеляріи, осталось въ составѣ юридическихъ наукъ. См. Пекарскаго: «Ист. Ак. Наукъ» II, стр. 139.

какъ составная часть юриспруденціи. Уже со временъ Петра В. она проникаетъ къ намъ посредствомъ переводовъ, отличая совершенно юриспруденцію отъ «приказной науки» и знанія «приказныхъ дѣлъ» [1]).

«Право натуральное» затѣмъ усвоялся у насъ посредствомъ школьнаго преподаванія и посредствомъ публичныхъ чтеній. О томъ, что именно эта наука разумѣлась между прочимъ подъ юриспруденціей въ кадетскомъ корпусѣ, мы знаемъ навѣрное; а о томъ, что jus naturae et gentium преподавалось подъ именъ юриспруденціи въ коллегіяхъ, можемъ лишь догадываться: въ корпусѣ нѣмецъ Флюгъ, назначенный по контракту адъюнктомъ юриспруденціи, обязанъ былъ обучать натуральному и гражданскому правамъ и сверхъ того нравоучительной философіи. Кадеты, по окончаніи курса экзаменованные въ академіи наукъ, отвѣчали на этомъ экзаменѣ между прочимъ изъ натуральнаго и гражданскаго права [2]).

Профессора академическаго университета, выѣхавшіе изъ за границы—Бекенштейнъ и Штрубе-де-Пирмонтъ, привезли съ собою то же новое понятіе о ней, которое несомнѣнно усвоялось практикою въ Россіи. Мы видѣли выше, что юнкера должны были посѣщать классы академіи для изученія языковъ и «прочихъ наукъ». Оба названные юристы—академики занимали должности въ коллегіяхъ: первый—въ юстицъ-коллегіи, второй—въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ (Бекенштейнъ—съ окт. 1731 г. до 1735 г., Штрубе-де Пирмонтъ—по 1757 г.). Вліяніе юристовъ-академиковъ на ка-

---

[1]) Названныя капитальныя творенія Пуффендорфа и Гуго-Гроція были переведены на русскій языкъ уже при Петрѣ, первое подъ заглавіемъ: «Самуила Пуффендорфія о законахъ естества и народовъ книги 2, 3, 6 и 7»; второе «о законахъ брани и мира три книги». Хотя эти переводы не были напечатаны, но обращались въ рукахъ болѣе интеллигентнаго класса. Для публики, по приказанію Петра, были напечаны другія сочиненія Пуффендорфа: 19 ноября 1721 года въ засѣданіи св. синода царь велѣлъ перевести «на словенскій діалектъ трудъ Пуффендорфа: De officiis hominis et civis»; переведенная Кречетовскимъ и исправленная Бужинскимъ, эта книга была напечатана въ 1724 г. Мы видѣли, что она рекомендуется въ духовномъ регламентѣ какъ учебникъ даже въ духовныхъ училищахъ.

[2]) С. М. Соловьевъ: Ист. Росс. XX, 232.

детскій корпусъ не подлежитъ сомнѣнію: Штрубе писалъ учебники по законовѣдѣнію для кадетскаго корпуса; а именно: въ 1767 году онъ напечаталъ: «Introduction à la jurisprudence naturelle», о которомъ въ письмѣ къ Мюллеру говоритъ, что книга «написана имъ собственно въ руководство для кадетскаго корпуса» [1]).

Названные юристы при своихъ публичныхъ чтеніяхъ въ Петербургѣ, очевидно старались сообразоваться съ требованіями правительства отъ юридическаго образованія въ Россіи. Бекенштейнъ, который, по собственному признанію, «о русскомъ правѣ не имѣлъ никакого свѣдѣнія», прочелъ дважды institutiones juris, затѣмъ jus publicum imperii germanici и introductio ad praxin forensem. Чтобы придать своимъ чтеніямъ непосредственно практическое значеніе, онъ, при изложеніи судопроизводства, старался упоминать о правахъ лифляндскихъ и эстляндскихъ (не имѣя, какъ мы сказали никакихъ свѣдѣній о русскомъ правѣ).

Штрубе стоитъ гораздо ближе къ тѣмъ требованіямъ отъ юриспруденціи, какія могло имѣть въ виду тогда русское законодательство; программа курса, объявленная имъ въ 1748 г., самымъ наглядным образомъ разсчитываетъ на тогдашніе жизненные запросы отъ науки и имѣетъ въ виду счеты съ нею со стороны малоразвитаго общества. Въ программѣ онъ считаетъ необходимымъ доказать, что не слѣдуетъ предпочитать военную карьеру юридической. Онъ объявляетъ, что ему слѣдовало бы предложить систематическій курсъ русскихъ законовъ, «которымъ, въ разсужденіи справедливости, никакихъ другихъ предпочесть нельзя»; но систематической обработки русскихъ законовъ («въ одной книгѣ собранныхъ и надлежащимъ порядкомъ расположенныхъ») нѣтъ еще. Тогда юристу оставалось бы излагать римское право, но Штрубе сознавалъ, что «въ россійской имперіи гражданскаго права древнихъ римлянъ, или кого-нибудь другаго юношеству публично изъяснять не прилично» а потому рѣшился ограничиться «первыми основаніями натуральнаго и народнаго права», т. е. сошелся съ Бекенштейномъ въ томъ, что пригодно для россійскаго юношества. Кромѣ этого пуб-

---

[1]) Пекарскій: «Ист. ак. наукъ». I, стр. 687.

личнаго курса Штрубе объявилъ приватный, состоящій изъ трехъ частей: 1) государственнаго права («знатнѣйшихъ европейскихъ государствъ и республикъ состояніе, внутреннее ихъ расположеніе и политическое между ими соотвѣтствіе»), 2) изъ нѣкоторыхъ частей международнаго права («должность и привилегія тѣхъ, которые для отправленія публичныхъ дѣлъ отсылаются въ чужіе земли»), и 3) изъ обученія дѣлопроизводству, преимущественно въ международныхъ сношеніяхъ [1]).

Такъ прилаживалась наука на новой почвѣ къ старымъ понятіямъ о приказныхъ знаніяхъ. Философская часть правовѣдѣнія (естественное право), фактическое изложеніе государственнаго права разныхъ европейскихъ народовъ—вотъ существенное содержаніе т. н. тогда юриспруденціи. «Мораль», введенная въ составъ юридическаго образованія законодательствомъ, стоитъ въ тѣсной связи съ тѣмъ же jus naturae. Академическій моралистъ ex officio, Гроссъ преподавалъ на лекціяхъ «объ обязанностяхъ человѣка и гражданина» по Пуфендорфу [2]).

Сомнѣнія, высказанныя Штрубе, въ практической пригодности римскаго права для его курса, весьма характерны и всего лучше подтверждаютъ, что ученый юристъ имѣлъ именно въ виду удовлетворить законодательному запросу отъ юриспруденціи. Законодательство, говоря о юриспруденціи, безъ сомнѣнія не разумѣло подъ этимъ римскаго права, находя, что гражданское право русское, подлежащее обязательному изученію въ уложеніи и указахъ, найдетъ не много точекъ соприкосновенія съ римскимъ правомъ. Уже во 2-й пол. описываемой эпохи, именно въ 1748 послышались со стороны нѣмцевъ-русскихъ ученыхъ гласа въ пользу введенія римскаго права въ практику посредствомъ науки [3]). Подъ вліяніемъ римскаго права изученіе дѣйствующихъ кодексовъ

---

[1]) Пекарскій: «Ист. ак. наукъ» I, стр. 677—678.

[2]) Ibid. стр. 214.

[3]) «По моему мнѣнію, пишетъ Шумахеръ, надлежало бы въ университетѣ (академическомъ) учить и основаніямъ права гражданскаго римскаго, ибо въ здѣшней имперіи въ судахъ хотя на то не смотрятъ, однако я заподлинно вѣдаю, что государь Петръ В. самъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ по оному праву судилъ, особенно по дѣлу кн. Меншикова, которой адмиралтей-

русскаго права теряло мало по малу характеръ ремесла, приказнаго искусства и приближалось къ значенію науки. Когда Бекенштейнъ взялся составить краткое руководство къ изученію русскаго права, то программою его принялъ господствующую въ Германіи программу пандектовъ [1]). Когда же вмѣсто выполненія этой программы представилъ сырыя подробныя выписки изъ уложенія, регламентовъ и указовъ, то академическая канцелярія отказала ему въ прибавочномъ жалованіи (которое онъ получалъ за составленіе этого руководства), на томъ основаніи, что «упомянутая его книга къ тому намѣренію, для котораго приказано было ему оную сочинять, т. е. россійскому юношеству вмѣсто краткаго руководства, явилась неспособною»... Такъ оффиціально заявлена была потребность въ научномъ изложеніи русскаго права подъ явнымъ вліяніемъ римскаго.

Но все это были слабые начатки, едва начинавшіе конкурировать съ понятіемъ о юриспруденціи, какъ «наукѣ дѣлъ приказныхъ». Эта наука до Екатерининской эпохи со-

---

ской коллегіи деньги въ заемъ далъ, и понеже коллегія денегъ платить не хотѣла, то, взявши онъ изъ адмиралтейства деньги, самъ себѣ заплатилъ. Въ «корпусѣ правъ» (Corpus juris) написано: «ежели кто самъ собою долгъ возметъ, тотъ искъ свой потерялъ». По сему и приговоръ учиненъ. А хотя бы сего и не было, то должно взять во вниманіе авдиторовъ при арміи. Ежели имъ должность свою добросовѣстно исправлять, то по крайней мѣрѣ всекопечно должны они нѣсколько знать изъ иностранныхъ законовъ. И не придетъ ли со временемъ на память и военной коллегіи, чтобъ въ академіи сначала десять или двадцать студентовъ для обученія ихъ въ юриспруденціи, чтобъ были они послѣ искусными авдиторами». См. у Пекарскаго: Ист. ак. наукъ II, 136.

[1]) «Первая и общая часть, о правахъ и законахъ вообще, также о юриспруденціи и о главнѣйшихъ правилахъ, при толкованіи и употребленіи правъ и законовъ наблюдаемыхъ. Гл. 1 о правахъ и законахъ вообще. Гл. 2 о различіи правъ и законовъ. Гл. 3 о правахъ и законахъ сея имперіи и т. д. Вторая часть, о правахъ касающихся до персонъ. Гл. 1 о персонахъ и о различіи ихъ вообще. Гл. 2 о христіанскихъ собраніяхъ и о особахъ духовнаго чина. Гл. 3 о супружествѣ и о бракосочетающихся персонахъ. Гл. 4 о фамиліи и о принадлежащихъ къ оной персонахъ. Гл. 5 о вольныхъ и невольныхъ людяхъ. Часть третья, о правахъ, касающихся до имѣнія...Четвертая часть, о правахъ, касающихся до суда...

«Книга вторая—о публичномъ правѣ». См. у Пекар.«Ист. ак. н.»т. I, стр. 681—682.

ставляла центръ ремесленной русской юриспруденціи: образовательный элементъ въ ней совершенно поглащался практическимъ.

Указанная законодательствомъ «геральдика», какъ составной предметъ юридическаго образованія, считалась весьма немаловажною частью его по двумъ причинамъ: во перв. потому, что люди, получавшіе высшее юридическое образованіе—дворяне; во втор. потому, что сочиненіе геральдическихъ фигуръ было важнымъ служебнымъ занятіемъ при дворѣ и въ сенатѣ. Бекенштейнъ въ упомянутомъ выше курсѣ, преподавалъ между прочимъ руководство къ геральдикѣ и отчасти упражнялъ in studio genealogico посредствомъ чтенія вѣдомостей (Zeitungen), вѣроятно объясняя собственно генеалогическую исторію владѣтельныхъ домовъ. Такъ и юридическое образованія съ успѣхами сословной организаціи включаетъ въ себѣ примѣсь, не вызываемую прямо профессіею, для которой создавалось сословіе.

Выше мы замѣтили, что уже съ самаго начала, по указанію Петра В., приказная наука должна была заключать въ себѣ «знаніе экономическихъ дѣлъ». Мы говорили уже, что это соединеніе экомическихъ наукъ съ политико-юридическими, нашло себѣ хорошую почву на Руси. Но во времена Петра и въ ближайшія къ нему подъ экономическими знаніями разумѣлось нѣчто весьма далекое отъ юриспруденціи; это техническія свѣдѣнія по разнымъ отраслямъ промышленности мануфактурной и торговой. Повидимому это весьма странно; промышленная профессія имѣетъ своего представителя въ другомъ сословіи, которое владѣло уже твердою организаціею и границами. Странность эта объясняется тѣмъ, что государство принуждено было въ нач. XVIII в. не только заботиться о промышленности, но и непосредственно заниматься ею, ознакомляя народъ съ новыми вѣтвями ея. Мы видѣли уже, что будущіе чиновники должны были учиться между прочимъ сплавкѣ золота, серебра и мѣди, знать, какъ дѣлаются на мануфактурахъ матеріи и проч. Конечно, государство никогда не можетъ обойтись безъ чиновниковъ, имѣющихъ техническія свѣдѣнія по разнымъ родамъ промышленности; но отличіе тѣхъ временъ составляетъ то, что *всякое* техническое образованіе было чиновничьимъ. Мы отказываемся отъ подробнаго разбора частныхъ вѣтвей техни-

ческаго образованія, не видя въ томъ никакихъ характерныхъ результатовъ для изученія той эпохи.

Таковъ довольно пестрый составъ юридическаго образованія, отъ котораго спасалось, но не могло спастись дворянство.

3. Какъ низшій родъ юридическаго образованія возлагался не на дворянство, а на классъ подъячихъ, такъ и низшій родъ военнаго образованія становился удѣломъ солдатскихъ дѣтей. И здѣсь, какъ и въ подъяческомъ образованіи, замѣчается интересное отношеніе общаго образованія къ спеціальному. Въ 1732 г. именной указъ объ организаціи гарнизонныхъ школъ, говоритъ: «а какимъ порядкомъ оныхъ дѣтей въ тѣхъ школахъ обучать..., о томъ, по апробаціи отъ нашего п. в—ва даны военной коллегіи особливые пункты» [1]). Особливаго изложенія этихъ пунктовъ мы не знаемъ, но послѣдующія узаконенія возстановляютъ содержаніе ихъ; а именно указъ о соединеніи цыфирныхъ школъ съ гарнизонными 1744 года такъ передаетъ составъ низшаго военнаго образованія, опредѣленный въ 1732 г.: «обучать 1) словесной и письменной наукѣ и нѣмцу, 2) солдатской экзерциціи, 3) ариѳметикѣ, артиллерійской и инженерной наукѣ [2]). Поэтому насъ не должна смущать кажущаяся неопредѣленность узаконеній, послѣдовавшихъ за 1732 г. Изъ этихъ узаконенія 1736 г., повидимому, не требуетъ отъ дѣтей служилыхъ людей никакого опредѣленнаго круга профессіональныхъ знаній, требуя ихъ только въ школы и говоря, что они будутъ обучаться въ этихъ школахъ—«кто къ какимъ наукамъ приклонность имѣть будетъ»; при чемъ законодательство съ своей стороны указываетъ на одну воинскую экзерцицію», которой во всякомъ случаѣ будутъ обучать въ этихъ школахъ. [3]). Такая неопредѣленность состава образованія проявляется и въ указѣ того же года о помѣщеніи въ гарнизонныя школы бродягъ «для обученія грамотѣ и прочихъ наукъ» [4]). Можно бы подумать, что это образованіе, по своему составу, совершенно уподобляется элементарному; въ томъ же году военная коллегія требуетъ отъ сената снаб-

[1]) П. С. З. № 6188 (сент. 21).
[2]) П. С. З. № 9084.
[3]) П. С. З. № 6949 (мая 6).
[4]) П. С. З. № 7017 (іюня 26).

дить гарнизонныя школы учебниками и учебными пособіями, которыя всѣ оказываются элементарными учебниками, а именно: букварями, часословами, псалтырями [1]). Но въ концѣ того же года указъ о военныхъ поселеніяхъ на границахъ государства объясняетъ, что есть большое различіе между элементарными школами и гарнизонными. Въ военныхъ поселеніяхъ между прочимъ велѣно основать школы при церквахъ, гдѣ священники и причетники должны обучать дѣтей отставныхъ солдатъ «грамотѣ и писать»; но, прибавляетъ указъ, «кто изъ такихъ учащихся дѣтей пожелаетъ обучаться вышшихъ наукъ, такихъ, по ихъ желаніямъ, кои еще въ службу не поспѣли, принимать обучать въ гарнизонныхъ школахъ такимъ наукамъ, у кого къ которой приклонность будетъ» [2]). Что совершенно точное опредѣленіе инсшаго военнаго образованія, данное въ 1732 г., не утрачивалось, это доказывается примѣненіемъ его къ различнымъ спеціальнымъ вѣтвямъ инсшей военной службы; между прочимъ по указу 1752 г. объ учрежденіи ландмилицкихъ школъ на Украйнѣ (которыя такъ же опредѣлены для инсшаго военнаго образованія), въ нихъ слѣдовало обучать словесной и письменной наукѣ и пѣнію, ариѳметикѣ, инженерной наукѣ и артиллеріи. Если въ мѣстахъ расположенія милиціи не найдутся офицеры годные къ преподаванію этихъ наукъ, то предписывается учредить центральную школу при штабѣ, для обученія геометріи и инженерству [3]). Равнымъ образомъ въ школѣ ладожскаго батальона въ 1753 г., по обученіи грамотѣ и письму, предполагалось обучить солдатскихъ дѣтей ариѳметикѣ, геометріи, рисованію и фортификаціи [4]). Въ 1760 г. П. И. Шуваловъ представилъ сенату, что ученики оренбургской инженерной школы не могутъ равняться по познаніямъ и слѣдовательно по производству на службѣ съ учениками соединенной артиллерійской и инженерной школъ (2-го корпуса). Шуваловъ предложилъ разкассировать эту

---

[1]) П. С. З. № 7115 (дек. 1) сл. № 7627 (1738 г., авг. 6).
[2]) П. С. З. № 7136 (дек. 27).
[3]) П. С. З. № 9972 (апр. 13).
[4]) П. С. З. № 10,109.

школу и въ замѣнъ ея образовать новую инсшую, гдѣ и обучать ариѳметикѣ, геометріи и отчасти фортификаціи [1]).

Итакъ здѣсь спеціальное образованіе не отдѣлено отъ приготовительнаго: спеціальное изученіе начинается тотчасъ же послѣ элементарнаго.

4. Уже прежде представлены были доказательства, что, созывая дворянъ для образованія, правительство собственно имѣетъ въ виду составить изъ нихъ регулярное войско и потому иногда вовсе при этомъ образованіи обходится безъ школъ и безъ всякихъ другихъ средствъ теоретическаго обученія. Два рода службы, служба морская и сухопутная подали поводъ къ основанію двухъ разныхъ организацій этого образованія. Насъ не могутъ интересовать здѣсь ни составъ спеціально-военнаго образованія, ни отношенія, въ которыя оно поставлено къ общему; первое потому же, почему мы отказались разбирать различные виды технически-ремесленнаго образованія; второе потому, что здѣсь-то именно съ наибольшею правильностью примѣнены были вышеизложенныя общія начала новой системы образованія; въ морскомъ училищѣ существуютъ: а) школа русская (элементарная), б) цыфирная (приготовительная) и в) наконецъ спеціально морская. Съ раздѣленіемъ училища на двѣ академіи петербургскую и московскую, послѣдняя была элементарнымъ и приготовительнымъ заведеніемъ для первой и потому образованіе въ ней пошло далѣе не математики [2]).

Мы остановимся здѣсь на уясненіи другой высказанной выше мысли (для которой высшее военное образованіе представляетъ наиболѣе ясныя данныя), а именно той мысли, что образованіе, съ развитіемъ сословной организаціи, теряетъ чисто-профессіональный характеръ; составъ его опредѣляется уже не одними требованіями профессіи, но и потребностями сословія. Понятіе «дворянинъ» уже не совпадаетъ съ понятіемъ гвардейца; въ него входятъ новыя черты; прежде всего у него является другая профессія-землевладѣніе. Одинъ изъ членовъ каждой фамиліи освобождается для занятія домоводствомъ. И эта профессія для него обязательна; и для нея наз-

---

[1]) П. С. З. № 11,053 (апр. 26).

[2]) Веселаго: «Оч. ист. морск. корпуса», стр. 11 и 36.

начается обязательное образованіе [1]) указомъ 1736 г.; но важно то, что профессія одного сословія усложняется. Затѣмъ дворянинъ долженъ отличаться отъ прочихъ «шляхетными поступками», т. е. лучшимъ и высшимъ воплощеніемъ человѣчности. И образованіе дворянское изъ военнаго становится «шляхетнымъ». Для уясненія этой мысли достаточно сравнить образованіе, какъ оно понято было въ адмиралтейскомъ регламентѣ съ тѣмъ, какъ оно опредѣлено въ указѣ объ основаніи «шляхетскаго» сухопутнаго кадетскаго корпуса и указѣ о преобразованіи морской академіи въ морской, тоже «шляхетный», корпусъ. Первая форма образованія имѣетъ въ виду просто приготовленіе моряковъ, вторая-дворянъ и уже потомъ офицеровъ и чиновниковъ (потому что офицерами и чиновниками, начиная съ секретарской должности, должны быть дворяне). Адмиралтейскій регламентъ такъ опредѣлилъ составъ образованія будущихъ моряковъ: они должны обучаться «артиллеріи, навигаціи и фортификаціи, шанцамъ и ретраншементамъ (т. е. полевой фортификаціи), географіи (математической, поскольку она нужна для моряковъ) и вопискимъ обученіямъ съ мушкетами совершенно; а фортификаціи и апрошамъ, также и корабельнымъ членамъ, чтобъ только знали, что для чего дѣлается; рисованію и на рапирахъ сколько возможно». Здѣсь цѣль всѣхъ частей образованія ясна и проста: все это совершенно необходимо для моряка, будетъ ли этотъ морякъ-дворянинъ, или кто бы то ни было.

Но вотъ составъ образованія въ томъ же заведеніи, опредѣленный указомъ имп. Елизаветы, при преобразованіи его въ морской шляхетный корпусъ: кромѣ математическихъ и собственно морскихъ наукъ здѣсь должны преподаваться географія, генеалогія, «ученье въ штилѣ и въ реторикѣ», исторія, политика, толкованіе авизей, мораль, геральдика «и прочія шляхетскія науки», языки нѣмецкій, французскій и англійскій; кромѣ того было два учителя рисованія, фехтмейстеръ, танцмейстеръ [1]). Словомъ морской шляхетный корпусъ императрица велѣла устроить во всемъ по образцу сухопутнаго.

[1]) П. С. З. № 7142 (дек. 3).

[1]) Веселаго: «Оч. ист. морск. корп.» стр. 121. Подобное же образова-

А въ этомъ послѣднемъ, уже при самомъ основаніи его, кромѣ спеціальныхъ и тѣхъ общихъ наукъ, которыя были указаны выше, велѣно было: «чрезъ искусныхъ мастеровъ показывать всякія молодому человѣку пристойныя экзерциціи, яко рисованіе, танцованіе, на шпагахъ биться, волтижированіе»; кромѣ того преподавалась музыка. Такими разнообразными орудіями приготовляется уже не морякъ и не офицеръ сухопутной арміи, а дворянинъ. Кромѣ морскихъ и военныхъ являются «шляхетскія» науки.

Въ понятіи объ образованіи это составляетъ шагъ впередъ: законодательство и администрація, въ своихъ дѣйствіяхъ по народному образованію, имѣютъ въ виду уже не однѣ различныя части государственной службы, а именно образованіе, хотя еще только образованіе «шляхтича», «духовнаго», «подъячаго», а не человѣка. Самыя простыя понятія суть понятія самыя сложныя; медленнымъ историческимъ путемъ доходитъ общество до признанія тѣхъ явленій, которыя даетъ природа. «Человѣка» еще не знаетъ государство въ своихъ мѣрахъ, направленныхъ къ народному образованію и едва признаетъ его въ другихъ частяхъ права.

ніе дворянское (что по мнѣнію той эпохи, отождествляется съ общечеловѣческимъ) указывается лучшими умами того времени. Около 1740 г. дворянинъ Татищевъ рекомендуетъ своему сыну слѣд. составъ образованія: прежде всего поучаться въ Законѣ Божіемъ день и нощь, именно: «со вниманіемъ читать письмо святое т. е. библію и катихизисъ; а къ тому книги учителей церковныхъ, между которыми у меня Златоустаго главное мѣсто имѣютъ.... Также печатные въ нынѣшніе времена истолкованія десяти заповѣдей и блаженствъ, которое за катихизисъ, а малая букварь или «Юности честное Зерцало» за лучшее правоученіе служить могутъ...» Затѣмъ онъ рекомендуетъ выучиться право и складно писать (т. е. изучить граматику); «потомъ заняться ариѳметикой, геометріей, артиллеріей, фортификаціей и другими частями математики; не безполезно узнать нѣмецкій языкъ, который необходимъ для извѣстія о состояніи государства нашего.» Указываемыя Татищевымъ для изученія русская исторія и географія, не могутъ быть рекомендованы вездѣ, потому что средства для ихъ изученія Татищевъ указываетъ въ собственной рукописной библіотекѣ, въ то время почти единственной въ Россіи. Наконецъ согласно съ уставомъ кадетскаго корпуса, онъ говоритъ, что полезно знать отечественные законы, а именно: уложеніе воинскіе артикулы-сухопутные и морскіе и вообще всѣ печатные указы. (См. у Н. Попова: «Татищевъ и его время», стр, 209—211).

Самымъ вопіющимъ и мрачнымъ доказательствомъ этой мысли служитъ то, что до временъ Екатерины объ образованіи неслужилыхъ сословій никто не заботился съ 1720 г. [1]), а сельскому населенію (какъ мы уже упоминали) оно было воспрещено, что до временъ Екатерины (или точнѣе Бецкаго), ни правительство, ни сословія не приняли ни одной общественной мѣры къ образованію женщинъ (если не считать первоначальнаго воспитанія нищихъ и подкидышей въ монастырскихъ сиротскихъ учрежденіяхъ, что, какъ мы видѣли уже, изчезаетъ тотчасъ по своемъ появленіи и въ чемъ государство принимаетъ на себя лишь невольную роль семьи) [2]). Сознаніе о человѣческой личности пряталось пока въ предѣлахъ семьи и потому характеръ общаго образованія сохранялся лишь за элементарнымъ, предоставленнымъ семьѣ.

---

[1]) Узаконеніе, изложенное въ регламентѣ главнаго магистрата, не подкрѣплено никакими административными дѣйствіями и правительство не заботилось объ этомъ, случайно брошенномъ узаконеніи, которое никогда и не выполнялось. По мѣстамъ и образованіе посадскихъ людей старалось прилаживаться къ профессіональной системѣ. Желая учредить общественую школу для своихъ дѣтей, они, по старой памяти, обращаются къ духовенству; школа учреждается, но она тотчасъ дѣлается духовною, архіерейскою школою. Въ 1729 г. еп. астраханскій Варлаамъ представилъ св. синоду, что «по требованію астраханскихъ купеческихъ дѣтей, заведена тамъ *латинская школа* и въ ней опредѣленъ до указу учитель риторъ Петръ Яксольскій; впредь же просилъ онъ преосвященный, дабы для онаго ученія прислать въ ту школу изъ латинскихъ школъ инаго учителя; а жалованье ему давать они купецкіе люди обѣщаютъ денегъ по 100 рублей, хлѣба по 15 четвертей, дровъ по 10 саженъ». Синодъ послалъ изъ московской академіи ученика Павла Горошковскаго. Этимъ положено было основаніе астраханской архіерейской школѣ. (См. Истор. Росс. Іерарх. I. 430—431).

[2]) Если вѣрить Веберу, то правительство въ самомъ началѣ XVIII в. (т. е. еще до полнаго господства профессіональной системы) озабочивалось образованіемъ женщинъ, но не имѣя у себя школъ, хотѣло, страннымъ образомъ, примѣнить и къ нимъ господствовавшій въ то время способъ сообщенія образованія, т. е. посылку за границу (способъ, употребленный въ наши дни Японіею): «пять лѣтъ назадъ, пишетъ Веберъ, было предположеніе, чтобы самыхъ молоденькихъ и красивыхъ русскихъ дѣвицъ, по примѣру ихъ братьевъ, и на счетъ родителей ихъ, посылать на хлѣбы къ кому-нибудь въ Кенигсбергъ, Берлинъ, Дрезденъ и въ другіе города для обученія иноземнымъ правамъ и языкамъ, а равно и работамъ, необходимымъ для дѣвицы; но родители возражали, что эти юныя дѣти не устоятъ предъ ино-

Если законодательство имѣетъ въ виду обученіе, а не *образованіе*, то само собою понятно, что важнѣйшій результатъ образованія—нравственное усовершенствованіе человѣка вовсе не имѣется въ виду. Какъ понятіе образованія поглощается понятіемъ службы, такъ понятіе о воспитаніи поглощается понятіемъ о дисциплинѣ. Ученики, поступая въ школу, присягаютъ, не смотря на то, что въ концѣ описываемаго времени многіе изъ поступающихъ не только не достигали гражданскаго совершеннолѣтія, но едва выходили изъ періода младенчества. По инструкціи учителямъ нижегородскихъ школъ, данной въ 1738 г. [1]), ученики и учителя должны принести предъ открытіемъ школы присягу, что будутъ «дѣйствовать вся по силѣ указовъ ея имп. вел. — безлѣпостно со всякимъ прилѣжаніемъ, пренебрегая всякія свои угодія и успокоенія и не притворяя себѣ никакого невѣжества и по всѣмъ (во всемъ?) поступать какъ доброму слугѣ и подданному принадлежитъ». Самыя формы присяги общія на вѣрноподданство Аннѣ Ивановнѣ, утвержденныя въ 1730 и 1731 годахъ.

Извѣстно, что не только въ тѣ отдаленныя времена, но и во времена близкія къ намъ иногда проявлялись попытки замѣнить авторитетъ воспитателя авторитетомъ закона для дѣтей. Но въ наши времена такія отдѣльныя попытки являются лишь какъ курьозныя отступленія отъ здраваго смысла; но въ тѣ времена это явленіе было сообразно съ общимъ духомъ законовъ объ образованіи.

земной галантностью и честь ихъ можетъ подвергнуться опасности и тѣмъ отклонили исполненіе этого предположенія». Русск. Арх. 1872, кн. 7—8, стр. 1382. Общество должно было прибѣгать къ частнымъ усиліямъ, чтобы хоть сколько нибудь восполнить недостатокъ женскаго образованія въ частныхъ, б. ч. элементарныхъ училищахъ и дома, посредствомъ иноземныхъ учителей и гувернантокъ. Второе вовсе не входитъ въ кругъ нашей задачи, о первомъ упоминаетъ Вороновъ. (Историко-стат. обозрѣніе учебныхъ заведеній с.-петерб. учебн. округа съ 1715 по 1828 г. стр. 4), приводя свѣдѣніе, что въ элементарныхъ школахъ того времени не учили ничему, кромѣ чтенія, а «писать обучали только дѣвушекъ и то *про себя*», и заключаетъ, что «тогда не считали нужнымъ обучать дѣвицъ съ такою основательностію, какъ мальчиковъ»; между тѣмъ какъ изъ этихъ словъ совершенно наоборотъ вытекаетъ, что дѣвушекъ учили больше, чѣмъ мальчиковъ.

[1]) Временникъ общ. ист. и древн. росс. кн. XVII.

Нравственное развитіе человѣка не было постановлено цѣлію мѣръ, принимаемыхъ государствомъ и сословіями для обученія молодежи. Но такъ какъ никакое обученіе не возможно безъ установленія порядка, то воспитательныя дѣйствія всецѣло становятся дисциплинарными. Дисциплина (порядокъ) является не результатомъ воспитательныхъ мѣръ, а единственнымъ выраженіемъ ихъ. Она достигается напр. слѣдующими способами: «Для унятія крика и безчинства выбрать изъ гвардіи отставныхъ добрыхъ солдатъ, а быть имъ по человѣку въ каждой каморѣ во время ученія, и имѣть хлыстъ въ рукахъ; а буде кто изъ учениковъ станетъ безчинствовать, онымъ бить, несмотря какой бы онъ фамиліи ни былъ, подъ жестокимъ наказаніемъ кто поманитъ» [1]). Поглощеніе воспитанія дисциплиною въ особенности было неизбѣжно потому, что тогда учениками во многихъ случаяхъ были люди взрослые, женатые и отцы многочисленныхъ семействъ. Таковы были въ началѣ ученики морскихъ школъ, таковы были и дворяне въ коллегіяхъ. Ихъ проступки суть преступленія; наказанія за нихъ—уголовныя кары: «школьниковъ (морскихъ) держали строго: за большіе проступки наказывали на школьномъ дворѣ плетьми»... «Которые будутъ продерзости чинить, такихъ наказывать-бить батогами» [2]). Коллежскимъ дворянамъ запрещается накрѣпко, чтобъ въ вольные домы не ходили и не пьянствовали, въ карты и кости не играли бъ, также не въ пристойные домы не ходили и удалялись бы отъ всякаго безчестія; а которые сіе пренебрегутъ и о нихъ докажутъ, и такіе жестоко штрафованы и отсыланы будутъ въ военную коллегію для опредѣленія въ службу въ солдаты безъ произвожденія за ихъ преступленія, въ чемъ главнымъ надъ кондуитами оныхъ прилежно надсматривать» [3]).

Замѣна воспитанія дисциплиною не есть единственная характерная черта понятій о воспитаніи того времени. Когда во второй полов. описываемой эпохи образованіе изъ чисто-профессіональнаго сдѣлалось сословнымъ, то и представленія о воспитаніи подчинились тому же началу. Нравственность,

---

[1]) П. С. З. № 2937 (1715 г., окт. 1).
[2]) Веселаго: «Оч. ист. морск. корпуса».
[3]) П. С. З. № 7,248

какъ цѣль воспитанія, не была сознана какъ нравственность общечеловѣческая; явились особые кодексы нравственности для дворянъ, особые для лицъ духовныхъ; поэтому и воспитаніе въ различныхъ сословіяхъ стремится къ различнымъ цѣлямъ. Въ шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ надзирателямъ вмѣнено въ обязанность смотрѣть, чтобы «лжи и невѣрности и прочіе *шляхетству непристойные* пороки заранѣе у нихъ (кадетъ) весьма искоренены были» [1]). Въ коллегіяхъ дворяне должны «оказывать *свою природу* чрезъ добрые поступки, и честное обхожденіе и учтивость» [2]). Въ инструкціи же учителямъ духовныхъ школъ рисуется слѣдующій идеалъ нравственности: «безчиннаго и зазорнаго житія, пьянства, лакомства и всякой игры, брани, драки, татьбы, обманства и протчихъ тому подобныхъ, закону Божію и *чину церковническому подозрительныхъ* причинъ отнюдь бы никто не чинилъ» [3]). Изъ этихъ сличеній видно, что между пороками первое мѣсто для шляхтича занимаетъ ложь и невѣрность; а между пороками, особенно преслѣдуемыми въ духовномъ юношествѣ—разгулъ. «Игра», составляющая почти добродѣтель для шляхтича (кромя картъ и костей), воспрещается, какъ порокъ, для духовенства.

Однообразіе требованій могло быть достигнуто въ тѣ времена только относительно правилъ внѣшней благопристойности; отъ лицъ служащихъ, иногда достигшихъ зрѣлаго возраста, можно было требовать только соблюденія благочинія, ненарушенія правилъ благопристойности. Поэтому-то такъ часто законъ обращается къ напоминаніямъ о соблюденіи учащимися внѣшней опрятности: «сенатской же канцеляріи дворянамъ содержать себя чисто въ платьѣ и въ бѣльѣ, такъже и волосы пудрилибъ всякой день, чтобъ имъ не безчестно было являться предъ честными людьми; еще жъ и напаче—понеже ко двору въ праздники, такъ какъ и кадеты, ходить должны и запрещенія въ томъ не имѣется» [4]). Если честность человѣческая состоитъ въ чистотѣ платья и бѣлья, то

---

[1]) Мельницкій: «Сборн. свѣд. о военн.-учебн. зав.» I, стр. 10 и сл.
[2]) П. С. З. № 7248 (1737, мая 11).
[3]) Временникъ об. ист. и др. кн. XVII.
[4]) П. С. З. № 7248.

наоборотъ подлость состоитъ въ бѣдности и неопрятности внѣшняго вида, что́ преслѣдовалось правительствомъ прежде всего. 10-го іюля 1724 г. Петръ I проходилъ по классамъ ариѳметики и геометріи въ морской академіи. То, чѣмъ онъ былъ пораженъ болѣе всего, выразилось въ слѣд. вопросѣ: «чего ради имѣется въ ученьѣ учениковъ не весьма много также и скудные (т. е. худо одѣтые)». Ему отвѣчали, что скудные имѣются отъ того, что многіе бѣдные ученики своего ничего не имѣютъ, а жалованье получаютъ съ недоимками, и то не деньгами, а товарами» [1]).

Точно также не возможно было достигнуть однородности воспитательныхъ мѣръ. Смотря по характеру того служебнаго вѣдомства, въ которомъ состояла школа, измѣнялись и воспитательные пріемы. Въ духовномъ сословіи, которое продолжало жить въ условіяхъ близкихъ къ народной жизни, воспитательное управленіе скопировано съ порядковъ древнерусской государственной администраціи въ провинціяхъ: для надзора ученики раздѣляются по станицамъ, и «для всегдашняго надъ ними страха» велѣно «выбрать изъ нихъ десятниковъ, и пятидесятниковъ, и сотниковъ и старосту, людей добросовѣстныхъ... и, росписавъ имъ тѣхъ учениковъ по вѣдомствамъ..., имѣть всегда крѣпкое смотрѣніе»; о замѣченныхъ проступкахъ десятники доносятъ пятидесятникамъ, эти сотникамъ, сотники-старостѣ [2]). Въ военно-учебныхъ заведеніяхъ устройство воспитательнаго управленія взято изъ порядка отношенія чиновъ въ арміи и флотѣ. По регламенту сухоп. кадет. корпуса 18 ноября 1731 г., воспитанники раздѣлены на двѣ роты, въ каждой по 100 человѣкъ, съ ротными командирами. Съ тѣхъ поръ до недавнихъ временъ въ этихъ заведеніятъ ротная дисциплина поддерживалась такъ же, какъ и во всѣхъ строевыхъ ротахъ; по общему армейскому уставу устроена и низшая градація чиновъ (изъ самихъ кадетовъ). Домъ, въ которомъ они помѣщены, есть для нихъ казарма, въ которую они собраны для того, чтобы «толь меньше гуляніемъ и непристойными обращеніями и забавами напрасно время не тратили, но во всемъ, какъ въ ученіи,

---

[1]) Веселаго: «Оч. ист. морск. корп.» стр. 53.
[2]) Временникъ, кн. XVII.

такъ и въ прочемъ ихъ состояніи и поведеніи надъ ними непрестанно имѣть надзираніе». Каждый классъ при своихъ офицерахъ и надзирателяхъ помѣщался въ особыхъ компатахъ по 6, или 7 человѣкъ въ каждой [1]).

Таковы положительныя орудія воспитанія; что касается до отрицательныхъ средствъ, наказаній, то мы уже замѣтили, что для воспитанниковъ служащихъ онѣ во всякомъ случаѣ были уголовными карами; но такъ какъ значеніе службы проникало тогда всякое образованіе, то школьныя наказанія для всѣхъ имѣли болѣе или менѣе уголовно-карательный характеръ. Вотъ градація наказаній по инструкціи духовнымъ школамъ: «за легкія вины, кромѣ татьбы и другихъ тяжкихъ винъ, наказать въ первый и во второй разъ словесно; а за третію вину при собраніи учениковъ смирить шелепами; а за четвертую и пятую плетми и тюремнымъ арестомъ на недѣлю». Если преступникъ еще разъ провинится, то доносить письменно духовному судьѣ (т. е. обще административной, но не школьной власти), а судьи, «сыскавъ таковаго преступника и сковавъ въ ножныя желѣза, для вящшаго наказанія», пришлетъ въ канцелярію. Совершенное сходство этихъ школьныхъ постановленій съ уголовными, и безъ того ясное, окончательно утверждается слѣд. пунктомъ: «а кто явится въ татьбахъ и въ протчихъ тому подобныхъ тяжкихъ винахъ», съ тѣмъ и за первую вину поступать такъ же, какъ сказано о пятой винѣ.

Это тождество уголовнаго права съ педагогическими началами не есть явленіе случайное и не можетъ быть изъяснено однимъ крайнимъ несовершенствами педагогическихъ воззрѣній; всегда (и долго послѣ описываемаго времени), когда образованіе сливается со службою, а воспитаніе съ дисциплиною, является тотъ же результатъ въ системѣ педагогическихъ наказаній: онѣ становятся уголовными въ точномъ смыслѣ по безусловной необходимости. Чтобы понять это явленіе во всей широтѣ его дикаго смысла, слѣдуетъ еще прочитать одно мѣсто изъ той же школьной инструкціи, а именно: «кто за кѣмъ свѣдавъ какую вину утаитъ, или въ чемъ солжетъ на кого», на того налагается «равномѣрное

[1]) Мельницкій: «Сборн. свѣдѣній о военно-учебн. завед.» I. стр. 9.

наказаніе, чему и виноватой подлежитъ... Ежели и вы, учители, продолжаетъ инструкція, сами виноватому въ чемъ учините послабленіе, воспріимете равномѣрное наказаніе, какъ и объ ученикахъ показано». То есть и учитель будетъ смиренъ шелепами или плетьми и тюремнымъ арестомъ, или будетъ отправленъ въ кандалахъ. Быть можетъ, эти наказанія также налагаются при собраніи учениковъ (мы не имѣемъ фактовъ, доказывающихъ это предположеніе, во всякомъ случаѣ сообразное съ духомъ инструкціи и той эпохи вообще). Авторитетъ учителя воспитателя былъ силой совершенно не нужной для педагогической машины того времени.

Но что особенно характерно для той эпохи, такъ это то, что наказанія, имѣющія совершенно уголовный характеръ, не были предусмотрѣны никакимъ общимъ закономъ: опредѣленіе ихъ было предоставлено администраціи, которая то дѣлала имъ сводъ въ своихъ инструкціяхъ, то предоставляла измышленіе и примѣненіе ихъ практикѣ.

Въ виду этой причины и въ виду вообще безполезности исчисленія всѣхъ частныхъ безчисленныхъ родовъ наказаній, примѣнявшихся тогда, мы не приступимъ къ этому исчисленію, которое могло бы только придать ненужную пикантность нашему хладнокровному разсказу.

Рядомъ съ изложенными понятіями о воспитаніи и его отношеніи къ образованію, одинако стоитъ законодательное опредѣленіе того же предмета, сдѣланное въ духовномъ регламентѣ. Хотя Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ мы видѣли, совершенно раздѣляетъ съ людьми своей эпохи мысль о служебномъ значеніи образованія, но вопреки этому и совершенно непослѣдовательно, онъ и въ образованіи даетъ значительное мѣсто общему и въ воспитаніи держится началъ, нимало не вытекающихъ изъ основной мысли регламента о духовныхъ школахъ. Его понятія о цѣли и средствахъ воспитанія опередили общее развитіе русскихъ педагогическихъ идей ровно на полстолѣтія.

Цѣль, постановленная имъ, хотя и невыраженная ясно, таже, какую выставилъ послѣ Бецкій, т. е. созданіе новой породы людей самимъ государствомъ. Средствомъ для этого избрано закрытое заведеніе-семинарія. Подъ именемъ семинаріи духовный регламентъ разумѣетъ вовсе не то, что осу-

ществлено послѣ подъ этимъ именемъ; семинаріею въ духовномъ регламентѣ называется институтъ для воспитанія въ противоположность академіи-учебному заведенію («подобаетъ быть въ семинаріумъ церкви, аптекѣ и доктору, и школы въ близкой академіи, куды семинаристы ходить учиться будутъ»). Правда, въ этомъ же учрежденіи могутъ быть открыты и собственные классы, но главное значеніе семинаріи остается воспитательнымъ.—Заведеніе это совершенно закрытое, на 50—70 человѣкъ, раздѣленныхъ на три возраста, каждый въ особой залѣ («избѣ»). Въ него принимаются молодые люди отъ 10 до 15 л., но отнюдь не выше. Такой срокъ назначенъ въ духовномъ регламентѣ или вопреки мнѣнію Ѳеофана, или этотъ послѣдній перемѣнилъ впослѣдствіи свое мнѣніе. Въ проэктѣ петербургской семинаріи, который онъ подалъ Петру въ 1721 г., Прокоповичъ писалъ: «совѣтъ мой есть не принимать отроковъ только десятилѣтнихъ или ниже, а не выше 10 лѣтъ, ибо таковаго возраста дѣти еще не вельми обучилися злоправію и если обучилися, однакожъ не закрѣпли обычаемъ, и мощно таковыхъ не трудно отучить: такожъ бунтовать и бѣжать прочь не могутъ еще. А большаго возраста, яко не весьма надежнаго, не принимать» [1]). Заведеніе это совершенно отрѣзано отъ остальнаго міра и, главнымъ образомъ, отъ семьи, слѣд. предписаніями: семинаристъ вовсе не отпускается изъ семинаріи никуда («въ городы, или куды ни есть, къ своимъ въ гости») до тѣхъ поръ, пока нельзя будетъ ручаться за прочность нравственнаго переворота, совершеннаго въ немъ семинаріей («пока не обыкнетъ пребывая въ семинаріумъ и не ощутитъ знатной пользы такого воспитанія»). Minimum такого срока регламентъ полагаетъ три года. По истеченіи трехъ лѣтъ семинаристъ можетъ быть отпущенъ не больше двухъ разъ въ годъ съ слѣд. условіями: онъ можетъ быть отпущенъ только къ родителямъ или родственникамъ, только въ томъ случаѣ, если эти послѣдніе живутъ не далеко отъ семинаріи, и съ тѣмъ, чтобы прошло не больше 7 дней отъ выхода семинариста до возвращенія его въ семинарію. Но и отпущеннаго семинариста семинарія не упускаетъ изъ виду и изъ рукъ даже въ

[1]) См. у Пекарскаго: «Наука и Литература», I, стр. 562—563.

отпускѣ: съ нимъ отправляется «честный человѣкъ» въ качествѣ «инспектора или наблюдателя который былъ бы при немъ вездѣ и всегда и при всякихъ случаяхъ и по возвращеніи давалъ бы репортъ ректору, что дѣялось». Приставленный надзоръ такъ серьезенъ, что за утайку чего либо худаго, «таковаго плута (инспектора) бить гораздо». Законодатель полагаетъ, что худое поведеніе воспитанника въ домѣ родственниковъ не можетъ не оставить по себѣ долговременныхъ вредныхъ слѣдовъ на его нравственности, такъ что по нравственному измѣненію воспитанника къ худшему рекомендуетъ повѣрять приставленнаго къ нему надзирателя.

Отстранивъ вторженіе воспитанника въ прежнюю родную среду, законъ старается предотвратить вторженіе семьи въ замкнутое учрежденіе. Родственники, посѣщающіе семинаристовъ, видятся съ ними не иначе, какъ съ разрѣшенія ректора въ столовой, или въ другой общей залѣ, или въ саду; позволяется даже угощать родственниковъ, но не иначе, какъ въ присутствіи самаго ректора, или одного изъ экзаменаторовъ.

Изолировавъ такимъ образомъ тотъ матеріалъ, изъ котораго государство собирается создавать новыхъ людей, отъ вліянія чуждыхъ элементовъ, оно думаетъ достигнуть этого творчества такими мѣрами. Въ каждомъ изъ трехъ возрастовъ находится воспитатель («префектъ, или надсмотрщикъ»), которымъ можетъ быть и неученый человѣкъ, лишь бы человѣкъ «честнаго житія; только бъ не весьма свирѣпый и не меланхоликъ». Воспитателемъ не можетъ быть человѣкъ моложе 30 и старше 50 лѣтъ. Дѣятельность надсмотрщика отнюдь не есть активная воспитательная дѣятельность, а только отрицательная: онъ смотритъ, чтобы между семинаристами не было ссоръ, драки, сквернословія и всякаго инаго безчинія и чтобъ въ назначенные часы всякій занимался своимъ дѣломъ; безъ его позволенія («благословенія») никто никуда не выходитъ изъ избы. Для поддержанія порядка префектъ располагаетъ властію наказаній въ такомъ объемѣ: «малыхъ розгою, а среднихъ и большихъ словомъ угрозительнымъ (припомнимъ, что въ дѣйствительныхъ семинаріяхъ дѣйствовали, повидимому, совсѣмъ на оборотъ, истощая жестокость наказаній надъ дѣтинами урослыми; такъ и должны

развиваться наказанія въ уголовномъ порядкѣ, гдѣ большая развитость сознанія есть обстоятельство, увеличивающее вину). Въ случаѣ недѣйствительности этихъ мѣръ префектъ доноситъ ректору; образъ и мѣру воспитательныхъ дѣйствій этого послѣдняго законъ не опредѣляетъ: «ректоръ-верьховная власть всѣхъ, всякимъ, по разсужденію, наказаніемъ наказывать можетъ». Наконецъ ректоръ, въ случаѣ неуспѣшности собственныхъ дѣйствій, доноситъ духовной коллегіи (синоду); исключить за безнравственность онъ не можетъ. Въ этомъ выразилась или непобѣдимая вѣра законодателя въ безусловную силу воспитательныхъ дѣйствій государства на нравственность отдѣльныхъ лицъ, или можетъ быть общее начало того времени, по которому негодный въ школѣ или въ воспитательномъ заведеніи все таки поступаетъ въ распоряженіе государства, которое можетъ извлечь изъ него другую пользу.

Говоримъ, что все это мѣры внѣшнія; имп не создается новая порода: законодатель, какъ кажется, разсчитывалъ болѣе на творческую силу привычки и дѣйствіе примѣра. Привычки регулируются слѣд. образомъ: «опредѣлить времена ко всякому дѣлу и покою семинаристамъ: когда спать ложиться, когда вставать, молиться, учиться, итить за трапезу, гулять и пр. и всп бы оные часы колокольцемъ означать, и всп бы семинаристы, какъ солдаты на барабанный бой, такъ на колокольцевъ голосъ принимались за дѣло, какое на часъ уреченной назначено». Примѣры предлежали въ образѣ «честнаго человѣка»-префекта и въ обширной области историческихъ образцевъ, которые регламентъ предписываетъ предлагать въ заобѣденныхъ чтеніяхъ изъ исторіи. Но всего болѣе и очевидно онъ расчитываетъ на воспитательное значеніе образованія.

Законодатель чувствовалъ, что «таковое младыхъ человѣкъ житіе кажется быти служительное и заключенію плѣнническому подобное», т. е. онъ опасался, что расчитанная, повидимому, навѣрняка, воспитательная сила государства можетъ встрѣтить одно, но за то непреоборимое препятствіе, отвращеніе человѣческой природы отъ такого насплія. Но тутъ-то онъ и утѣшается своею вѣрою въ силу привычки: «кто обыкнетъ такъ жить хотя чрезъ одинъ годъ, тому весьма сладко будетъ». Онъ тѣмъ охотнѣе вѣритъ въ силу при-

вычки, что принимаются въ семинарію люди еще юные съ неокрѣпшимъ характеромъ. Однако «ко врачеванію скуки» законодатель принимаетъ различныя мѣры, а именно: а) прогулки послѣ обѣда и послѣ ужина (въ назначенное для прогулокъ время не позволяется «ниже книжки въ рукахъ имѣть»). Прогулки соединяются съ «играми честными и тѣлодвижными» лѣтомъ въ саду а зимою въ залѣ. Прогулки могутъ соединять забаву съ пользою, таковы: поѣздка водою на регулярныхъ судахъ, геометрическія съемки, постройка крѣпостей (этимъ Прокоповичъ хотѣлъ польстить извѣстной страсти Петра). б) Однажды или два раза въ годъ, особенно лѣтомъ, поѣздки на острова, поля и даже въ Петербургъ; в) публичное чтеніе историческихъ разсказовъ за обѣдомъ; г) театръ («акціи и комедіи»), диспуты и «риторскіе экзерциціи», при которыхъ опять удовольствіе соединяется съ пользою, потому что всѣ эти публичныя дѣйствія пріучаютъ къ развязности («резолюціи»), совершенно необходимой для проповѣдниковъ и служащихъ при посольствѣ; д) награды за хорошее ученіе; ж) музыка во время обѣда въ большіе праздники, чѣмъ къ тому же поощряется занятіе музыкою въ семинаристахъ, которые и составляютъ доморощенный оркестръ.

Изъ всего этого вполнѣ очевидно, что взглядъ духовнаго регламента на воспитаніе безконечно выше того, который усвоенъ практикою того времени и осуществлялся до самыхъ временъ Екатерины II. Мы не хотимъ здѣсь защищать идею о всемогуществѣ воспитанія и независимости его отъ условій, данныхъ обществу извѣстною эпохою; наконецъ мы никогда не взялись бы защищать мысль о безнравственности началъ, господствующихъ въ семьѣ и обществѣ. Мы говоримъ только, что изъ образцовъ осуществленія этой мысли, съ которыми намъ и впослѣдствіи придется встрѣтиться въ исторіи и приходится до сихъ поръ встрѣчаться въ жизни, образецъ, данный духовнымъ регламентомъ, принадлежитъ къ числу удачнѣйшихъ.

Но за то онъ и не былъ осуществленъ ни въ какой мѣрѣ: общія казенныя квартиры учениковъ семинаріи, военные корпуса не были воспитательными учрежденіями: первыя были мѣстами жительства казеннокоштныхъ учениковъ, вторые казармами.—*Обученіе* и не требуетъ воспитанія. Его требуетъ и предполагаетъ необходимо-*образованіе*.

При отсутствіи понятій объ общемъ образованіи и исключительномъ господствѣ профессіональной системы, естественно, что о свободѣ образованія рѣчи быть не можетъ. Одно изъ важнѣйшихъ началъ отношеній государства къ профессіональному образованію есть огражденіе свободнаго выбора профессіи. По ученію современныхъ полицеистовъ на государствѣ лежитъ даже обязанность предотвращать фактическую возможность нарушенія этой свободы въ частныхъ школахъ, которыя, завербовавъ въ спеціальную школу человѣка съ дѣтскихъ лѣтъ, тѣмъ самымъ могутъ извратить всю его духовную природу и его жизненную карьеру. Для предотвращенія такихъ золъ—одно средство: открывать для всякаго доступъ къ спеціальному образованію лишь тогда, когда онъ предварительно получилъ общее образованіе. Если же государство вовсе не имѣетъ въ виду этого послѣдняго, то оно должно признать своею задачею не огражденіе свободы въ выборѣ профессіи, а совершанно наоборотъ строгую обязательность ея. При распредѣленіи профессій по сословіямъ, обязанным государственною службою, это начало принудительности получаетъ наиболѣе строгій характеръ.—Здѣсь мы переходимъ къ изложенію мѣръ принужденія къ образованію, употребленныхъ въ русскомъ государствѣ XVIII в. правительствомъ и сословіями и встрѣтимся съ ходячею мыслію о дикомъ противодѣйствіи общества просвѣтительнымъ началамъ правительства. Не забѣгая впередъ, замѣтимъ только, что если законодательство, въ своихъ мѣрахъ по народному образованію, вовсе не имѣло въ виду образованія, а различныя формы государственной и церковной службы, то противодѣйствіе, которое оно встрѣтило, очевидно, было направлено не противъ образованія, а противъ закрѣпощенія къ службѣ. Темные навѣты, прорывавшіеся тамъ и сямъ въ недавнее наше время при основаніи народныхъ школъ, что собранные въ школы ученики будутъ забраны въ солдаты, находятъ себѣ полное историческое оправданіе въ мѣрахъ XVIII в.

Глава V. Обязательность профессіональнаго образованія и управленіе имъ. Мѣры принужденія въ дворянскомъ сословіи: государственные экзамены (смотры) до 1737 г. и по системѣ, установленной въ 1737 г.; ослабленіе установленныхъ мѣръ: узаконенія Анны Леопольдовны; вліяніе Московскаго Университета; проэкты П. И. Шувалова; манифестъ о вольности дворянства; мѣры принужденія для лицъ, находящихся въ школахъ. Обязательность солдатскаго образованія. Мѣры принужденія въ духовномъ сословіи: косвенныя (запись въ подушный окладъ и рекрутчина), прямыя: общая система принужденія («сказки», смотры, разсылка солдатъ и учителей; средства уклоненія отъ смотровъ и наказанія за то; мѣры принужденія для лицъ, находящихся въ школахъ: записи укрѣпленія; наказанія за бѣгство; «оброчные ученики»); обязательность образованія для молодыхъ монаховъ. Причины уклоненій отъ образованія. — Управленіе образованіемъ: 1-я эпоха — тройственная система; 2-я эпоха — двойственная система; 3-я эпоха—раздробленіе администраціи образованія по всѣмъ отраслямъ управленія.

Хотя свобода элементарнаго образованія составляетъ спорный вопросъ, а свобода профессіональнаго образованія есть начало для всѣхъ ясное само по себѣ, но въ исторической жизни народовъ чаще бываетъ наоборотъ. У насъ именно профессіональное образованіе всегда обнаруживало наклонность къ принудительности. Причина этого заключается въ его сущности, именно въ томъ, что его значеніе лежитъ внѣ его, въ тѣхъ задачахъ, которыя преслѣдуютъ извѣстныя профессіи. Профессіональное образованіе есть лишь условіе для исполненія сословныхъ или общегосударственныхъ обязанностей.

Отсюда очевидно, что обязательными дѣлаются обыкновенно такія профессіональныя знанія, которыя непосредственно касаются интересовъ государственной жизни, или говоря ближе, государственной службы. Экономическія профессіи, конечно, чрезвычайно важны для государственной жизни, но не составляютъ службы государству. Поэтому обязательность профессіональнаго образованія, по нашему законодательству, была установлена только относительно тѣхъ людей, которые должны были приготовляться или къ государственной службѣ,

или къ духовной т. е. для сословій шляхетскаго, солдатскаго, подъяческаго и духовнаго.

Обращаясь къ мѣрамъ принужденія къ образованію, изобрѣтеннымъ законодательствомъ и практикою того времени, мы находимъ что они различались, смотря по различію сословій: въ дворянскомъ сословіи само государство принимало прямыя мѣры, состоящія въ обязательномъ призывѣ дѣтей всѣхъ лицъ, исполняющихъ государственныя профессіи, въ школы или на смотры и принудительномъ содержаніи ихъ въ школахъ. Въ отношеніи къ духовному сословію государство довольствовалось большею частію косвенными мѣрами, предоставляя прямыя распоряженія сословнымъ властямъ. Въ томъ и другомъ случаѣ государство дѣлаетъ обязательнымъ не только обученіе вообще, но пріобрѣтеніе образованія именно въ томъ объемѣ его, какой утвержденъ законодательствомъ. Первое регулируется какъ *обязанность родителей* представлять дѣтей въ школы, или обязательные государственные экзамены; второе, какъ *обязанность учениковъ* продолжать начатое образованіе въ школахъ или сдать окончательный экзаменъ къ поступленію на дѣйствительную службу.

Разсмотримъ прежде всего мѣры по отношенію къ дворянскому сословію. Весь длинный рядъ этихъ мѣръ разлагается реформою 1737 года на двѣ половины: съ нач. XVIII в. до 1737 г. и съ 1737—до манифеста о вольности дворянства. Законодательство о принудительномъ наборѣ (для образованія и службы вмѣстѣ) начинается въ 1715 года [1]): въ этомъ году (дек. 20) великій государь далъ приведенный выше указъ, по которому «всѣхъ *знатныхъ* особъ дѣтей, отъ 10 л. и выше, велѣно выслать въ школу сенктъ-петербургскую» (т. е. морскую академію) [2]). Затѣмъ съ 1720 г. начинается безпрерывный рядъ періодически-повторяющихся указовъ о *смотрахъ* недорослямъ, т. е. дѣтямъ лицъ сперва состоящихъ въ военной службѣ, а потомъ и въ гражданской. Цѣль смотровъ заключалась въ разборѣ дѣтей, смотря по возрасту и состо-

---

[1]) Хотя и безъ узаконеній смотры, имѣвшіе цѣлію между прочимъ отдачу въ школы, производились съ самаго начала XVIII в. (См. Романовичъ-Славатинскій: «Двор. въ Россіи». стр. 121.

[2]) П. С. З. № 2968. См. выше приведен. мѣсто арх. прав. сен. 319.

янію здоровья, или въ домы родителей навсегда, или на срокъ, или въ школы, или на службу. Эти смотры суть именно государственные экзамены, на основаніи которыхъ лицо, по степени пріобрѣтеннаго имъ, въ извѣстный періодъ, образованія назначается на ту или на другую государственную службу. На этихъ обязательныхъ экзаменахъ основывается вся система принужденій къ профессіональному образованію. Кто подлежитъ экзаменамъ, кѣмъ и гдѣ производятся они и какія послѣдствія неявки и неудовлетворительныхъ отвѣтовъ на нихъ-вотъ вопросы, рѣшаемые отрывочными узаконеніями до 1737 г. и окончательно рѣшенные законами этого го[illegible]. Первое узаконеніе о смотрахъ не упоминаетъ еще о школахъ [1]); оно опредѣляетъ только произвести смотръ дѣтямъ военно-служащихъ высшихъ классовъ въ губерніяхъ чрезъ губернаторовъ и вице-губернаторовъ, съ представленіемъ вѣдомостей о томъ въ военную коллегію, а шляхетскимъ дѣтямъ произвести смотръ въ самой военной коллегіи.

Послѣ Петра въ 1726 г. адмиралтейская коллегія требовала отъ герольдмейстерской конторы, чтобы для пополненія комплекта морскихъ академій (петербургской и московской) выслано было узаконенное число недорослей. Герольдмейстерская контора отвѣчала, что разборъ недорослей происходитъ въ военной коллегіи, которая и опредѣляетъ кого въ гвардію, кого въ адмиралтейство въ школы. Къ военной коллегіи сенатъ и обратилъ требованіе заявленное адмиралтейскою коллегію [2]).

Такъ какъ профессіональное образованіе пріобрѣтается не посредствомъ только школы, то всѣ эти смотры и разборы совершались въ виду принужденія къ пріобрѣтенію такого образованія, хотя изъ подвергавшихся смотру лишь немногіе отдаваемы были въ школу. Такъ именно смотритъ на дѣло само законодательство того времени, что и выразилось въ указѣ объ учрежденіи кадетскаго корпуса (1732 г., февр. 14). Въ томъ же году правительство нашло, что высылка всѣхъ недорослей въ Петербургъ на смотръ затруднительна для семействъ несостоятельныхъ; а потому было предписано, чтобы лица, достигшія урочныхъ (17) лѣтъ, опредѣляемы

[1]) П. С. З. № 3631.
[2]) П. С. З. № 4863.

были прямо на службу въ мѣстные армейскіе полки; но молодые люди отъ 12 до 15 л. должны быть всѣ отправляемы въ адмиралтейство. Дѣти ниже 12 лѣтняго возраста отпускаются въ домы родителей, гдѣ, какъ увидимъ ниже, они должны были получать элементарное образованіе, необходимое для профессіональнаго [1]). Указомъ тогоже года, іюля 13, велѣно такихъ недорослей представлять на смотръ въ кабинетъ [2]).

Не смотря на эти распоряженія и идущія рядомъ съ ними мѣры по открытію школъ, дѣти дворянскіе, офицерскіе и прочихъ служилыхъ людей, являлись на разборъ въ маломъ числѣ и укрывались подъ разными видами, вступали въ дворовую службу къ людямъ разныхъ чиновъ и переходили изъ города въ городъ, «дабы званіе свое утаить.» Хотя правительство, «по высокомонаршему своему милосердію, желая имъ всякаго добра, учредило сверхъ гарнизонныхъ школъ во всякихъ городахъ школы съ казеннымъ содержаніемъ для учениковъ, но они, не взирая на эту милость и не желая собственной пользы, «отъ наукъ убѣгаютъ и тѣмъ сами себя губятъ». Въ слѣдствіе этого въ 1736 и 1737 гг. изданъ рядъ узаконеній, составляющихъ цѣлую стройную систему законодательства объ обязательномъ образованіи. Прежде всего назначаются мѣста для смотровъ, болѣе удобныя для практическаго осуществленія этой мѣры; именно въ 1736 г. мая 6 опубликованъ указъ о повсемѣстномъ разборѣ дѣтей служилыхъ людей (т. е. дворянскихъ, офицерскихъ и проч.) кромѣ однодворческихъ и разсыльщиковыхъ, начиная съ 7 лѣтняго возраста. Смотръ и разборъ производится, вѣроятно смотря по удобствамъ ближайшаго мѣстожительства, въ Петербургѣ въ герольдмейстерской конторѣ, въ Москвѣ въ сенатской конторѣ, въ арміи у генераловъ, въ губерніяхъ у губернаторовъ, въ провинціи у воеводъ. Всѣ (какъ можно заключать изъ словъ указа) малолѣтные записываются въ школы, дѣти бѣдныхъ дворянъ поступаютъ на казенное содержаніе. Кто же и послѣ этого будетъ скрываться, то за допосъ объ укрывающихся доносителямъ будутъ отданы [3]) пожитки и деревни ихъ.

---

[1]) П. С. З. № 5976 (марта 8).
[2]) П. С. З. № 6127.
[3]) П. С. З. № 6949 (мая 6).

Уже чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ сенатъ убѣдился, что и эта строгость, растворенная милостью, мало дѣйствуетъ; до сентября того же года у герольдмейстера явилось «самое малое число» дѣтей; сенатъ вынужденъ вновь повторить свой указъ отъ 6 мая [1]). Само собою разумѣется, что такія слишкомъ общія узаконенія не могли привести къ желаемой цѣли. Уже одно то, что образованіе должно быть пріобрѣтаемо только въ школахъ, должно было парализовать вполнѣ успѣшное дѣйствіе закона: во первыхъ не было и не могло быть тогда школъ въ количествѣ достаточномъ для массы дѣтей служилыхъ людей; во вторыхъ родители и родственники подвергались слишкомъ тяжкому искушенію укрывать дѣтей, когда эти послѣднія уже въ 7 лѣтъ, т. е. почти въ въ періодѣ младенчества, должны быть отдаваемы на попеченіе посторонпихъ, именно въ среду гарнизонной солдатчины, притомъ б. ч. въ города весьма отдаленные отъ мѣстъ жительства семьи. Правительству предстояла крайняя необходимость помирить хотя нѣсколько противоположные интересы государства и семьи. И дѣйствительно съ конца 1736 г. правительство начинаетъ регулировать отправленіе школьной повинности съ большей подробностью и большимъ вниманіемъ къ интересамъ сословій. Въ этомъ отношеніи манифестъ 31 дек., касающійся дворянства, весьма замѣчателенъ; онъ проторилъ стезю другимъ узаконеніямъ, которыя существенно измѣнили порядокъ отправленія этой повинности. Упомянутый манифестъ позволяетъ родителямъ дворянамъ, имѣющимъ болѣе одного сына, оставлять при себѣ въ домѣ одного. Оставленный дома, однако, долженъ былъ выучиться грамотѣ «и по послѣдней мѣрѣ ариѳметикѣ» съ тою цѣлію, чтобы быть годнымъ къ гражданской службѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ общая школьная повинность всѣхъ прочихъ шляхтичей ни сколько не ослабляется этимъ, напротивъ она возрастаетъ по мѣрѣ ея регулированія. «По сіе время, говоритъ манифестъ, не было учинено опредѣленія—какое время быть въ военной службѣ; теперь постановляется, что шляхтичамъ отъ 7 до 20 лѣтъ, быть въ наукахъ, а отъ 20 лѣтъ употреблять въ воинскую службу» [2]).

[1]) П. С. З. № 7039 (сент. 6).
[2]) П. С. З. № 7142.

Какимъ образомъ распредѣляется эта наука на пространствѣ отъ 7 до 20 л. мы уже знаемъ; это было рѣшено замѣчательнымъ указомъ 1737 (февр. 9), который, по справедливости, долженъ считаться опредѣляющимъ закономъ дворянскаго сословія (до манифеста Петра III). Мы знаемъ, что время отъ 7 до 20 лѣтъ разбивается на три срока и по этимъ срокамъ распредѣляются три ступени образованія недорослей. Здѣсь изложимъ мѣры принужденія, преимущественно относящіяся къ приготовительному и профессіональному образованію. Первый смотръ, при достиженіи семи лѣтъ, производится какъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ, такъ и въ губерніяхъ. Смотръ этотъ имѣетъ цѣлію лишь запись недорослей въ особыя книги, которыя и отсылаются герольдмейстеру; при этомъ, впрочемъ, объявляется, чему кто учится (хотя до 7-лѣтняго возраста никакое образованіе не вмѣняется еще въ обязанность. а) Время отъ 7 до 12 л. назначается на обязательное элементарное образованіе; оно обязательно, потому что при смотрѣ въ 12 лѣтъ производится экзаменъ, на которомъ требуется знаніе грамоты (умѣнье читать и писать). Въ этотъ періодъ всѣ дѣти учатся въ домахъ. б) Второй періодъ отъ 12 до 16 лѣтъ—время образованія приготовительнаго къ будущему спеціальному, представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ періодъ возрастающей принудительности образованія. Правительство позволяетъ семьѣ сообщать такое образованіе собственными силами только въ такомъ случаѣ, если желающіе этого родители представятъ достаточныя ручательства, что они съ состоянія выполнитъ назначенную для него правительствомъ программу. Ручательства эти состоятъ во первыхъ въ томъ, каковы имущественныя средства отца или родственника: брать въ домъ дѣтей отъ 12 до 16 лѣтъ позволяется только такимъ, у которыхъ свыше 100 душъ крестьянъ. Правительство боится, что «малопомѣстные, не разсуждая не только о государственной, но и о собственной своей пользѣ», пожелаютъ имѣть сына предъ своими глазами «по сродной своей горячности», не имѣя способовъ къ его обученію. Во вторыхъ довѣріе правительства можетъ быть возбуждено и нравственными средствами: если родители, даже и не имѣющіе 100 душъ крестьянъ, докажутъ, что дѣти ихъ и до 12 л. уже начали изученіе ариѳметики и геометріи, то

правительство имѣетъ основаніе довѣрять имъ и надѣяться на продолженіе этихъ занятій въ возрастѣ слѣдующемъ, когда, по плану правительства, онѣ и должны быть изучаемы. Само собою разумѣется, что, при нежеланіи родителей взять дѣтей домой, каковы бы ни были ихъ средства, дѣти берутся въ школы. Во всякомъ случаѣ дѣти отпускаются къ семействамъ, со взятіемъ съ отцовъ *крѣпкаго обязательства* (о чемъ внушительно два раза повторяетъ указъ) выполнить программу приготовительнаго образованія. Конечно это крѣпкое обязательство было письменное. При третьемъ смотрѣ (который производится уже только въ столицахъ—въ Петербургѣ и Москвѣ) экзаменъ производится въ сенатѣ съ особенною тщательностію—«подлинно свидѣтельствуется»—дѣйствительно ли молодые люди усвоили себѣ приготовительное образованіе. При этомъ случаѣ родители объявляютъ — кого изъ дѣтей они желаютъ оставить дома для занятія хозяйствомъ. Если на экзаменѣ окажется, что родители не выполнили своего обязательства, дѣти не знаютъ наукъ, назначенныхъ на этотъ возрастъ, то наступаютъ карательныя мѣры, падающія на дѣтей,—они записываются въ матросы «безъ всякаго произвожденія». Тому же подвергается и тотъ изъ сыновей, котораго отецъ предназначаетъ къ хозяйственной дѣятельности, если и онъ не выучился чему слѣдуетъ. в) Въ послѣдній періодъ отъ 16 до 20 лѣтъ, предназначаемый на самое профессіональное образованіе, обязательность его ограждается такими же условіями, какъ и во 2-й: отцы и родственники и теперь могутъ взять дѣтей домой съ обязательствомъ дать имъ образованіе въ тѣхъ границахъ, которыя назначены правительствомъ. Впрочемъ эта обязательность кончается 1) для тѣхъ, которые должны остаться дома для содержанія экономіи, 2) повидимому для тѣхъ, которые изъявятъ предпочтеніе гражданской сдужбѣ предъ военною, — ихъ велѣно опредѣлять въ гражданскую службу по усмотрѣнію сената. Но мы увидимъ сейчасъ, что это поступленіе на службу и для нихъ было поступленіемъ собственно въ спеціальныя школы, приготовляющія къ службѣ гражданской.

Рядомъ со всѣми этими предупредительными мѣрами сохраняетъ свое значеніе прежняя карательная мѣра. Какими бы гарантіями ни были обставлены узаконенія объ обязатель-

номъ образованіи, законъ предполагаетъ, что родители и родственники все-таки могутъ укрыть дѣтей отъ смотровъ и школы; въ такомъ случаѣ, согласно съ закономъ 1736 г., имѣнія и пожитки нарушителей должны быть отданы доносчикамъ, если эти послѣдніе докажутъ свой доносъ.

Законодательство этого времени уже начало понимать, что исполненіе такой повинности, какова повинность образованія, не можетъ быть вынуждено одними внѣшними мѣрами, что должно быть чѣмъ нибудь возбуждено направленіе въ эту сторону свободы воли; и вотъ законъ присоединяетъ, что «предуспѣвшіе въ наукахъ паче другихъ» и обнаружившіе радѣтельное стараніе, производятся въ чины раньше другихъ, «дабы другіе, на то смотря, къ равномужъ прилежанію и радѣнію побуждены и отъ душевредительнаго гулянія и другихъ безпотребствъ воздержаны были» [1]).

Изъ представленнаго узаконенія видно, что обязательнымъ является все образованіе, взятое въ совокупности; но очевидно, что самая важная часть его это образованіе собственно профессіональное, т. е. пріобрѣтаемое въ послѣдній періодъ отъ 16 до 20 л. Поэтому когда изложенный именной указъ былъ публикованъ, то сенатъ счелъ своею обязанностью обратить вниманіе администраціи именно на ту часть указа, гдѣ говорится объ отпускѣ въ домы недорослей послѣдняго періода; онъ предписалъ губернаторамъ и воеводамъ имѣть прилежное смотрѣніе объ обученіи ихъ и повторилъ угрозу, что необучившіеся будутъ записаны въ солдаты вѣчно. Не знаемъ какіе способы могли находить губернаторы и воеводы для исполненія этого предписанія [2]).

Постановленіе о двукратномъ экзаменѣ (въ 12 и 16) л. распространено и на обучающихся въ общественныхъ школахъ именно на воспитанниковъ кадетскаго корпуса указомъ марта 30, а на воспитанниковъ гарнизонныхъ школъ указомъ апр. 24. Для кадетовъ экзаменаціонная коммисія составляется изъ одного сенатора, изъ учителей де-сіансъ-академіи и инженерной школы. Учениковъ гарнизонныхъ школъ свидѣтельствуетъ въ Петербургѣ членъ военной коллегіи, а въ гу-

---

[1]) П. С. З. № 7171 (февр. 9).
[2]) П. С. З. № 7182 (февр. 19, 1737).

берніяхъ-губернаторы, коменданты и инженерные и артиллерійскіе офицеры «при другихъ ученыхъ людяхъ». Если молодой человѣкъ въ 16 л. окажется ничему не обучившимся, проводившимъ время въ гуляніи, и въ поступкахъ, неприличныхъ честнымъ людямъ, то немедленно отсылается для опредѣленія въ матросы безъ выслуги; потому что, по мнѣнію законодателя, кто не показалъ никакого радѣнія въ пріобрѣтеніи приготовительныхъ знаній, «такихъ безтрудныхъ и весьма потребныхъ наукъ», тотъ уничтожаетъ всякую вѣроятность въ успѣшномъ пріобрѣтеніи профессіональныхъ знаній. Указъ этотъ прочитывается кадетамъ по два раза каждую недѣлю [1]). Но такъ какъ это узаконеніе о двукратномъ экзаменѣ во все время ученія совершенно противорѣчитъ всѣмъ педагогическимъ условіямъ школы, гдѣ учащіеся распредѣляются не по цыфрамъ числа лѣтъ отъ рожденія (и слѣд. для каждаго ученика приходилось бы собирать экзам. коммиссію) и гдѣ наблюденіе за успѣхами учениковъ должно быть постоянное (и слѣд. экзамены болѣе частые), то это узаконеніе относительно кадетскаго корпуса не продержалось и 4 мѣсяцевъ. Указомъ 6 іюля оно отмѣнено и велѣно кадетъ экзаменовать два раза въ годъ [2]).

Но едва установилась эта стройная система, какъ практика уже начала подкапываться подъ нее. Многіе изъ числа дворянскихъ дѣтей, поступившіе послѣ 2-го и 3-го смотровъ въ гарнизонныя школы, потому что отцы и родственники ихъ не приняли на себя отвѣтственности за дальнѣйшее ихъ образованіе, начали проситься объ отпускѣ домой для пріобрѣтенія на мѣстѣ требуемыхъ знаній. Далѣе указъ 9 февр., назначивъ такихъ къ поступленію въ общественныя школы, не опредѣлилъ на чей счетъ они будутъ содержаться тамъ. Правда, что еще указомъ 6 мая 1736 г. было рѣшено, что дѣти бѣдныхъ родителей обучаются на казенный счетъ, но чѣмъ опредѣляются степени бѣдности, указано не было; поэтому и сами гарнизонныя школы затруднялись содержать назначенныхъ въ нихъ дворянскихъ дѣтей. Отсюда уже въ маѣ 1737 г. возникъ запросъ изъ военной коллегіи въ се-

---

[1]) П. С. З. № 7213 (марта 30, 1737) и № 7235 (апр. 24).
[2]) П. С. З. № 7313.

натъ. Сенатъ отказалъ въ отпускѣ домой учениковъ, послѣ записи ихъ въ школы на томъ основаніи, что они записаны «по ихъ желанію» (между тѣмъ указъ 9 февр. предполагалъ справляться съ желаніями родителей, а не дѣтей, съ желаніями которыхъ, особенно 12 лѣтнихъ, едва ли могъ сообразоваться образъ дѣйствій начальства) и на томъ основаніи, что никто изъ отцовъ и родственниковъ за нихъ не обязался. Что же касается до способовъ ихъ содержанія въ школѣ, то сенатъ рѣшилъ, что дѣти, за родителями которыхъ числится менѣе 20 душъ, должны получать казенное жалованье наравнѣ съ солдатскими дѣтьми [1]).

Изображенная система обязательнаго обученія держалась до конца царствованія императрицы Анны. Въ правленіе Анны Леопольдовны она подверглась было совершенной отмѣнѣ указами 21 янв. и 2 марта 1741 г. Оба эти указа, игнорируя систему, установленную въ 1737 году, возстановляютъ старинные порядки поступленія дворянъ прямо въ службу. По первому изъ нихъ (пунктъ 25) молодые дворяне имѣющіе свыше 17 л. должны явиться или въ армію къ генераламъ или въ Петербургъ и Москву (въ герольдію, военную коллегію и контору), послѣ чего и опредѣляются въ службу, а именно (по указу 2 марта) въ полки лейбъ-гвардіи. Этими постановленіями (по словамъ указа 1742 г., дек. 11) такое послабленіе недорослямъ дано, при которомъ во первыхъ невозможно пропорціональное распредѣленіе служащихъ по разнымъ вѣдомствамъ (при чемъ особенно пострадало морское вѣдомство и адмиралтейская академія), во вторыхъ вообще страдаютъ интересы службы, такъ какъ недоросли не получаютъ наукъ, «надлежащихъ юностнымъ лѣтамъ», спѣшатъ записываться въ службу, преимущественно сухопутную въ такихъ лѣтахъ, когда «еще службы снести не могутъ» и потомъ живутъ въ домахъ родителей безъ всякаго занятія. Елизавета Петровна возстановляетъ узаконеніе 1737 года, ограждая его угрозами новыхъ чрезмѣрно-суровыхъ каръ, направленныхъ противъ дѣтей. Тѣ недоросли, которые неявятся на смотръ по достиженіи 7-лѣтняго возраста, или явятся пропустя этотъ срокъ и будутъ скрывать свои лѣта, опре-

[1]) П. С. З. № 7250 (мая 11).

дѣляются навѣчно или въ матросы (если они малолѣтніе), или въ солдаты (если имъ свыше 20 лѣтъ); а «престарѣлые» посылаются на поселеніе въ Оренбургъ. Такимъ же наказаніямъ подвергаются и тѣ изъ нихъ, которые, хотя и явились въ срокъ, но объявляютъ число душъ муж. пола, состоящихъ за ихъ отцами, выше или ниже дѣйствительнаго (въ первомъ случаѣ конечно для того, чтобы воспользоваться правомъ отпуска домой, во второмъ для того, чтобы воспользоваться казеннымъ содержаніемъ въ школахъ). Законъ старается оправдать эту свою суровость тѣмъ, что несмотря на неоднократныя публикаціи о явкѣ на смотръ, являются не только не всѣ молодые, но даже и престарѣлые. Въ послѣднемъ случаѣ государство теряетъ всякую возможность воспользоваться ими для службы себѣ, за то оно посылаетъ ихъ на поселеніе [1]).

Въ 1747 г. было сдѣлано временное изъятіе отъ дѣйствія этого строгаго закона какъ для недорослей и престарѣлыхъ, которые уже дѣйствительно записаны въ матросы и въ солдаты, и посланы на поселеніе (за неявку въ срокъ, утайку лѣтъ и числа душъ крестьянъ), такъ и для тѣхъ, которые были приговорены къ тому. Они должны были поступить въ школы или въ службу, а престарѣлые могли возвратиться домой. Но на будущее время указъ 1742 оставленъ въ полной силѣ. Здѣсь же въ первый разъ установлено какой именно срокъ назначается для смотра недорослей; нельзя же всѣмъ явиться точно въ день рожденія. Указъ назначаетъ для явки цѣлый годъ (т. е. 6-7, 12-13, 16-17, 20-21) [2]).

Однако ни съ чѣмъ не сообразная строгость этого указа, падающая на дѣтей и даже 7-лѣтнихъ младенцевъ, заставила измѣнить его (или «пополнить», какъ выражается послѣдующее узаконеніе) болѣе благоразумнымъ способомъ. Правительство убѣдилось наконецъ, что есть такія дѣти, у которыхъ отцевъ и братьевъ нѣтъ, а если и есть, то они состоять въ службѣ и объявить ихъ некому, что во всякомъ случаѣ 7-лѣтній не въ состояніи показать вѣрно, сколько душъ за его отцемъ, и тѣмъ не менѣе всѣхъ такихъ продолжали писать въ матросы вѣчно. Въ слѣдствіе этого, по указу 1751

---

[1]) П. С. З. № 8683 (дек. 11).
[2]) П. С. З. № 9465 (дек. 23).

года изложенныя выше грозныя послѣдствія должны падать только при второмъ смотрѣ въ 12 лѣтъ [1]).

Учрежденіе московскаго университета, не состоявшаго въ связи съ прежними спеціальными школами, вызвало необходимость примирить его привилегію—принимать лицъ всякаго званія съ обязательностію образованія дворянъ. Однако эта обязательность не потерпѣла отъ того никакихъ существенныхъ измѣненій, осталась при прежней своей строгости. Университетъ предлагалъ произвести слѣдующую сдѣлку съ прежними узаконеніями о смотрахъ: онъ, университетъ, будетъ принимать учениковъ изъ дворянъ и сообщать о нихъ въ герольдію, а герольдія, дозволяетъ имъ учиться до того срока, какой будетъ назначенъ сенатомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ университетъ просилъ, чтобы дворянамъ дозволено было оканчивать въ немъ ученіе и послѣ того, какъ имъ уже исполнилось 20 лѣтъ. Но сенатъ не согласился на такую простую сдѣлку. Онъ позволяетъ университету принимать дворянъ (какъ и прежде родителямъ не было воспрещено, взявъ сына домой, помѣщать его въ какое угодно учебное заведеніе для приготовительнаго образованія), но подчиняетъ дѣйствія университета въ этомъ отношеніи опредѣленіямъ указа 9 февр. 1737 года. Въ срокъ, назначенный для перваго смотра, т. е. въ 7 лѣтъ, дворяне могутъ являться вмѣсто герольдіи и губернаторовъ—въ московскій университетъ и этотъ послѣдній можетъ, принявъ ихъ къ себѣ для ученія, увѣдомить о томъ герольдію, какъ увѣдомляли обыкновенно провинціальныя власти, производившія смотръ. Затѣмъ принятые уже не подвергаются смотрамъ до 16 лѣтъ, а если окажутъ особенную склонность къ наукѣ, то и до 20 лѣтъ. Равнымъ образомъ университетъ можетъ принимать и такихъ лицъ, которыя уже были на смотрахъ 1-мъ, 2-мъ или 3-мъ, о чемъ университетъ долженъ убѣждаться всякій разъ изъ ихъ паспортовъ. Но лица, не бывшія на смотрахъ въ срокъ, до поступленія въ университетъ, не могутъ быть въ него приняты, они подлежатъ къ написанію въ матросы и въ солдаты. Такъ какъ поступающіе въ университетъ могутъ уже состоять на службѣ военной, или гражданской, то это имъ не препят-

[1]) П. С. З. № 9909 (нояб. 23).

ствуетъ продолжать образованіе, а школа не препятствуетъ получать обыкновенное производство по службѣ. На счетъ оставленія въ университетѣ лицъ свыше 20 л. сенатъ не далъ безусловнаго согласія; онъ позволилъ каждый разъ представлять о такихъ сенату и ждать отъ него рѣшенія [1]). Въ 1758 г. сенатъ даже нашелъ нужнымъ издать указъ, поощряющій дворянъ къ поступленію въ университетъ [2]). Тѣ же условія пріема дворянъ примѣнены были и къ казанской гимназіи [3]).

Чѣмъ болѣе близимся мы ко временамъ Екатерины, чѣмъ вѣяніе грядущей свободы дѣлается замѣтнѣе, тѣмъ слабѣе становится энергія законодательства въ занимающемъ насъ вопросѣ. Ив. Ив. Шуваловъ, въ своемъ извѣстномъ проэктѣ объ учрежденіи гимназій, предупредилъ свое время. Онъ хотѣлъ, чтобы дворяне не требовались на службу раньше 18 лѣтъ. Время до 18 лѣтъ посвящается на обученіе въ школахъ спеціальныхъ (кад. корпусѣ) и общеобразовательныхъ (петерб. и моск. университетахъ и тѣхъ гимназіяхъ, которыя онъ проэктируетъ). Онъ настаиваетъ на томъ, чтобы предоставить молодымъ людямъ, уже получившимъ общее образованіе, свободный выборъ профессіи. Для выбирающихъ своею профессіею гражданскую службу онъ и предназначаетъ проэктируемыя гимназіи. Сенатъ одобрилъ мысль Шувалова въ принципѣ, признавъ ее полезною «для приведенія молодыхъ людей въ лучшее состояніе». Но осуществленіе этой мысли было отложено до будущаго [4]). Исполненіе этого проэкта означало бы переходъ отъ профессіональной системы къ системѣ общаго образованія.

Что время такого переворота было уже не далеко — на это указываетъ сенатскій указъ 1761 г., которымъ смягчается еще болѣе строгость постановленія 1737 г. Въ облегченіе положенныхъ въ этомъ послѣднемъ штрафовъ, сенатъ постановляетъ теперь, что не явившіеся въ срокъ недоросли отдаются въ солдаты не вѣчно, а только на одинъ годъ, послѣ

---

[1]) П. С. З. № 10558 (1756 г., мая 18).
[2]) П. С. З. № 10812 (1758 г., марта 20).
[3]) П. С. З. № 10860 (1758 г,, іюля 21.
[4]) П. С. № 11144 (15 нояб. 1760 г.).

чего они записываются туда, куда будутъ годны. Лишь относительно тѣхъ, которые не явятся ни къ одному смотру и такъ доживутъ до старости, — удерживаются опредѣленія 1737 г.; но каждый разъ ссылка ихъ на поселеніе въ Оренбургъ совершается по высочайшей конфирмаціи [1]).

Манифестъ о вольности дворянства 1762 г., повидимому, не принесъ свободы образованію. Манифестъ въ началѣ обѣщаетъ вольность не только взрослымъ, но и малолѣтнимъ дворянамъ и повелѣваетъ «для единственнаго только свѣдѣнія» объявлять ихъ въ 12 лѣтъ, гдѣ кому удобнѣе, въ герольдіи, губерніяхъ, провинціи и въ городахъ. Но съ каждою строкою тонъ и содержаніе этого акта становится строже по отношенію къ обязательности образованія. Изъ дальнѣйшихъ словъ манифеста оказывается, что смотръ въ 12 лѣтъ производится не единственно только для свѣдѣнія; родители и родственники при этомъ должны подать извѣстіе, чему они учили своихъ дѣтей до 12 л. и чему и гдѣ предполагаютъ учить дальше, въ общественныхъ ли школахъ, основанныхъ государствомъ, или дома посредствомъ частныхъ учителей, если это послѣднее возможно для нихъ по ихъ состоянію. Далѣе тонъ манифеста идетъ все crescendo: «однакожъ чтобъ никто не дерзалъ безъ обученія пристойныхъ благородному дворянству наукъ дѣтей своихъ воспитывать подъ тяжкимъ нашимъ гнѣвомъ». Наконецъ финалъ этого пункта манифеста совершенно не сходенъ съ началомъ: всѣ дворяне, не имѣющіе 1000 душъ крестьянъ (т. е. огромнѣйшее большинство ихъ) должны объявить своихъ дѣтей прямо въ кадетскомъ корпусѣ; слѣдовательно смотръ въ герольдіи и проч. существуютъ только для самаго высшаго дворянства. Манифестъ предполагаетъ возможнымъ давать образованіе въ кадетскомъ корпусѣ всѣмъ объявленнымъ тамъ дѣтямъ, т. е. дѣтямъ всѣхъ, не имѣющихъ 1000 душъ крестьянъ; для нихъ образованіе въ томъ видѣ, какъ оно опредѣлено программою корпуса, становится обязательнымъ; родителямъ уже не предоставляются на выборъ средства, которыми они хотятъ сообщить сыну сумму требуемыхъ знаній [2])

---

[1]) П. С. З. № 11197 (янв. 30).
[2]) П. С. З. № 11444 (февр. 18).

Этимъ опять взята была назадъ даже та часть свободы, которая была дарована по ходатайству московскаго университета. Но всѣ эти строгости, съ объявленіемъ государственной службы для дворянъ свободною, должны были остаться лишь на бумагѣ, какъ онѣ и остались.-Тѣсная связь службы и образованія была такова, что судьбу одной рѣшительно нельзя было отдѣлить отъ судьбы другаго. Заранѣе можно было предугадать, что всесильная практика обнаружитъ тотчасъ угловатыя строгости этого манифеста: и дѣйствительно уже въ ук. отъ апр. 24 (того же года) законодатель долженъ былъ изъяснить, что если въ корпусъ явятся «такъ называемые недоросли» свыше 16 л. и ничему не обученные, кромѣ грамотности, то ихъ не принимать. Что же съ ними дѣлать дальше? Быть можетъ многіе изъ нихъ столь не далеки отъ природы, что ни въ какомъ случаѣ не усвоятъ себѣ наукъ «приличныхъ благородному дворянству», стало быть ихъ слѣдовало предоставить собственной (хотя и незавидной) судьбѣ «вольныхъ» дворянъ; нѣтъ: ук. апр. 24-го велитъ ихъ отсылать въ военную коллегію для опредѣленія въ солдаты! Само собою очевидно, что это узаконеніе не согласуется съ вольностію дворянства. Затѣмъ кадетскій корпусъ не могъ принять и помѣстить у себя маленькихъ дѣтей, еще ничему не обучившихся, т. е. не пріобрѣтшихъ ни элементарнаго, ни приготовительнаго образованія. Такіе дѣти, по распоряженію директора корпуса, отсылаются или въ университетъ или въ гимназію, или отдаются опять на руки ихъ родственникамъ для надлежащей первоначальной подготовки. Мы не знаемъ, принималъ-ли университетъ дѣтей на свое попеченіе, но гимназій, кромѣ академической и только что заведенной казанской, вовсе не было; наконецъ этимъ указомъ разрѣшено было и прямо записываться въ гимназіи [1]). Такимъ образомъ вполнѣ возстановлены были порядки, господствовавшіе до 1762 года, только количество смотровъ сократилось съ 4-хъ на одинъ.

Манифестъ о вольности дворянства имѣлъ только одинъ непосредственный результатъ для исторіи обязательности обученія: онъ смутилъ установившіяся привычки и поставилъ въ

[1]) П. С. З. № 11515 (апр. 24).

затрудненіе людей практики. Эти послѣдніе, какъ директоръ корпуса Шуваловъ, считали необходимымъ тревожить сенатъ запросами: куда дѣваться съ неспособными и уроелыми недорослями, хотя ук. 24 апр. весьма ясно указываетъ-отсылать ихъ въ солдаты. На запросъ Шувалова сенатъ 10 мая отвѣчалъ: «отослать въ солдаты и ежели впредь изъ таковыхъ присылаемыхъ въ сухопутный кадетскій корпусъ недорослей за ихъ возрастомъ явятся къ ученію не способны..,въ другія службы отсылать» [1]).

Въ такомъ порядкѣ развивались законодательныя мѣры объ обязательности обученія въ дворянскомъ сословіи. На этомъ круто обрывается давно начавшееся движеніе нашего законодательства по этому вопросу. Когда послѣ переворота 1762 года событія приняли свое нормальное теченіе, то въ вѣкъ Екатерины мы находимъ свободу образованія уже утвердившеюся (вездѣ, кромѣ духовнаго сословія). Этотъ, повидимому, неожиданный поворотъ дѣлъ слѣдуетъ приписать не Екатеринѣ, а именно манифесту 18 февр. Послѣдующія за нимъ при Петрѣ III мѣры къ новому укрѣпленію обязательнаго образованія были лишь послѣдними отголосками бурь начала XVIII в., инертнымъ продолженіемъ движенія по одному и тому же направленію. Екатерина, принявъ начала манифеста 18 февр., только болѣе искренне признавала результаты, изъ него вытекающіе.

Извѣстно, что въ вѣкъ Екатерины дворянство училось гораздо охотнѣе, чѣмъ прежде; это явленіе, конечно, безъ труда можно объяснить привычкою, внѣдренною въ дворянъ каторжными работами, ссылкою на поселеніе, отдачею въ солдаты по смерть и т. д.; но въ такомъ случаѣ слѣдуетъ признать, что привычка эта образовалась вдругъ весною 1762 года, потому что еще въ маѣ этого года, какъ мы сейчасъ видѣли, правительство не знало куда дѣваться съ необразованными, уроелыми недорослями. Такъ многія историческія мнимыя истины, отъ частаго употребленія, сдѣлавшіяся аксіомами, требуютъ пересмотра.

Изложенныя мѣры принужденія, основанныя на системѣ государственныхъ экзаменовъ, не могли быть вполнѣ примѣнены къ учащимся въ государственныхъ школахъ; въ этомъ

[1]) П. С. З. № 11531 (мая 10).

случаѣ государство принимаетъ на себѣ всѣ заботы, которыя оно же со строгостью возлагаетъ въ первомъ случаѣ на родителей и ихъ дѣтей. Непріобрѣтеніе полнаго требуемаго образованія возможно при двухъ условіяхъ: или при неспособности (все равно, не способенъ ли человѣкъ къ ученію вообще или именно къ изученію той профессіи, къ которой предназначило его государство), тогда онъ просто сдается въ солдаты; или при лѣности, неохотѣ къ ученію, которая проявляется въ непосѣщеніи школы, а въ крайнемъ случаѣ въ полномъ уклоненіи отъ обязанности получать образованіе-побѣгахъ изъ школы. Неявка въ учебные часы въ школу разсматривалась какъ уклоненіе отъ службы и носила характерное для до-петровской службы названіе-*нѣтовъ*. Кара за нее *денежные штрафы*, а въ случаѣ неуплаты ихъ *правежъ* [1]). По инструкціи 1719 г. морской академіи за нехожденіе въ школу къ этому наказанію было присоединено *тѣлесное уголовное наказаніе*: «бить батогами и вычитывать за каждый день втрое противъ получаемаго жалованья, а на штрафныя деньги дѣлать чертежные инструменты» [2]).

Слияніе понятій образованія и службы было причиною того, что побѣгъ изъ школы разсматривался, какъ побѣгъ изъ службы. По той же инструкціи 1719 г. бѣжавшихъ велѣно сыскивать и наказывать *конфискаціею всего движимаго имущества* («движимое имѣніе ихъ отписывать на в. государя»; недвижимое не можетъ быть конфисковано, потому что съ него отправляется самая служба); это не освобождало отысканнаго и отъ тѣлеснаго наказанія. Потомъ и всѣ

[1]) «На знатныхъ дворянъ за прогульные дни, или за *нѣты*, указомъ 1707 года (февраля 28), положена была значительная пеня. За первый прогульный день 5 рублей; за второй 10; за третій и всѣ слѣдующіе по 15 руб. Такихъ штрафныхъ денегъ, въ продолженіи пяти мѣсяцевъ 1707 года, набралось 8545 рублей. Отъ платежа ихъ дѣти и родители отговаривались болѣзнями, дурными дорогами, смертью и поминками близкихъ родныхъ; но Апраксинъ въ отвѣтъ на прошенія писалъ, что такъ какъ прежде они ничего форменно объ этихъ причинахъ не доносили, то «и нынѣ ихъ прошеніямъ и сказкамъ вѣрить нечему, а для провежу тѣхъ штрафовъ взять людей ихъ, а у кого людей нѣтъ,—самихъ, и бить на правежѣ, покамѣсть тѣ штрафу не заплатятъ сполна». (См. Веселаго, стр. 20).

[2]) Веселаго стр. 49.

остальныя мѣры, практикованныя еще до Петра въ примѣненіи къ обязательности службы, приложены теперь къ обязательности образованія: «которые сысканы будутъ...,собравъ поручныя записи, оставить по прежнему въ ученьѣ, а кто по себѣ поручныхъ записей не дастъ, тѣхъ присылать подъ карауломъ въ С.-Петербургъ» [1]). Высшая степень уклоненій отъ обязательнаго образованія можетъ привести къ разжалованію въ низшіе чины насрокъ; въ 1733 г. мая 9, по докладу Миниха, было высочайше повелѣно, чтобы бѣглыхъ кадетъ штрафовать слѣд. обр.: за первый побѣгъ отсылать для ученія въ петербургскую гарнизонную школу учиться вмѣстѣ съ солдатскими дѣтьми на полгода; за 2-й туда же-на три года [2]).

Когда въ 1732 г. составленъ былъ въ первый разъ полный уставъ гарнизонныхъ школъ (основанныхъ ранѣе), то приняты были тѣже сильныя мѣры понужденія для родителей низшаго военнаго званія-отдавать своихъ дѣтей въ эти школы, какія были приняты и по отношенію къ родителямъ высшаго военнаго сословія. Тогда было установлено, что дѣти низшихъ служилыхъ лицъ (въ тѣхъ границахъ этого класса, которыя были опредѣлены настоящимъ уставомъ) должны являться каждый по принадлежности или къ губернатору или провинціальному воеводѣ, которые производятъ *смотръ* вмѣстѣ съ штабъ-офицерами, или къ воеводамъ меньшихъ городовъ, гдѣ въ смотрѣ участвуютъ оберъ-офицеры полковъ, стоящихъ на вѣчныхъ квартирахъ. При этомъ всѣ, имѣющіе менѣе 15 и свыше 7 л., отправляются для обученія въ гарнизонныя школы, ближайшія къ мѣсту жительства осматриваемыхъ. Лица (родители и посторонніе), укрывающія у себя («у кого пристань имѣютъ») дѣтей свыше 7-лѣтняго возраста, подвергаются такимъ же *штрафамъ*, какіе опредѣлены за укрывательство *бѣглыхъ* солдатъ. Кто поймаетъ такихъ бѣглыхъ и приведетъ въ городъ, тому давать награжденіе по 10 руб. за человѣка. Только дѣтей ниже 7 лѣтъ за «бѣглыхъ не почитать». Лица свыше 15-лѣтняго возраста сами подвергаются наказанію, какъ бѣглые солдаты [3]). Хотя

---

[1]) ibid.
[2]) П. С. З. № 6395.
[3]) П. С. З. № 6188 (сент. 21).

указъ 1735 г., іюля 9, заявляетъ, что на смотръ и въ школы явилось немалое число дѣтей сверхъ комплекта, однако спѣшитъ прибавить, что слѣдуетъ стараться, чтобы такихъ служилыхъ людей дѣти, которымъ надлежитъ быть въ службѣ и въ школахъ, отнюдь бы отъ того не отбывали и не шатались и кроющихся сыскивать [1]). Въ 1736 году пр. сенату «извѣстно учинилось, что въ Ямбургскомъ уѣздѣ у отставныхъ солдатъ находятся дѣти муж. пола, приспѣвшія въ службу, а живутъ праздно, того ради приказали... на крѣпко смотрѣть, чтобъ опредѣляемы были годныя въ солдаты а малолѣтныя въ школу: ибо отъ такого ихъ праздnаго житья не иначе что воспослѣдовать можетъ, но токмо одни воровства...» [2]).

Затѣмъ до 1744 г. мы не находимъ никакихъ указаній на новыя постановленія объ обязательности солдатскаго образованія. Думать надобно, что экономическія условія жизни людей этого класса не побуждали ихъ такъ старательно укрывать дѣтей отъ школы, какъ это дѣлали служилые люди высшихъ разрядовъ. Въ 1744 г. сенатъ далъ указъ, по которому слѣдовало переписать всѣхъ законно и незаконнорожденныхъ солдатскихъ дѣтей, не вышедшихъ еще изъ состоянія младенчества (именно до 6 лѣтъ). При этомъ родители, родственники и свойственники, изъявившіе желаніе держать этихъ дѣтей у себя на прокормленіи, должны дать *подписку* и представить *поручителей* въ томъ, что они, по достиженіи дѣтьми 6 лѣтъ, представятъ ихъ на смотръ губернаторамъ и воеводамъ (по мѣсту жительства), съ тѣмъ чтобы послѣ смотровъ опредѣлить ихъ въ гарнизонныя школы [3]). Почему обязательный возрастъ для явки въ 7 л. (какъ назначено было въ указѣ 1732 г.) понижепъ теперь на 6-лѣтній, рѣшить трудно. Когда въ томъ же году цыфирныя школы были соединены съ гарнизонными, то сенатъ, рѣшая возникшіе по этому поводу вопросы, между прочимъ счелъ необходимымъ напомнить, что губернаторы и воеводы, каждый въ своемъ вѣдомствѣ, также *оберъ-коменданты и коменданты долж-*

---

[1]) П. С. З. № 6766 (іюня 12)
[2]) П. С. З. № 7982 (окт. 31-го 1736).
[3]) П. С. З. № 8989 (іюля 11).

ны прилежное смотрѣніе имѣть, чтобъ служилыхъ людей дѣти праздно не таталисъ и отъ школъ не отбывали, но всѣ бъ оныя въ тѣ школы опредѣляемы были безъ остатка» [1]).

Такъ опредѣлилась обязательность солдатскаго образованія законами 1732 и 1744 гг., но еще въ 1758 г. сенатъ озабочивался тѣмъ, что въ гарнизонныхъ школахъ, по числу армейскихъ и гарнизонныхъ полковъ солдатскихъ дѣтей состоитъ весьма мало [2]).

Въ духовномъ сословіи законъ не установилъ такой точной системы понужденія, какъ дворянскомъ и солдатскомъ; онъ ограничивался установленіемъ общихъ предписаній; но практика самаго сословія выработала впослѣдствіи систему принужденія весьма сходную съ тою, какая примѣнялась къ дворянскому сословію. Закономъ установлены были косвенныя и прямыя мѣры. Къ первымъ относятся: 1) ревизія, 2) рекрутскіе наборы. Первоначально запись въ податныя состоянія дѣтей духовныхъ лицъ не имѣла никакого отношенія къ законамъ объ образованіи, заштатные служители церкви и ихъ дѣти всѣ записывались въ подушный окладъ и затѣмъ эти послѣдніе, согласно съ общими началами законовъ объ образованіи, въ школахъ учиться не должны. Но послѣ нѣсколькихъ колебаній-кого изъ причта и дѣтей причетниковъ записывать въ подушный окладъ, правительство послѣ 1-й ревизіи пришло къ установленію общаго начала, что въ подушныя состоянія не попадаютъ лишь тѣ изъ дѣтей духовныхъ лицъ, которые учатся въ школахъ. Первоначально этотъ принципъ примѣненъ былъ съ отрицательной стороны его; а именно: дѣти церковническіе, освобожденные отъ подушнаго оклада, но «нерадивые и лѣностные» въ ученіи, «яко сами о себѣ нерадящіе» пріобщаются къ числу такихъ церковническихъ дѣтей, «которые яко излишніе и свыше потребы, подъ именемъ церковнаго причта бывшіе, въ оной подушный окладъ включены». Синодъ приказываетъ «имъ ясно показать это, «дабы вѣдая то, не прибывали въ лѣности и усердное имѣли бы къ оному ученію прилежаніе, начиная то отъ седь-

---

[1]) П. С. З. № 9054 (окт. 26 1744 г.)
[2]) П. С. З. № 10901 (нояб. 18).

милѣтняго возраста» [1]). «Въ 1776 году, говоритъ г. Князевъ, усмотрѣвъ изъ семинарскихъ вѣдомостей, что многіе ученики, чрезъ долгое время, а нѣкоторые чрезъ цѣлый годъ, уклонялись отъ училища, (псковскій) преосвященный Иннокентій приказалъ, потребовавъ отъ семинаріи списокъ такихъ учениковъ, немедленно сыскать ихъ и способныхъ заставить учиться. Между тѣмъ велѣлъ объявить этимъ ученикамъ и ихъ отцамъ и родственникамъ, что если они впредь станутъ уклоняться отъ классовъ, то будутъ записаны въ подушный окладъ» [2]).

Впослѣдствіи уже при 2-й ревизіи это же начало примѣнено было и въ положительномъ смыслѣ, т. е. отъ записи въ податныя состоянія освобождаются вообще всѣ учащіеся въ школахъ сыновья лицъ, состоящихъ въ церковной службѣ, хотя бы эти послѣдніе и попали въ ревизскіе списки; такъ именно распорядился въ 1744 году сенатъ по представленію синода, который поставилъ на видъ, что въ инструкціи ревизорамъ не упомянуто именно о дѣтяхъ священно-церковно-служителей, находящихся въ школахъ и потому синодъ боялся, чтобы «они впредь къ положенію въ подушный окладъ не попадали». Впрочемъ сенатъ уже раньше этого, февр. 27-го и марта 8 того же года, послалъ указы въ этомъ смыслѣ куда слѣдовало [3]).

Рекрутскіе наборы, или такъ называемые разборы, имѣли тотъ же смыслъ общаго косвеннаго принужденія къ образованію. Отдача въ солдаты дѣтей духовныхъ лицъ, не учившихся въ школахъ, вытекала сама собою изъ тѣхъ (приведенныхъ выше) узаконеній, по которымъ дѣти духовныхъ лицъ внѣ родительской профессіи не могутъ избирать никакой другой, кромѣ солдатства. Такіе именно разборы произведены были въ 1730 и 1731 году о неприсягнувшихъ на подданство Аннѣ Ивановнѣ, а потомъ въ 1737 г. для укомплектованія арміи въ военное время. Такъ какъ при этихъ разборахъ руководились тѣмъ же началомъ, которое было установлено при ревизіяхъ, то каждый разборъ являлся равно-

---

[1]) П. С. З. № 4021 (1722 г., 31).
[2]) Очеркъ ист. «псковск. семинаріи» Князева.
[3]) П. С. З. № 8904 (марта 16), сл. № 8836.

сильнымъ общему приказанію вести своихъ дѣтей въ школы. «Въ 1737 г. (разсказываетъ митрополитъ Евгеній въ описаніи жизни св. Тихона) февр. 4 именнымъ указомъ государыни императрицы Анны Іоанновны велѣно сдѣлать церковнослужительскимъ дѣтямъ разборъ и лишнихъ неучащихся изъ оныхъ отдать въ военную службу; сіе жъ самое подтверждено и еще другимъ указомъ того жъ года марта 5; и оба сіи указы, и наипаче строгое и малоразборчивое со стороны гражданскаго правительства по онымъ въ сиротствовавшей тогда новгородской епархіи исполненіе, принудили церковно-служителей съ послѣднимъ своимъ пождивеніемъ отдавать дѣтей своихъ въ бывшую тогда при новгородскомъ архіерейскомъ домѣ духовную, славянскую только, школу, такъ что отъ сего собралося учениковъ тогда до *тысячи*» [1]).

Правительство хотѣло придать этимъ мѣрамъ значеніе побудительныхъ средствъ не только къ отдачѣ дѣтей въ школы, но и къ надлежащему усвоенію образованія, сообщаемаго въ нихъ: въ солдаты приказано было брать, не только не учившихся въ школахъ, но и дурно учившихся; при этомъ разсматриваемая мѣра принимаетъ характеръ уже прямаго средства понужденія. Указъ кабинета, данный по поводу разбора 1737 г., въ 6 пунктѣ своемъ заключаетъ слѣдующее: «непонятныхъ въ наукахъ долго въ школахъ не держать, но отсылать ихъ къ гражданскимъ управителямъ для опредѣленія въ военную службу, дабы на такихъ глупыхъ или лѣнивыхъ людей напраснаго расхода и другимъ трудолюбивымъ людямъ въ ихъ наукахъ препятствія отъ нихъ не было» [2]). Эта мѣра обоюдо-острая; побуждая школьниковъ учиться, она еще болѣе побуждала непоступившихъ въ школу уклоняться отъ нея; потому что укрыться отъ школы и отъ рекрутчины представлялась нѣкоторая возможность; но укрыть въ школѣ свою неспособность было нельзя. Всѣмъ казалось, что чрезъ школу вѣрнѣе попасть въ солдаты, чѣмъ внѣ школы. Мы увидимъ ниже, что эта мѣра (повторенная относительно элементарнаго образованія въ регламентѣ новгород-

---

[1]) Евгеній Болховитиновъ: «Опис. жизни преосв. Тихона», стр. 34. Спб. 1796; сл. П. С. З. № 8914.

[2]) П. С. З. № 7385 (сент. 25).

ской семинаріи 24 мая 1740 г. [1]) была главною причиною уклоненія дѣтей отъ школы. Изложенная мѣра дѣйствительно приводилась въ исполненіе съ неумѣренною строгостью. Такъ во псковской семинаріи въ 1738 г. всѣхъ учениковъ считалось 254, изъ нихъ въ фарѣ (1-мъ приготовительномъ классѣ) 60, изъ коихъ бѣжало 5, отдано въ военную службу 14...: въ инфимѣ 34, изъ коихъ отдано въ военную службу 9, бѣжало 4..., въ граматикѣ 27, изъ коихъ отдано въ военную службу 7» [2]).

Кромѣ этихъ косвенныхъ мѣръ, въ нашемъ законодательствѣ есть прямыя узаконенія, исходящія или непосредственно отъ верховной власти, или отъ св. синода, объ обязательности образованія для лицъ духовнаго званія. Указомъ 1723 года Петръ приказалъ: «поповскихъ и дьяконовскихъ, причетническихъ дѣтей, которые въ подушной окладъ будутъ не включены, и къ школьному ученію по лѣтамъ ихъ будутъ потребны, набирать въ школы всѣхъ тѣхъ, которые учиться могутъ; а которые въ ученіи быть не похотятъ, и тѣхъ имать въ школы и неволею и учить ихъ въ надеждѣ лучшаго священства, какъ духовнымъ регламентомъ опредѣлено».

Указы синода о томъ же начинаются тотчасъ по изданіи духовнаго регламента и не прекращаются до конца XVIII в. 1-го сентября 1721 года синодъ предписалъ (въ слѣдствіе жалобы московской академіи), чтобы по всѣмъ церквамъ московскимъ и уѣзднымъ объявлено было причту объ отсылкѣ дѣтей въ академію; «ежели же кто дѣтей своихъ въ школы для наукъ не объявятъ, или изъ оныхъ ихъ дѣтей которые сбѣжатъ, а отцы будутъ ихъ у себя держать, и оные отцы

---

[1]) «Понеже отчасти извѣстно, что до сего времени при семинаріи такихъ учениковъ содержать, которые по россійски читать и писать не обучены; того ради всѣхъ такихъ отдать родителямъ ихъ, съ такимъ опредѣленіемъ, чтобы они тѣхъ дѣтей своихъ до пришествія ихъ возраста въ 12 л., всему тому конечно обучили, и обучивъ, для обученія прочихъ наукъ въ семинарію ихъ отдавали; а ежели кто изъ нихъ дѣтямъ потакать станутъ и ихъ обучать не будутъ, то съ нихъ будетъ штрафъ и тѣ ихъ дѣти за ихъ нераденіе къ наукамъ опредѣлены будутъ въ военную службу». Пст. Росс. Іер. Т. I стр. 601—602.

[2]) Князева: «Оч. ист. пск. семин. стр.», 28—29.

не точію каждый отъ своея церкви отлученъ будетъ, но нигдѣ служить допущенъ не будетъ» [1]).

Затѣмъ въ 1731 г. нояб. 18 (по частному донесенію славяно-греко-латинской академіи, что священники и діаконы и причетники дѣтей своихъ для ученія не отдаютъ, отъ чего число учениковъ во всей академіи умалилось и ученія распространеніе пресѣкается»), синодъ выдалъ новый указъ, которымъ подтверждаетъ узаконеніе 1723 г.—«о наборѣ въ школы... поповскихъ и діаконскихъ и причетническихъ дѣтей, къ школьному ученію годныхъ отъ 7 до 18 л.». Съ этого времени синодъ начинаетъ уже регулировать способы наблюденія за исполненіемъ этой обязанности, а именно приказываетъ обязать поповъ, дьяконовъ и причетниковъ подписками отъ духовной дикастеріи, въ томъ, что они дѣтей своихъ будутъ отдавать въ школы и не записывать въ подъячіе. Вмѣстѣ съ этимъ священно-церковнослужители должны подать сказки, сколько у кого и какихъ лѣтъ дѣти, не состоящіе на службѣ. «Обязательныя письма» (подписки) и эти сказки должны быть поданы поповскимъ старостамъ, а отъ этихъ послѣднихъ представлены въ дикастерію, которая, сведя ихъ въ порядокъ, должна выслать реэстръ въ синодъ. Но синодъ, очевидно, сознавалъ, что этихъ «обязательныхъ писемъ» и «сказокъ» весьма недостаточно для того, чтобы вполнѣ обезпечить исполненіе школьной обязанности и потому прибавляетъ: «а въ епархіяхъ архіереямъ о таковыхъ поповскихъ, діаконскихъ и причетническихъ дѣтяхъ чинить по усмотрѣнію потребности имѣть ихъ» [2]). Отсюда всѣ мѣры, которыя будутъ приняты мѣстною администраціею и на которыя мы укажемъ ниже, должны быть признаны исходящими изъ этого узаконенія.

Но и послѣ этого св. синодъ получалъ изъ нѣкоторыхъ епархій донесенія, что священники и церковнослужители не отдаютъ своихъ дѣтей въ школы, «проча ихъ въ приказные и другіе чины, укрываютъ дальними отсылками и прочими тому подобными образы». Поэтому синодъ принужденъ былъ повторить свой указъ 1731 года [3]).

---

[1]) П. С. З. № 3882.

[2]) П. С. З. № 6267 (ноябрь).

[3]) Смирновъ: «Ист. моск. сл. гр. лат. академіи», стр. 106.

Такъ какъ обязательность образованія, какъ мы уже говорили, истекаетъ изъ его профессіональнаго характера, и потому служба замѣняетъ образованіе, а образованіе службу, то дѣти духовныхъ лицъ, которые должны были поступить въ военную службу, но откупились изъ нея или поставили за себя рекрута, тѣмъ самымъ должны были откупиться отъ обязанности обучаться. Такой взглядъ очевидно и былъ общимъ у этихъ откупившихся лицъ и ихъ отцовъ и родственниковъ. Только такой взглядъ могъ заставить въ указѣ (уже приведенномъ выше) 1737, февр. 6 отмѣтить особо, что этотъ откупъ не освобождаетъ отъ обязательнаго обученія тѣхъ изъ нихъ, которые вознамѣрятся вступить въ духовную или гражданскую приказную службу: «однакожъ, говоритъ указъ, при отпускѣ ихъ брать съ нихъ реверсы, чтобъ они, кто пожелаютъ въ духовенство, обучались граматикѣ и риторикѣ, и тѣ изъ нихъ, которые «пожелаютъ вступить въ приказный чинъ— тѣбъ обучались ариѳметикѣ и геометріи». Эти науки они должны изучить «конечно» (непремѣнно) въ 3 года. Для контроля надъ исполненіемъ этой обязанности, чрезъ 3 года производится такимъ освобожденнымъ отъ службы экзаменъ въ смѣшанной коммиссіи изъ губернаторовъ и воеводъ съ одной стороны и епархіальныхъ архіереевъ съ другой. Кто по экзамену окажется знающимъ предписанныя науки хотя отчасти, тѣ допускаются къ занятію мѣстъ по духовной, или приказной службѣ. Невыучившіеся ничему, «все время праздно проводившіе безъ науки», опредѣляются въ солдаты безъ зачета, не смотря на то, что они уже поставили за себя рекрута. Но тѣ изъ нихъ, которые избираютъ своею профессіею не службу, а торговлю или ремесла, освобождаются отъ всякой обязанности обучаться [1]).

На основаніи изложенныхъ узаконеній установилась въ 30-хъ годахъ слѣд. система принужденія. Лица, подлежащія повинности образованія суть: дѣти отъ 7 или 10 л. и выше, сами отцы и наконецъ молодые монахи. Большая часть мѣръ принужденія относится къ первымъ. Мѣстное епархіальное начальство составляло списки всѣхъ, подлежавшихъ опредѣле-

[1]) П. С. З. № 7169.

нію въ школы [1]). Списки составлялись изъ донесеній самихъ отцовъ, вслѣдствіе распоряженія мѣстной власти. Это называлось представленіемъ «сказокъ»; обыкновенно сказки собирались въ мѣстныя духовныя правленія [2])

Потомъ св. синодъ, или мѣстное епархіальное начальство посылаетъ послушные указы всѣмъ священно-церковнослужителямъ, дѣти которыхъ попали въ призывной списокъ [3]). Затѣмъ слѣдовалъ сборъ отцовъ съ ихъ дѣтьми въ центральный епархіальный городъ, большею частію въ самую школу. Такъ именно поступало духовное начальство въ началѣ эпохи: когда призывной списокъ по петербургской епархіи представленъ былъ св. синоду, и этотъ послѣдній предписалъ: «отобрать ихъ (дѣтей) у отцовъ», то мѣстное начальство выполняло этотъ указъ посредствомъ вызова къ общему смотру. Что именно такой порядокъ переписи и смотровъ былъ установленъ повсюду, доказывается тѣми узаконеніями, которыми сенатъ освобождаетъ дѣтей лицъ духовныхъ нѣкоторыхъ мѣстностей отъ переписи и смотровъ (и которыя были уже отчасти указаны выше) [4]). Перепись и смотры были или ординарные, назначаемые мѣстнымъ начальствомъ по мѣрѣ потребностей семинаріи для укомплектованія ея, или чрезвычайные при всеобщемъ разборѣ или при новомъ основаніи семинаріи; въ двухъ изъ послѣднихъ случаевъ разборы школьные слились съ ревизіею и составленіемъ рекрутскихъ списковъ; отчего отцы и дѣти рѣдко различали наборъ въ школы отъ рекрутскихъ наборовъ. Иногда, впрочемъ и при обыкновенномъ теченіи дѣлъ, т. е. когда школа или семина-

---

[1]) Такъ, когда начальство петербургской епархіи въ 1733 г. составило вѣдомость всѣмъ священническимъ, дьяконовскимъ и пономарскимъ дѣтямъ отъ 7 до 18 лѣтъ то въ списокъ по этой епархіи было включено 79 человѣкъ.

[2]) Такъ владимірскій архіерей въ 1750 году приказалъ духовнымъ правленіямъ «въ одну недѣлю составить и прислать въ консисторію списки дѣтей св.-церковнослужителей безъ прибавленія и уменьшенія лѣтъ, а за неисправную и нескорую доставку и правителямъ и подъячимъ предстояло неослабное на тѣлѣ наказаніе».

[3]) «А чтобы Троицкой десятины св.-церковнослужители отдавали дѣтей безпрекословно о томъ послать имъ послушной приказъ». Смирн. «Ист. троицко-лавр. семин.».

[4]) П. С. З. № 9299 и 9329.

рія была открыта, постоянныя уклоненія отъ явки къ смотру заставляли начальство прибѣгать ко всеобщимъ смотрамъ. Такъ распорядился напр. еп. Арсеній въ 1746 г. относительно троицкой лаврской семинаріи, предписавъ «вызвать въ семинарскую контору и пересмотрѣть всѣхъ троицкой десятины священно и церковнослужительскихъ дѣтей и дѣтей приказнаго и служилаго чина» [1]). Наборы обыкновенные назначались въ неопредѣленные сроки, для пополненія или обновленія состава семинаріи, по требованію начальства семинаріи или по усмотрѣнію самаго епархіальнаго начальства. Если число учениковъ уменьшалось отъ побѣговъ, смертныхъ случаевъ, или сдачи въ рекруты, или если найдено было, что многихъ слѣдуетъ уволить за неспособность, тогда на мѣсто выбывшихъ приказывали набирать число учениковъ, недостающихъ до полнаго комплекта [2]). Смотры состояли изъ экзамена, на которомъ отъ подвергавшихся смотру требовались элементарныя знанія. Экзаменъ производился или въ присутственныхъ мѣстахъ чиновниками духовной администраціи, а иногда для этой цѣли вызывались сюда учителя изъ школъ, или въ самыхъ семинаріяхъ. Забракованные на смотрахъ не освобождались отъ ученія; напротивъ, отцы, какъ мы уже видѣли, подъ страхомъ наказанія обязаны были представить ихъ вновь обученными къ извѣстному сроку.

Мы сказали, что отцы должны были сами представлять своихъ дѣтей на смотръ. Начальство зная, какъ это не легко для отцовъ и какія разнообразныя мѣры уклоненія состоятъ въ ихъ распоряженіи, обязывало ихъ подписками, такого напримѣръ рода: «Мы даемъ въ обрѣтающуюся при его преосв. контору въ томъ, что выборныя дѣти въ слѣдующемъ 1750 году января мѣсяца имѣютъ быть представлены во Владиміръ для обученія неотмѣнно. А ежели зачѣмъ явиться къ таково-

---

[1]) Смирновъ: «Ист. троиц. семин.» стр. 27.

[2]) Во Псковѣ напр. «въ 1769 году по тому поводу, что въ низшихъ классахъ семинаріи находилось мало учениковъ, приказано было отъ преосвященнаго набрать, въ присутствіи исправлявшаго тогда должность ректора, человѣкъ 30 изъ свящ.-церк.-служительскихъ дѣтей, соблюдая при этомъ, чтобъ дѣти были уже обучены исправно читать порусски, кромѣ сиротъ, которымъ дозволялось учиться читать порусски въ семинаріи». (Князевъ: «Оч. ист. пск. сем.» стр. 61).

му числу не можемъ, то подвергаемъ себя тому истязанію, какое отъ его пр—ва назначено будетъ» [1]).

Но если районъ извѣстной семинаріи былъ слишкомъ разбросанъ и обширенъ, каковъ напр. былъ округъ троицкой семинаріи, разсѣянный по вотчинамъ троицкой лавры въ разныхъ епархіяхъ, то начальство должно было или сокращать объемъ этого округа и слѣд. число лицъ, подлежавшихъ школьной обязанности (такъ распорядился св. синодъ въ 1755 г. относительно лаврской семинаріи), или изобрѣсти новыя средства для вызова учениковъ на смотръ: такимъ средствомъ была посылка солдатъ [2]). Но такъ какъ сборъ дѣтей производился лишь для смотра и далеко не всѣ изъ нихъ могли дѣйствительно поступить въ школу, то набранныхъ чрезъ солдатъ приходилось бы отправлять опять назадъ на счетъ администраціи; поэтому найдено было удобнѣйшимъ посылать въ уѣзды и села вмѣсто солдатъ такихъ людей, которые бы могли на мѣстѣ произвести экзаменъ и слѣдовательно отправить на мѣсто сбора только дѣйствительно годныхъ. Стали посылать учителей, которые, по пріѣздѣ на мѣсто, собирали справки: дѣйствительно ли находятся ни лицо муж. пола дѣти священно-церковнослужителей, обозначенные въ реэстрѣ; потомъ производили имъ экзаменъ и тѣхъ, которые читать и писать по русски обучены, брали и высылали на крестьянскихъ подводахъ, при доношеніяхъ начальству, «отдавая оныя (дѣтей) для отсылки тѣхъ селъ командующимъ, а гдѣ оныхъ нѣтъ, старостамъ съ росписками». Если «гдѣ отъ священно-церковнослужителелей въ отдачѣ дѣтей ихъ учинится какое либо непослушаніе», учитель долженъ о томъ донести куда слѣдуетъ и «пристойнымъ образомъ требовать

[1]) Очеркъ исторіи влад. сем. (Влад. Епарх. Вѣдом. 1865 г. № 14)

[2]) Г. Смирновъ приводитъ слѣдующую инструкцію солдату: «ѣхать тебѣ въ троицкіе нижегородскіе отчины по нижеприобщенному реэстру; а пріѣхавъ выслать изъ тѣхъ мѣстъ тебѣ при себѣ служилыхъ и подъяческихъ дѣтей для отдачи ко ученію троицкой лавры въ семинаріи немедленно, не слушая никакихъ отговорокъ; а ежели кто изъ такихъ дѣтей будетъ укрываться, то выслать тѣхъ, у кого они жительствомъ показаны. Будучи же при томъ никакихъ обидъ и налоговъ не чинить и взяткамъ не касаться подъ опасеніемъ тягчайшаго штрафа» и т. д. («Ист. Тр. Лавр. Семин.». стр. 25).

команды и тѣхъ ихъ дѣтей брать, не пріемля никакихъ отъ нихъ отговорокъ, и потому жъ отсылать ихъ ко опредѣленію въ семинарію, а о тѣхъ противникахъ для вѣдома рапортовать» [1]).

Средства, состоящія въ распоряженіи отцовъ и дѣтей для уклоненія отъ этой повинности были многочисленны. Это 1) утайка при переписи. Когда наѣзжалъ закащикъ, или разсыльный изъ духовнаго правленія, то отцы «укрывали дѣтей дальними отсылками и прочими тому подобными образами» [2]). Къ тому же вела утайка лѣтъ при переписи: «подаривши рублей полдесятка и того болѣе закащику или подъячему, сказывали ихъ недорослями», а закащики и подъячіе записывали, что негодны-де еще для школы лѣтами [3]). 2) преждевременное устройство судьбы дѣтей посредствомъ записи ихъ въ службу, въ крестьянство, въ цѣхи или посредствомъ женитьбы. Запись въ службу (именно въ подъячіе) была предотвращена прямыми и строгими узаконеніями; отдача въ крестьянство навсегда освобождала человѣка отъ всякаго обученія; но запись въ цѣхи — не всегда. Даже въ концѣ XVIII вѣка находились охотники освобождаться отъ семинаріи посредствомъ поступленія въ крестьянство: въ 1781 г. ученикъ ярославской семинаріи Алексѣй Мальцовъ подалъ прошеніе арх. Самуилу, «чтобы его за немолодыми его лѣтами уволить и дозволить приписаться къ дворцовой или экономической вотчинѣ къ исправленію земледѣльчества. Архіепископъ приказалъ справиться, по какой причинѣ онъ прописанный въ его прошеніи родъ жизни избираетъ, а при томъ объявить ему, что съ нимъ не по его желанію, но на основаніи указовъ поступлено будетъ» [4])... Наконецъ преждевременная женитьба [5]) была самымъ удобнымъ способомъ уклоненія, пото-

---

[1]) Ibid, стр. 27—28.
[2]) П. С. З. № 6267.
[3]) Пекарскій: «Наука и литература», I, 452—453.
[4]) Рукопись арх. яр. дух. семин.
[5]) «Извѣстно намъ учинилось (пишетъ Иродіонъ Жураковскій, архіепископъ черниговскій 4-го дек. 1722 г.), что многіе священницы епархіи нашей.., пренебрегаючи архіерейскія увѣщанія, чтобы сыновъ, своимъ единымъ своевольствомъ бавлючихся, задерживати и въ недорослыхъ лѣтахъ противно правилъ св. отецъ сочетовати браку...; лѣта свои до науки способніи нада-

му что въ духовныхъ школахъ женатые долго не допускались (тогда какъ въ свѣтскихъ первоначально составляли едва ли не большинство). Если ниодна изъ этихъ мѣръ не удавалась, то оставалось прибѣгнуть къ преступленіямъ: нанесенію себѣ увѣчій, къ ложнымъ политическимъ доносамъ (объявленію за собою «слова и дѣла») или наконецъ бѣгству. Самоизувѣченіе составляло, вѣроятно, столь обычное явленіе при этомъ случаѣ, что начальство обыкновенно паряжало слѣдствіе, если кто-либо изъ назначенныхъ въ семинарію отписывался болѣзнію и увѣчествомъ [1]).

Объявленіемъ за собою слова и дѣла рѣдко удавалось достигнуть желаемой цѣли. «Семинаристы, желая за лѣностью отъ ученія латинскаго діалекта отбыть, объявляютъ за собою дѣло «до тайной конторы»; но «если объявленіе слова и дѣла оказывалось ложнымъ, виновный отдаемъ былъ въ солда-

---

ремнѣ теряютъ». Труды Кіев. Дух. Акад. 1860, кн. 2-я стр. 245 — 246. Въ 1744 году дьяконъ села Порѣчья женилъ сына своего Петра Тиханова, «хотя тѣмъ избѣгнути отъ семинаріи»; съ отца взяли штрафу 15 р., но сына въ семинарію не взяли; но когда сынъ троицкаго слуги Николай Рагозинъ, уволенный въ домъ отца для излеченія «отъ косноязычія», женился тамъ, то по требованію семинарскаго начальства взятъ опять въ семинарію женатый—доучиваться до конца. Ист. троицк. семин. Смирнова, стр. 27.

[1]) Въ 1763 г. попъ Діомидъ Ильинъ моложскаго стану угличскаго уѣз. подалъ въ угличское правленіе челобитную, въ которой прописываетъ: во время случившагося 20 сент. этого года Божіимъ попущеніемъ пожара «сыну его Ефиму упадшимъ съ избы его попа бревномъ разшибло лѣвую руку такъ жестоко, что кости въ той рукѣ большую раздробило, а малую отъ оной отшибло и вся та рука весма распухла и отъ того-де онъ Ефимъ находится нынѣ въ тяжкой болѣзни, за коею его въ тое семинарію, по взятому съ него попа того моложскаго стану закащикомъ, въ силу указовъ, обязательству, представить не можно». Священникъ боясь, «чтобы семинарская контора не положила какова на него попа безвинно штрафа», просилъ о освидѣтельствованіи его сына. Духовное правленіе послало для освидѣтельствованія нарочнаго съ такою инструкціею: «накрѣпко изслѣдовать онаго попова сына рука подлинно ли во время бывшаго пожарнаго случая нечаянно упадшимъ съ избы поповой бревномъ расшибена, а не другимъ какимъ случаемъ и не нарочно ль то имъ учинено». Все это предписывается изслѣдовать по самой истинѣ какъ долгъ, совѣсть и присяга обязываютъ. Нарочный-копіистъ Яковлевъ донесъ, что попова сына дѣствительно всего «бревномъ подавило»; крестьяне того села показали, что это случилось Божіимъ попущеніемъ, а не другимъ какимъ порядкомъ нарочно».

ты, или матросы» [1]). Но самое обычное средство уклоненій есть бѣгство при явкѣ на смотръ [2]) и изъ семинаріи, по опредѣленіи въ нее.

Въ этихъ послѣднихъ случаяхъ наступалъ второй рядъ правительственныхъ мѣръ—мѣры карательныя, направляемыя какъ на родителей, такъ и на дѣтей. Относительно первыхъ примѣнялись слѣдующія мѣры взысканій: денежные штрафы, лишеніе мѣстъ, тѣлесныя наказанія.–Количество штрафовъ опредѣленныхъ закономъ (съ протопопа 2 р., со священника 1½ р., съ дьякона рубль, съ дьячка и попамаря 50 коп. [3]) за каждый мѣсяцъ укрывательства) измѣнялось на практикѣ по усмотрѣнію администраціи [4]). Лишеніе должностей и тѣлесныя наказанія (лишеніе чиновъ и безпощадное наказаніе) установлены выше приведеннымъ закономъ 1721 г. 1 сент. Къ числу наиболѣе дѣйствительныхъ карательныхъ мѣръ противъ отцовъ принадлежитъ арестъ самихъ отцевъ въ слу-

---

[1]) Смирновъ: «Ист. троицк. сем.».

[2]) «Не смотря на всѣ угрозы, пишетъ авторъ ист. владимірской семинаріи о ея основаніи, многіе отцы не доставили въ семинарію своихъ дѣтей; да еще не малое число ихъ разбѣжалось во время переѣзда во Владиміръ». Влад. епарх. вѣдом. 1865 № 14. «При появленіи консисторскихъ разсыльщиковъ отцы скрывали дѣтей, сказывая ихъ въ бѣгахъ, а если кто изъ дѣтей нечаянно впадалъ въ руки разсыльщика, то таковаго въ Кострому провожали, какъ покойника съ плачемъ и воплемъ. Главною причиною, почему отцы неохотно отдавали дѣтей въ семинарію, была молва, что непонятныхъ учениковъ будутъ отдавать въ военную службу. Недоброжелатели просвѣщенія находили къ этому поводъ въ узаконеніяхъ имп. кабинета отъ 26 (25-го см. выше) сент. 1737 г. въ 6-мъ п. и въ регламентѣ новгород. семинаріи отъ 20 мая 1740 г., что лѣнивыхъ велѣно опредѣлять въ солдаты (мы видѣли выше, что «недоброжелатели просвѣщенія» имѣли полное основаніе распространять эту молву). Предубѣжденіе это противъ семинаристовъ долго оставалось среди духовенства». Архим. Макарія: «письма изъ Рязани». Русскій Педагогич. Вѣстн. 1858 г. № 10.

[3]) Синод. ук. 1744 т. 23 февр.; см. Смирнова: «Ист. троиц. семин.», стр. 25.

[4]) По распоряженію ростовской консисторіи слѣдовало: «съ отцовъ за неоставку семинаристовъ брать штрафа на богадѣльни за каждую просроченную недѣлю по 5 рублевъ, о чемъ отцамъ объявить предварительно чрезъ закащиковъ съ подписками». Рукоп. яр. дух. сем. Во Псковской епархіи опредѣлено: брать штрафа съ священниковъ по 5 рублей, съ діаконовъ по 3 и съ причетниковъ по два рубля. Князевъ: «Оч. ист. псков. семин.».

чаѣ бѣгства и укрывательства дѣтей; такъ въ 1761 г. ярославская семинарская контора проситъ угличское духовное правленіе «держать подъ карауломъ въ ономъ правленіи дьякона, пока онъ сына своего не отыщетъ» [1]).

Подобныя же мѣры принужденія и такія же средства уклоненія употреблялись и тогда, когда ученикъ уже доставленъ въ школу, потому что и въ духовномъ сословіи для лицъ, попавшихъ въ школу, образованіе обязательно въ тѣхъ высшихъ размѣрахъ, которые утверждены законодательствомъ для этой профессіи. Даже если школа не въ состояніи была дать такого образованія по недостатку учителей, то учениковъ все таки держали при школѣ, переводя ихъ въ высшіе классы, или занимая канцелярскими работами, пока не отыщутся учителя. Поэтому съ учениковъ, при поступленіи ихъ брали запись, что они не оставятъ школы впредь до полнаго окончанія наукъ въ ней [2]). Записи установлены духовнымъ регламентомъ: «принимать бы студентовъ съ разсмотрѣніемъ остроумія, и они бы запись давали на себе, что до конца ученій пребудутъ во академіи подъ великимъ штрафомъ, естьли бы обѣта своего не исполнили безъ крайней нужды» [3]). Эти записи имѣютъ большое сходство съ записями на кабальное холопство и послѣдствія были тѣже. Нежеланіе продолжать науку выражается въ одной формѣ-бѣгства изъ школы.

Намъ нѣтъ надобности изображать трагическія черты всеобщаго бѣгства изъ школъ, которыя многимъ писателямъ

---

[1]) Рукоп. арх. яросл. дух. семин.

[2]) «1728 г. іюня 1 дня иркутскаго жителя служилаго человѣка Бориса Изотова сынъ Степанъ Борисовъ Изотовъ въ иркутскомъ архіерейскомъ приказѣ сію на себя даю запись, противъ духовнаго регламента 21-й регулы, въ томъ, что я пришелъ своею волею въ школу, желая учиться мунгальскаго языка и чтобъ мнѣ, покамѣстъ я онаго мунгальскаго языка не выучу въ совершенство и мнѣ отъ школы не отойти и не збѣжать, безъ вѣдома архіерейскаго. Аще же я что сей моей запискѣ противно что сдѣлаю, или не доучившись отойду, и тогда я достоинъ буду немалаго штрафу, что укажетъ его архіерейство, такожъ и жестокому наказанію на тѣлѣ. Того для и даю по себѣ поруку и свидѣтелемъ у сей записки роднаго брата Никифора Борисова, сына Изотова. Къ сей запискѣ я Степанъ Изотовъ подписыюсь своеручно. Къ сей запискѣ вмѣсто поручика Никифора Изотова, по его прошенію. Никифоръ же Шуговъ руку приложилъ». Иркут. Епарх. Вѣдом. 1863 г. № 32 й.

[3]) Реглам. духов. изд. 1722 г,, стр. 55.

кажутся комическими [1]), и въ которыхъ мы видимъ отраженіе роковой стороны новой русской цивилизаціи. Бѣгство это, какъ извѣстно, встрѣчное: одни бѣгутъ изъ школы, другіе (какъ Ломоносовъ и Тредіаковскій) въ школу. Очевидно, что русло цивилизаціи принимаетъ ненормальное теченіе, что государству казалось необходимымъ раздѣлить это русло на рукава, по собственному усмотрѣнію, для оплодотворенія его (государственной) почвы. Но человѣческая мысль и нравственная дѣятельность не призваны къ исключительному служенію государству.

Насъ интересуетъ здѣсь, что́ предпринимало государство противъ этихъ побѣговъ: мы видѣли, что бѣгающій изъ военныхъ школъ разсматривается какъ военный дизертиръ. Бѣгство предполагаетъ закрѣпленіе, или мѣсто заключенія. Очевидно, что школа разсматривается именно какъ мѣсто заключенія: человѣкъ остается въ ней до тѣхъ поръ, пока государство не опредѣлитъ его или въ солдаты, если человѣкъ къ «ученію непонятенъ», или въ службу, соотвѣтствующую его профессіональному образованію, если онъ усвоилъ всю сумму знаній, назначенную государствомъ. Отсюда и выродилось понятіе «бѣглыхъ» въ примѣненіи къ школьникамъ. А сообразно съ этимъ понятіемъ установлялись и государственныя мѣры противъ побѣговъ. Прежде всего бѣглыхъ слѣдуетъ поймать. «Бѣглыхъ учениковъ консисторіи въ скоромъ времени отыскать и представить въ школы безъ всякихъ отговорокъ, иначе консисторія будетъ отштрафована за потворство, по которому она допустила... болѣе 30 челов. жить въ бѣгахъ»; такъ предписывалъ въ 1742 г. псковской

---

[1]) Почтенное исключеніе составляетъ авторъ очерка исторіи владимір. семинаріи: «Сколько было пролито горькихъ слезъ (пишетъ онъ) и передумано самыхъ отчаянныхъ предпріятій прежде, нежели несчастный отецъ рѣшился ослушаться архіерейскаго указа... Но какъ ни странны эти отцы и матери, которыя, повидимому, не могутъ понять, что для ихъ дѣтей хотятъ сдѣлать неоцѣненное благо—просвѣтить ихъ ученіемъ; а все таки представляя картину этого горя цѣлой епархіи (увы, цѣлой имперіи!) невольно становится грустно... Въ то время едвали не настолько же было тяжело отдать сына въ семинарію, сколько нынѣ видѣть исключеннаго. Вѣдь не по однимъ пустымъ капризамъ отцы становились ослушниками указовъ, не отдавали дѣтей въ семинарію; этому были дѣйствительныя, серьезныя причины». Влад. Епарх. Вѣд. 1865 г. № 14.

архіерей [1]). Поэтому мѣстное начальство изобрѣтаетъ или мѣстныя средства для поимки, которыми распоряжается то администрація, то учебное начальство [2]), или обращается къ общимъ полицейскимъ учрежденіямъ за содѣйствіемъ въ поимкѣ; мѣстная полиція тѣмъ болѣе интересовалась этимъ дѣломъ, что бѣглецы изъ школы не рѣшались укрываться въ домахъ отцовъ, чтобъ не подвергнуть тяжелой отвѣтственности этихъ послѣднихъ и не попасться опять легко въ руки сыщиковъ. Имъ оставалось бродяжничество среди городовъ и только такія средства жизни, которыя могутъ состоять въ распоряженіи бродягъ [3]). Пойманный подлежитъ наказанію; это наказаніе имѣетъ уголовно-карательный характеръ, а не школьно-педагогическій; оно производится обыкновенно не въ школахъ, а въ присутственныхъ мѣстахъ (судебныхъ и административныхъ) иногда послѣдовательно во всѣхъ инстанціяхъ духовнаго управленія [4]).

Такъ какъ образованіе и служба отождествляются и поступленіе въ школу есть поступленіе на службу, то человѣкъ и по окончаніи полнаго курса наукъ въ школѣ не получаетъ свободы до тѣхъ поръ, пока не прінскана ему служба, или пока онъ самъ не прінскалъ ее [5]).

---

[1]) Князевъ: «Оч. ист. пск. сем.».

[2]) «Указъ Ея И. В. Имп. и Самод. Всер. изъ учрежденной въ спасо-ярославскомъ монастырѣ семинарской конторы приставу Дмитрову инструкція. Итьтить тебѣ углицкаго уѣзду въ с. Масальское... а пришедъ взять того села попова сына Якова Степанова Масальскаго, который отбывая отъ ученія долговременно, въ семинарію, по укрывательству отца его, не является и взявъ привесть съ собою и объявить въ оной семинарской конторѣ въ самой скорости непремѣнно. Бывъ же въ оной посылкѣ противныхъ указамъ поступковъ отнюдь не чинить...» и т. д. Рукоп. арх. яросл. дух. сем.

[3]) «Опасаясь наказанія, бѣжавшіе или укрывались въ домахъ родительскихъ, или бродили по Москвѣ и производили новые безпорядки, пока наконецъ не были отводимы въ полицеймейстерскую канцелярію, которая для расправы присылала ихъ въ академію». Смирновъ: «Ист. сл. гр. лат. акад.», 106—107.

[4]) Въ 1761 г. бѣглый ученикъ ярославской семинаріи Петръ Фроловскій жаловался, что онъ наказанъ напрасно и въ ярославскомъ дух. правленіи и въ ростовской дух. консисторіи. Рук. арх. яросл. дух. семин.

[5]) Пунктъ 5-й упомянутаго выше кабинетскаго указа 1757 г. говоритъ: «А которые впредь для наукъ опредѣлены, тѣхъ хотябъ кто и совер-

Изложенныя требованія (о закрѣпощеніи учениковъ въ школѣ) на практикѣ должны были подвергнуться невольному ограниченію. Пока еще законъ не точно опредѣлилъ, что ученики совершенно неспособные, или лѣнивые не увольняются изъ школы, а сдаются въ солдаты, мѣстные архіереи увольняли такихъ за условленную ежегодную плату, «на оброкъ». Оброчные ученики или сами вносили за себя плату, если были опредѣлены къ низшей церковной должности, или за нихъ вносили ихъ отцы [1]). Опредѣленіе количества оброка предоставлялось мѣстной епархіальной власти [2]).

Второе обстоятельство, ограничивающее строгость упомянутыхъ требованій заключается въ самыхъ условіяхъ школы. Мѣры, гарантирующія обязанность образованія въ духовномъ сословіи, связаны лишь съ одною формою сообщенія образованія-со школами. Но не всѣ, подлежащіе обязанности учиться, могли быть помѣщены въ школу; администрація назначила штаты и не могла переступить границы ихъ по недостатку средствъ на содержаніе школъ. Коллизія между всеобщею обязанностью образованія и штатами школъ разрѣшалась слѣдующимъ образомъ: въ школу набиралось штатное число учениковъ или изъ числа оказавшихся лучшими на смотрѣ, или изъ числа дѣтей болѣе привилегированныхъ и состоятельныхъ родителей; такъ въ Костромѣ преосв. Дамаскинъ опредѣлилъ, чтобы въ семинарію представляли дѣтей священники и діаконы отъ тѣхъ только церквей, гдѣ приходы состоятъ изъ 100 дворовъ [3]). Въ ярославской семинаріи нѣкоторое время принимали однихъ священническихъ и дьяконовскихъ дѣтей, а причетническихъ только отъ церквей гор. Ярославля. На прочихъ возлагалась

шенно обучился, изъ школъ не выпускать, пока они сыщутъ по желаніямъ своимъ мѣсто и къ тому требованы и опредѣлены будутъ». П. С. З. № 7385 (сент. 25).

[1]) «Изъ этого оброка, какъ писалось въ бумагахъ, выключались только за совершенствомъ лѣтъ, за скудостію и за пожарныхъ разореніемъ». Макарія: «Ист. стат. опис. ряз. дух. сем.», стр. 22—23.

[2]) Въ Казани «м. Сильвестръ рѣшилъ отпустить такихъ (неспособныхъ учениковъ) изъ школы, но съ тѣмъ, чтобы они или сами, или ихъ отцы платили *за ослушаніе* въ пользу школы по рублю въ годъ». Правосл. Обозр. 1868 г. декабрь, стр. 351.

[3]) Русск. Педагогич. Вѣсти. 1858 г., № 10.

обязанность пріобрѣсти образованіе дома, въ низшихъ границахъ его, которыя были указаны узаконеніями, приведенными выше (при изложеніи объема и характера духовнаго образованія).

Обязательность образованія, какъ мы сказали, простиралась на лицъ, уже занявшихъ должность,-нетолько на дѣтей, но и на отцовъ ихъ: священниковъ, діаконовъ и причетниковъ. Для этихъ послѣднихъ образованіе обязательно въ низшемъ размѣрѣ, утвержденномъ вышеприведенными законами. Какимъ способомъ распространяемо было образованіе между ними, будетъ указано ниже.

Указомъ 1723 года Петръ велѣлъ переписать всѣхъ молодыхъ монаховъ и собрать ихъ въ школы. Однако эта мѣра никогда не была выполняема со всею строгостью; она и не могла быть выполнена по крайней и странной неопредѣленности своей: кто называется здѣсь «молодыми» монахами? Въ 1724 году въ московской сл.-латин. академіи учился іеродіаконъ Смарагдъ изъ Тобольска, который поступилъ, по присылкѣ его въ первую латинскую школу, имѣя 35 л. отъ роду и «чрезъ два года былъ уволенъ изъ академіи за неспособностію и старостью лѣтъ». Въ это время всѣхъ, учившихся въ академіи монаховъ, было только 13 изъ различныхъ б. ч. отдаленныхъ мѣстностей: Воронежа, Рязани, Смоленска [1]); изъ московскихъ же монастырей, какъ доносилъ въ 1727 году ректоръ Гедеонъ Вишневскій синоду, «хотя въ нихъ и довольно молодыхъ и къ ученію способныхъ монаховъ, изъ которыхъ бы могъ быть плодъ церкви и произошли бы въ учители и предикаторы, и по нынѣ никого не присылаютъ». Св. синодъ нашелъ нужнымъ вновь подтвердить указъ 1723 года, но, какъ кажется, съ одинаковымъ успѣхомъ [2]).

Обращаясь въ заключеніе къ вопросу о причинахъ, вызвавшихъ правительство на крайне жестокія мѣры принужденія къ образованію, а родителей на изобрѣтеніе грубыхъ средствъ избѣгнуть его, мы должны только свести то, что по частямъ уже приведено нами выше. Правительству даже

[1]) Смирновъ: «Ист. Сл. Гр. Лат. Акад.», стр. 178.

[2]) П. С. З. № 5091 (іюня 10); см. С. М. Соловьева: Ист. Росс. XIX, стр. 117.

того времени не можетъ быть приписана очевидно нелѣпая мысль, что человѣка можно сдѣлать образованнымъ посредствомъ уголовныхъ каръ. Энергія правительственныхъ мѣръ принужденія направлена была вовсе не къ распространенію образованія, а къ регулированію служебныхъ повинностей: правительство хотѣло имѣть въ своихъ рукахъ всѣхъ лицъ, обязанныхъ службою тотчасъ по выходѣ ихъ изъ младенческаго возраста; оно собираетъ ихъ въ школы, или на экзамены, чтобы они не растерялись; конечно здѣсь же въ школахъ оно надѣется и приготовить ихъ къ службѣ; но только приготовить къ службѣ, а не дать имъ образованіе. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно припомнить, что каторжныя работы назначались *за поступленіе въ школу*, если эта школа не соотвѣтствуетъ той службѣ, къ которой предназначено лицо законами.

Что касается до причинъ противодѣйствія правительственнымъ мѣрамъ по образованію, то мы должны предупредить, что населеніе бѣжало не отъ образованія, а отъ смотровъ и школъ, что ходячая мысль о противоестественномъ отвращеніи отъ образованія въ цѣломъ народѣ, эта мысль (плодъ нашего подчиненія чужимъ мнѣніямъ) должна быть отброшена, какъ совершенно негодная и не согласная ни съ самыми общеизвѣстными законами психологіи, ни съ приводимыми выше фактами. Тоже самое, что заставляло правительство прибѣгать къ мѣрамъ принужденія, побуждало и общество изыскивать всѣ мѣры уклоненія отъ мнимаго образованія. Во главѣ причинъ противодѣйствія правительству въ его мѣрахъ по народному образованію стоитъ сословно-служебный его характеръ: мы уже привели слова одного уважаемаго писателя о томъ, что отцы и дѣти справедливо видѣли въ наборѣ въ школы наборъ въ рекруты.

Одна изъ важнѣйшихъ причинъ уклоненія отъ школъ и смотровъ, это самая система принужденій. Извѣстно, что стремленіе облагодѣтельствовать человѣка насильно (посредствомъ каторги, кнута, батоговъ, заключенія въ кандалы) всегда возбуждаетъ недовѣріе къ намѣреніямъ благодѣтеля. И справедливо: этотъ послѣдній очевидно долженъ имѣть сторонніе виды, задніе мысли, какія дѣйствительно и питало правительство 1-й полов. XVIII в.

Уже въ самомъ началѣ этого вѣка одинъ обломокъ предшествующей эпохи—Поликарповъ писалъ Мусину-Пушкину слѣд.: «учители греческіе роспись бѣглымъ ученикамъ въ сенатскую канцелярію послали числомъ на 40 человѣкъ и что будетъ по ней, доносить не умедлю. Обаче сомнѣваюсь—дастся ли по неволѣ своевольнымъ наука. Глаголетъ бо Назіанза свѣтильникъ: пастырь, аще похощетъ, можетъ доить козлища. Но вмѣсто млека источитъ кровь его сырища..; а нынѣ и наипаче нужда умножати греческую науку...» [1]); то есть, Поликарповъ боится, что розыскъ 40 бѣглыхъ учениковъ совсѣмъ разрушитъ греческую школу, столь по его мнѣнію необходимую.

Здѣсь мы должны съ особенною силою поставить читателю на видъ слѣд. фактъ: противодѣйствіе образованію со стороны общества не уменьшалось, а возрастало по мѣрѣ усиленія мѣръ принужденія къ нему. Въ началѣ XVIII в., когда еще правительство допускало общее образованіе и ничѣмъ не принуждало къ поступленію въ школу, наплывъ желающихъ учиться въ общественныхъ школахъ былъ такъ значителенъ, что правительство принуждено было сдерживать его, назначеніемъ штатнаго maximum'а учениковъ (впослѣдствіи училищные штаты всегда назначали обязательный minimum учениковъ). Когда въ 1706 году начальство разноязычныхъ школъ въ Москвѣ спрашивало, принимать ли въ школы сверхъ 300 учениковъ, уже находящихся въ нихъ, Петръ далъ собственноручную резолюцію такого рода: «больше 100 человѣкъ не принимать...» [2]). Точно то же было и съ московскою Сухаревою Башнею, когда въ нее велѣно было еще набирать охочихъ людей: «прибрано, писалъ въ 1704 г. Курбатовъ Головину, учениковъ съ 180 человѣкъ охотниковъ всякихъ чиновъ, и прожиточные люди припознали тоя науки сладость, отдаютъ въ тѣ школы дѣтей своихъ, а иные и сами недоросли и рейтарскіе дѣти и молодые изъ приказовъ подъячіе приходятъ съ охотою немалою». Курбатовъ спрашивалъ: «когда наполнится число 200 человѣкъ и приходить будутъ нарочи-

[1]) «Черты изъ исторіи книжнаго просвѣщенія при Петрѣ В.» Русск. Арх. 1868. № 7—8.

[2]) «Историч. документъ о гимназіи при Петрѣ В.» День, 1863, №. 15.

тые, принимать ли сверхъ 200 человѣкъ и колнкому числу совершенно быть»! [1]). Между тѣмъ спустя почти 40 л. послѣ этого, въ 1742 г. адмиралтейская коллегія доносила сенату: «зѣло мало въ наукѣ осталось и, за непмѣніемъ оныхъ, въ подлежащіе ко флоту чины опредѣлять некого». И такія жалобы повторялись неоднократно. Точно такое же явленіе замѣчаемъ мы во всѣхъ другихъ школахъ: ростовское училище при св. Димитріи—около 1702 г. имѣло до 200 учениковъ; черезъ 72 года послѣ этого—въ 1774 г., при обязательномъ типитиш'ѣ, едва могли набрать здѣсь 176 учен. Еще въ концѣ царствованія Петра въ 1725 г. моск. слав. гр. лат. академія имѣла 629 учениковъ, а въ 1750 г.—200 человѣкъ.

Наоборотъ, съ ослабленіемъ принудительныхъ мѣръ къ образованію во 2-й пол. XVIII в., приливъ въ школы, вообще стремленіе къ образованію усилились вдругъ и неожиданно.

Предоставляемъ читателю сдѣлать не трудный выводъ изъ этихъ фактовъ. Если просвѣщеніе вбито въ умы русскихъ вышеуказанными мѣрами, то мы могли бы и теперь повторить слова, влагаемыя иноземнымъ писателемъ въ уста русскаго боярина, который будто бы такъ говорилъ Петру В.: «напрасны и издержки и труды твои, государь; головѣ и уму русскаго недоступны и ученіе и науки» [2]).

Высказанная мысль о томъ, что въ русскомъ государствѣ 1-й пол. XVIII в. народное образованіе не было признано самостоятельною задачею государства, самымъ лучшимъ образомъ можетъ быть провѣрена посредствомъ изученія устройства административныхъ органовъ того времени. Извѣстно, что сознаніе той или другой задачи управленія тотчасъ обнаруживается внѣшнимъ образомъ посредствомъ возникновенія новой, самостоятельной вѣтви управленія.

Когда Лейбницъ, еще въ 1711 г., предлагалъ свои услуги Петру для основанія въ Россіи коллегіи народнаго просвѣщенія, то подъ именемъ этой коллегіи онъ разумѣлъ ор-

---

[1]) С. М. Соловьева: «Ист. Россіи», т. XV, стр. 99—100.

[2]) „Leben Peters des Grossen“ von Halem. Th. I, S. 158. (см. Учен. зап. II отд. Ак. Н. 1854, кн. 1, 10).

ганъ высшей администраціи, параллельный другимъ высшимъ органамъ управленія. Кругъ вѣдомства его онъ очертилъ такъ: коллегія издаетъ предписанія (относящіяся къ народному образованію), заботится объ устройствѣ воспитанія юношества, а именно: о пріисканіи учителей и изданіи учебниковъ [1]). Въ другой запискѣ Лейбницъ подробнѣе очерчиваетъ границы этой вѣтви администраціи и вмѣстѣ съ тѣмъ чрезмѣрно разширяетъ ихъ слѣд. обр.: коллегія совмѣщаетъ въ себѣ 1) управленіе народнымъ образованіемъ (школами и учащимися), 2) управленіе дѣлами печати (типографіями, книгопечатаніемъ и торговлею писчею бумагою); 3) управленіе медицинской частію (лекарствами и аптеками), 4) управленіе промышленностью, добывающею, обработывающею и торговою (соляною и горною промышленностію, фабриками, акклиматизаціею растеній и пр.). Эти послѣднія вѣтви управленія составляютъ подчиненные коллегіи департаменты ея и комитеты. Кругъ дѣйствій собственно управленія образованіемъ тотъ же, какой былъ указанъ въ предыдущей запискѣ, т. е. основаніе школъ, пріисканіе хорошихъ учителей и изданіе руководствъ. Коллегія состоитъ въ числѣ высшихъ государственныхъ учрежденій: «президентъ, или директоръ этой коллегіи долженъ быть членомъ высшаго государственнаго совѣта (т. е. того, что Петръ учредилъ подъ именемъ сената), а также тайнаго военнаго совѣта. Члены же коллегіи, смотря по обстоятельствамъ, должны имѣть званіе царскихъ совѣтниковъ и секретарей» [2]). Впослѣдствіи Лейбницъ, очевидно, отказался отъ такого неумѣреннаго расширенія вѣдомства ученой коллегіи; въ письмѣ къ царю о коллегіяхъ (которое г. Герье относитъ къ 1716 г.), онъ проэктируетъ между прочимъ отдѣльную торговую коллегію. Вообще же онъ рекомендовалъ устроить въ Россіи слѣдующія 9 коллегій: государственную, военную, финансовую, полицейскую, судебную, торговую, вѣроисповѣданій, контрольную и *ученую*. Эта послѣдняя не есть академія наукъ, но административное учрежденіе, точно такое же, какъ и всѣ вышеисчисленныя. Правда, согласно съ мыслями Лейбница, она должна имѣть двой-

[1]) См. Журн. Мин. Нар. Пр: 1870 г., февр. стр. 414.
[2]) См. Журн. Мин. Нар. Пр. 1870 г. апрѣль, стр. 311.

ственное значеніе: административнаго и ученаго учрежденія. Члены предполагаемой имъ русской коллегіи народнаго просвѣщенія должны «каждый излагать свою науку по усовершенствованной методѣ и при томъ стараться слѣдить за открытіями и усовершенствованіями». Но существенная обязанность коллегіи «наблюдать, чтобы молодежь въ государствѣ была воспитываема хорошо и проходила бы всѣ науки и испытывать тѣхъ изъ молодыхъ людей, которые отправляются за границу, и потомъ представлять о нихъ царю для наблюденія за границей, чтобъ тамъ каждый изъ посылаемыхъ юношей учился тому, къ чему найденъ способнымъ по испытаніи».

Петръ дѣйствительно учредилъ коллегіи (по мысли ли Лейбница, или по примѣру Швеціи-для насъ все равно); во всякомъ случаѣ лейбницевскій списокъ коллегій выполненъ съ избыткомъ: государственная коллегія основана подъ именемъ коллегіи чужестранныхъ дѣлъ, военная-подъ именемъ воинской, финансовыхъ двѣ: камеръ или казенныхъ сборовъ и штатсъ контора, судебная—подъ именемъ юстицъ-коллегіи, торговая—подъ именемъ коммерцъ-коллегіи, вѣроисповѣданій-духовной коллегіи (въ послѣдствіи св. синода), ревизіонная подъ этимъ же именемъ и кромѣ того адмиралтейская, бергъ- и манufактуръ. Недостаетъ только полицейской и ученой: первой очевидно потому, что всякая коллегія была полицейскою и вся дѣятельность государства была таковою; никакой не было возможности спеціализировать то, что проникало весь государственный строй. Но почему не основана «ученая коллегія»? Послѣдующій проэктъ Петра объ основаніи академіи наукъ едвали есть выполненіе мысли объ основаніи ученой коллегіи; ни изъ чего не видно, чтобы Петръ хотѣлъ придать ей административный характеръ, котораго она въ дѣйствительности и не получила. Наконецъ, если Петръ, дѣйствительно хотѣлъ сдѣлать ее административнымъ учрежденіемъ, то почему онъ медлилъ, организацією такой важной отрасли высшей администраціи? Надо принимать факты, какъ они есть: министерство народнаго образованія не только не было организовано въ 1-й пол. XVIII в., но и не могло быть организовано. Такъ какъ народное образованіе нисколько не входило въ число задачъ правительственной дѣятельности, а всякое образованіе было приготовленіемъ къ

тому, или другому роду службы, то очевидно то, что мы нынѣ называемъ народнымъ образованіемъ, должно вѣдаться тѣми спеціальными органами, въ управленіи которыхъ находились различныя вѣтви государственной службы. Какъ извѣстно дань такому воззрѣнію и такому порядку вещей платятъ до сихъ поръ многія государства и наше въ особенности. Но теперь даже спеціальныя вѣтви образованія уже значительно отдѣлены отъ практическихъ пріемовъ службы и приближаются, по своему характеру, къ значенію образованія. Въ тѣ же дни, когда школою была гвардія, церковь, присутственное мѣсто, и внѣ ихъ ничего, что могло бы назваться образованіемъ въ собственномъ смыслѣ, никакой благоразумный государственный человѣкъ не пришелъ бы къ мысли устроить общій центральный органъ управленія такими столь разнообразными предметами. Словомъ коллегіи образованія не было устроено потому, что понятія объ образованіи не было.

Однако слѣдуетъ замѣтить, что во времена Петра были сдѣланы разныя попытки устроить такъ или иначе администрацію образованія. Характеръ этихъ попытокъ и судьба ихъ укажутъ намъ всего лучше на несвоевременность и невозможность этого дѣла при исключительно-профессіональной системѣ образованія.

При Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, основанная имъ академія получаетъ характеръ административнаго учрежденія, управляющаго народнымъ образованіемъ всего государства; попытка ввѣрить администрацію школѣ есть одинъ изъ неудачныхъ пріемовъ законодательства, столько разъ повторявшійся послѣ; во всякомъ случаѣ до-петровское правительство передало Петру готовое учрежденіе. Но такъ какъ петровское правительство не хотѣло признать за тѣмъ образованіемъ, котораго представителемъ служила московская академія, значеніе общаго образованія и первоначально допустило другую новую форму образованія,-образованіе спеціально математическое, а рядомъ съ этимъ образованіе основанное на изученіи новыхъ языковъ и наукъ (въ «разноязычныхъ школахъ»), то не было никакой возможности ввѣрить всѣ эти три вѣтви образованія вмѣстѣ одному и тому же учрежденію; мало по малу составилось три управленія, три министерства народнаго просвѣщенія.

Въ началѣ XVIII в. въ управленіи просвѣщеніемъ принимаютъ участіе: нѣмецкая канцелярія, монастырскій приказъ и приказъ книгъ печатнаго дѣла, мѣстоблюститель патріаршаго престола, оружейная палата, приказъ морскаго флота.

До 1715 г. существовала, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ въ Москвѣ гимназія—«разноязычныя школы»: съ перваго разу трудно было пріискать приличное мѣсто для завѣдованія такими школами среди старой до-петровской системы приказовъ. Исправленіе должности министерства народнаго просвѣщенія возложено было на нѣмецкую (или нѣмецкую) канцелярію. «Какая связь между училищемъ русскихъ дѣтей въ Москвѣ и нѣмецкой канцеляріей?» спрашивала редакція покойнаго «Дня», опубликовавшая въ первый разъ важный документъ объ общеобразовательной гимназіи въ Москвѣ 1706 г.; «да тажъ, которая существуетъ и теперь между Россіей и Нѣмеччиной» [1]), отвѣчаетъ она. Юридической связи, и дѣйствительно никакой открыть нельзя; но извѣстно, что нѣмецкая канцелярія была подручнымъ учрежденіемъ Петра—его собинкою, чрезъ которую онъ проводилъ внутрь Россіи свои западно-европейскія предначертанія. Неудивительно, что ей поручилъ онъ гимназію, въ которой преподаваніе основано на изученіи новыхъ европейскихъ языковъ и наукъ. Нѣмецкая канцелярія поручила завѣдованіе школами Павлу Веселовскому.

Неизвѣстно когда и по какому поводу тѣже школы переданы были въ вѣдѣніе монастырскаго приказа [2]). Во всякомъ случаѣ этимъ сдѣланъ былъ шагъ къ органическому слитію новаго просвѣщенія съ старыми началами его, которыя преимущественно представляемы были духовенствомъ.

28 февр. 1711 г. тѣже школы были переданы въ вѣдѣніе приказа книгъ печатнаго дѣла опять по побужденіямъ скрытымъ для насъ. И такъ для нихъ была найдена совершенно свѣтская вѣтвь до-петровскаго управленія, имѣвшая нѣкоторую связь съ народнымъ образованіемъ. «Которые вѣдомы были въ монастырскомъ приказѣ учители и ученики и тѣмъ учителямъ и ученикамъ именные списки съ

[1]) День 1863 г. № 15.
[2]) П. С. З. № 2389 (26 іюня 1711 г.).

оклады и съ кормовыми дачами изъ монастырскаго приказа въ приказъ книгъ печатнаго дѣла прислапы». Здѣсь съ 1711 г. вѣдалъ ихъ тайный совѣтникъ графъ Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ [1]); впрочемъ вѣдать эти школы поручено въ прик. кн. печ. дѣла «всякимъ управителямъ», т. е. порученіе ихъ Мусину-Пушкину не имѣло характера личнаго порученія; онъ управлялъ ими въ качествѣ члена приказа.

При Мусинѣ-Пушкинѣ управленіе московскими школами поручено было отъ него Ѳеодору Поликарпову—директору синодальной типографіи, при немъ школы попали даже подъ начальство (конечно временное) приказа разыскныхъ дѣлъ: «нѣмецкія школы, писалъ въ 1716 г. Поликарповъ Мусину-Пушкину, взялъ господинъ Лобэновъ-Елецкій подъ приказъ розыскныхъ дѣлъ», вѣроятно въ слѣдствіи какихъ-либо особыхъ происшествій въ этихъ школахъ и потому Поликарповъ просилъ его уволить отъ завѣдованія ими. Такъ какъ при Мусинѣ-Пушкинѣ общеобразовательныя школы были наконецъ разкассированы и наступило полное господство профессіональной системы, то съ тѣмъ вмѣстѣ эта вѣтвь управленія пресѣклась.

Рядомъ съ нею развивалась другая: московская академія, бывшая прежде сама министерствомъ просвѣщенія, по смерти послѣдняго патріарха, превратилась въ школу, состоящую въ управленіи одной изъ частей администраціи; это совершилось посредствомъ реформъ, касавшихся не академіи, а администраціи. Патріархъ, какъ мы упоминали уже, въ допетровское время представлялъ собою органъ верховной власти, а не администраціи; поэтому академія, подчинявшаяся ему, состояла въ непосредственномъ подчиненіи верховной власти. Но когда патріархъ былъ замѣщенъ мѣстоблюстителемъ, а этимъ послѣднимъ сдѣлался мѣстный рязанскій архіерей, управлявшій въ тоже время и московскою патріаршею областію, то академія, подчиненная ему, сразу попала не только подъ вліяніе администраціи, но даже администраціи провинціальной, и именно спеціально-духовной. Еще въ то время, когда мѣстоблюститель жилъ въ Москвѣ и могъ непосредственно наблюдать за московскими школами, эти по-

[1]) ibid.

слѣдпія были подчинены монастырскому приказу; по крайней мѣрѣ изъ этого приказа исходили указы касающіеся школъ; таковы указы 1708 и 1710 годовъ о принужденіи дѣтей духовныхъ лицъ учиться въ школахъ греческой и латинскихъ [1]). Этотъ порядокъ управленія укрѣпился съ 1718 г., когда сенатъ отдалъ московскую академію въ полное завѣдованіе монастырскаго приказа, который, слѣдовательно, и послѣ отнятія у него разноязычныхъ школъ, продолжалъ завѣдовать другимъ общеобразовательнымъ заведеніемъ, а вмѣстѣ съ нимъ и цѣлою системою такихъ заведеній довольно уже многочисленною. Мы уже приводили сенатскій указъ, по которому «славяно-латинскихъ школъ учителей, также и школьниковъ, которые будутъ въ наукѣ латинскаго языка расправою и судомъ, кромѣ разбойныхъ и убивственныхъ дѣлъ, вѣдать въ монастырскомъ приказѣ, а въ другихъ приказахъ не вѣдать [2]). Съ того времени отъ монастырскаго приказа зависѣло какъ содержаніе академіи, такъ и наблюденіе за учебною частію въ ней: «въ приказъ поступали просьбы отъ желавшихъ учиться въ академіи, въ приказъ подаваемы были академическіе отчеты»[3]).

Одновременно съ этими двумя вѣтвями управленія, то расходящимися, то сливающимися, довольно прочно сразу обособляется третья вѣтвь, никогда не сливавшаяся съ ними; это-управленіе математическимъ образованіемъ. Первоначальное управленіе морскимъ училищемъ, или Сухаревою Башнею, поручено было оружейной палатѣ. Здѣсь управлялъ ими боярин Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ «съ товарищами»; а товарищемъ первоначально былъ Крекетъ; но вскорѣ, по извѣстію сообщенному С. М. Соловьевымъ, [4]) Курбатовъ выпросилъ ихъ у царя себѣ «потому что навигація науки у Кревета не успѣвали». Управленіе Головина было лишь номинальнымъ, потому что, по роду его дѣятельности, ему не приходилось по долгу засиживаться въ Москвѣ; все дѣйствительное управленіе лежало на Курбатовѣ. Къ нему обращают-

---

[1]) П. С. З. №№ 2186 и 2308.
[2]) П. С. З. № 3182 (марта 15).
[3]) Смирновъ: «Ист. сл. гр. лат. ак.» стр. 87.
[4]) Ист. Россіи, т. XV, стр. 99—100. См. Веселаго: «Оч. ист. морск. кад. корп.», стр. 5.

ся учителя съ просьбою объ увольненіи, какъ это слѣлалъ извѣстный Л. Магницкій (потому что англичане, учителя школы, «обязали себя къ нему Леоптію ненавидѣніемъ»). Курбатовъ не уволилъ его, «вѣдая, что ему ихъ ради гнѣвонманія отъ школы быти свободну не доведется». Ему подаются донесенія о состояніи школы: онъ приказалъ Магницкому «о всякихъ поведеніяхъ сказываться ему до пріѣзда Головина. Курбатовъ призывалъ учителей въ оружейную палату для объясненій по дѣламъ школы и самъ посѣщалъ ее нерѣдко. Онъ наблюдалъ за самымъ методомъ преподаванія; такъ онъ осуждалъ англичанъ за «многое продолженіе въ ученіи, для того, что которые учатся остропонятно, тѣхъ бранятъ и велятъ дожидаться меньшихъ». Онъ заботился о снабженіи школъ учебными принадлежности. Но о всякомъ болѣе важномъ обстоятельствѣ, касающемся школъ, Курбатовъ, доносилъ Головину; такъ онъ требуетъ у Головина ходатайства о законодательномъ опредѣленіи штатнаго числа учениковъ въ школахъ.

Оружейная палата завѣдовала, какъ высшее административное мѣсто, математическимъ образованіемъ только до смерти Головина. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что управленіе образованіемъ было привязано къ оружейной палатѣ личностью Головина, какъ равнымъ образомъ, по смерти этого послѣдняго, управленіе имъ перешло къ Ѳедору Матвѣевичу Апраксину въ приказъ морскаго флота, а съ іюля 1712 г. въ адмиралтейскую канцелярію. Непосредственное отношеніе къ администраціи образованія адмиралы и присутственныя мѣста, ими руководимыя, продолжали имѣть до новой организаціи навигацкихъ училищъ въ 1715 году, когда при адмиралтействѣ устроена была спеціальная вѣтвь управленія образованіемъ и поручена графу Андрею Артамоновичу Матвѣеву [1]), котораго въ 1719 г. смѣнилъ къ этой должности бомбандиръ-капитанъ Григ. Григ. Скорняковъ-Писаревъ. Вѣдомство этого органа управленія простиралось на всѣ элементарныя школы математическаго разряда (цыфирныя) [2]).

Въ 20-хъ годахъ это тройственное управленіе исчезаетъ.

---

[1]) Объ отношеніяхъ Матвѣева къ академіи, и ея директору бар. С. Илеру у С. М. Соловьева: Ист. Россіи, т. XVI, стр. 308—320.

[2]) Веселаго: «Оч. ист. морск. кор.» стр. 42—47.

Правительство совершенно потеряло изъ виду общее образованіе: новая форма его, основанная на изученіи европейскихъ языковъ и наукъ, уже не существовала болѣе; старая форма, основанная на изученіи классическихъ языковъ, превращена въ спеціальное образованіе для одного сословія; тогда лицомъ къ лицу очутились только двѣ формы образованія—обѣ равно спеціальныя. До мелкаго дробленія спеціальностей по разнымъ вѣтвямъ службы еще не дошло. Такимъ образомъ явилась вторая эпоха въ исторіи управленія образованіемъ, отъ 1721 до царствованія Анны. Въ эту вторую эпоху управленіе дѣлится на двѣ системы: одна изъ нихъ подчинена духовной, другая адмиралтейской коллегіи. Такая двойственная система организована указомъ 1721 г. февр. 16., когда «в. государь указалъ: печатному двору и школамъ славянскаго и грекороссійскаго языковъ, что въ Москвѣ, и друкарнѣ, которая въ С.-Петербургѣ и служителямъ при томъ обрѣтающимся быть, кромѣ навигацкихъ школъ, въ вѣдѣніи духовной коллегіи» [1]). Складъ этого указа ясно обнаруживаетъ намѣреніе законодателя сосредоточить все управленіе просвѣщеніемъ въ одномъ мѣстѣ. Духовная коллегія разсматривается какъ министерство вѣроисповѣданій и народнаго просвѣщенія, вѣдомство навигацкихъ школъ составляетъ лишь исключеніе; но такъ какъ это вѣдомство превышало, по числу учрежденій и по вниманію къ нимъ правительства, вѣдомство духовной коллегіи, то первое и второе сдѣлались скоро двумя равносильными органами администраціи.

Синодъ, вскорѣ послѣ этого указа приступилъ къ точнѣйшей организаціи ввѣреннаго ему управленія. Синодскимъ указомъ 1721 года 21 іюля при синодѣ устраивается особая контора, которая и ввѣряется совѣтнику синода, архимандриту ипатьевскаго монастыря Гавріилу Бужинскому съ титуломъ «школъ и типографій протектора». Въ вѣдомство этой конторы поступаютъ «обрѣтающіяся въ С.-Питербурхѣ, въ Москвѣ, въ Кіевѣ, въ Черниговѣ и вредь гдѣ по указамъ устроены будутъ типографіи... со всѣми прежде бывшими надъ оными командующими и служительми». Изъ учи-

---

[1]) П. С. З. № 3741.

лищъ же въ конторѣ вѣдаются «московскія училища со всякимъ ихъ отправленіемъ». Что же касается до кіевскихъ и черниговскихъ училищъ, то они, состоя въ непосредственномъ управленіи мѣстныхъ архіереевъ, мало подчиняются высшему надзору конторы Гавріила Бужинскаго: «аще и надлежать должны до своихъ имъ архіереевъ, обаче, егда имѣти имутъ нужду какую до св. прав. синода, писать имъ въ помянутую контору» [1]). Это помѣщеніе въ центральномъ органѣ администраціи мѣстнаго характера есть остатокъ старинаго до-петровскаго отсутствія правильности въ устройствѣ органовъ управленія. Исключеніе, хотя и неполное, малороссійскихъ школъ изъ вѣдомства конторы св. синода и подчиненіе ихъ мѣстнымъ архіереямъ уже предсказываетъ будущую администрацію школъ, — указываетъ, что спеціальный органъ управленія образованіемъ не удержится, что оно будетъ подчинено общимъ органамъ администраціи.

Въ частности подчиненіе кіевской братской школы вѣдѣнію кіевскаго митрополита есть фактъ значительной важности для насъ. Извѣстно, что школа эта управлялась корпораціею, братствомъ. Со временъ Петра Могилы дѣятельность и значеніе братства ослабѣвало мало по малу и сообразно съ тѣмъ возрастало вліяніе на школу епархіальной власти. Братства, съуживаясь болѣе и болѣе, заключились въ кругѣ лицъ, ближайшихъ къ школѣ; тѣмъ не менѣе самоуправленіе школы не было уничтожено совсѣмъ. Синодскій указъ 1721 года нанесъ этой самостоятельности послѣдній ударъ, который и обнаружилъ еще остававшуюся жизненность самоуправленія. Довольно долго спустя послѣ изданія этого указа кіевскій архіепископъ Варлаамъ представилъ синоду, что онъ только подъ тѣмъ условіемъ возмется управлять кіевскими школами, чтобы «ректоръ и префектъ съ учителями моему смиренію были повольными и послушными, понеже не малое уже оттуду... усмотрѣхъ ропщущее упрямство и несыновнее послушаніе, каковое единымъ токмо старческимъ моимъ молчаніемъ и болѣзненнымъ терпѣніемъ сношу». Синодъ не понялъ истиннаго значенія этихъ словъ; онъ увидѣлъ въ нихъ жалобу

---

[1]) Опис. док. и дѣлъ, хран. въ арх. св. прав. синода, № $\frac{401}{12}$.

на частные безпорядки, частные случаи неповиновенія узаконенной и привычной власти и оставилъ жалобу Варлаама безъ послѣдствій, не находя въ ней поименнаго указанія «противностей». Варлаамъ же, очевидно, указывалъ на общее нежеланіе училища, прежде пользовавшагося самоуправленіемъ, подчиняться сторонней власти. Впрочемъ синодъ вмѣнилъ Варлааму въ обязанность смирять собственными средствами того, кто воспротивится.

Указанная сейчасъ наклонность подчинить образованіе управленію общихъ провинціальныхъ органовъ духовной администраціи разрѣшилась въ 1726 г. совершеннымъ уничтоженіемъ центральнаго органа—синодской конторы. Допущенное, какъ исключеніе для кіевскихъ и черниговскихъ школъ, мѣстное управленіе съ того времени сдѣлалось общимъ правиломъ. Въ этомъ году совѣтникъ Бужинскій представилъ синоду, что такъ какъ всѣ отдѣльныя конторы синода, состоявшія въ вѣдѣніи каждаго изъ совѣтниковъ его, «раскассованы и взяты отъ совѣтниковъ въ вѣдѣніе всего синода», то и онъ проситъ уничтожить его отдѣльное вѣдомство. Синодъ, разсуждая, что въ московскихъ школахъ обрѣтается ректоръ, и въ типографіяхъ учинены директоры, 28 февр. (1726) постановилъ: «всѣ бывшія въ вѣдѣніи его совѣтника школы и типографіи отъ его правленія отрѣшить, поручивъ московскія школы тамошнему ректору, а прочія мѣстнымъ архіереямъ и архимандритамъ, а типографіи директорамъ» [1]). Такъ постоянно еще путались представленія о разграниченіи центральной администраціи отъ мѣстной.

Такъ какъ въ это время сословныя начала дѣлали все большіе и большіе успѣхи, то синодъ все менѣе и менѣе становился способнымъ нести на себя роль министерства народнаго просвѣщенія. Въ другомъ вѣдомствѣ болѣе сильномъ, но столь же неспособномъ быть органомъ управленія народнымъ образованіемъ,—въ морскомъ вѣдомствѣ все болѣе и болѣе сосредоточивались нити управленія имъ. Мы уже знаемъ, что школы, которыя тогдашнее правительство считало возможнымъ выдавать за общія элементарныя, были подчинены адмиралтейству. Но между нимъ и синодомъ было много не разме-

[1]) ibid.

жованныхъ территорій: архіерейскія школы еще не вездѣ и не вполнѣ отдѣлились отъ цыфирныхъ, цыфирныя не могли освободиться отъ вліянія мѣстныхъ архіереевъ, у которыхъ въ домахъ и монастыряхъ онѣ помѣщались; отсюда постоянныя пререканія и попытки подчинить синоду народныя школы, что было изложено нами въ своемъ мѣстѣ. Неудача этихъ попытокъ всего болѣе рекомендуетъ развивающуюся систему профессіональнаго образованія. Съ открытіемъ адмиралтейской коллегіи внутри морскаго вѣдомства былъ устроенъ спеціальный органъ для завѣдованія образованіемъ, подобный сенатской конторѣ Бужинскаго; это «С.-Петербургская академическая контора», ввѣренная директору академіи.

Третья эпоха въ исторіи управленія народнымъ образованіемъ (отъ нач. царствованія Анны до временъ Екатерины) есть эпоха полнаго и чистаго господства началъ, характеризующихъ вообще описываемое время; тогда брошены были всякія попытки устроить отдѣльные органы для управленія народнымъ образованіемъ; каждая вѣтвь образованія перешла въ управленіе къ соотвѣтствующему профессіи органу администраціи: военное образованіе находится въ вѣдѣніи военной коллегіи, морское—адмиралтейской, духовное въ вѣдѣніи синода, или правильнѣе мѣстныхъ архіереевъ, горное въ вѣдѣніи бергъ-коллегіи (а по соединеніи ея съ коммерцъ-коллегіею въ вѣдѣніи этой послѣдней), медицинское—медицинской канцеляріи, юридическое—или въ вѣдѣніи каждой соотвѣтствующей коллегіи или въ непосредственномъ завѣдованіи юстицъ-конторы, покрайней мѣрѣ смотры дьяческихъ и подъяческихъ дѣтей, кромѣ герольдмейстерской конторы (общей для служилыхъ людей), должны были производиться въ юстицъ-конторѣ [1]). Управленіе возложенное на герольдмейстера, въ инструкціи 1722 г., передаетъ ему, повидимому, полную администрацію образованія гражданскихъ чиновниковъ. Но въ его непосредственномъ распоряженіи вовсе не существовало никакихъ учрежденій для образованія. Скорѣе слѣдуетъ признать, что герольдмейстеръ имѣлъ большое вліяніе на распредѣленіе дѣтей всѣхъ служилыхъ лицъ по всѣмъ вѣдомствамъ и профессіямъ.

---

[1]) П. С. З. № 5399.

Нѣкоторыя подробности объ администраціи собственно школъ будутъ сообщены при изложеніи исторіи спеціальныхъ училищъ.

Глава VI. Способы распространенія образованія. 1) посылка за границу: регулированіе этого способа правительствомъ. 2) Служба: коллегіи-юнкеры; обученіе при госпиталяхъ и проч; катехизація и обученіе ставленниковъ. 3) Школы: общеобразовательныя школы, предшествующія господству профессіональной системы (московская гимназія, школы славяно-латинская, эллино-греческая и латино-италіянская, Сухарева Башня); спеціальныя школы: военныя (гарнизонныя, высшія военныя: морскія, инженерная и артиллерійская, сухопутный кадетскій корпусъ); духовныя (основанныя до духовнаго регламента, архіерейскія школы, семинаріи и духовныя гимназіи).

Таже самая мысль, которая составляла предметъ нашихъ предыдущихъ замѣчаній (о сущности и цѣли образованія, установленной законодательствомъ 1-й половины XVIII в., его принудительности и органахъ управленія имъ), таже самая мысль наглядно подтверждается изученіемъ способовъ распространенія образованія, практикованныхъ въ то время.

Недостаточно принудить народъ учиться, недостаточно назначить для надзора за этимъ чиновниковъ; правительство обязано сверхъ того устроить и указать способы для пріобрѣтенія образованія. Въ настоящее время способъ почти единственный суть школы; но въ ту эпоху, эпоху служебнаго характера образованія, школы составляли первоначально одинъ изъ послѣднихъ способовъ. Болѣе его имѣли значенія посылка за границу и служба.

Обращаемся къ первому способу. Посылка за границу, какъ общая мѣра, начата была въ 1697 г. и была главнымъ способомъ образованія до 1715 г., когда основана была морская академія и когда именнымъ указомъ было предписано: «въ чужіе краи не посылать, а высылать въ школу с.-петербургскую». Хотя и послѣ этого допускалась посылка молодыхъ людей, уже бывшихъ въ академіи, какъ именно было сдѣ-

лано въ 1716 г. (когда отправленъ въ числѣ прочихъ Неплюевъ)[1]) и слѣдующихъ; но вообще по мѣрѣ возникновенія школъ внутри государства, первый способъ отступаетъ на второй планъ.

Посылка въ Кенигсбергъ подъячихъ, предпринятая въ большомъ числѣ одинъ разъ въ 1716 г., не превратилась въ общую мѣру [2]). Хотя табель о рангахъ приказываетъ: тѣхъ изъ коллежскихъ юнкеровъ, которые обучились назначеннымъ для нихъ наукамъ, «посылать въ чужіе край по нѣскольку, для практики той науки», но нѣтъ никакихъ фактовъ, которые бы доказывали дѣйствительное исполненіе этого предписанія. Впослѣдствіи большими массами отправляемы были за границу лишь такіе служащіе, которыхъ служба требовала техническихъ знаній, напр. горныхъ. Такъ партія молодыхъ людей была отправлена въ Швецію съ Татищевымъ; тамъ все образованіе ихъ состояло изъ изученія различныхъ родовъ горной техники.

Отправка какъ навигаторовъ, такъ и чиновниковъ различныхъ родовъ гражданской службы имѣла цѣлію сообщеніе имъ образованія, а не распространеніе его чрезъ нихъ въ Россіи; ближайшая цѣль ихъ посылки занятіе извѣстной службы тотчасъ по возвращеніи, а не учительство среди русскихъ. Другой характеръ имѣетъ посылка учениковъ изъ латинскихъ школъ, уже предназначенныхъ тогда для духовенства. Если вѣрить иностранцамъ, то къ этой мѣрѣ прибѣгъ Ѳеофанъ Прокоповичъ тотчасъ по пріобрѣтеніи имъ вліянія и власти и по паденіи Яворскаго. «Когда Петръ лишилъ довѣрія Яворскаго (пишетъ Фоккеродтъ) и поручилъ вѣдѣніе школъ Прокоповичу, то этотъ умный человѣкъ достигъ скоро иныхъ результатовъ; онъ полагалъ, что нужно прежде приготовить хорошихъ учителей, и уже потомъ думать о заведеніи школъ. Съ этою цѣлію онъ послалъ нѣсколько молодыхъ русскихъ, которые положили основаніе знаніямъ въ его домовой школѣ, въ нѣмецкія академіи, чтобы научиться тамъ методу ученія и наукамъ»...Но продолженіе исторіи этой посылки, сообщаемое тѣмъ же писателемъ, не соотвѣтствуетъ

---

[1]) См. подробности у Пекарскаго: «Наука и литература» I.
[2]) П. С. З. № 2986 (1716 г. янв. 25).

похвалѣ ея началу: «молодые люди, посланные въ Германію или вовсе не возвратились, или не вынесли оттуда тѣхъ способностей, которыхъ онъ ожидалъ и потому вовсе не могъ достигнуть своей главной цѣли». При общей посылкѣ молодыхъ людей за границу въ 1717 г. (по приказу, данному царемъ изъ Амстердама въ 1716 г. Меншикову) были посланы въ числѣ другихъ три ученика московской академіи, которые сначала обучались въ Амстердамѣ, потомъ отправлены въ Парижъ «для изученія философіи и отданы тамъ на попеченіе русскому посланнику бар. Шлейницу. Всѣ трое возвратились въ Россію въ 1724 г. съ дипломами на ученыя степени» [1]). «Безполезную сторону путешествій, говоритъ тотъ же Фоккеродтъ, Петръ I сознаалъ самъ еще за долго до своей кончины и потому не хотѣлъ даже совсѣмъ отпускать своихъ молодыхъ людей въ чужіе края» [2]).

Однако въ концѣ царствованія Петра примѣнена таже мѣра къ купеческимъ дѣтямъ. Выше мы сказали, что, кромѣ извѣстной главы регламента главнаго магистрата, правительство до Екатерины II не издавало узаконеній, и не принимало никакихъ правительственныхъ мѣръ къ распространенію образованія въ средѣ городскаго сословія. Мѣра, о которой мы теперь хотимъ сказать, такъ далека отъ характера дѣйствительнаго образованія, что мы вправѣ были не имѣть ея въ виду; теперь же упоминаемъ о ней, по ея крайней характерности для излагаемаго способа сообщенія образованія. Въ 1732 г. было повелѣно: выбирать изъ купеческихъ дѣтей всѣхъ знатныхъ городовъ Россіи по нѣсколько человѣкъ и изъ нихъ 20 человѣкъ содержать въ Ригѣ и Ревелѣ, а 15 за границею, и повторять туже мѣру и впослѣдствіи, когда посланные возвратятся, изучившись всему, нужному для торговыхъ дѣлъ [3]). Тоже распоряженіе повторено и вскорѣ послѣ Петра, 1725 г., іюня 9. Трудно опредѣлить, въ какомъ отношеніи эта посылка находится къ образованію, быть можетъ здѣсь болѣе имѣются въ виду торговыя связи и вообще успѣхи коммерціи [4]).

[1]) Смирновъ: «Ист. славян.-греко-лат. ак.» 235—237.
[2]) Russland unter Peter dem Grossen 1872.
[3]) Указъ 1723 г., ноября 8.
[4]) Г. Арсеньевъ, приводя узаконенія о посылкѣ купеческихъ дѣтей

Государство, принужденное въ крайнемъ случаѣ (т. е. при такихъ переворотахъ, какъ русскій при Петрѣ 1-мъ, или японскій въ наши времена) прибѣгать къ такому способу, можетъ регулировать его лишь съ слѣд. сторонъ: 1) выбрать посылаемыхъ и опредѣлить кругъ занятій ихъ за границею, 2) учредить за границею надзоръ, на сколько онъ можетъ быть допущенъ международными отношеніями, 3) экзаменовать возвращающихся для допущенія ихъ къ извѣстнымъ профессіямъ.

Что касается до перваго, то выборъ посылаемыхъ дворянъ производилъ обыкновенно самъ царь, руководствуясь при томъ не одними соображеніями большей или меньшей подготовленности, и возрастомъ посылаемыхъ, но и состояніемъ ихъ. Послѣднее обстоятельство, составляя необходимый результатъ такого дорогаго способа, какъ посылка за границу, вмѣстѣ съ тѣмъ значительно умаляло пригодность и достоинства его. Такъ какъ первоначально посылка была примѣнена только къ навигаторамъ, которые избирались изъ лучшихъ и богатѣйшихъ фамилій, то высказанное условіе выбора было выполнимо. Выборъ лицъ остальныхъ классовъ предоставленъ былъ мѣстнымъ властямъ.

Способъ образованія русскихъ навигаторовъ за границею [1]) тотъ же, какой можно видѣть на извѣстномъ примѣрѣ самаго Петра: это-работы на верфяхъ и служба на корабляхъ. Послѣдняя была дѣйствительною службою, съ полнымъ подчине-

---

такъ опредѣляетъ ихъ значеніе: «Сіе постановленіе было полезно во первыхъ потому, что дѣти именитыхъ купцевъ живя въ странахъ просвѣщенныхъ, пріобрѣтали и свѣдѣнія въ коммерціи и ловкость въ обращеніи (?) и возвратившись въ отечество, распространяли въ кругу себѣ равныхъ драгоцѣнныя познанія о народахъ европейскихъ, съ которыми Россія состояла по самой природѣ въ сношеніяхъ ближайшихъ для торговли, во вторыхъ потому что сіи молодые торговцы знакомились съ знаменитѣйшими коммерческими домами и конторами Европы и заранѣе выигрывали кредитъ для будущихъ своихъ торговыхъ связей съ ними: по возвращеніи они объясняли своимъ соотечественникамъ, чѣмъ какая земля изобилуетъ и чѣмъ нуждается, какого рода торговля и съ какимъ государствомъ наиболѣе прибыльна для Россіи». Историко-статист. очеркъ народной образованности до конца XVIII в. (Учен. Зап. И. Ак. Наукъ. кн. 1, стр. 2).

[1]) Предупреждаемъ, что этого способа мы можемъ коснуться лишь мимоходомъ, только со стороны его значенія въ ряду другихъ способовъ; потому что самое пріобрѣтеніе образованія за границею совершенно выходитъ за предѣлы изслѣдованія, посвященнаго исторіи русскаго образованія.

ніемъ правительству того государства, гдѣ находился посланный. Такова была служба Неплюева на венеціанскомъ флотѣ. Хотя по программѣ Петра навигаторы должны были «учиться навигаціи зимой, а лѣтомъ ходить на морѣ на всякихъ корабляхъ и обучаться, чтобы возможно опымъ потомъ морскими офицерами быть» [1]) но и первая половина программы вовсе не означаетъ обученія въ школахъ, которое было невозможно уже потому, что большая часть посланныхъ не понимала языка тѣхъ странъ, куда были посланы. Тотъ же Неплюевъ, который съ честію и пользою служилъ на венеціанскомъ флотѣ, разсказываетъ, что, по прибытіи въ Испанію, онъ и его товарищи учились тамъ въ морской академіи «солдатскому артикулу, на шпагахъ биться, танцовать...., а къ математикѣ приходили, только безъ дѣла сидѣли, понеже учиться не возможно, для того, что языку мы не знали». Испанскій король на просьбу ихъ объ увольненіи отъ школы и опредѣленіи на службу, предписалъ: «быть въ академіи, учиться языку и прочаго». «Наука опредѣлена самая премудрая, писалъ изъ за границы кн. Мих. Голицынъ, хотя мнѣ всѣ дни живота своего къ той наукѣ себя трудить, а не принять будетъ, для того—незнамо учитца языка, не знамо науки.» Только получившіе образованіе дома, именно знавшіе латинскій языкъ, могли приступить къ теоретическимъ занятіямъ. По свидѣтельству того же Голицына всѣ посланные съ нимъ, кромѣ его, знали уже латинскій языкъ дома. Требованія самаго Петра на этотъ счетъ были опредѣленны. На вопросъ кн. Львова, надзиравшаго за русскими навигаторами въ Голландіи, какимъ наукамъ ихъ учить, и какъ учить, Петръ отвѣчалъ: «какъ матросы русскіе выучились, такимъ образомъ и опымъ учиться». Разумѣется такой же служебный, или дѣловой характеръ—имѣло образованіе посылаемыхъ за границу и изъ другихъ классовъ общества.

Посланные, состоя на службѣ того государства, въ которое посланы, тѣмъ не менѣе подчинялись тамъ надзору русскихъ чиновниковъ, командируемыхъ русскимъ правительствомъ для этой цѣли, съ званіемъ «комиссаровъ». Первымъ

---

[1]) Веселаго: «Оч. ист. морск. кад. корп. стр.» стр. 27.

извѣстнымъ коммиссаромъ былъ кн. Иванъ Борисовичъ Львовъ. Подъ его наблюденіемъ находились всѣ навигаторы, и тѣ, которые посланы въ Голландію, и тѣ, которые служили въ Англіи. Дѣятельность „коммиссара“ была весьма обширна и серьезна: онъ обязанъ былъ распредѣлять учащихся по степени ихъ успѣховъ къ той или другой работѣ или наукѣ; онъ долженъ былъ смотрѣть за поведеніемъ посланныхъ за границею; на его же обязанности лежала выдача имъ содержанія. При посылкѣ подъячихъ въ Кенигсбергъ царь приказалъ «послать за ними *надзирателя*, чтобъ они не гуляли» [1]). Впослѣдствіи при посылкѣ молодыхъ людей для техническаго образованія съ каждою партіею отправлялся особый коммиссаръ, имѣющій болѣе или менѣе спеціальныя знанія въ той сферѣ, къ которой должны были готовиться посланные: такимъ былъ въ Швеціи В. Н. Татищевъ. Иногда надзоръ поручался русскимъ министрамъ при иностранныхъ дворахъ. Экзаменъ возвратившимся навигаторамъ при Петрѣ производился спеціалистами въ присутствіи самаго царя. [2]) Люди остальныхъ классовъ экзаменовались каждый въ соотвѣтствующемъ приказѣ или коллегіи.

Гораздо болѣе значенія имѣетъ второй способъ распространенія образованія, наиболѣе характерный для того времени—распространеніе его чрезъ службу, при чемъ школы были замѣняемы присутственными мѣстами, войсками, храмами, больницами и проч.

Образованіе чрезъ службу сообщается коллегіи-юнкерамъ медикамъ, архитекторамъ и проч. Неповторяя свѣдѣній разсѣянныхъ въ предыдущихъ замѣчаніяхъ, касающихся сословности образованія и профессіональнаго характера его, здѣсь мы укажемъ только внѣшнюю учебную организацію этихъ учрежденій.

Въ недолговременное свое существованіе институтъ коллегіи-юнкеровъ пережилъ три эпохи: петровскую, аннинскую и елизаветинскую. Мы знаемъ, что присутственныя мѣста были обращены въ школы генеральнымъ регламентомъ и табелью о рангахъ; съ тѣхъ поръ до временъ Екатерины II, законодательство, съ разными колебаніями, удерживало этотъ способъ об-

[1]) П. С. З. № 2986.
[2]) См. Записки Неплюева.

разованія и продолжало организовать его. Способъ этотъ состоитъ въ томъ, что служащіе въ коллегіяхъ и въ канцеляріяхъ до занятія ими штатныхъ мѣстъ (секретарскихъ и т. д.) считаются учащимися, или на оборотъ: учащіеся состоятъ на дѣйствительной службѣ. Элементъ образованія еще нимало не выдѣляется изъ службы: «удобные люди» суть кандидаты на штатныя мѣста въ канцеляріяхъ, допущенные заранѣе къ исправленію должности; все образованіе ихъ заключается въ «списываніи дѣлъ» т. е. въ самомъ исправленіи должности. Это съ особенною силою подтверждается въ концѣ главы 36 регламента, гдѣ приказывается коллежскихъ юнкеровъ «по коллегіямъ обучать такъ, какъ подъячихъ, съ самыхъ нижнихъ дѣлъ приказныхъ». Очевидно, что къ такого рода сообщенію образованія примѣняются всѣ остальныя условія службы: учителя-начальники канцеляріи, секретари; надзоръ за обученіемъ поручается членамъ коллегіи: «сего смотрѣть въ коллегіяхъ на крѣпко, грозитъ регламентъ, дабы въ томъ маны не было и, подъ видомъ ученія,—гуляпья, за что будутъ члены коллежскіе жестоко наказаны, ежели по сему исполнять не будутъ». Табель о рангахъ, по видимому, иначе опредѣляетъ здѣсь отношеніе образованія и службы: она называетъ коллегіи-юнкерами уже тѣхъ, которые пріобрѣли требуемое образованіе и ихъ считаетъ на службѣ; неученыхъ же, титулярныхъ коллегіи-юнкеровъ, не кладетъ ни въ какомъ служебномъ рангѣ. Содержаніе довольно-неясной 14-й статьи ея объ этомъ предметѣ таково: дворянскихъ дѣтей слѣдуетъ производить въ коллегіяхъ снизу, т. е. начиная съ самыхъ нижнихъ чиновъ: а именно самый первый и нижній рангъ составляютъ коллегіи-юнкеры; въ этомъ чинѣ опредѣляются «ученые проэкзаменованные въ коллегіи» и, по представленію отъ нея въ сенатъ, получившіе патентъ на чинъ. Эти коллегіи-юнкеры состоятъ въ рангахъ капрала и сержанта по одному году въ каждомъ: «капральскіе и сержантскія лѣта зачислять тѣмъ, которые учились и выучились подлинно, что коллежскимъ правленіямъ надлежитъ». Кромѣ этихъ коллегіи-юнкеровъ, позволяется принимать и такихъ, которые не учились, «нужды ради и за оскудѣніемъ ученыхъ»; они именуются титулярными коллегіи-юнкерами и не состоятъ ни въ какомъ служебномъ рангѣ до пріобрѣ-

тенія дѣйствительнаго коллегіи-юнкерства. Так. обр. эти послѣдніе, повидимому, не состоятъ въ службѣ, пока находятся въ періодѣ образованія. Но эта путаница представленій принадлежитъ лишь неясности редакціи закона: на дѣлѣ ни дѣйствительные коллегіи-юнкеры не выходятъ еще изъ періода обученія, ни титулярные коллегіи-юнкеры не стоятъ внѣ службы. По предшествующей (13-й) статьѣ табели весь институтъ коллегіи-юнкеровъ учреждается для приготовленія контингента чиновниковъ: «дабы впредь на ваканціи не со стороны хватать, но порядкомъ, какъ въ воинскихъ чинахъ производятся; того ради надлежитъ нынѣ имѣть въ статскихъ (т. е. на военныхъ) коллегіяхъ по 6 и по 7 человѣкъ коллегіи-юнкеровъ, или меньше, а ежели болѣе надобно, то съ доклада» [1]). Вся разница между дѣйствительными и титулярными коллегіи-юнкерами состоитъ въ томъ, что первые состоятъ въ рангахъ (имѣютъ чинъ), вторые-тоже, что рядовые въ войскахъ. Это раздѣленіе въ послѣдующихъ узаконеніяхъ изчезаетъ.

Учрежденіе коллегіи-юнкеровъ со времени Петра В. не подвергалось новымъ законодательнымъ опредѣленіямъ до 1737 г. Въ этомъ году, который и составляетъ начало второй эпохи въ жизни этого учрежденія, рядъ узаконеній далъ ему твердую регламентацію, а именно: что́ касается до опредѣленія юнкеровъ въ коллегіи, извѣстный актъ вообще регулирующій обученіе и службу недорослей, коснулся и этого учрежденія; онъ приказываетъ назначать въ коллегіи-юнкеры на предпослѣднемъ смотрѣ (въ 16 л.), такъ что спеціальное образованіе приказное ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть предоставлено семьѣ, что́ весьма естественно, потому что такія знанія, какъ эти, нельзя пріобрѣсть нигдѣ кромѣ канцеляріи. Выборъ недорослей въ юнкеры производится сенатомъ изъ тѣхъ, которые явятся болѣе способны къ гражданской, чѣмъ къ военной службѣ [2]). Это послѣднее обстоятельство, т. е. способъ выбора точнѣе опредѣленъ изданными вслѣдъ за тѣмъ сенатскими указами и резолюціею кабинетъ-министровъ: герольдмейстеръ представляетъ сенату всѣхъ

---

[1]) П. С. З. № 3890 (1722 г. янв. 24).
[2]) П. С. З. №№ 7171 (февр. 9).

явившихся на предпослѣдній стмотръ, обученныхъ грамотѣ; сенатъ производитъ изъ нихъ выборъ въ юнкера; остальные, оставшіеся за выборомъ, могутъ быть отпущены домой [1]). Распредѣленіе ихъ по коллегіямъ совершается на слѣд.. основаніи: тѣ изъ недорослей среднихъ и знатныхъ фамилій, за которыми не меньше 100 душъ крестьянъ, опредѣляются въ сенатъ, а тѣ, за которыми не менѣе 25 душъ, въ коллегіи, «чтобъ они могли не токмо опредѣленнымъ жалованьемъ, но и своимъ собственнымъ пждивеніемъ себя честно, чисто и неубого содержать» [2]). Въ частности по ук. отъ 11 мая распредѣленіе это совершается такъ: по росписанію, составленному генералъ-прокуроромъ, опредѣляются въ сенатъ 12 чел. а въ военную, юстицъ, коммерцъ коллегіи, въ штатсъ контору, въ камеръ,-ревизіонъ-и вотчинную коллегію по 6 чел. въ генералъ-бергъ директоріумъ, въ монетную канцелярію и въ судный приказъ по 4 чел., въ канцелярію конфискаціи два. Въ тѣхъ изъ этихъ присутственныхъ мѣстъ, которыя находятся въ Москвѣ, выборъ производится изъ недорослей, явившихся въ московскую сенатскую контору [3]). Здѣсь ничего не говорится о синодскихъ дворянахъ; но изъ послѣдующихъ узаконеній видно, что при синодѣ точно также опредѣлены были изъ дворянъ недоросли молодые люди для обученія. Служебное значеніе такихъ лицъ тотчасъ по поступленіи не подлежитъ уже сомнѣнію: сенатъ, , полагая необходимымъ переименовать ихъ изъ коллегіи юнкеровъ въ коллежскіе дворяне, опасается, чтобы это не подало поводъ разсматривать ихъ не какъ служащихъ, и потому употребляетъ слѣд. образъ выраженія: «хотя они и опредѣлятся точно должностію и жалованье копѣйсткое получать будутъ, но токмо бъ слыть имъ дворянами». Этимъ петровское раздѣленіе юнкеровъ на дѣйствительныхъ и титулярныхъ уничтожается; но служебное значеніе ихъ оттого лишь возрастаетъ. Сенатъ устанавливаетъ градацію ихъ служебнаго восхожденія; дворяне получаютъ жалованье копѣйстское 1 годъ, подканцеляристское два года, и канцеляристское два же года; по прошествіи этихъ 5

---

[1]) П. С. З. № 7182 (марта 6).
[2]) П. С. З. № 7201 (марта 6).
[3]) П. С. З. № 7248 (мая 11).

лѣтъ достойные изъ нихъ производятся въ секретари. Въ эту эпоху теоретическій способъ обученія уже начинаетъ выдѣляться по немногу изъ практическаго служебнаго; коллежскіе дворяне «между канцелярскою должностью» должны обучаться «пристойнымъ наукамъ къ шляхетству и гражданству» [1]). По узаконенію 11 мая это отдѣленіе воплощается уже въ формахъ внѣшнихъ учрежденій. Дворяне въ сенатѣ вручаются оберъ-секретарю; онъ расписываетъ ихъ по секретарскимъ экспедиціямъ; здѣсь главное назначеніе ихъ исправлять «точно копіистскую должность»; но въ тоже время секретари по экспедиціямъ должны тщательно обучать ихъ приказному порядку и вообще всему тому, что́ какъ мы знаемъ уже, составляло ихъ спеціальное образованіе. Науки же, составляющія приготовительное образованіе (элементъ общаго образованія) изучаются уже теоретическимъ способомъ и обученіе имъ выходитъ уже изъ средствъ служебной практики. Поэтому тѣ дворяне, которые находятся въ петербургскихъ присутственныхъ мѣстахъ, для изученія общихъ наукъ должны собираться по два дня (въ среду и субботу) въ каждую недѣлю въ сенатъ, гдѣ отводится для того пристойная камера. Но законъ не называетъ этой камеры школою, какъ называется она впослѣдствіи; съ такою медленностію элелентъ образованія выдѣляется изъ элемента службы. Въ Москвѣ для дворянъ московскихъ присутственныхъ мѣстъ учреждается такая же камера при сенатской конторѣ.

Приближаясь къ значенію школы, канцелярское обученіе должно было потребовать отдѣльныхъ учителей: подобно тому, какъ въ коллежскихъ дворянахъ значеніе учениковъ обособлялось отъ значенія чиновниковъ,-должность секретаря обособляется отъ должности учителя. Въ камерѣ при сенатѣ обучаютъ два учителя: одинъ геодезіи, другой прочимъ наукамъ. Въ петербургскомъ сенатѣ на должность учителя геодезіи опредѣляется имѣющійся при сенатѣ геодезистъ; а для обученія прочимъ наукамъ генералъ-прокурору поручается найти искуснаго учителя, представить сенату и опредѣлить ему жалованье; въ московской конторѣ назначеніе учителей зависитъ отъ оберъ-прокурора.

---

[1]) П. С. З. № 7201.

Надзоръ за обученіемъ вообще поручается въ петербургскомъ сенатѣ генералъ-прокурору, въ Москвѣ въ конторѣ оберъ-прокурору; а въ коллегіяхъ и канцеляріяхъ президентамъ, вице-президентамъ и главнымъ судьямъ. Какъ секретари, такъ и учителя должны еженедѣльно рапортовать о прилежаніи и успѣхахъ дворянъ; первые чрезъ оберъ-секретарей, вторые прямо генералъ-прокурору а главные начальники присутственныхъ мѣстъ должны ежемѣсячно экзаменовать каждаго дворянина; и оцѣнка теоретическихъ знаній поручается тѣмъ же «главнымъ командирамъ». Секретари сами не могутъ штрафовать нерадивыхъ и лѣнивыхъ; они должны только доносить главнымъ командирамъ (а по указу 1740 г. генералъ-прокурору), отъ которыхъ и зависитъ наложеніе наказанія [1]). По указу 1740 г. ближайшій надзоръ за ними поручается канцеляристамъ, «у кого они въ повытьяхъ будутъ». Недостаточность надзора за обученіемъ при коллегіяхъ заставила сенатъ указомъ 1740 г.. іюня 25 дворянъ нѣкоторыхъ коллегій, а именно военной, коммерцъ, ревизіонъ и юстицъ коллегій обучать только при сенатѣ: «при бывшемъ напредь сего экзаменѣ усмотрѣно, что въ тѣхъ мѣстахъ въ наукахъ смотрѣнія за ними не было»; поэтому дворянамъ и этихъ коллегій «быть для обученія дѣлъ при сенатской же канцеляріи» [2]), съ тѣмъ, чтобы жалованье имъ шло изъ той коллегіи, гдѣ они считаются на службѣ.

Для усиленія надзора надъ дворянами указомъ 1740 г. имъ велѣно имѣть квартиру на Васильевскомъ островѣ, потому что, говоритъ сенатъ, живя до сихъ поръ въ разныхъ мѣстахъ: на Охтѣ, на островахъ Адмиралтейскомъ и С.-Петербургскомъ, прогуливаютъ много времени и отговариваются отъ посѣщенія канцелярій и школы дальностью жилищъ.— Надзоръ со стороны сената былъ особенно затруднителенъ за тѣми дворянами, которые состояли при московскихъ присутственныхъ мѣстахъ: въ 1740 г. сенатъ зналъ только, что тамъ при сенатской конторѣ, коллегіяхъ и канцеляріяхъ считается 29 дворянъ, «а въ какихъ наукахъ происходятъ и

---

[1]) П. С. З. № 7248.
[2]) П. С. З. № 8149.

есть ли въ которыхъ надежда впредь къ обученію и произвожденію,—о томъ неизвѣстно» [1]).

Такъ установился институтъ коллежскихъ дворянъ (или юнкеровъ) къ концу 2-й эпохи своего существованія. Въ самомъ концѣ ея, въ окт. 1740 г., по частному ходатайству коммерцъ—коллегіи, въ немъ произведено было частное измѣненіе. Коммерцъ—коллегія представила чрезъ сенатъ кабинету, что было бы очень полезно для успѣховъ дѣлъ, ввѣренныхъ коммерцъ—коллегіи, еслибы въ члены ея производились молодые люди изъ шляхетства, обученные при ней коммерческимъ дѣламъ. Сущность предложенія коммерцъ—коллегіи состоитъ въ слѣд.: взять 4-хъ кадетъ (изъ сухоп. корпуса) двухъ русскихъ и двухъ иноземцевъ и опредѣлить въ коллегію въ офицерскихъ чинахъ и съ офицерскимъ жалованьемъ, съ тѣмъ чтобы они, прослуживъ здѣсь нѣсколько лѣтъ и пріучившись къ занятіямъ, могли быть представлены въ члены этой коллегіи. Такъ. обр. это уже не были коллегіи-юнкера, а коллежскіе офицеры. Они изъ школы прямо поступаютъ на дѣйствительную службу. [2]) Еслибы такой примѣръ распространился на всѣ остальные спеціальные органы высшей администраціи, то весь этотъ способъ сообщенія образованія чрезъ присутственныя мѣста получилъ бы гораздо болѣе правильное значеніе. Тогда школа, заключающая въ себѣ общее образованіе, была бы отдѣлена отъ службы. Съ службою смѣшивалось бы только спеціально-практическое образованіе.

Въ третью и послѣднюю эпоху своей жизни т. е. въ царствованіе Елизаветы институтъ коллежскихъ дворянъ опять превращается въ петровское учрежденіе коллегіи—юнкеровъ.

Мы видѣли, что въ предшествующую эпоху служебное начало въ образованіи юнкеровъ выдѣлялось изъ школьнаго. Какъ ни заботилось правительство о томъ, чтобы эти начала не пришли въ столкновеніе между собою, столкновеніе между ними было неизбѣжно. Въ 1750 г. сенатъ получилъ рапортъ отъ школы, учрежденной при немъ, что коллегіи—юнкеры и дворяне не бываютъ въ школѣ въ назначенные для нихъ дни,

---

[1]) П. С. З. № 8149 (1740, марта 24).
[2]) П. С. З. № 8267 (1740 г., октяб. 25)

говоря, что въ тѣ дни они бываютъ на дневаніи въ тѣхъ присутственныхъ мѣстахъ, гдѣ находятся при дѣлахъ. Учителя спрашивали: требовать ли ихъ въ школу въ дни дежурства? Сенатъ приказалъ какъ коллегіи—юнкерамъ, такъ и дворянамъ быть при школѣ въ назначенные дни неотлучно и потому не обязывать ихъ дневаньемъ въ общей очереди съ другими приказными служителями, чтобы они чрезъ то наукъ своихъ не забывали. [1]) Уже одинъ этотъ вопросъ показывалъ, что основаніе учрежденія коллежскихъ дворянъ шатко, что его слѣдуетъ вновь пересмотрѣть и регламентировать. И дѣйствительно черезъ два мѣсяца послѣ этого сенатъ, по поводу узаконенія о производствѣ въ секретари и протоколисты, между прочимъ распорядился: доставить ему вѣдомость о дворянахъ и юнкерахъ: опредѣленныхъ къ дѣламъ въ сенатъ и въ коллегіи [2]).

Получивъ эти вѣдомости, сенатъ приступилъ къ составленію новаго общаго устава для учрежденія коллежскихъ юнкеровъ, который и изданъ 20 янв. 1752 г. При Елизаветѣ сенатъ избѣгаетъ постояннаго употребленія одного изъ терминовъ: коллегіи-юнкера, или дворяне и старается употреблять ихъ оба вмѣстѣ. Нововведенія, сдѣланныя при Аннѣ Ивановнѣ не нравились теперь сенату. Онъ желалъ бы вполнѣ возстановить организацію, данную этому учрежденію Петромъ В., что́ и удается ему повидимому. Наименованіе юнкеромъ коллежскими дворянами, которое казалось сенату такъ необходимымъ въ 1737 г., теперь представляется ему же не нужнымъ и несогласнымъ съ узаконеніями Петра В. «Отнынѣ, предписываетъ онъ, дворянами ихъ не называть, а по силѣ табели о рангахъ 14 пункта, писаться тѣмъ, которые нынѣ произведены и впредь производятся въ коллегіи-юнкеры съ рангомъ прапорщичьимъ, коллегіи-юнкерами, а кои по нынѣ дворянами были, также и опредѣленнымъ впредъ титулярными коллегіи-юнкерами»; т. е. смѣшеніе подъ именемъ дворянъ этихъ двухъ разрядовъ, учрежденныхъ Петромъ, уничтожается: въ дѣйствительные коллегіи-юнкеры производятся титулярные тогда, когда они того окажутся достойными и

[1]) П. С. З. № 9797 (1750 г. сент. 12).
[2]) П. С. З. № 9819 (ноября 28).

считаются въ такомъ случаѣ въ рангѣ прапорщика. Новопоступающіе и изъ коллежскихъ дворянъ, которые при этой реформѣ не удостоились производства въ дѣйствительные коллегіи-юнкеры, считаются и называются титулярными коллегіи-юнкерами. Затѣмъ сенатъ возстановляетъ штатное число юнкеровъ, положенное указами Петра В. Въ эпоху, послѣдующую за петровскимъ царствованіемъ, въ однихъ коллегіяхъ было больше 6–7, въ другихъ меньше. Теперь равномѣрное распредѣленіе ихъ по коллегіямъ предоставляется генералъ-прокурору. Впрочемъ перемѣны и осложненія, происшедшія въ самой организаціи коллегій, канцелярій и приказовъ послѣ Петра, заставили сенатъ допустить здѣсь нѣкоторыя отступленія; а именно во всѣхъ коллегіяхъ и самостоятельныхъ канцеляріяхъ должно быть по 7 юнкеровъ въ каждой, а въ мѣстахъ подчиненныхъ коллегіямъ по 4 человѣка. Что касается до того на всѣ ли коллегіи простирается это учрежденіе юнкеровъ, то уставъ 20 янв. (1752 г.) дѣлаетъ только исключеніе для иностранной, не потому, чтобы въ ней не полагалось юнкеровъ, и потому что выборъ въ юнкера этой коллегіи подчиненъ былъ особымъ условіямъ: «ибо въ оной въ коллегіи-юнкеры опредѣляются особливо по усмотрѣнію той коллегіи къ тому достойные и иностранныхъ языковъ знающіе». Адмиралтейская и военная именно называются въ числѣ прочихъ, подлежащихъ дѣйствію этого устава; имѣя свои спеціальныя учебныя заведенія; (сухопутн. корпусъ и морскую академію) эти двѣ коллегіи нуждались въ юнкерахъ для приготовленія служащихъ у нихъ чиновъ гражданскихъ. Сличеніе этого обстоятельства съ распоряженіемъ, относящимся къ иностранной коллегіи, доказываетъ какая ничтожная способность къ обобщенію была въ то время въ законодательныхъ сферахъ. Возстановивъ так. обр. внѣшній видъ учрежденія, приданный ему Петромъ, сенатъ не могъ уничтожить той части аннинской реформы, которая необходимо требовалась естественнымъ развитіемъ этого учрежденія: теоретическое образованіе юнкеровъ, сосредоточенное въ сенатскихъ школахъ петербургской и московской, остается: «всѣмъ оными коллегіи-юнкерамъ въ учрежденныхъ при прав. сенатѣ и при сенатской конторѣ школахъ обучаться». Но вмѣстѣ съ тѣмъ сенатъ съ тѣмъ большею силою настаиваетъ на со-

храненіи служебнаго характера за юнкерами: «быть имъ точно въ конпистской должности» подтверждаетъ онъ. Какъ чиновники, они получаютъ жалованье [1]).

Надзоръ за ними остается по прежнему на отвѣтственности президентовъ, «главныхъ судей» въ коллегіяхъ и приказахъ; въ сенатъ же, къ генералъ-прокурорскимъ дѣламъ, подаются рапорты о нихъ каждую треть года [2]). Но вѣроятно, этотъ надзоръ было трудно выполнимъ, потому что сенатъ нашелъ нужнымъ чрезъ два года подтвердить президентамъ и главнымъ судьямъ, чтобы они имѣли «наикрѣпчайшее смотрѣніе» за юнкерами. Тогда же обязанность надзора сенатъ распространяетъ на всѣхъ присутствующихъ и прокуроровъ гдѣ они есть. При этомъ сенатъ приказалъ рапортовать ему даже о тѣхъ изъ юнкеровъ, которые произведены въ секретари. За долговременную неподачу рапортовъ сенатъ угрожаетъ штрафомъ [3]).

Въ такомъ видѣ осталось устройство этого учрежденія до царствованія Екатерины II. Лишь въ самомъ концѣ описываемаго времени оно получило нѣкоторое внѣшнее развитіе: юнкера допущены отчасти и при провинціальныхъ присутственныхъ мѣстахъ; это совершено упомянутымъ выше [4]) узаконеніемъ 1761 года относительно остзейскихъ провинцій. Сенатъ рѣшился отправить нѣсколькихъ юнкеровъ изъ состоящихъ при сенатѣ и коллегіяхъ, знающихъ нѣмецкій языкъ, въ остзейскія присутственныя мѣста; а именно: въ рижскую регирунгсъ канцелярію 3-хъ (одного для самой этой канцеляріи, другаго для дерптской и перновской экономической штатгалтерской канцеляріи, третьяго для гофгерихта), въ ревельскую губернскую канцелярію двухъ (одного для этой канцеляріи, другаго для оберъ-ландгерихта), въ выборгскую губернскую канцелярію тоже двухъ (одного для шведской экспедиціи,

[1]) Вновь опредѣленнымъ коллегіи-юнкерамъ жалованье давать по штату по 25 р.; тѣмъ, которые окажутъ особое прилежаніе *къ дѣламъ и къ наукамъ*, дается прибавка; произведенные изъ титулярныхъ въ дѣйствительные коллегіи-юнкеры, если имъ поручено исполненіе должности, получаютъ канцелярпстское жалованье; если же они еще не могутъ исполнять ее, то получаютъ общее жалованье, ассигнуемое изъ штатсъ-конторы на коллегіи-юнкеровъ.

[2]) П. С. З. № 9928 (1752 г., янв. 20).

[3]) П. С. З. № 10,172 (1754 г., янв. 12).

[4]) См. выше стр. 177—178.

другаго для кюменегорской штатгалтерской канцеляріи), въ эзельскую провинціальную канцелярію двухъ (одного для этой канцеляріи, другаго для земскаго суда). Назначеніе лицъ по этому распредѣленію предоставляется генералъ-прокурору. Главная цѣль ихъ посылки обученіе, объ успѣхахъ котораго подаются рапорты сенату по третямъ года, какъ и обученіи прочихъ юнкеровъ [1]).

Какъ при коллегіяхъ писпіе служащіе, предназначаемые впослѣдствіи къ высшимъ должностямъ, суть ученики, такъ при госпиталяхъ госпитальная прислуга, имѣющая впослѣдствіи быть лекарями, называется учениками. Еще въ 1701 г., съ учрежденіемъ госпиталей введено въ нихъ служебное обученіе медицинѣ. По регламенту адмиралтейства въ каждомъ госпиталѣ (которые должны быть учреждены во всѣхъ портовыхъ городахъ) долженъ быть одинъ докторъ, одинъ старшій лекарь, извѣстное число младшихъ лекарей (на 200 больныхъ одинъ),-у каждаго лекаря по два человѣка гезелей лекарскихъ и по четыре человѣка учениковъ [2]). Младшіе лекари называются впослѣдствіи подлекарями и составляютъ лишь высшій классъ учениковъ. И тѣ и другіе суть лица служащія: лекари, гезели и ученики одинаково дежурятъ въ госпиталѣ «для незапныхъ случаевъ больныхъ» [3]). Въ служебномъ возвышеніи этихъ лицъ никакъ нельзя указать, гдѣ кончается для нихъ обученіе и начинается служба; производство учениковъ въ подлекари и потомъ въ лекари есть обыкновенное повышеніе въ служебномъ рангѣ. Такъ обыкновенно бываетъ при обученіи ремесламъ, при чемъ ученикъ переходитъ въ подмастерье, а потомъ въ мастера. Это двоякое значеніе госпиталей служебное и учебное разъяснено окончательно въ регламентѣ о госпиталяхъ 1735 г. [4]): «учрежденіе госпиталей двоякаго намѣренія и плода имѣетъ: первое пользованіе страдающихся больныхъ, второе произвожденіе и утвержденіе медиковъ и лекарей къ большему искусству». Служебное значеніе учениковъ опредѣляется въ слѣдующихъ словахъ: «подъ учениками разумѣются не толь-

[1]) П. С. З. № 11,283 (1761 г., іюля 28).
[2]) П. С. З. № 3937 гл. XEVII пун. 4 (1722 г.).
[3]) ibid. гл. LI, пунк. 2.
[4]) П. С. З. № 6852, гл. II. и X.

ко тѣ, которые именно называются учениками, и имѣютъ этотъ чинъ и окладъ по чину, но и подлекари»; такимъ образомъ если первые учатся и служатъ, то и вторые служатъ и учатся. Обученіе ихъ практическое, ремесленное: кромѣ ухода за больными, къ этому назначаются однѣ анатомическія вскрытія, какъ опредѣлено еще въ адмиралтейскомъ регламентѣ 1722 г. Этимъ объясняется, почему до временъ Екатерины не было введено въ госпиталяхъ преподаваніе физіологіи [1]). «Въ госпитальныхъ русскихъ школахъ учили медицинѣ на столько, чтобы только освоить воспитанниковъ съ практическою стороною ея, стоявшею почти что на степени ремесла» [2]). По мѣрѣ введенія теоретическаго преподаванія и обученіе въ госпиталяхъ очищалось мало по малу отъ служебно-ремесленнаго характера,-нарождались медицинскія *школы*. Но этотъ переворотъ совершился лишь въ концѣ описываемаго времени. Это совершено было тѣми узаконіями (отчасти приведенными выше), по которымъ въ госпитальные ученики опредѣлялись лица, уже получившія нѣкоторое общее приготовительное образованіе въ семинаріяхъ, обучившіеся риторикѣ «и отчасти» философіи, а главное-латинскому языку; знаніе латинскаго языка требуется уже регламентомъ 1735, какъ одно изъ главныхъ условій допущенія къ изученію медицины), такъ какъ обученіе въ госпиталяхъ и аптекахъ совершается «на общемъ всѣхъ ученыхъ людей» языкѣ латинскомъ. Тогда повышеніе въ рангѣ изъ учениковъ въ подлекари производится на основаніи экзаменовъ чрезъ каждую треть года.

Совершенно такимъ же образомъ при аптекахъ ученики прислуга практически обучаются фармаціи; въ рангѣ учениковъ они получаютъ жалованья по 4 р. въ мѣсяцъ, при казенной квартирѣ, отопленіи, освѣщеніи и прислугѣ; «когда же, совокупленіемъ искусства, удостоятся быть гезелями, сирѣчь аптекарскими подмастерьями, жалованье имъ опредѣ-

---

[1]) «Слово физіологія введено въ употребленіе директоромъ медицинской канцеляріи П. З. Кондоиди, который первый ввелъ въ госпитальное преподаваніе медицинскихъ наукъ курсъ физіологіи» А. Чистовичъ: «Очерки изъ исторіи русск. медиц. учрежденій XVIII ст.» Спб. 1870.

[2]) ibid стр. 328.

ляется, смотря по успѣхамъ и искусству, по 10, по 12 и по 15 р. на мѣсяцъ» [1]).

Архитектурная школа въ москвѣ у кн. Ухтомскаго считалась при сенатѣ въ видѣ экспедиціи.

Не будемъ останавливаться на обращеніи военной службы, въ школу, о чемъ читатель можетъ найти выше нѣсколько частныхъ указаній; морская гвардія не скоро превратилась въ морскую академію, а сухопутная въ корпусъ.

Обратимся къ уясненію понятія о церкви, какъ школѣ. Здѣсь распространеніе образованія чрезъ службу проявилось въ двухъ формахъ катехизаціи и обученіи ставленниковъ.

Катехизація, обязательно установленная для духовенства духовнымъ регламентомъ и узаконеніемъ 1724 г. янв. 31 [2]), имѣла двоякое значеніе: необязательнаго поученія для мірянъ и обязательнаго изученія вѣры для духовныхъ. Законодательство не уяснило этого значенія церковной катехизаціи; но правительство, разсылая катехизисы по епархіямъ для обязательнаго изученія ихъ духовными, тѣмъ самымъ указывало мѣстнымъ административнымъ властямъ способъ дѣйствія. Эти послѣднія поняли свою обязанность слѣд. обр.: въ 1747 г. преосв. Арсеній, архимандритъ Троицкой лавры распорядился, чтобы священно-церковнослужители ближайшихъ къ ней мѣстъ посѣщали церковное объясненіе катехизиса обязательно. За неисполненіе этой обязанности монахи штрафуются по усмотрѣнію намѣстника лавры, со священниковъ назначается штрафъ по 1 рублю, съ дьяконовъ по 50 коп., съ причетниковъ по 25 к. Но очевидно не все духовенство, подчиненное извѣстному мѣсту, гдѣ учреждена церковная катехизація, могло посѣщать церковныя поученія. Тогда катехизація принимаетъ другую форму—форму изученія катехизиса на дому съ обязательнымъ отчетомъ въ изученіи заданнаго предъ лицами, назначенными къ тому. Названный указъ преосвящ. Арсенія продолжаетъ:

---

[1]) П. С. З. № 10,196 (1754 г. марта 14) См. подробности о служебно-учебныхъ медицинскихъ учрежденіяхъ у Рихтера: Geschichte d. Medicin. Сл. также «Ист. И. Медико-Хирургической Академіи» (Отеч. Записки 1821 г. ч. VIII.)

[2]) П. С. З. № 4450.

«Сверхъ же вышеписаннаго префекту Аѳанасію троицкія десятины священникамъ и діаконамъ (т. е сельскимъ), которымъ, за отдаленіемъ отъ лавры, на означенномъ поученіи быть невозможно, задавать ко изученію изъ книжицы, катихизисъ именуемой, при нѣколикомъ задаваемаго истолкованіи и для того, чтобъ они къ опому префекту явились, имъ объявить указомъ и велѣть, дабы они тотъ катихизисъ когда что и на сколько времени задано будетъ, изучали хотя не до слова, токмобъ силу того писанія совершенно разумѣли, и когда ихъ о томъ вопросятъ, чтобъ сказать могли; а ему префекту назначивать время, когда имъ пріѣзжать въ лавру, и по пріѣздѣ ихъ экзаменовать, а буде кто пріѣзжать не будетъ, по таковыхъ посылать нарочно изъ духовной канцеляріи; и ежели кто изъ нихъ за нерадѣніемъ своимъ, всего того, что ему задается, не изучитъ, таковыхъ священниковъ и діаконовъ за ихъ неисправность штрафовать денежнымъ штрафомъ противъ вышеписаннаго и къ конечному изученію того, что задано было, принуждать.» Указъ этотъ строго исполнялся, какъ видно изъ приведенныхъ г. Смирновымъ фактовъ, извлеченныхъ имъ изъ архива лавры» [1]).

Обученіе ставленниковъ есть явленіе, параллельное обученію юнкеровъ въ коллегіяхъ: человѣкъ, уже избранный на должность, прежде дѣйствительнаго исполненія ея, изучаетъ то, что входитъ въ кругъ его должности. Этотъ способъ, еще практикованный Геннадіемъ новгородскимъ, узаконенъ въ XVIII в. Прибавленіе къ духовному регламенту 1722 года опредѣляетъ это такъ: «пріятаго же ставленика не тотъ часъ ставить, но изучилъ бы прежде помянутые книжицы, а между тѣмъ искушать его—не хапжа ли есть онъ...» и т. д. Это учрежденіе является за неимѣніемъ школъ; «а покамѣсть школы будутъ, ставленникамъ велѣть изучить книжицы о вѣрѣ и законѣ христіанскомъ, о должностехъ всѣхъ чи-

[1]) «Священникъ с. Юдина явился къ префекту 11 янв.; ему задано выучить о первомъ членѣ символа вѣры, и по выученіи велѣно явиться на сырной недѣлѣ; префектъ выслушавъ его, задалъ ему учить далѣе и назначилъ срокъ до ѳоминой недѣли; потомъ онъ долженъ былъ явиться въ первыхъ числахъ іюля. Так. обр. въ теченіи года онъ выучилъ объясненіе всѣхъ членовъ символа вѣры и дошелъ до ученія о блаженствахъ. Нѣкоторые не выучивали заданнаго урока изъ катихизиса и были штрафованы деньгами и неоднократно. Если кто изъ штрафованныхъ не являлся послѣ того въ срокъ, такой угрожаемъ былъ тѣлеснымъ наказаніемъ». Смирновъ: «Ист. тр. лавр. сем.», стр. 62—63.

новъ...» [1]) Учрежденіе, на которое указано здѣсь, подвергалось впослѣдствіи неоднократнымъ опредѣленіямъ законодательства. Такъ въ царствованіе Анны, въ 1739 г., сама государыня сочла нужнымъ предписать св. синоду, чтобы постановленіе о ставленникахъ было выполняемо, при чемъ даются ближайшія и болѣе подробныя опредѣленія этому дѣлу: избранные прихожанами кандидаты являются къ архіерею, который долженъ «свидѣтельствовать о разумѣ (ихъ), о наученіи закона и о прилежаніи къ св. писанію, а притомъ и обезпорочномъ ихъ житіи». Но это не просто новиціатъ, (испытаніе): архіереи должны всѣхъ этихъ ставленниковъ не менѣе трехъ мѣсяцевъ «содержать при своемъ домѣ или въ ближнихъ градскихъ монастыряхъ и въ это время пищею ихъ довольствовать». Между тѣмъ учительные священники должны обучать ихъ тому, чего требуетъ ихъ будущая должность.

Для этихъ т. ск. служебныхъ школъ назначаются особые учителя—«учительные священники», которыхъ синодъ обязанъ разослать въ каждую епархію по одному или по два, опредѣливъ имъ подлежащее жалованье. Они избираются изъ священниковъ, или іеромонаховъ, получившихъ высшее образованіе и обнаружившихъ хорошую нравственность [2]).

Синодъ, обиженный такимъ напоминаніемъ о его обязанностяхъ со стороны верховной власти, далъ отъ себя особый указъ, въ которомъ прописываетъ, что виновныя въ небрежности объ образованіи духовенства мѣстныя епархіальныя власти, хотя и явственно видятъ, что неисполненіе предписаній зависитъ отъ нихъ, а не отъ главной духовной команды, «обаче толь отважно и нечувственно пребываютъ, какъ бы собственнаго долга въ томъ ни мало не зависитъ». Однако синодъ не выполнилъ обязанности, указанной ему въ высочайшемъ повелѣніи: вмѣсто посылки учительныхъ священниковъ въ епархіи, онъ требуетъ: во всѣхъ епархіяхъ изъ учительныхъ священниковъ или іеромонаховъ, *гдѣ таковые имѣются,* опредѣлены были люди благожительные, со учиненіемъ имъ довольнаго жалованья въ самой же скорости» [3]).

---

[1]) П. С. З. № 4022.
[2]) П. С. З. № 7734 (1739 г., янв. 16).
[3]) П. С. З. № 7749 (февр. 8).

Такъ какъ и съ возникновеніемъ школъ этотъ способъ образованія не прекѣкся, по малочисленности лицъ, получившихъ образованіе въ школахъ, то изложенныя здѣсь обязанности «учительныхъ священниковъ» возложены были на учителей или префектовъ семинаріи [1]); въ иныхъ епархіяхъ образованіе ставленниковъ перешло въ форму школьнаго обученія: явились школы для ставленниковъ, параллельныя семинаріямъ. Такую именно школу находимъ въ Вяткѣ [2]).

Переходя къ важнѣйшему и употребительнѣйшему способу распространенія образованія, общественнымъ школамъ, замѣтимъ, что согласно съ изложеннымъ понятіемъ объ образованіи, подъ общественными учебными заведеніями разумѣются собственно спеціальныя училища. Но такъ какъ исключительная форма профессіональнаго образованія начинается не съ самаго начала вѣка, а приблизительно съ 1715-1720 г. то и господствующая система спеціальныхъ школъ организуется вполнѣ съ того же времени. Такимъ образомъ прежде изложенія спеціальныхъ школъ мы должны сдѣлать ко-

---

[1]) Ист. тр. сем., стр. 63.

[2]) «Что касается до духовенства, то извѣстно, что всѣхъ дѣтей ихъ въ толь обильной (Вятской) епархіи неумѣстно было забирать для обученія въ семинарію; надобно было великую часть ихъ оставлять на попеченіи отцовъ, чтобъ они научали ихъ причетническому званію. Но, къ огорченію преосвященнаго, прежняя закоренѣлость церковниковъ, чтобъ не пріобрѣтя потребныхъ свѣденій получать священническія, діаконскія и причетническія мѣста, была еще и по сіе время вовсе не выведена въ здѣшней епархіи..., а потому какъ многіе искатели мѣстъ начали являться къ преосвященному безъ потребныхъ на то знаній, то благоразсудительный сей преосвященный (Лаврентій Горка), чтобы вывесть вовсе при церквахъ такое невѣжество, и чтобъ слѣпецъ не могъ чрезъ святотатство вкрадываться въ человѣконаставники и служители Бога Премудраго, изыскалъ на сіе свои средства. Всякаго искателя не только священства, но и пономарства самъ своею особою испытывалъ во всѣхъ потребныхъ для искомаго званія знаніяхъ; не скучалъ выслушивать, какъ ищущій читаетъ, поетъ, знаетъ катихизисъ, уставъ и хорошо ли пишетъ. На сіе положены были у него особые дни, и во дняхъ часы. Свѣдущіе получали рукоположеніе его по достоянію; а неискусныхъ отсылалъ въ особо установленную имъ, такъ называемую ставленническую школу, кою нарочито для таковыхъ при домѣ своемъ учредилъ. Ежели которые и симъ средствомъ не могли уже быть исправлены, таковыхъ отсылалъ въ свѣтскую команду для почисленія. Такимъ образомъ очищалъ епархію отъ тунеядцевъ, и возводилъ духовенство исправленіемъ его на степень истиннаго его достоинства». Казанскій Вѣстникъ, май 1827 г., стр. 102.

роткій обзоръ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній въ началѣ XVIII в.

1. Общеобразовательныя заведенія, предшествующія началу профессіональной системы. *Московская гимназія, или «разноязычныя школы»*. Пекарскій упустилъ изъ виду свѣдѣнія о единственной общеобразовательной школѣ, основанной Петромъ, которыя онъ могъ найти въ Полномъ Собраніи Законовъ, и не имѣлъ въ рукахъ тѣхъ документовъ о ней, которыя опубликованы въ «Днѣ» и «Русскомъ Архивѣ» послѣ выхода въ свѣтъ его сочиненія. Зная эту школу лишь при жизни Глюка, онъ разсказываетъ о ней, какъ гимназіи Глюка, придавая такимъ образомъ ей характеръ частнаго учебнаго заведенія. Московская Гимназія (или «разноязычныя школы», какъ называется она оффиціально) есть вполнѣ правительственное учебное заведеніе, основанное, содержимое и руководимое администраціею. «Въ прошломъ 705 (703?), февр. въ 25 день по Его В. Г. указу учинена на Москвѣ школа на дворѣ боярина Василья Ѳедоровича Нарышкина, что на Покровкѣ. А велѣно въ ней учить»... и т. д [1]). При самомъ основаніи она была подчинена, какъ мы видѣли, пигермапландской канцеляріи. Глюкъ былъ лишь первымъ «препозитомъ»-директоромъ ея, назначеннымъ отъ правительства: «а во всякомъ управленіи быть въ ней препозиту,-Саксонской земли Эрнесту Глюку». Вторымъ послѣ Глюка (ум. 5 мая 1705 г.) препозитомъ былъ назначенъ Петръ Костъ, впрочемъ подъ главнымъ начальствомъ стольника Павла Веселовскаго: «сентября въ 10 день 705-жъ году, по присланному въ пигерманландскую канцелярію указу, велѣно въ той школѣ быть и всякое управленіе чинить... стольнику Павлу Веселовскому, да препозиту Петру Косту». Долго ли управляли эти лица, неизвѣстно. Когда именно управлялъ магистръ философіи Іоганъ Вернеръ Паузъ, бывшій послѣ переводчикомъ въ академіи наукъ, о которомъ Пекарскій ошибочно говоритъ, что онъ принялъ въ завѣдованіе школу послѣ Глюка, не знаемъ; впрочемъ здѣсь Пекарскій только повторяетъ свѣдѣніе, сообщенное М. Евгеніемъ [2]).

[1]) День, 1863 г. № 15. Подлиннаго указа объ основаніи гимназіи въ печати нѣтъ.

[2]) «Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей», изд. 1845. Т. I, стр. 127.

Школа эта была общеобразовательная, какъ по составу преподаванія, такъ и по составу учениковъ. Фоккеродтъ набрасываетъ тѣнь на общеобразовательный характеръ этого заведенія, приписывая Глюку слишкомъ большое невѣжество и слишкомъ сильную наклонность къ лютеранской пропагандѣ, чтобъ онъ могъ дать организацію истинно общеобразовательному училищу: «Петръ, говоритъ онъ, сталъ совѣтоваться съ Глюкомъ объ учрежденіи школъ. Этотъ человѣкъ (т. е. Глюкъ), не имѣвшій ни какихъ познаній выше тѣхъ, которыя обыкновенно встрѣчаются у сельскихъ шведскихъ священниковъ, тѣмъ не менѣе въ глазахъ Петра былъ свѣтъ міра, потому что онъ зналъ по русски. Глюкъ, по своимъ взглядамъ; не могъ дать другаго совѣта Петру, кромѣ учрежденія школы по лифляндскому образцу, въ которой дѣти должны были учиться катихизису, латинскому языку и другимъ школьнымъ знаніямъ; Петръ одобрилъ этотъ планъ и поручилъ исполненіе его Глюку..., который выписалъ себѣ (на должности учителей) студентовъ богословія (studeosos Theologiae) и устроилъ школу на точномъ основаніи шведскаго церковнаго устава (Kirchenordnung), и, чтобы не было ни малѣйшаго отступленія отъ шведскаго образца, перевелъ русскими виршами разные лютеранскіе гимны, которые дѣти должны были благоговѣйно пѣть до и послѣ уроковъ. Смѣшной характеръ этого учрежденія и плохой успѣхъ, который имѣло у русскаго юношества образованіе этого рода, слишкомъ сильно бросались въ глаза, чтобы подобная школа могла существовать долго» [1]). Быть можетъ въ душѣ Глюкъ, какъ пасторъ, не былъ чуждъ лютеранской пропаганды (Глюкъ дѣйствительно перевелъ на русскій языкъ лютеранскій молитвенникъ и лютеранскій катихизисъ); но только это и справедливо во всемъ, что говоритъ Фоккеродтъ: школа отнюдь не была богословскою. По программѣ, объявленной Глюкомъ, основа образованія въ этой школѣ состояла въ изученіи новыхъ и древнихъ языковъ; въ ней объявлено преподаваніе французскаго, нѣмецкаго, латинскаго, греческаго, еврейскаго сирскаго и халдейскаго языковъ (восточные языки введены въ программу очевидно только потому, что Глюкъ, до пере-

[1]) Russland unter Peter dem Grossen.—S. 102—103.

хода въ Россію, занимался преимущественно ими); изученіе языковъ должно было имѣть не просто практическій характеръ, но должно было возвышаться до научной филологіи: однимъ изъ учебниковъ введенъ былъ: «Janua reserata linguarum» Коменскаго. За тѣмъ на этой филологической основѣ опиралось изученіе слѣд. наукъ: латинской риторики, философіи дѣятельной, поэтики, политики, географіи и философіи картезіанской. Замѣчательно, что преподаваніе математики не должно было итти далѣе ариѳметики.

Особенный отдѣлъ обученія составляли тѣлесныя упражненія, именно танцы и верховая ѣзда: съ первымъ соединялось пріобрѣтеніе внѣшняго изящества манеръ: «тѣлесное благолѣпіе и комплементы чиномъ нѣмецкимъ и французскимъ». Школа раздѣлялась на 4 класса (вѣроятно прогрессивныхъ, а не параллельныхъ); по крайней мѣрѣ раздѣленіе ея на 4 школы упоминается въ ук. 1711 г.

Все разнообразіе этихъ наукъ и упражненій ведетъ къ одной общей цѣли-къ духовному (т. е. умственному и нравственному) преуспѣянію учащихся, такъ какъ «благочестіе не приражда́ется, а притязается (пріобрѣтается); нива бо не дѣлана не носитъ пшеницу, но волчецъ и осоты» [1]). Пользу отъ изученія наукъ Глюкъ рекомендуетъ искать не въ карманѣ, а «въ пазухѣ», т. е. не въ житейской выгодѣ, происходящей отъ нихъ, а въ сердцѣ и сознаніи.

Общеобразовательный характеръ этой школы открывается и изъ состава учениковъ; въ нее принимаются лица всѣхъ сословій, ищущія образованія собственною охотою «а велѣно въ ней учить всякихъ чиновъ людей, которые станутъ приходить и записываться въ тое школу охотою». Впослѣдствіи нѣкоторые органы администраціи посылали по нѣсколько учениковъ въ эту школу для пріобрѣтенія въ ней знаній, необходимыхъ для службы по соотвѣтствующему вѣдомству; но мы знаемъ это только о посольскомъ приказѣ и нигерманландской канцеляріи, изъ которыхъ первый въ концѣ 1706 г. содержалъ въ ней 9 человѣкъ, а вторая 3-хъ. Думать надобно, что служебное примѣненіе изъ такого образованія могли найти только эти вѣдомства, такъ какъ преимущественно имъ было необходимо имѣть людей, знающихъ

[1]) См. у Пекарскаго: «Наука и литература» I. стр. 128-130.

иностранные языки; мы уже говорили, что школа закончила свое существованіе именно по непримѣнимости ея программы къ непосредственнымъ цѣлямъ какой либо служебной практики. Въ школѣ въ 1706 г. было 300 учениковъ; но учителя просили дозволить принимать больше; Петръ не велѣлъ принимать сверхъ 100 человѣкъ [1]). Ученіе даровое для всѣхъ: «за ученье съ учениковъ денежныхъ и иныхъ никакихъ поборовъ, также и ихъ учениковъ въ его государеву службу неволею писать не велѣно», т. е. ученики не подлежатъ отслуживанью за ученіе. Это весьма важная особенность устава школы была главною (отрицательною) причиною, почему въ нее шли ученики охотно, тогда какъ изъ другихъ, открытыхъ послѣ, бѣжали.

Число учителей уставомъ не обозначено: «а ему (Глюку) въ прибавку (въ помощь) учителемъ быть сколько ему понадобится». При открытіи школы въ ней было 7 учителей; а именно: самъ Глюкъ, Іоаннъ Рейхмутъ, Іоаннъ Мерла, Іоаннъ Густавъ Вурмъ, Отто Бирканъ, танцмейстеръ Стефанъ Рамбургъ, и берейторъ Іоаннъ Штурмевель. Въ первой половинѣ 1706 г. въ ней было 9 учителей штатныхъ (получавшихъ окладное жалованье) и одинъ сверхштатный; въ концѣ этого же года всѣхъ учителей было 9 человѣкъ. Всѣ они были иноземцы, а нѣкоторые изъ нихъ, какъ и самъ Глюкъ, плѣнные. Когда въ 1715 г. великій государь указалъ выслать въ С.-Петербургъ учителей нѣмецкой и французской школъ, принявъ ихъ у справщика печатнаго дѣла Ѳедора Поликарпова, то велѣлъ «прислать ихъ, если они плѣнные, то за карауломъ, а если не плѣнные, то съ провожатымъ. По доношенію Поликарпова оказалось, что оба учителя свободные, а не плѣнные, одинъ французской школы Іосифъ Ивановъ Гагинъ (родомъ итальянецъ), другой нѣмецкой Яганъ Вурмъ» [2]).

---

[1]) Къ сожалѣнію документъ о гимназіи, изданный въ «Днѣ», напечатанъ въ истлѣвшей рукописи; мѣсто его, относящееся къ числу учениковъ и дальнѣйшему пріему ихъ читается тамъ такъ: «и тѣхъ-де учениковъ (слова изъ донесенія Павла Веселовскаго въ ингерманландскую канцелярію 17 дек. 1706 г.) къ ихъ ученію малое... и по словесному выписанныхъ 300 чел. И о пріемѣ того числа учениковъ и о дачѣ имъ что чинить? Резолюція государя его собственною рукою: больше 100 человѣкъ не принимать, а жалованье давать противъ другихъ...» (День 1863, № 15).

[2]) С. М. Соловьевъ: «Ист. Россіи». т. XVI, стр. 207.

Этотъ послѣдній былъ единственнымъ учителемъ, видѣвшимъ открытіе школы въ 1703 и конецъ ея въ 1715 году. Въ концѣ существованія школы остались въ ней только эти два учителя и при нихъ лишь 5 учениковъ: «во французской и нѣмецкой (школахъ), доносилъ 22 апр. 1715 г. Поликарповъ Мусину-Пушкину, во обоихъ учениковъ только пятеро, а учителямъ двумъ корму 250 рублей» [1]).

Изъ этого «корму учителямъ» состояла большая часть содержанія школы, такъ какъ она имѣла даровое помѣщеніе (въ Нарышкинскихъ палатахъ, а въ концѣ своего существованія въ Новгородскомъ подворьѣ) и казенныя учебныя пособія. По первоначальному уставу на нее ассигновано было государствомъ по 3000 р. въ годъ [2]). Это было столь богатое содержаніе по тому времени, что распорядители школъ не могли израсходовать всѣ ассигнованныя деньги и остатки возвращали въ пигерманландскую канцелярію. Учителямъ назначено было слѣд. жалованье: одному 150 р., 3-мъ по 100, одному 90 р., 2-мъ по 80 руб., одному 40, одному 20. Итого всѣмъ 760 р. Въ 1706 всѣ получившіе менѣе 100 р. просили прибавки; а именно получавшіе по 80 и 90 р. просили по 100 р., получившій 40 просилъ 50, а получавшій 20 просилъ 40. Сверхъ того одинъ «неокладной» учитель желалъ получать 50 р. На докладѣ объ этомъ царю, онъ приписалъ: «надобно и право» [3]). Изъ штатной суммы школы, кромѣ жалованья учителей, назначалась пенсія «препозитовой женѣ», вдовѣ Глюка. Другіе расходы опредѣляются въ указѣ 1711 такъ: «учителямъ и ученикамъ по окладамъ ихъ, и кормовыя деньги по опредѣленнымъ ихъ дачамъ и другимъ служителямъ и на всякіе расходы»... [4]). До открытія губерній, деньги эти ассигновались изъ пигерманландской канцеляріи, изъ ея доходовъ. Послѣ открытія губерній правительство опредѣлило только куда, отправлять эти деньги, именно въ Московскую губернію въ разрядъ; но откуда высылать ихъ, опредѣлено не было. Въ слѣдствіе этого наведена была справ-

---

[1]) Русскій Арх. 1868 г., № 7—8, стр. 1043.
[2]) День 1863, № 15.
[3]) ibid.
[4]) П. С. З. № 2389 (26 іюня, 1711 г.).

ка въ ближней канцеляріи (куда представлялись отчеты изъ всѣхъ мѣстъ); здѣсь въ отчетахъ ижерской канцеляріи найдено было слѣд. распредѣленіе суммъ московской гимназіи: учителямъ, 9 человѣкамъ 1050 р., учениковъ 38 человѣкамъ (состоящимъ на казенномъ содержаніи) 1894 рубли, школьному подъячему 9 рублей, сторожамъ двумъ человѣкамъ 12 рублей, на мелочной всякой расходъ 24 рубли; итого 3000 рублей». Получивъ эти свѣдѣнія, сенатъ указалъ источникъ, откуда должно отпускаться это жалованье: «деньги 3000 р. отпустить изъ Московской губерніи въ зачетъ положеннаго числа въ отпускъ С.-Петербургской губерніи; о томъ въ московскую губернію къ управителю послать указъ» [1]). Въ 1715 г., при закрытіи школы на двухъ учителей отпускалось 250 р.

Паденіе разноязычныхъ школъ относимъ къ 1716 году, относя къ этимъ школамъ то, что́ содержится въ перепискѣ о «нѣмецкихъ школахъ» Поликарпова и гр. Мусина-Пушкина. Думаемъ, что здѣсь рѣчь идетъ именно объ этой гимназіи, хотя «нѣмецкія школы» и помѣщаются уже не въ Нарышкинскомъ домѣ и по своему значенію уже совсѣмъ не то, чѣмъ была гимназія 1703—1711 года. Мы узнаемъ въ нихъ бывшую гимназію, только по именамъ Мусина-Пушкина и учителя Ягана Вурма. Послѣ перевода учителей въ Петербургъ, Поликарповъ писалъ Мусину-Пушкину: «По отъѣздѣ нѣмецкихъ школъ учителей въ С.-Петербургъ осталась на Новгородскомъ подворьѣ библіотека по описи съ тысячу книгъ нѣмецкихъ, еврейскихъ, французскихъ и проч. И оныя книги лежатъ безъ дѣла, а въ школахъ вашихъ (т. е. петербургскихъ, вѣроятно морской академіи), чаю, книгъ быть скудно. И не повелите ли ихъ прислать, понеже намъ до нихъ нужды нѣтъ» [1]). Неизвѣстно переведена ли была библіотека; во всякомъ случаѣ вмѣстѣ съ тѣмъ исчезла послѣдняя память объ общеобразовательномъ училищѣ въ Москвѣ.

Школы славяно-латинская, латино-итальянская и эллино-греческая. Веберъ, описывая учебныя заведенія Москвы, между прочимъ, пишетъ слѣд.: «Уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ его царское величество учредилъ въ Москвѣ три

---

[1]) ibid.

[2]) Русскій арх. 1868 г. кн. 7-8, стр. 1065.

гимназіи и учителями въ нихъ опредѣлилъ многихъ русскихъ ученыхъ монаховъ, которые обучались въ Польшѣ, Украйнѣ и Пруссіи. Въ первой гимназіи отъ 300 до 400 учениковъ, изъ поляковъ, украинцевъ и русскихъ, которымъ въ нѣсколькихъ классахъ преподаютъ humaniora, и эти иноки острые и разумные люди. Когда мнѣ показывали зданіе и церковь этой гимназіи, а также и методу преподаванія въ ней, то подъ конецъ одинъ изъ гимназистовъ высшаго класса, какой-то князь, сказалъ довольно искусную, заранѣе выученную, рѣчь на латинскомъ языкѣ, которая состояла изъ комплиментовъ»[1]).

Въ этомъ описаніи трудно узнать московскую славяно—греко—латинскую академію, смѣшную alma mater Ломоносова и Тредіаковскаго. Уваженіе, которое она внушила Веберу, и тѣ немногія свѣдѣнія, которыя сообщаетъ о ней этотъ писатель, показываютъ, что она была далека еще отъ того извѣстнаго типа спеціально—духовныхъ учебныхъ заведеній, котораго вѣрнѣйшимъ представителемъ была именно она въ XVIII в. По нашему мнѣнію до 1715—1719 годовъ училище это сохраняло характеръ общеобразовательнаго заведенія и мы уже указывали, по другому поводу, на тѣ узаконенія, которыя сообщили ей спеціальный характеръ, а именно: указъ 1715 г. 18 іюля (по ссылкѣ указа 1716 г. янв. 24),[2]) запретившій принимать въ нее дворянъ; указъ 1719 г., запретившій ученикамъ выходъ изъ нея въ другія школы[3]), и стоящій между ними указъ 1718 г. мар. 15[4]).

Историкъ академіи г. Смирновъ не отмѣтилъ въ исторіи ея этого важнѣйшаго момента, въ который одно и тоже заведеніе перешло совершенно въ другой разрядъ; а въ слѣдствіе этого весьма трудно указать особенности въ организаціи ея до 1715—1719 г., отъ общеизвѣстнаго характера ея послѣ этой эпохи. Но имѣя въ рукахъ лишь одно капитальное сочиненіе о ней г. Смирнова, мы отсылаемъ къ нему читателя.

Еще въ 1694 г., съ удаленіемъ Лихудовъ въ типографію,

---

[1]) Русск. Арх. кн. 7-8 1872, стр. 1361.

[2]) Арх. Прав. Сен. Т. I. № 392.

[3]) Опис. док. и дѣлъ, хран. въ арх. св. синода. I. № $\frac{628.}{3.}$

[4]) П. С. З. № 3182.

основана была ими при типографіи латино-итальянская школа, которая сначала существовала какъ частное учебное заведеніе. Но Петръ, узнавъ объ этомъ, обратилъ ее въ правительственное учебное заведеніе, назначилъ содержаніе отъ казны и побудилъ особымъ указомъ бояръ и другихъ чиновъ людей отдавать своихъ дѣтей въ эту школу. Повидимому посѣщеніе школы ни для кого не сдѣлано обязательнымъ; по показанію Корба греки при типографіи «linguam italicam volentes docent»; но въ спискѣ учениковъ, сохранившемся отъ 1697 г. читается иное: «въ нынѣшнемъ 205 г., мая съ 15 числа, по ук. в. г. царя и в. кн. Петра Алексіевича всея в. и м. и бѣл. Россіи самодержца и по росписи боярскихъ и иныхъ чиновъ дѣтямъ велѣно учиться итальянскому языку у учителей грековъ у Іоанникія и Софронія Лихудіевыхъ 55 чел.» (между ними кн. Прозоровскіе, Хованскіе, Хилковы, Черкасскіе и пр.) [1]).

Школа эллино—греческая основана, или правильнѣе возстановлена около 1708. Первоначально она помѣщалась на казанскомъ подворьѣ; но въ 1722 г. переведена въ типографію, и так. обр. опять возстановлена до—петровская связь типографіи со школою; съ тѣхъ поръ во весь описываемый періодъ существовало отдѣльное греческое училище. Хотя въ 1724 г. (или, по показанію м. Евгенія, въ 1725), она и была присоединена къ славяно—латинской академіи, но и при ней считалась отдѣльною школою: такъ разсматриваетъ ее Кириловъ въ своей статистикѣ въ 1727 г. Учителя этой школы были и въ это время подчинены вѣдомству типографской канцеляріи. Лишь только въ 40 годахъ послѣдовало полное слитіе греч. школы съ академіею, какъ при типографіи опять возникаетъ самосостоятельное греч. училище [2]). Первымъ

---

[1]) Смирновъ: «Ист. м. сл. гр. лат. ак.», стр. 69—70.

[2]) По указанію г. Смирнова типографское греческое училище упоминается въ 1740 г. (Ист. сл. гр. лат: ак., стр. 83). Впрочемъ у г. Смирнова судьба школы изложена весьма неясно; такъ на стр. 83 своей исторіи онъ говоритъ, что въ 1724 г. греч. школа соединена съ академіею, но не надолго; въ 1740 г. опять упоминается въ типографіи училище греческое»; а на стр. 114-й: «въ 1725 г.... наставники (греч. школы) подчинены вѣдѣнію типографской канцеляріи.... Въ 1722 г. (школа все еще не входила въ составъ академіи. Преподаваніе греческаго языка введено въ академію уже

учителемъ въ этомъ возобновленномъ до-петровскомъ училищѣ былъ Софроній Лихудъ—основатель московской академіи, переведенный изъ Новгорода въ Москву въ эту школу въ 1708 г.. Въ 1715 г. онъ, по отзыву Поликарпова, уже неспособенъ былъ поддерживать свою прежнюю педагогическую славу. «Грекъ—учитель старѣетъ, писалъ Поликарповъ Мусину-Пушкину отъ 22 авг. этого года, а ученики шалѣютъ. По седьми лѣтъ учатъ грамматику, а листа перевесть не умѣютъ. Числомъ ихъ 13 человѣкъ.» Школа вмѣстѣ съ прочими состояла въ вѣдѣніи директора типографіи. Софроній былъ недоволенъ этимъ начальствомъ своего бывшаго ученика и потому Поликарповъ просилъ Мусина—Пушкина уволить его отъ завѣдованія ею: «изволь меня отъ нихъ увольнить, чтобъ мнѣ чего не пострадать. А старикъ Софроній моимъ надъ нимъ комисарствомъ недоволенъ, ропщетъ, чаю и пишетъ. И вправду: нѣсть бо ученикъ надъ учителемъ. Онъ много проситъ; я мало даю» [1]). Кромѣ Софронія въ той же школѣ были и другіе учителя. Неизвѣстно, принималъ ли участіе въ обученіи товарищъ его Николай Семеновъ, котораго трагическая кончина была по словамъ Поликарпова сильнѣйшимъ ударомъ для греческаго образованія въ Россіи. Въ письмѣ Поликарпова къ Мусину—Пушкину упоминается учитель грекъ Анастасъ, которому впрочемъ, въ то время Поликарповъ, кажется, только предлагалъ учительство: «Грекъ Анастасъ, пишетъ Поликарповъ, заболѣлъ тяжко и послѣднимъ окомъ и, ежели исцѣлѣетъ, буду его убѣждать о шко-

---

въ 1738 г., а въ 40-хъ годахъ греч. школа утратила самостоятельность и соединена съ латинскими школами». М. Евгеній излагаетъ эти обстоятельства проще: «Когда въ 1722 г. указомъ повелѣно было перевести греческія школы изъ типографскаго дому въ заиконоспасскій монастырь и соединить подъ одно вѣдѣніе съ сл. греко-латинскою академіею (потому что до того времени школы сіи находились особо и съ академіею не сообщались, хотя ученики были и общіе) и когда бывшій въ то время греческихъ школъ учитель Аѳанасій Скіада, не захотѣвъ состоять подъ вѣдомствомъ академическаго начальства, отказался отъ учительской должности; то синодскимъ указомъ того же 1725 года опредѣленъ былъ Барсовъ учителемъ сихъ школъ, которыя тогда раздѣлялись, по подобію латинскихъ на 4 класса, и всѣ оныя обучалъ до 1731 г., исправляя между тѣмъ и званіе типографскаго справщика». Словарь рус. свѣтс. пис. М. 1865, стр. 20—21.

[1]) Русск. арх. 1868 г. № 7.

лахъ, а мзду за труды изволь опредѣлить ему письмомъ, понеже ко мнѣ о семъ никогда не писалъ». По переводѣ школы въ типографію въ 1722 г: Софроній вышелъ изъ учебной службы, а на мѣсто его опредѣленъ грекъ Аѳанасій Скіада знаменитый библіографъ. Скіада отказался отъ учительства, когда школа соединена была съ славяно-латинской академіей. Въ то время греч. языку училъ уже Алексѣй Кирилловичъ Барсовъ [1]) (отецъ извѣстнаго профессора моск. университета), а съ 1732 г. Яковлевъ. Учителя, какъ видно, получали ничтожное жалованье сравнительно съ учителями гимназіи разноязычныхъ школъ. Муспинъ—Пушкинъ, отвѣчая на приведенный сейчасъ запросъ Поликарпову о жалованьѣ Анастасу, пишетъ: «Анастасію греку обѣщай давать въ годъ 10 рублей»; но конечно учителя—монахи состояли на полномъ монастырскомъ содержаніи. Что касается до учениковъ, то къ 1715 г. упадокъ преподаванія въ этой заброшенной школѣ отозвался сильно на ихъ числѣ и охотѣ къ ученію; мы уже говорили въ своемъ мѣстѣ, что учителя греческой школы просили сенатскую канцелярію розыскать и возвратить бѣжавшихъ учениковъ, которыхъ, по представленной ими росписи, оказалось 40 человѣкъ; а за тѣмъ учащихся въ школѣ осталось только 13 человѣкъ. Мы видѣли также, что директоръ Поликарповъ былъ противъ принудительныхъ мѣръ къ ученію.

Сухарева Башня. Хотя общепринятое мнѣніе то, что 14 янв. 1701 года основана была въ Москвѣ «навигацкая» школа, но Веберъ передаетъ намъ, что между навигацкою и математическою школою было совершенное различіе, или иначе было двѣ школы: математическая и морская.

«Въ другой гимназіи, пишетъ онъ, проходятъ всю математику, и въ ней до 700 учениковъ, которые по способностямъ раздѣляются на три класса и содержатся вообще въ строгой дисциплинѣ. Преподаватели въ ней русскіе, но самый главный изъ нихъ англичанинъ, въ совершенствѣ обладающій языкомъ, онъ превосходно обучилъ многихъ молодыхъ людей, поступившихъ уже въ морскую и военную службу.

---

[1]) Ист. Росс. Іерарх. Т. I., стр. 548. См. о Скіадѣ дальнѣйшія свѣдѣнія у Пекарскаго: «Наука и Литература» I., 112 и отчасти II. 599—600.

По приказу его царскаго величества, онъ послалъ въ настоящее время во вновь учрежденную морскую академію еще сотню молодыхъ людей, которыхъ вывелъ онъ изъ грубѣйшаго невѣжества, а затѣмъ и самъ онъ былъ призванъ въ Петербургъ въ эту академію, въ качествѣ профессора. Юношество, находящееся въ 3-й гимназіи, обучается наукамъ, исключительно относящимся до мореплаванія» [1]).

Въ самомъ указѣ объ основаніи школы сказано, что учреждаются школы «математическія и навигацкія». Такое раздѣльное существованіе школъ продолжалось до 1715 г., т. е. до основанія морской академіи въ С.-Петербургѣ, что́ и отмѣчено историкомъ ея г. Веселаго, какъ начало новаго періода ея. Впрочемъ и послѣ этого Сухарева Башня оставалась собственно математическимъ факультетомъ, какъ по взгляду современнаго общества, такъ и на самомъ дѣлѣ, потому что все преподаваніе въ ней, посреди сухопутной Москвы, ограничивалось предметами приготовительными къ морскимъ наукамъ, исключительно математическими, именно ариѳметикою, геометріею и тригонометріею [2]). Возвращаясь къ отдѣльной математической школѣ до 1715 г. мы находимъ въ ней слѣды общеобразовательнаго характера въ слѣд. обстоятельствахъ: школа предназначалась «къ приготовленію молодыхъ людей во всѣ роды службы» какъ выражается г. Веселаго, т. е. для образованія вообще, а не для извѣстной профессіи. «Изъ навигацкой школы выходили, кромѣ моряковъ, инженеры, артиллеристы, учители въ другія новыя школы, геодезисты, архитекторы, гражданскіе чиновники, писаря, мастеровые и проч.» [3]). Другое обстоятельство, указывающее на общеобразовательное значеніе Сухаревой Башни, это составъ учениковъ; мы уже говорили, что до 1715 г. велѣно было принимать въ эту школу учениковъ изъ всѣхъ сословій. Наконецъ, по связи профессіональнаго образованія съ принудительностью, на тоже указываетъ и отсутствіе принужденія при наборѣ въ эту школу [4]), а равно и отстраненіе отъ

---

[1]) Русск. Арх. кн. 7-8 1872, стр. 1361.

[2]) См. Кирилова: «Цвѣтущее состояніе», и Веселаго: »Оч. ист. мор. кад. корпуса», стр. 36.

[3]) Оч. ист. морск. кад. корп.

[4]) С. М. Соловьевъ: Ист. Рос. т. XV, стр. 99—100.

нея служебнаго характера. Когда въ 1704 г. Стрѣшневъ хотѣлъ писать учениковъ школы въ драгуны безъ всякаго разбора, то Курбатовъ писалъ Головину, что при такихъ порядкахъ трехлѣтній трудъ учениковъ и расходъ на нихъ пропадетъ напрасно; думать надобно, что Головинъ отстранилъ эту опасность [1]).

Училище владѣло, кромѣ Сухаревой Башни, строеніями и землями, находившимися при ней. Содержаніе, назначенное ей отъ правительства было несравнено богаче содержанія разноязычныхъ школъ. Всего назначено было на нее 22.459 р. 6 алт. и 5 денегъ. Впрочемъ сюда же включались и деньги, назначенныя на посылку навигаторовъ за границу. Трудно рѣшить, на что расходовалась эта необыкновенная по тому времени сумма. Учителей было четверо; изъ нихъ Фарварсонъ получалъ только по 250 р., Гвинъ по 150, а Магницкій даже по 90 р. въ годъ. На содержаніе 200 учениковъ и одного писца назначено было 4041 р. 29 алт. [2]). Впрочемъ такое распредѣленіе суммъ относится къ 1704 году; впослѣдствіи расходы увеличивались, когда комплектъ учениковъ возросъ до 500 чел.; но за то тогда каждый изъ имѣвшихъ болѣе 5 дворовъ крестьянъ долженъ былъ содержаться на свой счетъ.

Съ уничтоженіемъ разноязычныхъ школъ и съ переходомъ общеобразовательнаго классическаго училища въ спеціально-духовное, а математическаго въ морское, наступаетъ эпоха исключительно спеціальныхъ школъ; общій обзоръ ея мы расположимъ по двумъ существеннымъ группамъ этихъ школъ: военнымъ и духовнымъ.

2) Военныя училища. *Гарнизонныя школы.* Гарнизонныя школы учреждены указомъ 1732 года [3]). Впрочемъ этотъ указъ есть только общій уставъ гарнизонныхъ школъ; а самыя школы по мѣстамъ существовали и во время Петра В. Школы открываются во всѣхъ болѣе значительныхъ городахъ, а именно: С.-Петербургѣ, Кронштадтѣ,

---

[1]) Мѣры принужденія, о которыхъ разсказываетъ г. Веселаго, относя ихъ къ этому періоду, относятся уже къ 1715 г.

[2]) С. М. Соловьевъ. Т. XV, 100.

[3]) П. С. З. № 6188.

Ригѣ, Ревелѣ, Нарвѣ, Выборгѣ, Кексгольмѣ, Москвѣ, Казани, Смоленскѣ, Сибири (вѣроятно въ Тобольскѣ), Астрахани, Воронежѣ, Бѣлгородѣ и крѣпости св. Анны [1]). Въ 1736 г. правительство заявило, что оно, для облегченія всѣмъ служилымъ людямъ (и дворянамъ и не дворянамъ) давать первоначальное образованіе своимъ дѣтямъ, устроило «сверхъ гарнизонныхъ въ прочихъ городахъ школы» и опредѣлило жалованье [2]); но въ какихъ именно-не указываетъ. Къ системѣ гарнизонныхъ относятся ландмилицкія или однодворческія школы на Украйнѣ, учрежденныя въ 1752 г. при шести полкахъ, поселенныхъ на Украйнѣ: Тамбовскомъ, Слободскомъ, Ефремовскомъ, Орловскомъ, Бѣлевскомъ и Козловскомъ [3]). Сюда же причисляются отдѣльныя школы, учреждаемыя при отдѣльныхъ командахъ; ладожскомъ батальонѣ, учрежд. въ 1753 г. [4]), канцеляріи публичныхъ дорогъ, и канцеляріи отъ строеній, неизвѣстно когда учрежденныя. Штатное число всѣхъ учениковъ собственно въ гарнизонныхъ школахъ, положенное въ 1732 г.—4000 чел., именно по 82 ученика при каждомъ изъ 20 остзейскихъ полковъ и по 30 въ каждомъ изъ 29 прочихъ. По указомъ 9 іюня 1735 г. велѣно принимать въ гарнизонныя школы сверхъ комплекта всѣхъ дѣтей военно-служащихъ. Въ однодворческихъ школахъ штатное число учениковъ 150 чел., по 25 въ каждой; но однодворцы и «ландмилицы» могутъ, по желанію, отправлять дѣтей въ школы и сверхъ этого числа.

Въ гарнизонныя школы опредѣляются, кромѣ дѣтей писшихъ служилыхъ, бродяги, дѣти архіерейскихъ дворянъ, слугъ и дѣтей боярскихъ [5]), и дѣти дворянъ для пріобрѣтенія элементарнаго и приготовительнаго образованія [6]).

Учителями назначаются офицеры полевыхъ и гарнизонныхъ полковъ (въ каждомъ по принадлежности) для преподаванія наукъ (ариѳметики, артиллеріи и инженерства) и унтеръ-офицеры тѣхъ же полковъ для обученія солдатской

---

[1]) П. С. З. № 9054.
[2]) П. С. З. № 6949.
[3]) П. С. З. № 9972.
[4]) П. С. З. № 10,10 9.
[5]) П. С. З. № 7070.
[6]) П. С. З. № 6949 и 7250.

экзерциціи. Въ ландмилицкихъ полкахъ, если не найдется офицеровъ, знающихъ инженерную науку, должна быть учреждена центральная школа при штабѣ, куда изъ полковыхъ собираются ученики для дальнѣйшаго образованія. Со времени соединенія съ гарнизонными школами цыфирныхъ, учителя этихъ послѣднихъ поступили въ гарнизонныя школы.

Школы содержатся на полковыя средства; для этого при каждомъ полку полагается содержать опредѣленное число вакансій (въ указанномъ выше количествѣ). Сверхкомплектные, по указу 1735 г., содержатся на суммы, ассигнуемыя штатсъ-конторою. Въ ландмилицкихъ полкахъ назначается сумма въ опредѣленномъ количествѣ по 200 рублей на каждый полкъ, а всего 1200 руб.; источникъ, изъ котораго она заимствуется, есть водочный акцизъ, взимаемый, по штату ландмилиціи, въ ландмилицкую канцелярію; если же этой суммы не будетъ доставать, то расходы покрываются изъ общихъ суммъ коммиссіи. Эти средства назначаются какъ на полное содержаніе и обмундировку учениковъ, такъ и пріобрѣтеніе учебныхъ пособій и книгъ. Лица, отдающія дѣтей въ школы по собственному желанію, содержатъ ихъ на свой счетъ, но за то ничего не платятъ за ученіе.

Исключеніе изъ общаго числа низшихъ военныхъ школъ составляетъ Оренбургская инженерная школа (учрежденная въ 1745 г.), которая, хотя по составу обученія, равняется гарнизоннымъ, но по содержанію и правамъ учениковъ составляетъ привилегированную школу: въ ней содержится 10 ч.; на содержаніе ихъ назначается 204 р. въ годъ; по окончаніи курса они производятся въ кондукторы. Школа обращена въ простую гарнизонную 1760 г., по докладу П. И. Шувалова.

Высшія военныя училища. Мы сказали, что общеобразовательное математическое училище (Сухарева Башня) перешло въ спеціальное морское въ 1715 съ основаніемъ морской академіи въ Петербургѣ (которая въ 1752 г. преобразована въ морской шляхетный кадетскій корпусъ). Комплектъ воспитанниковъ въ 300 человѣкъ былъ составленъ въ 1715 г. изъ учениковъ новгородской, нарвской и московской школъ. Но если при Петрѣ дѣйствительное число учениковъ превышало штатный комплектъ (въ 1724 г. было ихъ 394), то по

смерти его оно быстро упало (въ апрѣлѣ 1725 г. было только 180). При Аннѣ Ивановнѣ штатное число поддерживалось въ академіи; но со временъ Анны Леопольдовны опять чрезмѣрно упало: 1745 г. и въ Москвѣ и въ Петербургѣ на лицо состояло только 102 чел., а въ 1746 г.—148 чел. Тщетно адмиралтейская коллегія настаивала предъ сенатомъ и герольдмейстерской конторою о высылкѣ недорослей; всякій желалъ уклониться отъ морской службы, предпочитая другія вѣтви военной службы.

По уставу 1752 г. штатное число учениковъ въ корпусѣ положено въ 360 чел. (московская Сухарева Башня—уничтожена), по 120 въ каждой изъ трехъ ротъ.

Первоначально содержаніе морскихъ училищъ возложено было на сословныя средства: указомъ 1 янв. 1719 г. установленъ сборъ съ «царедворцевъ» или «знатныхъ фамилій» отъ 100 до 400 рублей съ семейства; но эти средства оказались недостаточными; всѣ онѣ составляли 2720 рублей. Мы видѣли уже, что на содержаніе Сухаревой Башни назначено было правительственныхъ средствъ 22,459 руб. Эти же правительственныя средства оставлены и за спеціальными морскими училищами, при чемъ на долю московскаго отдѣлено только 5600 рублей, а всѣ остальныя обращены на петербургскую академію (хотя по первоначальному штату суммы эти должны были дѣлиться пополамъ между тою и другою). Сверхъ того изъ штатсъ—конторы отпускалось на содержаніе гардемаринской роты 7282 р., 12 к.

Штатъ, утвержденный въ 1752 г., былъ гораздо болѣе щедръ: на содержаніе корпуса при 360 ученикахъ назначалось 46,561 руб. 75½ к. (на москов. славяно—латинскую академію по штату 1745 г. назначено только 4450 руб.). Эта относительная дороговизна содержанія военныхъ школъ зависитъ не отъ одного только того, что правительство ставило военную профессію неизмѣримо выше остальныхъ, но и отъ того, что науки, пересаживаемыя вновь въ Россію (каковы именно науки, входившія въ составъ военнаго и морскаго образованія), требовали иноземныхъ, дорогихъ учителей. Недаромъ прожектеры рекомендовали Петру приготовлять своихъ учителей ради ихъ большей дешевизны. Къ этому же приходила и сама морская академія.

При образованіи морской академіи сочли нужнымъ ввѣрить ее французскому барону S. Hilaire—у, хотя вскорѣ потомъ управлявшій академіею гр. Матвѣевъ писалъ Макарову, что «деньги, которыя ему отпущены въ большомъ числѣ, все равно, что̀ въ окно выкинуты; баронъ въ наукахъ не свѣдущъ» [1]). Учителей считалось совершенно необходимымъ выписывать изъ Англіи, «понеже оныя науки состоятъ на англійскомъ языкѣ». Лучшими учителями остались и въ академіи прежніе—Фарварсонъ и Гвинъ; изъ нихъ первый получалъ 955 р., а вторый 400 р. (тогда какъ Магницкій, остававшійся въ Москвѣ получалъ только 260 р.). Иностранецъ Гейманъ, учившій фехтованью, получалъ высшій послѣ Фарварсона окладъ жалованья, 550 р. Русскій учитель артиллеріи (которая и тогда считалась важнѣе фехтованія) получаетъ по 2 рубля въ мѣсяцъ, кромѣ обыкновеннаго полковаго пайка, Красильниковъ, «человѣкъ примѣчательный по своимъ познаніямъ», по отзыву г. Веселаго, получалъ сначала 108 р., потомъ 150; когда за обученіе гардемариновъ, сверхъ его прямой должности, ему прибавили еще 100 р., то «обязали» выучиться французскому и латинскому языкамъ и онъ «обучался способомъ лексикона». Когда первые учители умерли (Фарварсонъ въ 1739 г.), то академія представляла коллегіи—не найдено ли будетъ возможнымъ командировать въ Англію нѣсколько человѣкъ изъ учителей и подмастерьевъ академіи для изученія англійскаго языка и усовершенствованія въ морскихъ наукахъ; тогда «и безъ англійскихъ профессоровъ при академіи исправиться можно будетъ». Это и было выполнено въ 1745 г.

Когда съ преобразованіемъ академіи въ шляхетный корпусъ количество предметовъ увеличилось, то въ немъ назначенъ одинъ профессоръ математики и навигаціи съ жалованьемъ въ 700 р., два учителя—по 500 р. и при нихъ 6 подмастерьевъ—по 180 р.; два учителя артиллеріи и фортификаціи—по 250 р. и при нихъ 2 подмастерья—по 120 р.; два учителя «шляхетскихъ наукъ»—по 200 р.; два учителя франц. и нѣм. языковъ—по 200 руб.; 1 учитель русскаго языка—150. Кромѣ этого было не мало другихъ учителей наукъ и ремеслъ.

[1]) Соловьевъ: Ист. Росс. XVI, 308.

Инженерная школа [1]), учреждена, или судя по буквальнымъ словамъ указа «умножена», въ 1712 г. Быть можетъ она существовала и раньше. Тогда опредѣленъ штатъ на 100 или 150 учен. Для изученія приготовительныхъ наукъ (ариѳметики) ученики или могли быть посылаемы на Сухареву Башню, или для того пріискивается особый учитель. Для спеціальнаго курса назначается собственный учитель инженеръ [2]). Въ дѣйствительности, вмѣсто опредѣленнаго штатнаго числа, учениковъ въ 1713 г. было только 23 ученика; сенатъ приказалъ 19 ноября 1713 довести это число до штатнаго минимума 100 чел. Тогда же назначено было и содержаніе школъ изъ штатсъ-конторы по 3037 р. 87 коп. въ годъ. Въ 1719 г. (16 марта) была основана другая инженерная школа въ Петербургѣ, въ которую назначено 74 ученика изъ бывшихъ въ московской, которая, однако, осталась при прежнемъ штатѣ въ 100 чел.; но въ 1724 г. Московская была закрыта, а ученики ея переведены въ Петербургъ. Когда въ 1724 г. инженерная школа поступила подъ начальство гр. Миниха, то по его ходатайству подверглась новому преобразованію; по новому штату при 60 ученикахъ, раздѣленныхъ на три класса (ариѳметики, геометріи съ тригонометріею и фортификаціи), на содержаніе ея назначено 2551 р. 74 к. Но этотъ штатъ дѣйствовалъ только до 1742 г. когда число учениковъ увеличено до 150; вскорѣ послѣ этого генералъ фельдцехмейстеръ ландграфъ Гессенъ—Гомбурскій открылъ опять школу въ Москвѣ, при чемъ 60 учениковъ переведено въ Москву, а 75 оставлено въ Петербургѣ. Наконецъ исправленіе П. И. Шувалова ознаменовано основаніемъ одной школы (вослѣдствіи 2-го курса) изъ инженерной и артиллерійской школъ (1758 г.).

Эта послѣдняя (артиллерійская) основана въ томъ же 1712 г. (указами 6 и 9 марта), когда было приказано отдать 20 молодыхъ дворянъ генералъ-майору Гинтеру для обученія артиллеріи. Указомъ 1721 г., велѣно было выбрать 30 чел. изъ учениковъ артиллеріи и обучать ихъ въ С.-Петербургѣ при лабораторномъ домѣ ариѳметикѣ, геометріи, тригo-

[1]) Указомъ января 16 (П. С. З. № 2467): «школу инженерную *умножить*».

[2]) См. ошибочное изложеніе этого указа у Мельницкаго: «Сборникъ свѣдѣній». Т. 1., ч. 1. стр. 2.

нометріи и артиллеріи. При ландграфѣ Гессенъ-Гомбургскомъ въ 1735 школа получила новое устройство; число учениковъ по штату положено въ 90 чел. Она раздѣляется на двѣ школы: 1) «чертежную школу (дворянскую на 30 учеников), дѣлившуюся на 3 класса и 2) «ариѳметическую и другихъ наукъ школу» (въ 60 чел.) Теперь только начали преподавать и теорію артиллеріи. Въ учителя школъ набирались люди безъ всякаго разбора: одного изъ нихъ обезсмертилъ въ своихъ запискахъ Данилов [1]).

Когда инженерная и артиллерійская школы были соединены Шуваловымъ въ одну, то для ней назначенъ былъ штатъ въ 135 учениковъ изъ дворянъ; вмѣстѣ съ этимъ будущій корпусъ потерялъ исключительно ремесленный характеръ, введено преподаваніе французскаго и латинскаго языковъ; заведена библіотека. На обзаведеніе единовременно отпущено 18,000 р.; а годичная штатная сумма увеличена на 4 т. (къ прежнимъ 5132 р. 74 к.).

Дѣйствительное преобразованіе соединенныхъ школъ въ «артиллерійскій и инженерный шляхетный корпусъ» совершилось уже при Екатеринѣ въ 1762, по представленію Вильбуа, на 146 кадетъ съ ежегоднымъ содержаніемъ въ 32,798 р. 47 к. Шляхетный характеръ корпуса потребовалъ и здѣсь введенія «шляхетскихъ наукъ». Школа «художествъ» была отдѣльнымъ учебнымъ заведеніемъ для разночинцевъ (на 150 чел.).

Итакъ всѣ высшія военно-учебныя заведенія стремились къ типу «шляхетнаго», во всей чистотѣ выраженному въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, при самомъ его основаніи.

---

[1]) «Сначала вступленія учениковъ (въ 1736) было, для показанія одной ариѳметики, изъ пушкарскихъ дѣтей два подмастерья; потомъ опредѣлили, по пословицѣ, волка овецъ пасти, штыкъ-юнкера Алабушева. Алабушевъ тогда содержался въ смертномъ убійствѣ третій разъ подъ арестомъ; былъ человѣкъ хотя нѣсколько знающій, разбиралъ Магницкаго печатный ариѳметикъ и часть геометрическихъ фигуръ показывалъ ученикамъ, почему и выдавалъ себя въ тогдашнее время ученымъ человѣкомъ, однако былъ вздорный, пьяный, и весьма неприличный быть учителемъ благородному юношеству.., рѣдкій день приходилъ въ школу не пьяный. Видно, что тогда былъ великій недостатокъ ученыхъ людей въ артиллеріи, когда принуждены были взять и опредѣлить въ школу учителемъ колодника и смертоубійцу». стр. 32.

«Корпусъ кадетовъ» [1]) учрежденъ въ 1731 г. (ук. 29 іюля), по мысли и настоянію Миниха. Цѣль его учрежденія положена нами выше. Регламентъ корпуса утвержденъ 18 ноября того же года; дѣйствительное открытіе корпуса послѣдовало 17 февраля 1732 г. Регламентъ установилъ штатъ въ 200 ч. (150 вакансій-для русскихъ и 50 для нѣмцевъ изъ Эстляндіи и Финляндіи): ученики живутъ по «камратствамъ» — по 6–7 чел. въ комнатѣ; каждое камратство имѣетъ отдѣльное хозяйство и можетъ содержать на свой счетъ двухъ служителей, съ тѣмъ, однако, чтобы при русскихъ кадетахъ служителями были иностранцы, а при кадетахъ-эстляндцахъ и финляндцахъ—русскіе (для скорѣйшаго изученія языковъ). Кадеты были раздѣлены на 4 класса: четвертый (низшій) для элементарныхъ наукъ, третій—для приготовительныхъ, второй и первый-для спеціальныхъ.

Дѣйствительное число кадетъ въ корпусѣ скоро превысило штатное; уже въ мартѣ 1732 г. ихъ было 308 ч. и потому тотчасъ же, въ маѣ, штатъ былъ увеличенъ до 360 [2]). Учебные классы открыты 14 іюня 1732 г. По первоначальному штату на содержаніе корпуса было назначено 33,846 р. 72½ к., а на первое обзаведеніе 15 т. р.; по штату же 1732 г. уже 63,403 р. 12½ к.; а въ 1760 г. содержаніе корпуса дошло до 88,722 р. При корпусѣ состояла особая школа для солдатскихъ и мѣщанскихъ дѣтей на 150 ч., она имѣла свой особый бюджетъ—6000 р. въ годъ.

3. Духовныя училища. *Школы, основанныя до изданія духовнаго регламента.* Хотя правительство требовало обученія отъ дѣтей духовенства съ самаго нач. XVIII в., однако школъ не основывало. Лишь въ немногихъ епархіяхъ, по частной иниціативѣ мѣстныхъ архіереевъ, такія школы устраивались на собственныя средства ихъ и по произвольнымъ образцамъ. Впрочемъ трудно было бы ожидать и этихъ слабыхъ усилій частныхъ лицъ, еслибы не было готовыхъ образцовъ въ кіевской и московской академіяхъ. Такія школы были заведены

---

[1]) П. С. З. №№ 5887 и 5915. Впрочемъ наименованіе «Корпусъ» означало только общество, отрядъ молодой дворянской гвардіи; учебное же заведеніе называлось послѣ оффиціально Рыцарскою Академіею.

[2]) По рапорту Миниха 1733 г. всѣхъ кадетъ было 328.

до 1721 года: въ Черниговѣ, Тобольскѣ, Ярославлѣ и В. Новгородѣ.

Въ 1700 году [1]) была переведена изъ Новгорода Сѣверскаго существованія тамъ еще съ 1636 г. школа, основанная тамъ польскимъ магнатомъ Александромъ Пасечнискимъ, какъ «collegium societatis Jesu»; впослѣдствіи, еще въ Новгородѣ С. она обращена въ православное училище. Первымъ устроителемъ училища въ Черниговѣ былъ знаменитый іерархъ Іоаннъ Максимовичъ (впослѣдствіи мит. тобольскій) въ сотрудничествѣ съ Антоніемъ Стаховскимъ, Германомъ Кононовичемъ и Иларіономъ Лежайскимъ; почему и самая школа называлась иногда collegium Maximovitianum. Съ 1700 по 1705 годъ здѣсь открыто три класса: инсшій граматическій, высшій граматическій и классъ піитики. Отъ 1708 г. сохранился уже учебникъ логики, подъ заглавіемъ: «clavis scientiarum». Науки преподавались на латинскомъ, польскомъ и славяно-русскомъ языкахъ. Школа еще не требовала многосложнаго управленія: Антоній Стаховскій въ одно и тоже время былъ и первымъ префектомъ и первымъ ректоромъ ея. Школа первоначально помѣщалась въ колокольнѣ каѳедральной церкви Борисоглѣбскаго монастыря. Впрочемъ въ 1705 г. она, вѣроятно, переведена въ новое каменное зданіе.

Выше были приведены свѣдѣнія о первомъ основаніи училища въ Тобольскѣ, по именному указу Петра В. 1701 г. архіерейскимъ приказнымъ Андреемъ Городецкимъ; было также упомянуто, что митр. Филофей не былъ доволенъ спеціально-духовнымъ характеромъ этого училища. Однако съ такимъ именно характеромъ школа открыта въ 1703 или 1704 году [2]); въ 1705 г. ученики этой школы уже увесе-

---

[1]) Вотъ основанія этого, представленныя Докучаевымъ (въ статьѣ: «Первые годы существованія черниговской семинаріи, 1700-1712 г.» Черн. Епарх. Изв. 1870. № 14). Въ 1727 г., въ отчетѣ верх. тайн. совѣту, Иродіонъ Жураковскій писалъ: «Школы въ Черниговѣ при монастырѣ каѳедральномъ обрѣтаются съ начала 1700 г.» А послѣ, въ 1738 г.,. Иларіонъ Рогалевскій доносилъ синоду: «школы славяно-латинскія, имѣющіяся при моемъ архіерейскомъ домѣ, заведены антецессоромъ моимъ.... Іоанномъ Максимовичемъ»....

[2]) Въ Ист. Росс. Іерарх. (ч. I, стр. 430) сказано, что школа въ Тобольскѣ въ первый разъ открыта въ 1728 г. м. Антоніемъ; а въ «Историч.

ляли тобольскихъ гражданъ драмами и комедіями, при чемъ руководителями ихъ были ссыльные изъ малороссіянъ. Школа оставалась низшею до 1728 г., когда митр. Антоній Стаховскій ввелъ въ ней преподаваніе латинскаго языка. Хотя она была сословно-духовною, но, по мѣстнымъ условіямъ, должна была допустить въ число своихъ учениковъ и крещеныхъ инородцевъ. Школа организована учеными монахами изъ малороссіянъ, которыхъ привезъ съ собою и вызывалъ послѣ Филофей. Онъ въ своей челобитной особенно настаивалъ, чтобы «монахамъ кіевлянамъ и челяди былъ проѣздъ въ Сибирь и изъ Сибири отъѣздъ вольный»..., потому что безъ проповѣдниковъ слова Божія и учителей школьныхъ и безъ слугъ быть невозможно». По словамъ историка христ. просвѣщенія Сибири, преемникъ Филофея, м. Іоаннъ Максимовичъ сдѣлалъ славяно-лат. школу любимымъ предметомъ своихъ попеченій и увеличилъ въ ней число учащихся [1]). Точно также и его преемникъ считалъ школы неизбѣжною частію епархіальнаго управленія; отправляясь на свою отдаленную каѳедру, Антоній представлялъ Синоду 1 марта 1721 г.: «если будетъ благословеніе училища заводить, то чѣмъ ихъ содержать»? Синодъ предписалъ завести школу «по пропорціи епархіи» на мѣстныя средства [2]). По отчету 1727 г. до этого года въ школѣ обучалось 57 учениковъ. Школа и тогда оставалась элементарною (со включеніемъ въ преподаваніе десятословія и граматики).

Въ Ростовѣ училище заведено, по личной инціативѣ святителя Димитрія, въ 1702 г. Учениковъ въ его время въ школѣ было до 200; есть основанія догадываться, что не всѣ ученики были дѣти духовныхъ лицъ; одинъ изъ наставниковъ училища говоритъ (въ сохранившихся отрывкахъ школьныхъ

Обозр. Сибири» Словцова (кн. I, стр. 373 и 573), что въ Тобольскѣ не было духовныхъ училищъ до 1743 г. Изложенныя въ текстѣ свѣдѣнія сообщены въ статьѣ: «Челобитная м. Филофея Лещинскаго» (Ирк. Епарх. Вѣдом. 1866 г. №№ 45, 46 и слѣд. приб.) и въ ст.: «Филофей Лещинскій, м. сибирскій и тобольскій».

[1]) Мат. для ист. христ. просвѣщ. Сибири. Журн. М. Н. Просв. 1854 г. мартъ.

[2]) Опис. док. и дѣлъ, храп. въ арх. св. синода I, № $\frac{137}{535}$

курсовъ): «азъ въ сей палатѣ, называемой школою, не разсмотряя лицъ благородныхъ и неблагородныхъ, всѣмъ желаю дабы сѣли на первомъ мѣстѣ». Въ числѣ учениковъ школы было нѣсколько малороссовъ, вѣроятно родственниковъ святителя и учителей школы. Повидимому эта школа уже при жизни св. Димитрія вышла изъ разряда инсшихъ училищъ; въ ней учили языкамъ латинскому, греческому, польскому и русскому [1]), ариѳметикѣ, стихосложенію, риторикѣ, философіи, закону Божію и нотному пѣнію. Школа содержалась на личныя средства святителя и доходы архіерейскаго дома. Учителя, которыхъ было при немъ три, всѣ вызваны изъ Кіева; но лучшимъ учителемъ былъ самъ св. Димитрій; «въ свободное отъ обычныхъ своихъ занятій время онъ собиралъ способныхъ учениковъ и толковалъ имъ нѣкоторыя книги отъ ветхаго завѣта, а въ лѣтнее время, живя на архіерейской дачѣ, въ с. Демьянахъ, объяснялъ имъ новый завѣтъ». Главную оригинальность этой школы составляло воспитательное ея значеніе; все преподаваніе обращено было въ орудіе религіозно-нравственнаго воспитанія, котораго руководителемъ и чистѣйшимъ образцомъ былъ самъ святитель; «обращеніе его съ воспитанниками было чисто отеческое». Въ классѣ подлѣ учителя занималъ мѣсто «императоръ» школы, старшій ученикъ избираемый по достоинству сочиненій, данныхъ для конкурса [2]).

Послѣ кончины св. Димитрія ростовская школа, кажется, закрыта. Уже на основаніи предписаній дух. регламента были открыты въ Ярославлѣ и Угличѣ словено-россійскія грам. школы. Первая учреждена 15 дек. 1725 г., когда изъ ростов. канцеляріи былъ присланъ въ Ярославль опредѣленный «ра-

---

[1]) Вотъ примѣръ амальгамы всѣхъ этихъ языковъ, въ письмѣ къ святителю изъ Москвы 1708 г. отъ бывшихъ его учениковъ: «Кая архіерейству вашему похвалы принесемъ недостойные рабы преосвященства вашего, cuius innumeras laudes totus, quam magnus est, universus orbis capere nequit?... не желаетъ у wasza archipasterska mosé, dobrodziey nasz miłosciwy, отъ насъ скудоумныхъ похвалъ»...

[2]) Изложенныя свѣдѣнія сообщены въ книгѣ: «Св. Димитрій, м. Ростовскій», изд. 1849 и въ статьѣ: «Ростовское училище при св. Димитріи». (Яросл. Епарх. Вѣдом. 1863. №№ 24 и 26).

для школьнаго ученія священнослужительскихъ и причетническихъ дѣтей граматистъ Василій Яковлевъ» [1]).

Въ В. Новгородѣ школа была открыта, по иниціативѣ м. Іова, въ 1706 г., когда онъ пригласилъ къ себѣ сосланныхъ братьевъ Лихудовъ. Оба брата вмѣстѣ до 1708 года успѣли поставить школу въ разрядъ среднихъ училищъ, преподавая въ ней латинскій и греческій языки, риторику и логику. Успѣхъ школы не уменьшался съ отъѣздомъ Софронія въ Москву, при учителяхъ Іоаникіѣ Лихудѣ и Ѳедорѣ Максимовичѣ. Эта образцовая школа сдѣлалась уже около 1714 г. центромъ цѣлой системы меньшихъ школъ, разсѣянныхъ по новгородской епархіи; такихъ школъ упоминается 14: знаменская, николаевская, великолуцкая, новоторжская, каргопольская, старорусская, устюжно—желѣзопольская, олонецкая, тихвинская, валдайская, бѣжецкая, петрозаводская, хутынская и юрьевская [2]). Онѣ были устроены для сообщенія элементарнаго и приготовительнаго образованія; именно въ нихъ учили читать и писать по славянски и по гречески, славянской граматикѣ, а въ нѣкоторыхъ пінтикѣ и риторикѣ. Учениковъ въ этихъ школахъ считалось болѣе 1000 чел. Это первое появленіе правильной системы низшихъ и высшихъ школъ въ Великороссіи. Въ центральной школѣ вмѣстѣ съ дѣтьми духовныхъ лицъ обучались дворянскія дѣти, присылаемыя изъ адмиралтейства для обученія славянскому чтенію и письму; такихъ въ годъ смерти м. Іова оказалось тамъ 60 чел. [3]). Школа была раздѣлена на классы: славянскій, гдѣ обучалъ переводчикъ Ѳедоръ Герасимовъ, и греческій, гдѣ училъ Ѳедоръ Максимовичъ, а потомъ вызванный изъ москов. заиконоспасск. монастыря иподіак. Туркевичъ. Послѣдній получалъ жалованья по 150 р. въ годъ. Съ изданіемъ духовн. регламента центральное новгородское училище получило другое еще высшее значеніе: оно сдѣлалось учительскимъ инсти-

---

[1]) Рук. арх. толгск. монастыря. О существованіи угличской школы въ 1740 г. см. А. Боголюбскаго: «Средства содержанія школъ и яросл. семин.» (Яросл. Епарх. Вѣд. 1872 г. № 12, 13 и 14).

[2]) Такъ сообщаетъ Ист. Росс. Іерархіи, а м. Евгеній говоритъ, что граматическія школы разможилъ по епархіи уже преемникъ Іова Ѳеодосій.

[3]) Опис. док. и дѣлъ, хран. въ арх. св. синод № $\frac{29}{687}$ $\frac{4\text{ февр.}}{13\text{ іюня}}$ 1817 г.

тутомъ для всѣхъ архіерейскихъ школъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ правительственнымъ учрежденіемъ; учителя назначались въ нее по опредѣленію синода. Съ 1728 Ѳеофанъ Прокоповичъ изъ новгород. центр. школы перевелъ въ Петербургъ 60 учениковъ, выбравъ лучшихъ; новгородская школа упала, хотя преподаваніе въ ней продолжалось въ тѣхъ же размѣрахъ до сметри Ѳедора Максимовича; съ того же времени и она низошла въ разрядъ иныхъ, съ преподаваніемъ одного слав. языка «и то безъ успѣха», по словамъ м. Евгенія [1]).

Архіерейскія школы. Духовный регламентъ учреждаетъ въ первый разъ цѣлую систему школъ, обнимающую собою всю имперію; а именно учреждаетъ архіерейскія школы съ значеніемъ иныхъ духовныхъ училищъ въ каждой епархіи, одну центральную академію въ Петербургѣ и при ней семинарію (какъ воспитательный институтъ). Общее законодательное учрежденіе архіерейскихъ школъ изложено въ главѣ: «дѣла епископовъ», въ параграфахъ 9–13 [2]). Вторичное подтвержденіе того же дано синодскимъ указомъ 1722 года мая 31 [3]).

Система духовнаго регламента измѣнена въ 1724 г. именнымъ указомъ января 31 [4]); тогда велѣно основать двѣ семинаріи: одну въ Петербургѣ, другую въ Москвѣ, въ нарочно устроенныхъ для этого домахъ, или особыхъ монастыряхъ; при этомъ подъ именемъ семинаріи разумѣется уже не воспитательное только заведеніе, но и учебное. Двѣ семинаріи очевидно замѣняютъ центральную С.-Петербургскую академію, положенную въ духовномъ регламентѣ. Въ Москвѣ такимъ заведеніемъ не признается Спасскій монастырь съ его академіею; оно должно быть основано вновь или въ нарочно приспособленномъ домѣ, или въ какомъ нибудь отдаленномъ

---

[1]) Свѣдѣнія, изложенныя здѣсь, взяты изъ сочин. м. Евгенія: «Описаніе жизни (свят.) Тихона». Спб. 1796 г. и «Истор. Рос. Іерарх.» I, 588 и слѣд. Послѣднее противорѣчитъ во многомъ первому; такъ по Ист. Рос. Іерархіи школа вся переведена въ Петербургъ въ 1728 г. а по словамъ Евгенія взято лишь нѣсколько учениковъ въ 1725 г. и т. д.

[2]) Дух. регл., изд. 1822, стр. 22 на об., 24, 25.

[3]) П. С. З. № 4021.

[4]) П. С. З. № 4450.

выведенномъ монастырѣ; а это показываетъ, что Московская академія не вводилась еще въ систему духовныхъ училищъ. Но ни Петербургская академія, по духовному регламенту, ни семинаріи, по учрежденію 1724 г., не были основаны въ дѣйствительности. Законъ 1724 г. былъ лишь отчасти выполненъ тѣмъ, что въ Петербургѣ въ Александро-Невскомъ монастырѣ организовано было училище съ именемъ семинаріи. Это учрежденіе совершено, по именному приказанію императрицы Екатерины I-й, 10 ноября 1725 года. Хотя при этомъ введено въ ней преподаваніе латинскаго и греческаго языковъ; но такъ какъ семинарія не была обезпечена постояннымъ правительственнымъ содержаніемъ и продолжала считаться монастырскимъ училищемъ, то существовала лишь съ именемъ семинаріи до 1732 г., когда въ первый разъ суммы ея были отдѣлены отъ монастырскихъ доходовъ. Но и по этому штату семинарія имѣла только трехъ учителей греческаго, латинскаго и русскаго.

Архіерейскія школы совсѣмъ не то, что́ позднѣйшія семинаріи: во первыхъ онѣ суть школы *русскія*, составляютъ высшую форму элементарныхъ училищъ. Впослѣдствіи мало по малу во многихъ изъ нихъ вводится преподаваніе классическихъ языковъ, что́ составляетъ характерный признакъ среднихъ школъ; но это случилось уже въ концѣ эпохи архіерейскихъ школъ и составляетъ переходъ ихъ въ семинаріи. Вмѣстѣ съ этимъ едва вводится раздѣленіе на классы,-этотъ второй внѣшній признакъ возвышающагося образованія. Во вторыхъ архіерейскія школы, хотя назначены для духовенства, но не были еще вполнѣ профессіональными школами. Почти элементарный уровень образованія въ нихъ сближалъ ихъ съ цыфирными, отсюда тѣ и другія были во взаимномъ соприкосновеніи, то законодательномъ (какъ въ Новгородѣ), то бытовымъ (какъ напр. въ Рязани).

Законодательство не опредѣлило внутренняго устройства архіерейскихъ школъ. Школы, по мѣрѣ открытія ихъ, заимствовали уставы одна отъ другой; такъ епископъ рязанскій Сильвестръ, устраивая рязанскую школу, «для внутренняго благоустройства приказалъ списать въ тверскомъ училищѣ пункты, къ учрежденію школъ служащіе, и передалъ ихъ къ руководству въ рязанскій казенный приказъ, завѣдовав-

шій первоначально устройствомъ школы» [1]).

Школы основываются на мѣстныя средства епархій или правильнѣе духовнаго сословія каждой епархіи. Законодательство требуетъ отъ архіереевъ, чтобы каждый изъ нихъ самъ отыскалъ въ свою школу учителя «умнаго и честнаго», не указывая, гдѣ взять такихъ. Уже послѣ духовнаго регламента указомъ 1723 года октября 15 синодъ предписалъ отправлять изъ епархій учениковъ въ новгородское училище. Почему было избрано новгородское училище, а не московская академія, сказать трудно. Около 1724 г. отправлены были для приготовленія къ учительству ученики изъ слѣдующихъ епархій: Устюжской 2, Тверской 4, Ярославской 3, Суздальской 1, Рязанской 3, Смоленской 3, и Воронежской 2. Но такъ какъ и верховная власть и синодъ требовали настоятельно скорѣйшаго открытія школъ, то это приготовленіе совершалось поспѣшно, только бы поскорѣй начать обученіе въ школѣ: рязанскіе кандидаты на учительство посланы въ Новгородъ въ 1724 г. а въ 1726 г. уже начали обученіе въ мѣстной школѣ. Но такъ какъ и этихъ учителей не доставало, то архіереи должны были назначать на должности учителей мѣстныхъ дьяконовъ и дьячковъ, которые, безъ сомнѣнія, сами получили образованіе въ старыхъ приходскихъ школахъ, или дома [2]).

Но учителя и того и другаго рода годились только для преподаванія отечественнаго языка и началъ христіанской вѣры; элементарный уровень архіерейскихъ школъ законодательство признавало временнымъ; онѣ призваны были къ постепенному переходу въ среднія училища. Для преподаванія классическихъ языковъ каждая архіерейская школа должна была прибѣгать къ вызову учителей изъ Кіевской академіи; во всѣхъ концахъ Россіи первую закваску средняго образованія положили кіевскіе школьники. Позже начинаются вызовы изъ Московской академіи. Архіереи поручали своимъ стряпчимъ въ Москвѣ заботы о пріисканіи учителей и отправляли нарочныхъ въ Кіевъ за такими же поисками. Только для преподаванія ариѳметики и первыхъ основъ геометріи

---

[1]) Макарій: «Ист. Рязан. дух. сем.» стр. 9.
[2]) ibid стр. 11.

правительство само высылало учителей изъ учениковъ военныхъ школъ: морскихъ, инженерной и артиллерійской. Даже тамъ, гдѣ были учителя цыфирныхъ школъ, для архіерейскихъ назначаемы были особые учителя математики; въ 1726-28 г. въ Переяславлѣ Рязанскомъ были и учили одновремено Павловъ въ цыфирной школѣ и кондукторъ Петровъ въ архіерейской.

Только эти послѣдніе считались чиновниками гражданской службы. Учителя изъ мѣстныхъ церковнослужителей исполняли учительскую обязанность, какъ добавочную къ своей церковной службѣ, по личному порученію архіерея. Учителя же, вызванные изъ Кіевской и Московской академій, служили по частному контракту съ архіерейскимъ приказомъ. Это удерживалось послѣ и въ семинаріяхъ. Въ контрактѣ обозначалось: сколькихъ учениковъ долженъ учить учитель, срокъ, съ котораго учитель долженъ начать работу, плата за учительство, права власти учителя въ школѣ и штрафы за неисполненіе учителями своей обязанности. Контрактъ заключался обыкновенно на одинъ годъ и возобновлялся по желанію сторонъ и на слѣдующіе годы; при чемъ учитель, не желающій возобновить контракта, долженъ объявить о томъ за три мѣсяца до срока.

Уже позже духовное начальство стало держаться слѣдующаго начала: «якобы учителямъ, не постриженнымъ въ монашество быть неприлично». Но въ 1733 г. синодъ указалъ архіереямъ, что это вовсе не необходимо, что въ монашество могутъ быть пострижены желающіе, однако не иначе, какъ послѣ трехлѣтняго учительства въ свѣтскомъ званіи, что́ имъ и вмѣняется въ узаконенный искусъ (новиціатъ). Однако послѣ самъ синодъ держался уже иныхъ возрѣній. Когда въ 1744 г. въ Московской академіи учителемъ не изъ монашествующихъ остался одинъ Григорій Кандаковъ, то синодъ предписалъ ректору: «Григорія Кандакова изъ учителей, понеже онъ монашескаго чина по пынѣ не пріемлетъ, исключивъ, ни къ какимъ школамъ не опредѣлять.» [1]) Въ слѣдствіе этого вѣроятно этотъ самый Кандаковъ поступилъ въ Рязанскую школу учителемъ по контракту.

---

[1]) Смирновъ: «Ист. Моск. Слав. Гр. Лат. Акад.,» стр. 84—85.

Способы содержанія школы, опредѣленные въ духовномъ регламентѣ, оставались неизмѣнными во весь описываемый періодъ, какъ въ архіерейскихъ школахъ, такъ и въ позднѣйшихъ семинаріяхъ, до тѣхъ поръ, пока наконецъ, при Екатеринѣ II, не были уничтожены въ 1765 году. Средства для школы суть мѣстныя епархіальныя; онѣ извлекаются: а) изъ доходовъ архіерейскаго дома, б) изъ монастырей и церквей.

Для родителей образованіе въ архіерейскихъ школахъ должно быть во всякомъ случаѣ даровымъ; «дабы не было роптанія отъ родителей ученическихъ за великій оныхъ коштъ на учителя и на покупаніе книгъ, такожъ на пропитаніе сыновъ своихъ, далече отъ дому своего учащихся, подобаетъ, чтобы ученики и кормлены и учены были туне и на готовыхъ книгахъ епископскихъ.» [1]). На счетъ казны архіерейскаго дома содержатся учителя, которые получаютъ, кромѣ условленнаго денежнаго жалованья, разныя вещи и услуги. Учителя монаствующіе довольствовались монастырскимъ содержаніемъ, что, вѣроятно, и было главною причиною попытокъ архіереевъ назначать учителей исключительно изъ монашествующихъ. Изъ тѣхъ же суммъ архіерейскаго дома школа снабжалась и учебными пособіями. Чтобъ архіереи не роптали, что такіе расходы для нихъ тяжелы, регламентъ рекомендуетъ имъ «не держать лишнихъ служителей, не дѣлать ненужныхъ построекъ, не шить облаченій и платья свыше потребности, подобающей ихъ чести.» Ученики всѣ содержатся на счетъ церковныхъ и монастырскихъ доходовъ; съ земель церковныхъ ежегодно взимается тридцатая доля всякаго хлѣба, а съ монастырскихъ двадцатая. Съ количествомъ этихъ доходовъ въ извѣстной епархіи соображается и число учениковъ, которые могутъ быть содержимы и обучаемы въ архіерейскихъ школахъ. Церкви и монастыри должны ежегодно подавать епископу вѣдомости о величинѣ урожая. Синодъ долженъ былъ имѣть книги приходовъ и расходовъ всѣхъ знатнѣйшихъ монастырей. Такой, крайне не совершенный способъ содержанія школъ, былъ главною причиною медленнаго успѣха ихъ: и архіерейскіе дома, и особенно монастыри и церкви уклонялись возможными мѣрами

[1]) «Дух. реглам.» стр. 24.

отъ довольно тяжелаго налога. Хлѣбный сборъ съ церквей замѣненъ былъ денежнымъ по именному указу 1743 г.; тогда этотъ налогъ распредѣленъ былъ такъ: по 1 коп. съ каждаго приходскаго двора и по 3 коп. съ рубля отъ доходовъ оброчныхъ статей (дворовъ, лавокъ, сѣнныхъ покосовъ, съ ружнаго жалованья и оброчныхъ вотчинъ). Сборъ хлѣба съ монастырскихъ вотчинъ остался. Деньги съ церквей собирали закащики, а хлѣбъ съ монастырей особенно назначенныя лица и доставляли деньги въ консисторію, а хлѣбъ или въ ближайшіе архіерейскіе дворы (гдѣ есть школы), или прямо въ школу. Не все количество собраннаго хлѣба шло на непосредственное потребленіе; для удовлетворенія прочихъ нуждъ по содержанію учениковъ часть должна быть продана. Всѣ эти экономическія операціи возлагаются иногда на школу. Очевидно, что по непризванности къ этому дѣлу распорядителей и по неизбѣжнымъ злоупотребленіемъ, школа получала гораздо меньше, чѣмъ сколько давали плательщики. Невыгоды этого способа заключаются и въ способахъ взиманія его. «Можно ли было ожидать, что бы въ вѣдомостяхъ, представленныхъ въ консисторію, вѣрно обозначалось количество полученнаго съ поля хлѣба тою или другою церковью, тѣмъ или другимъ монастыремъ?.... Каждогодно были жалобы на неисправность доставки его; а за многими монастырями и церквами оставались недоимки за цѣлые годы»[1]).

---

[1]) Князевъ: «Ист. Псков. сем.», стр. 39. Въ 1729 г. учитель ярославской школы доносилъ, что ему «никогда хлѣба не сбирается». Дѣла Толгскаго монастыря). Медленность открытія костромской семинаріи (1745 и 1747) объясняется слѣд. обстоятельствами: «Сильвестръ Кулябка, по вступленіи на каѳедру, потребовалъ выслать изъ всѣхъ монастырей приходо-расходныя книги за 1743 и 1744 годы.. Въ 1746 г. онъ предписалъ собрать вѣдомости отъ монастырей и церквей касательно урожая и умолота ржанаго и яроваго хлѣба, упомянувъ, что это требуется на содержаніе школы, учреждаемой для обученія церковническихъ дѣтей. Но такое распоряженіе встрѣтило немало затрудненій и препятствій со стороны духовенства... Оттого въ 1745 г. не только не былъ собранъ требуемый хлѣбъ, но и самыя вѣдомости въ консисторію были представлены не прежде, какъ въ исходѣ февр. слѣдующаго 1747 года. Вскорѣ послѣ этого высланы были изъ консисторіи реэстры о томъ, сколько каждый монастырь и церковь должны были представить хлѣба въ консисторію, съ назначеніемъ срока и подъ опасеніемъ штрафа; но исполненія и по этому указу не было слишкомъ полгода... Хлѣбъ надлежало пред-

До какой ничтожной суммы достигали сборы въ епархіяхъ весьма большихъ при такомъ способѣ взиманія, показываетъ примѣръ Вятской епархіи въ 1752—1759 г., когда здѣсь всего однокопѣечнаго сбора съ церквей приходилось по 506 р. въ годъ, а монастырскаго хлѣба за весь этотъ промежутокъ времени 1260 четвертей [1]). Въ ростовской епархіи, по росписанію 1755 г., приходилось 200 четвертей ржи и столькоже овса въ годъ.

Неправильность сбора и трудность исчисленія налога при ежегодныхъ колебаніяхъ урожая заставили во многихъ епархіяхъ опредѣлять количество требуемаго хлѣба заранѣе, на нѣсколько лѣтъ впередъ, что возбуждало новыя жалобы плательщиковъ въ неурожайные годы. Епархіальныя начальства шли дальше, переводили налогъ на деньги по ежегоднымъ справочнымъ цѣнамъ изъ магистрата. Но и послѣ канцеляріи и семинарскія конторы принуждены были «постоянно чинить понужденія духовнымъ правленіямъ, а эти послѣднія закащикамъ и монастырямъ. Казалось необходимымъ заинтересовать въ правильности сбора самыхъ сборщиковъ. Члены семинарской конторы, основанной нарочно для завѣдованія сборами, получаютъ въ свою пользу по 11 коп. съ каждой церкви, а закащики по 4 коп.; монастыри за пріемъ хлѣба въ пользу семин конторы вносили по 3 коп съ каждой платежной четверти [1]). Ревность сборщиковъ увеличилась, но и противодѣйствіе плательщиковъ въ той же степени. Другая невыгодная сторона этого способа содержанія заключается въ томъ, что отъ случайностей урожая и сбора

ставить за два года, но изъ многихъ мѣстъ внесено было только за 1746 г. и то въ исходѣ 1747 г.» (Русск. Педагогич. Вѣстн. 1858. №10).

[1]) «Вятская исторія» (въ Казанск. Вѣстникѣ, январь—іюль 1827, стр. 97). См. также: «Средства содержанія школъ Ярославской семинаріи въ пол. XVIII ст.» (въ Яросл. Епарх. Вѣдом. 1872, № 12, 13, 14 и 15). Изъ указовъ ростовскаго епископа, здѣсь напечатанныхъ, оказывается, что «вѣдомости присланы весьма несправедливыя съ немалою и явною какъ пашенной земли десятинъ, такъ и посѣву, умолоту и приплоду всякаго хлѣба утайкою», не смотря на то, что указы грозили и монастырскимъ настоятелямъ и закащикамъ за ложное показаніе лишеніемъ чиновъ и «надлежащимъ штрафомъ и истязаніемъ». Въ 1747 г. еп. Аѳанасій приказалъ въ наказаніе за то собрать хлѣбъ втрое противъ положеннаго.

[1]) Рук. арх. яросл. дух. семин. за 1758 г.

можетъ зависѣть увеличеніе или уменьшеніе числа учениковъ въ школѣ. 1743 г. въ псковской семинаріи было учениковъ (на епархіальномъ содержаніи) 924 чел.; а такъ какъ «недоставало хлѣба для ихъ пропитанія, то пр. Стефанъ приказалъ сократить ихъ число [1]).

Вторымъ менѣе значительнымъ источникомъ содержанія архіер. школъ и потомъ семинарій были штрафы за непоставку учениковъ и оброкъ съ уволенныхъ неспособныхъ мальчиковъ. Наконецъ третій источникъ, указанный въ 1740 г. синодомъ, были свѣчныя деньги [2]), но этотъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи главнѣйшимъ источникомъ содержанія семинарій, тогда примѣнялся мало по отсутствію надлежащей организаціи его въ законодательствѣ.

Архіерейскія школы, на основаніи духовнаго регламента, были основаны въ слѣд. городахъ: въ Петербургѣ (александро-невская) 1721 г., Нижн.-Новгородѣ 1721 г., Рязани, Твери, Бѣлгородѣ 1722 г., Казани, Суздалѣ, Коломнѣ, Вяткѣ, Холмогорахъ (послѣ въ Архангельскѣ) 1723 г., Вологдѣ 1724 г., В. Устюгѣ, Иркутскѣ и Псковѣ 1725 г., Смоленскѣ и Воронежѣ 1728 г. Въ систему архіерейскихъ введены и помянутыя нами выше 4 школы, основанныя до духовн. регламента; но московская академія, повидимому, не введена въ нее. Всѣ исчисленныя школы равны другъ другу по своему значенію и объему преподаванія; нѣкоторое случайное преимущество осталось за новгородскою, о чемъ мы упоминали.

Александро-Невская школа, открытая указомъ архіеп. Ѳеодосія 11 іюля, были низшимъ училищемъ до 1726 года,

---

[1]) Князевъ: «Ист. пск. сем.». стран. 40. Зависимость существованія школъ отъ такого способа содержанія можно видѣть изъ слѣд. фактовъ: «Въ 1723 г. учреждена школа въ Суздалѣ и собрано учениковъ 109 чел. Въ 1726 г. за несобраніемъ хлѣба они распущены по домамъ: но въ 1736 г. собраны, и въ 1737 г. паки по той же причинѣ распущены». Въ Нижнемъ-Новгородѣ, гдѣ духовно-учебная часть шла успѣшнѣе, чѣмъ въ цѣлой Великороссіи, по отчету 1727 г., въ школы «къ принадлежащимъ наукамъ» брались только дѣти такихъ отцовъ, которые бы могли сами содержать ихъ въ школахъ, потому что ежели отъ (церковныхъ) земель взять законныя части, священникамъ съ причетники, за малопмуществомъ тѣхъ церковныхъ земель, въ пропитаніи будетъ немалая тщета». Пекарск: «Наука и Литер.» I, 119.

[2]) П. С. З. № 8287.

когда введено въ нее преподаваніе классическихъязыковъ. Она была не столько архіерейскою, сколько монастырскою, между прочимъ съ цѣлями призрѣнія сиротъ; дѣти принимались отъ 5 до 13 л.; число учениковъ возрастало отъ 26, собранныхъ при основаніи школы, въ слѣд. прогрессіи: въ 1722 г. 53, въ 1723 г.-62, 1725 г.-82. Впослѣдствіи, по преобразованіи школы въ семинарію, было: въ 1735 г.-57, 1741 г.-108, 1744 г.-47, 1762 г.-73.—Въ ней обучали сначала азбукѣ, письму, ариѳметикѣ, псалтыри, грамтикѣ и толкованію евангельскихъ блаженствъ. Уже тогда явилось раздѣленіе на классы: обучивши грамотѣ и десятословію, учениковъ переводили къ граматикѣ и ариѳметикѣ по особому разрѣшенію канцеляріи монастыря. Содержаніе доставлялось монастыремъ, чѣмъ эта монастырская школа и отличается отъ архіерейскихъ [1]).

Нижегородская до 1730 г. состояла изъ трехъ школъ (классовъ) букварной, славяно-россійской и еллино-греческой; изъ нихъ въ 1727 г. первая была уничтожена и элемент. обученіе вмѣнено въ обязанность родителямъ; во 2-й было 63 учен. въ 3-й—24. Ниже мы укажемъ преобразованіе ея въ семинарію. Съ 1730 г. открыта писшая школа въ Юрьевцѣ Поволгскомъ [2]).

Въ Рязани школа и цыфирная и архіерейская вмѣстѣ открыта 7 мая 1722 г., но уже въ іюлѣ того же года дѣти лицъ духовныхъ были отдѣлены отъ дьячьихъ и подъяческихъ и изъ нихъ составилась собственно-архіерейская школа; однако учителемъ оставался повидимому одинъ и тотъ же навигаторъ. Но настоящая организація отдѣльной архіерейской школы должна быть отнесена къ 1724 г., именно ко времени прибытія приготовленныхъ въ Новгородѣ учителей. Въ это время въ школѣ было 70 учен. При Гавріилѣ Бужинскомъ, съ 1726 г., школа опять находилась въ соединеніи съ цыфирною, при чемъ число учениковъ возросло до 269 чел.; съ 1727 при школѣ, помѣщенной уже въ отдѣльномъ зданіи, образовано отдѣльное управленіе—школьная контора.

---

[1]) Чистовичъ: «Ист. С.- Петерб. акад.».

[2]) «Инструкція, данная изъ нижегород. консистор.» 1738 г. (Чтен. въ И. Об. И. и Др. Росс., кн. XVII). и «Кратк. изв. о ниж. сем.» (въ Актѣ Ниж. Дух. Сем. 1787).

Повидимому она организована прочно и въ 1729 имѣла уже 339 учениковъ. Но архіерейскія школы не были вполнѣ правительственными учрежденіями; ихъ судьба тѣсно связывалась съ судьбою мѣстныхъ епископовъ; такъ когда въ томъ же 1729 г. Гавріилъ подвергся розыску, то и школа закрылась. Съ тѣхъ поръ въ продолженіи 10 л. ученики были собираемы нѣсколько разъ, но ученія не было, за неимѣніемъ учителей классическихъ языковъ, а «словесному» т. е. русской грамотѣ они были обучены дома. Такъ въ 1731 г. еписк. Лаврентій собралъ учениковъ 56 чел. и вызвалъ изъ москов. академіи учителя, который умеръ черезъ годъ и ученіе опять прекратилось. Въ 1738 г. собрано 227 чел., но обучать было некому и ученики распущены. Наконецъ въ 1739 г. собрано 153 чел. и оставлены въ школѣ только потому, что св. синодъ настоятельно требовалъ обучать элементарнымъ знаніямъ, которымъ дѣти и безъ того были обучены[1]). Съ 1740 г. школа преобразовывается въ семинарію, или правильнѣе, въ Рязани открывается семинарія.

Указъ 1722 г. 6 дек. побудилъ м. казанскаго Тихона тотчасъ отдѣлить отъ цыфирной школы дѣтей духовныхъ лицъ и набрать новыхъ; въ 1723 г. уже была открыта архіерейская школа въ Ѳедоровскомъ монастырѣ, куда и отысканъ учитель «польской породы Вас. Яков. Свѣтицкій»; этотъ «умный и честный и въ книжномъ чтеніи острый и разумный человѣкъ» договорился учить за 36 р. и за 25 четвертей хлѣба въ годъ. Учениковъ набрано 25 чел.; но изъ нихъ отправлено тогда же назадъ: за малолѣтствомъ (т. е. ниже 7 лѣтъ) 11 чел., по записи въ податныя состоянія 3, за тупостью 2, по неимѣнію средствъ содержанія въ школѣ 9. Сверхъ того въ первый же годъ умерло 6 чел., а 14 бѣжало черезъ мѣсяцъ по прибытіи въ школу. Такимъ жалостнымъ обр. начиналось духовное просвѣщеніе въ Казани. Въ 1726 г. произведенъ былъ общій наборъ учениковъ по всей епархіи; изъ массы собранныхъ архіепископъ выбралъ 70 челов., а остальныхъ, за недосугомъ разбирать ихъ, преосвященный отослалъ по домамъ до другаго времени; сверхъ 70 дѣтей духовныхъ собрано 10 новокрещенскихъ. Собранныхъ мальчи-

1) Макарія: «Ист ряз. дух. сем.» стр, 7—15.

ковъ начали обучать слѣд. наукамъ: букварю, граматикѣ «четырехъ статей», орѳографіи, этимологіи, просодіи и синтаксіи, діалекту латинскому (вокабуламъ), ученію о 7 тайнахъ церковныхъ, ариѳметикѣ и разнымъ гратуляціямъ и комедійнымъ акціямъ. Полнаго вниманія заслуживаетъ мѣра къ обезпеченію архіерейской школы, принятая м. Спльвестромъ въ 1726 г.: уничтоживши два монастыря: Сарапульскій Успенскій и Осинскій Спасопреображенскій, онъ приписалъ ихъ вотчины съ 549 душами муж. пола къ школѣ. Крестьянамъ была отдана монастырская земля въ оброкъ; къ 1728 г. оброкъ этотъ вызвысился до 200 р, въ годъ. Разумѣется, что и средстса, указанныя въ дух. регламентѣ, практиковались. Въ 1729 г. всѣхъ денежныхъ доходовъ въ школѣ было 464 р. да хлѣбныхъ запасовъ всякаго хлѣба 613 четвертей. Школа была подчинена вѣдѣнію духовнаго архіерейскаго приказа[1]). На крестьянскіе оброки выдавалось жалованье учителю и пріобрѣтались учебныя пособія; а на сборный хлѣбъ содержались ученики.

Когда въ 1723 г. была открыта архіерейская школа въ Вяткѣ и въ нее набрано 35 учениковъ, то ихъ обучали азбукѣ, письму, катихизису Прокоповича, «а болѣе другимъ наукамъ никакимъ не обучаются», говоритъ донесеніе св. синоду. Дальнѣйшее движеніе школа получила въ 1733 при извѣстномъ Лаврентіи Горкѣ епископѣ вятскомъ, который открылъ здѣсь славяно-греко-латинскую школу «не только для дѣтей духовнаго, но и свѣтскаго званія». Однако сословный духъ, сдѣлавшій такіе сильные успѣхи ко временамъ царст. Анны, не дозволилъ этой школѣ укрѣпить за собою всесословный характеръ. Когда одинъ мальчикъ, сынъ посадскаго человѣка, былъ взятъ въ школу и пробылъ въ ней не болѣе двухъ дней, то подьячіе воеводской канцеляріи, разсыльщики и болѣе 100 чел. посадскихъ напали на школу, «съ дубина-

---

[1]) Свѣдѣнія о казан. арх. школѣ изложены въ ст. А. Ѳ. Можаровскаго: «Изъ ист. духов. просвѣщ. въ Казан. краѣ. Казанская семинарія въ теченіи 150 л. ея существованія». (Прав. Обозр. 1868 г. дек.); см. также г. Знаменскаго: «Казанская семинарія въ первое время ея существованія». (Прав Соб. 1868 г. августъ) и А. Ѳ. Можаровскаго: «Исторія построенія каменной семинар. въ Казани» (ib. окт.); слич. Пекарскаго: «Наука и Лит.» I, 115.

ми, съ палками и съ кирпичьями и школу раззоряли, и въ домъ архіерейской и въ избу кирпичьями бросали и въ ворота необычайно ломились, что тѣ ворота были отъ нихъ досками подперты. И мое смиреніе (доносилъ Лаврентій имп. Аннѣ) въ домѣ архіерейскомъ, яко въ осадѣ досель содержусь, нельзя изъ дому архіерейскаго вонъ выйтить» [1]).

Школа, заведенная въ Холмогорахъ архіепископомъ Варнавою, имѣла въ 1723 г. 39 учен., въ 1724 г.–26. Къ отчетному 1727 г. никто изъ нихъ не выучилъ до конца граматики, хотя, прибавляетъ отчетъ, изъ нихъ есть такіе, которые «весьма наслаждатися ученія желаютъ, изъ которыхъ могутъ быть и остроумные ученики». Отчетъ надѣется, что въ слѣд. годахъ число учениковъ вмѣстѣ съ собранными вновь будетъ гораздо больше [2]). Школа получаетъ значеніе средней и названіе славяно-латинской съ 1730 г., когда въ ней началъ обучать по латыни обучившійся за моремъ Ив. Цареградскій [3]). До какой степени успѣхи школъ зависѣли отъ личности архіереевъ доказываетъ слѣд. отзывъ архангельскаго архіерея Варсонофія о благоустроенномъ зданіи архангельской школы: «чего ради такая не по здѣшней епархіи школа построена? Да и школамъ въ здѣшней скудной епархіи быть не надлежитъ; къ школамъ охоту имѣли бывшіе здѣсь архіереи Черкаспшки, ни къ чему негодницы [4]). Мѣстные архіереи два года по открытіи содержали школу на одни средства архіер. дома; и въ послѣдствіи большая часть содержанія шла оттуда же.

Въ Иркутскѣ архим. Антоній Платковскій устроилъ школу при Вознесенскомъ монастырѣ, въ нарочно устроенномъ за монастырскою оградою зданіи. Школа первоначально предназначалась для миссіонерскихъ цѣлей. Назначенные по штату 25 учениковъ обучались у бурятскаго ламы, некрещеннаго Лапсана; товарищемъ его былъ Ник. Щолкуновъ тоже инородецъ, только крещенный; при нихъ переводчикомъ состоялъ

---

[1]) Памятн. книжка Вятской губ. на 1873 г. Вятка, 1873 г., Отд. III, стр. 95.

[2]) Пекарскій: «Наука и лит.» стр. 120.

[3]) Макарія: «Письмо изъ Рязани (Русской Педагог. Вѣсти. 1858. № 10 стр. 18).

[4]) Соловьевъ: «Ист. Росс.» XX, ст. 272.

послѣ Ив. Пустынниковъ, котораго посылалъ Платковскій въ Селенгинскъ для усовершенствованія въ монгольскомъ языкѣ. Оба учителя подряжены Платковскимъ за 100 рублей въ годъ; при свят. Иннокентіи это жалованье еще увеличено на 50 рублей; переводчикъ получалъ 10 руб. въ годъ. Рядомъ съ монгольскою школою вскорѣ была открыта и русская; обѣ школы продолжали существовать рядомъ до 1737 г., когда Лапсанъ, уже принявшій христіанство, былъ привлеченъ къ суду, по дѣлу о возмущеніи бурятъ, и новаго на его мѣсто найти не могли; монгольская школа закрылась. Къ 1728 г. набрано было учениковъ въ русскую школу 22 челов.; а потому прежнія средства содержанія оказались недостаточными. Эти средства доставлялись, согласно съ предписаніями дух. регламента, отъ монастырей Селенгинскаго Троицкаго, Киренскаго тоже Троицкаго и Посольскаго; изъ нихъ на содержаніи перваго должно было находится 10 учен., втораго 8, а третьяго–7. Но это распредѣленіе сдѣлано было еще тогда, когда отдѣльной Иркутской епархіи не было; при образованіи новой епархіи Киренскій монастырь остался въ Тобольской и потому заявлялъ притязаніе на освобожденіе отъ поборовъ въ пользу Иркутской школы.

Отсюда возникъ соблазнительный споръ между святителемъ Иннокентіемъ и тобольскимъ митрополитомъ Антоніемъ Стаховскимъ, при чемъ видимо вся несправедливость остается на сторонѣ послѣдняго. 5 ноября 1728 г. онъ предписалъ Киренскому монастырю не давать впредь хлѣба на иркутскую монастырскую школу, потому что будтобы изъ той школы всѣ ученики отправлены въ Пекинъ. Когда святитель отвѣтилъ, что въ Пекинъ отправлено только трое, а на лицо въ школѣ состоитъ 22 ч., то тобольскій митрополитъ еще рѣшительнѣе предписалъ: «впредь на школьныхъ учениковъ денегъ и провіанта въ Иркутскую епархію отнынѣ не давать и тамошнихъ указовъ не слушать, понеже по регламентному опредѣленію, велѣно каждому архіерею въ своей епархіи имѣть для обученія малолѣтнихъ причетническихъ дѣтей школы и на пропитаніе имъ брать своей же, а не чужой епархіи съ монастырей указное число, чего ради и у насъ въ Тобольскѣ не безъ школы... Въ чужую епархію вступатися, преступая положенный предѣлъ, странно есть весьма и необычно». И

монастыри Иркутской епархіи просили святителя «слезно-пожаловать ихъ своимъ благословеніемъ», уволить отъ дачи ученикамъ жалованья; монастыри были дѣйствительно очень бѣдны. Къ 3-мъ упомянутымъ монастырямъ присоединенъ 4-й Нерчинскій Успенскій, который долженъ будетъ содержать 7 чел. Впослѣдствіи св Иннокентій увеличилъ средства школы, обязавъ протоіереевъ и священниковъ платить въ годъ по 50 к., дьяконовъ по 30, дьячковъ и пономарей по 10 к., все равно-есть ли у нихъ дѣти въ школѣ, или нѣтъ. Экономическое управленіе было поручено при Иннокентіи одному изъ вкладчиковъ Знаменскаго монастыря, съ званіемъ «старосты при мунгальской и русской школахъ»; нравственно—воспитательный надзоръ-особо назначенному іеромонаху.

При преобразованіи школы въ семинарію, контингентъ ученыхъ ссыльныхъ, въ которыхъ не было недостатка при императрицѣ Аннѣ, доставилъ св. Иннокентію знаменитыхъ хотя и временныхъ учителей; таковы были: Павелъ Малиновскій, будущій митрополитъ московскій, а до ссылки-архимандритъ и ректоръ харьковскаго коллегіума; другой ссыльный-Іоакинфъ Максимовичъ, іеромонахъ кіевопечерской лавры. И послѣ почти весь составъ учителей новой семинаріи былъ изъ ссыльныхъ [1]).

Во Псковѣ епархіальная школа открыта въ 1725. До 1733 г школа оставалась элементарною (съ начальнымъ преподаваніемъ граматики отечественнаго языка); съ 1733, когда былъ введенъ латинскій языкъ, по 1749 г. она постепенно переходила въ среднее учебное заведеніе. Въ 1746 г. открыта семинарія. Въ ней 1725—1727 г. было 58 учениковъ, 1730—1738 числилось 149 ч., а налицо—92 чел. Затѣмъ въ послѣдующіе годы число учениковъ въ ней измѣнялось такъ: 1738 г.—200, 1739 г.—150, 1740 г.– 242, 1741 г.—198, 1743 г.—242, 1745 г.–76, 1746 г.—213, 1755 г.—224, 1756 г.—113, 1759 г.—197, 1760 г.—212, 1761 г.—226.

Въ свѣдѣніяхъ о прочихъ архіерейскихъ школахъ мы

---

[1]) Изложенныя свѣдѣнія взяты изъ ст.: «Управленіе святит. Иннокентія» и «Состояніе школъ при св. Иннокентіи» (Иркут. Епар. Вѣдом. 1863, № 38 и 1864, № 34).

не нашли ничего характернаго для этого разряда профессіональныхъ школъ. Во всѣхъ такихъ школахъ предъ самымъ преобразованіемъ ихъ въ семинаріи, по вѣдомостямъ 1738 г., учениковъ было 2589 чел.

Семинаріи и духовныя гимназіи. 1737—1740 гг. организуется новая система духовныхъ учебныхъ заведеній; архіерейскія школы замѣняются семинаріями.—

То́, что́ было предположено Прокоповичемъ подъ именемъ академіи, а въ 1724 г. подъ именемъ семинаріи (въ столицахъ), теперь переносится въ провинцію, такія заведенія учреждаются въ каждой епархіи. Вмѣсто низшей архіерейской школы, возникаетъ дѣйствительно среднее учебное заведеніе; эти епархіальныя среднія училища начинаютъ окружаться низшими. Центральнаго высшаго училища для цѣлой имперіи нѣтъ: московская академія хотя и вводится окончательно въ разрядъ духовно-учебныхъ заведеній, но совершенно приравнивается къ епархіальнымъ семинаріямъ. Центральное управленіе всею этою сѣтью учебныхъ заведеній въ рукахъ св. синода получаетъ болѣе прочности.

Так. обр. эпоха семинарій отличается отъ эпохи архіер. школъ, 1) переходомъ низшимъ епарх. школъ въ среднія, 2) основаніемъ низшихъ (уѣздныхъ) училищъ вокругъ каждаго епархіальнаго средняго училища; сюда слѣдуетъ прибавить 3) окончательное усвоеніе этими училищами сословно-духовнаго значенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ предположено было обратить и содержаніе семинарій, не на епархіальныя а на правительственныя средства, что́, впрочемъ, совершено далеко невполнѣ.

Такой переворотъ совершился съ постепенностью; постепенно нѣкоторыя изъ архіер. школъ вводили у себя раздѣленіе на классы и преподаваніе иностранныхъ языковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно входило въ употребленіе названіе семинаріи. Этотъ переворотъ особенно становится замѣтнымъ съ нач. царств. Анны и именно съ 1733 года. Но правильнымъ обр. вводится новая система въ 1737—1740 годахъ.

Законодательство, совершившее этотъ переворотъ, начинается съ синод. ук. 24 янв. 1737, когда синодъ приказалъ собрать вѣдомости о существующихъ духовноучебныхъ заведеніяхъ. Этимъ синодъ устраиваетъ въ 1-й разъ правильный контроль правительственной власти надъ мѣстными школами. Въ вѣ-

домостяхъ должно быть показано—гдѣ учреждены школы, сколько въ нихъ было учениковъ со времени учрежденія св. синода, чему они были обучаемы, въ какіе чины произведены, сколько было въ приходѣ и расходѣ сборнаго хлѣба за каждый годъ, и гдѣ хлѣбъ оставался въ недоимкѣ. Такія вѣдомости съ того времени должны быть присылаемы ежегодно [1]).

Но актомъ учрежденія семинарій нужно считать именной указъ 7 сент. того же 1737 года. Въ немъ прежнія архіерейскія школы вовсе игнорируются и приказывается учредить «во всѣхъ епархіяхъ и въ другихъ пристойныхъ городѣхъ школы для обученія въ нихъ дѣтей священнаго чина и церковнаго причта грамотѣ, граматикѣ, риторикѣ и другихъ выпшихъ наукъ». Указъ велитъ синоду опредѣлить суммы на содержаніе такихъ училищъ изъ доходовъ архіерейскихъ, монастырскихъ и церковныхъ, «которые по сіе время на архіереевъ и въ монастыри собиралися», опять оставляя безъ вниманія устройство содержанія архіерейскихъ школъ, назначенное въ духовн. регламентѣ [2]). Этотъ учредительный актъ дополненъ кабинетскимъ указомъ 26 сент. о правахъ лицъ, окончившихъ курсъ въ арх. школахъ. Существенныя части его, касающіяся правъ сословій и принужденія къ образованію, намъ уже извѣстны. Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить, что кабинетъ потребовалъ въ этомъ указѣ представленія ему вѣдомостей о состояніи арх. школъ; так. обр. высшая государст. власть принимаетъ непосредственное участіе въ общей организаціи духовныхъ учебныхъ заведеній. Но оба упомянутые указа отнюдь не представляютъ устава новыхъ учебныхъ заведеній; уставъ еще предполагался въ будущемъ; кабинетъ приказалъ синоду (имен. указомъ 1738 г. іюня 9) составить его, намѣтивъ однако слѣд. существенные пункты: 1) число учениковъ въ каждой семинаріи, сообразно съ числомъ церквей епархіи; 2) составъ обученія; 3) число учителей и откуда ихъ брать; 4) учебныя пособія; 5) содержаніе училища (учителей и учениковъ) и источники его; 6) медицинская часть училищъ. Штатъ велѣно было составить при-

---

[1]) Ист. Рос. Іер. I, 435—436.
[2]) П. С. З. № 7364.

мѣнительно къ штату гарнизонныхъ школъ. Синодъ долженъ былъ поспѣшить составленіемъ устава, «оставя другія, не весьма важныя дѣла» [1]).

Былъ ли составленъ уставъ, мы не знаемъ; штатъ былъ составленъ и представленъ на разсмотрѣніе правительства; но утвержденъ не былъ, потому что государство не нашло источниковъ для покрытія такихъ большихъ издержекъ, которыя предполагались по штату. Так. обр. учрежденіе семинарій общее для всей имперіи не состоялось; открытіе ихъ предоставлялось удобствамъ времени и мѣста. Съ того времени открываются постепенно одна за другою семинаріи въ разныхъ мѣстахъ; при этомъ частные регламенты семинарій, въ существѣ сходные между собою, замѣняютъ для насъ общій уставъ ихъ. Мы имѣемъ два такихъ регламента: троицкой (1738 г.) и новгородской (1740 г.) семинарій; кромѣ того къ уясненію началъ новой системы семинарій служитъ указъ объ учрежденіи тобольской семинаріи (1748 г.).

Синодъ, вмѣстѣ съ епархіальными архіереями, долженъ имѣть крайнее попеченіе объ образованіи духовенства чрезъ учрежденіе семинарій. Цѣль этого учрежденія есть 1) распространеніе образованія вообще—«дѣло весьма въ государствѣ полезное и нужное, потому что распространеніе богопознанія и соединенное съ этимъ утвержденіе нравственности въ народѣ невозможно безъ образованнаго духовенства; 2) распространеніе христ. вѣры между инородцами.—Семинарія учреждается на 200 учениковъ (на казенномъ содержаніи). Она раздѣляется на три класса; въ низшемъ классѣ полагается 120 учениковъ, во второмъ—50, въ третьемъ—30. Каждый классъ раздѣляется на школы: въ низшемъ—4 школы: аналогія, инфима, граматика и синтаксима; въ 1-й и 2-й полагается—60 учениковъ; въ 3-й и 4-й также. Первая есть общая школа для всѣхъ вновь поступающихъ; но при переходѣ во 2-ю ученики распредѣляются по спеціальностямъ: неспособные къ классическому образованію обучаются уже во 2-й школѣ ремесламъ: «иконописному и живописному; и уже къ латинскому языку таковыхъ не принуждать, развѣ

---

1) Ист. Рос. Іерарх. I, 440—441.

кто самоохотно пожелаетъ»; впрочемъ ремесламъ должны быть обучаемы не болѣе 30 человѣкъ. Средній классъ раздѣляется на двѣ школы: школу поэтики и риторики. Высшій —тоже на двѣ— философскую и богословскую. Въ низшемъ классѣ, именно въ двухъ первыхъ преподается между прочимъ и ариѳметика и геометрія. Ученики переводятся изъ класса въ классъ по ежегодному публичному экзамену въ присутствіи архіерея и другихъ ученыхъ духовныхъ лицахъ. Ученики назначаются по экзамену въ «духовные чины».

Учителей полагается въ низшемъ классѣ 6 (т. е. кромѣ 4-хъ основныхъ, по одному въ каждой школѣ, еще два учителя: математики и ремеслъ). Во второмъ два; въ третьемъ четыре (кромѣ двухъ основныхъ, учители греческаго и еврейскаго языковъ). Учителями должны быть лица, хорошо приготовленныя къ своей должности, изъ монаховъ или свѣтскихъ. Но и теперь законъ не указываетъ откуда брать учителей. Они получаютъ опредѣленное жалованье—денежное и хлѣбное; именно учителя двухъ первыхъ школъ низшаго класса по 80 рублей, учителя граматики 120, синтаксимы—130, учитель ариѳметики и геометріи—120, ремеслъ—60, поэтики 150, риторики 180, греч. языка и философіи по 200, еврейскаго яз. и богословія—по 300 рублей въ годъ.

Семинаристы помѣщаются въ казенномъ зданіи, раздѣленномъ на «палаты», по 10—12 въ каждой. Ученики 3-го класса могутъ имѣть при себѣ своихъ собственныхъ наемныхъ служителей, ученики богословія—каждый одного, а ученики философіи -двое одного служителя. На содержаніе 200 учениковъ назначается 2076 рублей и на обмундировку ихъ 613 рублей; на библіотеку и учебныя пособія - 638 рублей въ годъ. Всего же на новгородскую семинарію назначено 7591 р. 37 коп.; на александро—невскую гораздо меньше, 1917 руб. Экономическое управленіе находится въ рукахъ коммиссара, котораго должность опредѣляется особою инструкціею, составленною въ синодѣ и утвержденною кабинетомъ. Главный надзоръ за дѣятельностью коммиссара ввѣряется мѣстному архіерею, или заступающему его мѣсто. [1]).

Но мы сказали уже, что общій штатъ для всѣхъ семинарій не былъ утвержденъ и потому средства содержанія

[1]) П. С. З. Т. XLIV, Ч. 2., стр. 5—11.

большей части изъ нихъ оставались тѣми же, какія утверждены въ духовн: регламентѣ, до самаго 1765 года. Это обстоятельство было причиною медленности въ повсемѣстномъ учрежденіи семинарій.

Основаніе для низшихъ школъ въ округѣ каждой епархіальной семинаріи положено было уже приведеннымъ выше мѣстомъ новгородскаго регламента объ учрежденіи элемент. училищъ по городамъ и уѣздамъ; хотя мы сказали, что это школы элементарныя, но такъ какъ онѣ назначаются собственно для духовенства, то и выходятъ изъ разряда общихъ элементарныхъ и дѣлаются органическою частію системы школъ профессіонально—духовныхъ; и дѣйствительно, по мѣрѣ открытія, онѣ тотчасъ получаютъ характеръ приготовительныхъ къ духовному образованію. За ними впослѣдствіи утверждается названіе *гимназій;* въ новгородской епархіи, по мѣстному распоряженію 1756 г. 6 апр. должны быть основаны слѣд. училища: въ Олонцѣ, въ Великихъ Лукахъ, Торжкѣ, Устюжнѣ, Бѣжецкѣ, Старой Русѣ, Тихвинѣ, Вышнемъ Волочкѣ, Новой Ладогѣ, Валдаѣ, въ Крестовскомъ заказѣ, въ Заруской и Залѣсской половинахъ, въ Каргополѣ, всего 13,-каждая для соотвѣтствующихъ уѣздовъ, пятинъ, или заказовъ.

Отличіе этихъ новыхъ учрежденій (семинарій) отъ прежнихъ архіерейскихъ школъ наиболѣе уясняется указомъ объ учрежденіи семинаріи въ Тобольскѣ: св. синодъ просилъ сенатъ устроить тамъ «семинарію славено—латинскаго ученія» на 200 учениковъ. По словамъ синода средства, назначенныя по духовн. регламенту, должны употребляться на *русскую* школу, которая давно уже существуетъ въ Тобольскѣ и впредь должна существовать на тѣже средства. На открытіе же собственно семинаріи требуется «содержаніе изъ казны е. и. в., по примѣру московской академіи.» Синодъ указывалъ и источники,—именно деньги за вѣнечныя памяти, собираемыя въ тобольской епархіи: на нихъ со временъ Петра содержатся госпитали; но госпитали обезпечены уже другими средствами. Сенатъ отказалъ въ этомъ синоду [1]).

По изложенному образцу въ 40 и 50 годахъ совершалось во всѣхъ епархіяхъ или преобразованіе архіерейскихъ

---

[1]) П. С. З. № 9528.

школъ въ семинаріи, или новое учрежденіе семинарій. До царств. Екатерины вновь учреждены семинаріи: троицкая (1738 г., окончательно—1742), крутицкая (1739 г.), владимірская (1750), переславль—залѣсская (1753).

Именной указъ имп. Анны объ основаніи троицкой семинаріи данъ еще въ 1738, по указъ синода о его исполненіи и самое исполненіе послѣдовало въ 1742 г. Какъ семинарія монастырская, она, подобно александро—невской, содержалась на средства монастыря. Благодаря тому, что эта семинарія основана на средства одного богатаго монастыря, она организовалась быстро со всѣми классами, соотвѣтствующими регламенту новгород. семинаріи (на 2-й годъ по открытіи ея введено преподаваніе ариѳметики и геометріи; классъ ремеслъ въ 1746; кромѣ того введены новые языки франц. и нѣмецкій,-хлопоты объ этомъ начались съ 1758 г.). Число учениковъ не доходило до штатнаго 200; въ 1763 г. ихъ было только 156 ч.

До 1747-го года учителя кромѣ полнаго монастырскаго содержанія получали по 200 р. въ годъ, кромѣ одного учителя писшаго класса, который получалъ 100 р.; въ 1747 г. состоялось слѣд. распредѣленіе жалованья: ректоръ, префектъ и учитель іеродіаконъ получали по 229 руб. $92^1/_2$ к., интендантъ (коммиссаръ) 300 р., учитель-бѣлецъ 129 р. $29^1/_2$ к., учитель геометріи и ариѳметики 108 р. Наконецъ въ 1758 г. жалованье распредѣлено было такъ: ректоръ 200 р., префектъ—150, учителя риторики и поэтики, греч. и еврейск. языковъ по 100, высшаго латин. класса 70, писшаго 60 р.[1]).

Крутицкая семин. сначала помѣщалась въ Вязьмѣ (смолен. губ.), потомъ въ крутицкомъ арх. домѣ въ Москвѣ, наконецъ въ покровскомъ мон. въ Москвѣ.

Во Владимірѣ на Клязмѣ семинарія открыта энергическимъ Платономъ Петрункевичемъ: задумавъ это еще въ 1749 г., онъ приказалъ очистить богородицкій женскій монастырь отъ проживавшихъ тамъ «безъ всякой монастырской регулы» 4-хъ монахинь (которыя имѣли свой приходъ, не имѣя священниковъ) и приспособить его къ помѣщенію семинаріи. Разославъ потомъ строгій приказъ о доставленіи списковъ дѣтей духовныхъ лицъ и о сборѣ ихъ самихъ, онъ пропзвелъ

[1]) Смирновъ: «Ист. троицкой семинаріи»,

имъ разборъ и уже съ слѣд. года началось обученіе въ семинаріи. «Въ каждомъ классѣ былъ одинъ главный учитель и онъ вполнѣ завѣдывалъ учениками своего класса по учебной и нравственной части. Изъ главныхъ учителей нѣкоторые, да такъ называемые экстраординарные учители обучали языкамъ и друг. второстепеннымъ предметамъ» [1]). Первоначальное устройство совершено на счетъ казеннаго приказа архіер. дома; съ возвратомъ однако, суммѣ изъ постоянныхъ доходовъ семинаріи, т. е. изъ сбора хлѣба и денегъ съ монастырей и церквей [2]).

Мы сказали, что въ другихъ епархіяхъ семинаріи были преобразованы изъ архіер. школы; но это преобразованіе равнялось новому открытію. Выше было сообщено ошибочное свѣдѣніе Словцова, что до 1744 г. въ Тобольскѣ не было духовнаго училища; но Словцовъ былъ введенъ въ заблужденіе тѣмъ, что именно въ этомъ году м. Антоній Нарожницкій открылъ тамъ семинарію, какъ нѣчто совершенно новое. Былъ посланъ въ Кіевъ енисейскій архимандритъ Димитрій Смѣловскій и привезъ съ собою въ Тобольскъ первый контингентъ учителей (четверыхъ); вновь данъ указъ о сборѣ учениковъ: въ 1748 г. уже были въ ходу всѣ 6 классовъ семинаріи. Поэтому Антоній II-й справедливо называется «основателемъ семинаріи» [3]). Вмѣстѣ съ семинаріею явились и окружающія ея низшія училища; тотъ же Антоній завелъ школы въ Рафаиловскомъ и Енисейскомъ монастыряхъ, въ гор. Троицкѣ; сюда же присоединилась и прежде существовавшая школа въ Знаменскомъ монастырѣ. Монастырскія школы, благодаря своему элементарному характеру и особенно исключительному положенію Сибири, продолжали быть общенародными школами; «въ это время и лица прочихъ сословій продолжали отдавать въ монастыри своихъ дѣтей для образованія; такъ въ Ивановскій Межугорскій монастырь были отданы въ 1756 г. учиться арѳметикѣ молодые тобольскіе дворяне Александръ и Иванъ Андреевы» [4]).

[1]) О дух. учил. и семин. владимір. (Влад. Губ. Вѣд. 1862, № 28).

[2]) Ibid и «Очер. ист. Влад. сем». (Влад.Епарх. Вѣдом. (1865,№14).

[3]) Матеріалы для истор. христ. просв. Сибири (Журн. Мин. Нар.Просв. 1854 г., мартъ).

[4]) «Домов. лѣт. капит. Андреева» (Чтен. въ Общ. Ист. и Др. Росс. 1870 кн. 4, смѣсь).

Подобнымъ же обр. совершилось мнимое преобразованіе ростовской архіер. школы, въ ярославскую семинарію. Двѣ архіер. школы, существовавшія съ 20-хъ годовъ въ ростов. епархіи, едва влачили свое существованіе. Въ 1739 г. архіеп. Іоакимъ учредилъ семинарію или славяно-латинскую школу въ Ростовѣ, которая однако вскорѣ (къ 1745 г.) опять превратилась въ низшую школу. Новое основаніе семинаріи, уже въ Ярославлѣ, послѣдовало въ 1746 г., а окончательное открытіе ея въ 1747 г. (21 февр.).

Представимъ еще одинъ примѣръ преобразованія семинаріи изъ архіерейской школы. Въ Н. Новгородѣ со временъ еп. Питирима было два класса архіер. школы: славяно-россійскій и эллино-греческій до 1738 г., «а въ ономъ 1738 г. по размноженіи того ученія въ разныхъ нижегородской епархіи городахъ и знатныхъ селеніяхъ, заведенъ и славено-латинскій классъ»[1]). Итакъ здѣсь характерными чертами открытія семинаріи считаются: заведеніе низшихъ училищъ, приготовительныхъ къ ней и введеніе латинскаго языка. Но успѣха въ преобразованной семинаріи было немного до 1742 г., «до прибытія въ нижегор. епархію Димитрія епископа, прозваніемъ Сѣченова. При семъ преосвященномъ, какъ бы *начало существованія своего принявши*, семинарія приведена въ лучшее состояніе». Тогда кромѣ всѣхъ низшихъ и среднихъ классовъ преподавалась уже и философія. Но наиболѣе характерное отличіе реформы составляло открытіе уѣздныхъ школъ. Въ 1738 г. рѣшено было открыть ихъ 13: восемь въ настоящей епархіи и 5 въ нижнисной. Первыя открыты по всѣмъ «пятинамъ» ея: работкинской, лысковской, терюшевской, павловской, катунской, алатырской, порѣцковской и курмышской; а въ нижнисной епархіи вслѣд. мѣстахъ: Балахнѣ, Юрьевцѣ-Поволгскомъ, Арзамасѣ, Вязниковской слободѣ и въ Галицкомъ уѣздѣ [2]). Синодскій указъ 1738 г. іюля 28 г. утвердилъ это учрежденіе. Уже по смерти преосв. Питирима въ нѣкоторыя изъ этихъ мѣстъ

---

[1]) Актъ Нижегород. Дух. Сем. 1787. Инструкція учителямъ объ этомъ выражается такъ: «въ нынѣшнемъ 1738 г. при домѣ архіерейскомъ *вновь учинена* славено-латинская школа «(Чт. въ И. Общ. Ист. и Др. Рос. кн. XVII).

[2]) О дух. школахъ и гимназіяхъ прошлаго вѣка въ нижегород. епархіи. Арх. Макарія (Русскій Педагогич. Вѣстн. 1858 г. № 2, стр. 14).

дѣйствительно назначены учителя и дана имъ извѣстная инструкція. Учителями были назначены «выпзучившіеся ученики». Они состоятъ подъ властію мѣстнаго судьи духовныхъ дѣлъ, который судитъ ихъ по дѣламъ объ обидахъ, брани, безчестьѣ, боѣ, взяткахъ и проч. продерзостяхъ. Однако самъ судья «экзекуцы» не чинитъ, а представляетъ дѣло въ консисторію. Школы называются «славено и греко-граматическими»: ученики раздѣляются по этимъ двумъ классамъ слѣд. образомъ: «искусные и острой памяти», отъ роду не ниже 12 л., опредѣляются къ изученію эллино-греческой граматики; «тупые и легкопямятные», имѣющіе выше 12 л.-славянороссійской граматики, недоученые россійской грамотѣ доучиваются и потомъ распредѣляются по 2 разрядамъ. Въ подробности составъ обученія въ этихъ школахъ опредѣляется такъ: чтеніе книжное, пѣніе, писаніе скорописное по русски и по гречески, цыфирь, «духовная и гражданская политика». Обученіе совершается посредствомъ не одного школьнаго преподаванія: чтенію и пѣнію ученики обучаются посредствомъ упражненія при богослуженіи, для чего росписываются по станицамъ: «тупоумные и плохіе при добрыхъ и искусныхъ». Письму обучаются послѣ обѣда (по скольку часовъ возможно, «дабы малолѣтнымъ отрокамъ тягости не учинить») посредствомъ списыванія учебниковъ уставомъ и скорописью. Навыкшіе скорописи и цыфири должны заниматься дѣловою перепискою у духовнаго судьи или у приходскихъ священниковъ; во всякомъ случаѣ канцелярская работа шла въ послѣобѣденные часы «развѣ какое нужнѣйшее по указамъ государственное дѣло случится»

На содержаніе гимназіи отдѣляется указной сборъ хлѣба съ мѣстнаго уѣзда; собранный хлѣбъ состоитъ въ завѣдываніи духовнаго судьи, надзирателя выбраннаго отъ духовенства и учителей. Собранный хлѣбъ выдается надзирателемъ помѣсячно «десятникамъ»-ученикамъ; этотъ мѣсячный запасъ хранится въ особомъ анбарѣ подъ надзоромъ сотниковъ и старостъ изъ учениковъ же, которые и производятъ ежедневную выдачу.

Среди спеціальныхъ духовныхъ школъ совершенно одиноко стоитъ харьковскій коллегіумъ; это есть единственное духовно-учебное заведеніе, основанное и поддержанное сред-

ствами свѣтскаго общества; поэтому коллегіумъ не вполнѣ усвоилъ характеръ сословнаго и спеціальнаго училища и пользовался сочувствіемъ общества, которымъ никогда въ надлежащей степени не пользовались семинаріи. Коллегіумъ основанъ фельдм. Мих. Мих. Голицынымъ въ 1726 г. и не имѣетъ ничего общаго съ архіерейскою школою, открытою раньше въ Бѣлгородѣ, и съ семинаріею, существовавшею тамъ же послѣ. Когда одинъ изъ потомковъ кн. Голицына узналъ, что часть Голицынскихъ суммъ взята на бѣлгородскую семинарію, то писалъ: «Бѣлгородская семинарія можетъ быть не такъ полезна обществу, какъ харьковскій коллегіумъ. Наше намѣреніе быть полезными харьковскому коллегіуму, а не семинаріи». Но коллегіумъ не былъ и только свѣтскимъ учебнымъ заведеніемъ: вторымъ основателемъ его нужно признать Епифанія Тихорскаго (отсюда оффиціальное названіе его—academia tichoriana); коллегіумъ помѣщался въ покровскомъ училищномъ монастырѣ. Правительственная учредительная санкція ему дана въ грамотѣ имп. Анны, 16 марта 1731 г. Въ ней предписывается принимать въ коллегіумъ «всякаго народа и званія дѣтей православныхъ». Князья Голицыны даже въ началѣ XIX вѣка ставили условіемъ своей помощи коллегіуму сохраненіе за нимъ характера всесословнаго заведенія; они «желаютъ, чтобы въ коллегіумъ были принимаемы не одни дѣти духовнаго званія, но бѣдныхъ дворянъ и разночинцевъ. Если же желаніе наше (пишетъ одинъ изъ нихъ) не будетъ исполнено, то я отказываюсь отъ участія въ коллегіумѣ». Въ виду ясныхъ предписаній закона, что въ духовныя заведенія могутъ быть опредѣляемы только дѣти лицъ духовнаго званія, исключеніе въ пользу харьковскаго коллегіума должно быть признано привилегіею, вѣроятно исходатайствованною Голицынами. Всесословный характеръ кіевской академіи и отчасти черниговской семинаріи объясняется условіями государственной службы въ Малороссіи, гдѣ при гетманщинѣ, она не подвергалась регламентаціи приведенныхъ выше общихъ узаконеній; но эти условія едвали примѣняются къ Слободской Украйнѣ. Особенный характеръ коллегіума отражается на способахъ подготовки учителей и на свойствахъ ихъ дѣятельности; примѣръ знаменитаго Гр. Сав. Сковороды, быть можетъ, есть

единственный примѣръ въ 1-й пол. XVIII в. органическаго сліянія западно-европейскаго просвѣщенія съ народными началами; изъ ученика Канта сдѣлаться творческимъ органомъ безличной народной поэзіи,—эта доля досталась едвали не ему одному. Въ первое время жизни коллегіума, кажется, принято было за правило отправлять лучшихъ воспитанниковъ за границу для окончательнаго образованія и приготовленія къ учительству; еп. Досиѳей доносилъ св. синоду, что «студенты, которые посланы отъ покойнаго антецессора въ Германію для наученія, требуютъ на вексель 200 червонцевъ».

Всесословность коллегіума и ея послѣдствія народный характеръ и популярность въ Малороссіи были причиною внѣшняго благосостоянія коллегіума; во всей обозрѣваемой половинѣ XVIII в. не было ни одного учебнаго заведенія, которое бы имѣло столько собственныхъ средствъ содержанія. «Въ самомъ городѣ коллегіуму и училищному монастырю (до Екатерины) принадлежало болѣе 20 дворовыхъ мѣстъ съ разными постройками, садами, огородами, ливадами...; большая часть изъ нихъ была пожертвована харьковскими жителями, какъ духовными, такъ и свѣтскими. Лучшія угодья въ окрестностяхъ города Харкова также принадлежали коллегіуму... Кромѣ того владѣнія коллегіума находились въ уѣздахъ: Харьковскомъ, Валкскомъ, Зміевскомъ, Изюмскомъ и Грайворонскомъ (Курск. губ.). Коллегіуму принадлежали: 3076 десятинъ пахатной, лѣсной и сѣнокосной земли съ 650 приписныхъ черкасовъ, 50 мельницъ, 3 винокур. завода, скотные дворы, сады и проч.»... Большая и лучшая часть этихъ средствъ взята у коллегіума правительствомъ въ XVIII в.; эта мѣра, какъ послѣдствіе общей секуляризаціи монастырскихъ имуществъ, примѣнена къ коллегіуму только потому, что онъ было соединенъ съ покровскимъ монастыремъ (хотя монастырь существовалъ при коллегіумѣ, а не коллегіумъ при монастырѣ). Такія же невыгодныя послѣдствія сліянія двухъ юридическихъ лицъ въ одномъ отразились и въ кіевской академіи и въ московской спасской академіи, хотя и въ другомъ направленіи. Отнятіе имуществъ у коллегіума произошло, по показанію «Ист. Іерарх.» въ 1780 г., а по словамъ о. Ѳеодоровскаго въ 1798 [1]).

[1]) О коллегіумѣ см. «Очеркъ ист. харьков. коллегіума». священ. Дим.

Мы съ намѣреніемъ остановились нѣсколько дольше на исторіи духовно-учебныхъ заведеній, потому что на нихъ до сихъ поръ отражаются наиболѣе ярко особенности профессіональной системы образованія; связь спеціальнаго характера этихъ училищъ съ сословнымъ строемъ духовенства не истреблена ни самыми послѣдними преобразованіями семинарій, ни реформами въ сферѣ правъ сословныхъ. И это не единственная печать, наложенная на русскую образованность профессіональною системою, печать, не смытая потоками реформъ цѣлаго вѣка (1762—1874).

Повидимому, послѣ основанія петербургскаго (1747) и московскаго (1755) университетовъ и послѣ возникновенія Екатерининской системы народныхъ училищъ, система исключительно профессіональнаго образованія должна была рушиться; но не такъ было въ дѣйствительности. Общее образованіе сдѣлалось въ самомъ дѣлѣ не общимъ, а образованіемъ *для разночинцевъ*, т. е. для выбросковъ сословій, для тѣхъ стихійныхъ элементовъ, которые не примкнули ни къ одному изъ организованныхъ политическихъ тѣлъ. Отсюда то, что Пекарскій назвалъ «неуважительнымъ отношеніемъ къ наукѣ». Трудно было убѣдить общество, что образованіе, составляющее удѣлъ разночинцевъ есть настоящая человѣческая образованность; а образованіе получаемое высшими сословіями само по себѣ составляетъ простое ремесло. Общее образованіе въ ряду другихъ формъ его пользовалось такимъ же почетомъ, какимъ пользуются разночинцы въ ряду прочихъ сословій. Съ такимъ характеромъ заведеній для разночинцевъ университеты и гимназіи перешли въ XIX в. Далѣе трудно было убѣдить общество въ пользѣ образованія, не имѣющаго видимыхъ житейскихъ результатовъ. Мы удивляемся теперь и даже негодуемъ, читая безсодержательныя и напыщенныя рѣчи первыхъ профессоровъ о пользѣ наукъ; но это было въ ихъ рукахъ единственнымъ, хотя и жалкимъ средствомъ борьбы съ равнодушіемъ общества, привыкшаго къ утилитарному взгляду на образованность. Долго, слишкомъ долго слышались такія возраженія противъ пользы изученія римскаго

Ѳеодоровскаго (Духовн. Бесѣда 1863, №№ 23, 24, 27 и 50) и «Ист. Росс. Іерарх. Т. I, 632—643.

права, какъ одно изъ приведеныхъ выше: «въ здѣшней имперіи въ судахъ на то не смотрятъ»; долго изучать старые русскіе законы «болѣе за вредъ и поношеніе, нежели за пользу и честь почитали, говоря: когда мы ихъ въ судѣ употреблять не можемъ, то они останутся втунѣ, и что ихъ странное сложеніе и обстоятельства поносны». Вниманіе общества къ университетамъ и гимназіямъ возрасло только тогда, когда съ полученіемъ въ нихъ *аттестата соединены были служебныя права и преимущества*. Отсюда объясняются неправильныя случайныя колебанія сочувствій къ той или другой вѣтви образованія, къ тому, или другому факультету. Но мы видѣли уже, что утилитаризмъ въ дѣлѣ образованія, развитый законодательными мѣрами въ 1-й пол. XVIII в. есть не частный только, но государственный. И во 2-й пол. XVIII в. русское образованіе продолжало быть послушнымъ орудіемъ въ рукахъ администраціи, которая не только придавала ей то или другое направленіе, но, по произволу, возвышала и понижала его уровень. Сила, колеблющая русскую образованность въ ту, или другую сторону, лежитъ внѣ образованія; этотъ рычагъ и въ XIX в. есть государственная служба, или частная выгода. Отсюда то, что́ Пекарскій назвалъ «случайностію» и «произволомъ» образованія. Независимо отъ утилитарныхъ цѣлей, образованіе и при Екатеринѣ и потомъ въ XIX в. считается предметомъ роскоши, не нужнымъ для дѣловаго человѣка, или даже «излишнею тягостью».

Строгая принудительность образованія вызвала страхъ предъ школою въ тѣхъ сословіяхъ, которымъ государственная служба ничего не можетъ обѣщать, кромѣ страданій; мы уже упоминали, что въ наши дни одной изъ главныхъ причинъ нежеланія посылать дѣтей въ народныя школы былъ страхъ, распространенный въ сельскихъ классахъ, что дѣти, собранныя въ школу, будутъ приготовлены къ солдатству. Отъ этого страха не вполнѣ освободились и прочія сословія при Екатеринѣ и послѣ; взглядъ на школу, какъ на необходимое зло, продолжалъ жить долго во всѣхъ классахъ. Повторяемъ, что во всѣхъ этихъ мрачныхъ послѣдствіяхъ виновна не самая профессіональная система, а ея исключительность, недостатокъ общаго образованія.

Этими чертами наглядно объясняется въ русской образо-

ванности то, что нѣкогда такъ неопредѣленно и мистически выражалось въ фразахъ: «безпочвенность образованія», «цвѣты безъ корней, сорванные на западѣ и принесенные къ намъ поспѣшною рукою въ видѣ увядшемъ и безъ запаха». Говоря проще, общее образованіе есть та почва и корень, которые даютъ разнообразные плоды профессіональныхъ знаній.

Продолжая метафору, можно сказать, что въ 1-й пол. XVIII в., вмѣсто прививки, произведена новая посадка, на мѣстѣ срубленныхъ «дичекъ»-роднаго просвѣщенія (дѣйствительно слабаго, почти дикаго). Урокъ, извлекаемый отсюда, вовсе не тотъ, что слѣдуетъ произвести новую срубку; такимъ страшнымъ способомъ мы никогда не дождемся плодовъ. Совсѣмъ напротивъ: главное значеніе правит. мѣръ 1-й пол. XVIII в.-поворотъ русской образованности къ общечеловѣческимъ основамъ (а не западно-европейскимъ, какъ ошибочно и постоянно повторяютъ) нельзя отрицать, не отрицая своей исторіи и своей будущности. Неправильный толчекъ приданный этому направленію, какъ ни далеко отражается онъ въ поколѣніяхъ недавно сошедшихъ въ могилу и отчасти нынѣ живущихъ, все болѣе и болѣе теряетъ свою силу; образованность просачивается уже внутрь общественнаго организма; и вмѣстѣ съ тѣмъ очищается полезная сторона реформы отъ горькой оболочки. Нашему времени, кажется, предлежитъ, поставить высоко общее образованіе (гуманно-національное), объявивъ его окончательно всесословнымъ, независимымъ отъ сторонніхъ цѣлей и свободнымъ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Введеніе.

Элементарное образованіе

Стран.

Глава I. Отношеніе государства XVIII в. къ старой системѣ элементарнаго образованія и новая система. Причины невниманія къ успѣхамъ элементарнаго народнаго образованія. Упадокъ приходскихъ школъ. Проэкты реформъ приходскаго образованія. Математическое элементарное образованіе. Его обязательность. Классы, обязанные пріобрѣтать его. Округъ ариѳметической школы, число школъ и учениковъ. Содержаніе школъ. Учителя. Управленіе цыфирнымъ образованіемъ . . . . . 1.

Глава II. Связь элементарнаго образованія съ призрѣніемъ и религіознымъ просвѣщеніемъ. Превращеніе монастырей въ сиротскіе домы и первоначальныя школы. Упадокъ общихъ мѣстъ призрѣнія. Казенныя учрежденія для образованія дѣтей ссыльныхъ. Цѣль «новокрещенскаго» и «инородческаго» образованія. Инородческія школы на юговостокѣ и востокѣ Европейской Россіи и въ Сибири. Составъ инородческаго образованія. Попытка организаціи спеціальнаго учительскаго института для инородцевъ. Паденіе инородческихъ школъ . . . . . 49.

Профессіональное образованіе.

Глава III. Сословное начало образованія. Профессія, какъ существенный признакъ понятія-сословіе. Отношеніе законовъ о профессіональномъ образованіи къ сословному строю общества на Западѣ Европы и у насъ. Узаконенія о наслѣдственности духовной профессіи и исключительномъ доступѣ въ духовныя школы для дѣтей священноцерковнослужителей. Попытки организовать сословіе гражданскихъ чиновниковъ законами о дьяческихъ и подъяческихъ школахъ; стремленіе частныхъ вѣтвей гражданской службы къ наслѣдственности. Организація наслѣдствен-

наго класса военно-служащихъ нисшихъ чиновъ чрезъ исключительный доступъ въ гарнизонныя школы. Вліяніе «морской гвардіи» (морской академіи) и «сухопутной гвардіи» (сухопутнаго корпуса) на организацію дворянскаго сословія; частныя вѣтви высшей военной службы. Почему сословіе городскихъ обывателей организуется безъ вліянія законовъ объ образованіи . . . . . 88.

Глава IV. Сущность и формы профессіональнаго образованія. Различіе задачъ государственной дѣятельности по народному образованію въ XVII и началѣ XVIII вѣка. Проэкты о распространеніи народнаго образованія, поданные русскому правительству. Образованіе не составляетъ цѣли дѣятельности государства въ первой пол. XVIII в.; утилитаризмъ государственный и частный. Происхожденіе системы исключительно-профессіональнаго образованія; необходимыя уступки ея общему элементарному; образованіе приготовительное. Формы профессіональнаго образованія: образованіе духовное въ двоякомъ объемѣ его; образованіе юридическое въ нисшей и высшей его формѣ: вторженіе юриспруденціи въ подъяческую науку; образованіе военное въ нисшей и высшей формѣ. Начало различія между профессіональнымъ и сословнымъ образованіемъ. Отношеніе профессіональной системы образованія къ воспитанію: замѣна воспитанія дисциплиною и школьныхъ наказаній уголовными. Воспитательные институты Ѳеофана Прокоповича . . . . . 148.

Глава V. Обязательность профессіональнаго образованія и управленіе имъ. Мѣры принужденія въ дворянскомъ сословіи: государственные экзамены (смотры) до 1737 г., и по системѣ, установленной въ 1737 г.; ослабленіе установленныхъ мѣръ: узаконенія Анны Леопольдовны; вліяніе Московскаго Университета; проэкты И. И Шувалова; манифестъ о вольности дворянства; мѣры принужденія для лицъ, находящихся въ школахъ. Обязательность солдатскаго образованія. Мѣры принужденія въ духовномъ сословіи: косвенныя (запись въ подушный окладъ и рекрутчина), прямыя: общая система принужденія («сказки», смотры, разсылка солдатъ и учителей; средства уклоненія отъ смотровъ и наказанія за то; мѣры принужденія для лицъ, находящихся въ школахъ: записи укрѣпленія; наказанія за бѣгство; «оброчные ученики»): обязательность образованія для молодыхъ монаховъ. Причины уклоненій отъ образованія.—Управленіе образованіемъ: 1-я эпоха—тройственная система; 2-я эпоха—двойственная система; 3-я эпоха—раздробленіе администраціи образованія по всѣмъ отраслямъ управленія 203

Глава VI. Способы распространенія образованія.
1) Посылка за границу: регулированіе этого способа правительствомъ. 2) Служба: коллегіи-юнкеры; обученіе при госпиталяхъ и проч.; катехизація и обученіе ставленниковъ. 3) Школы: общеобразовательныя школы, предшествующія господству профессіональной системы (московская гимназія, школы славяно-латинская, эллино-греческая и латино-италіянская, Сухарева Башня); спеціальныя школы: военныя (гарнизонныя, высшія военныя: морскія, инженерная и артиллерійская, сухопутный кадетскій корпусъ); духовныя (основанныя до духовнаго регламента, архіерейскія школы, семинаріи и духовныя гимназіи). . . . . 254.

Сарат. Гос. Ун-т
Научная библиотека
им. Горького

Замѣченныя опечатки.

Стран.	*Строки.*	*Напечатано.*	*Должно быть*
9	5 сверху	табъ	такъ
12	5 — —	литейннаго завова	литейнаго завода
16	10 снизу	года	году
—	5 — —	словескаго	словеснаго
27	2 сверху	за лѣсскомъ	Залѣсскомъ
32	3 снизу	услуживая	услужливая
36	10 —	79	78.
—	13 —	619	618.
41	3 —	а) До	До
54	19 —	госпителяхъ	госпиталяхъ
64	2 —	кахъ	какъ
80	17 —	поводимому	повидимому
104	16 —	Дону	Донцу
108	15 —	которые	которыя
126	7 —	школамъ	школамъ
142	12 сверху	немѣцкой	нѣмецкой
143	7 снизу	воспитальные	воспитательные
146	3 (примѣч.)	XXIII	XVIII
149	12 снизу	людкость	людскость
160	3 сверху	важиѣе	важное
164	12 —	начало	начала
181	6 снизу	etgentium	et gentium
193	8 (примѣч.)	Воронов.	Вороновъ
195	16 —	кромя	кромѣ
208	12 —	имѣнили	измѣнили
211	5 сверху	послѣднія	послѣдніе
220	4 снизу(пр.)	провежу	правежу
234	прим. 1.	Смриновъ	Смирновъ
245	14 снизу	единъ	одинъ
259	13 —	храмами	храмами,
—	12 —	юнкерамъ	юнкерамъ,
—	11 —	Неповторяя	Не повторяя

[6d]